

В. В. Познахирев

Турецкие военнопленные
и гражданские пленные
в России в 1914-1924 гг.

ТУРЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ПЛЕННЫЕ
В РОССИИ В 1914–1924 гг.

документы,
факты,
исследования

TURKISH MILITARY AND CIVILIAN PRISONERS OF WAR
IN RUSSIA IN 1914–1924

the documents,
the facts,
the studies

V.V. POZNAKHIREV

**Turkish military
and civilian prisoners
of war in Russia in 1914-1924**

THE DOCUMENTS,
THE FACTS,
THE STUDIES

Nestor-Historia
Saint Petersburg
2014

В. В. Познахирев

**Турецкие военнопленные
и гражданские пленные
в России в 1914-1924 гг.**

ДОКУМЕНТЫ,
ФАКТЫ,
ИССЛЕДОВАНИЯ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2014

УДК 94 (47)"1914/1924": 560

ББК 63.3(2)

П47

Рецензенты:

д-р. филол. наук *Сибгатуллина А. Т.*

(Институт востоковедения Российской академии наук)

канд. историч. наук *Казанцев В. П.*

(Санкт-Петербургский медицинский институт «РЕАВИЗ»)

П47 **Познахирев В. В.**

Турецкие военнопленные и гражданские пленные в России в 1914–1924 гг.: монография.— СПб.: Нестор-История, 2014.—292 с., ил.

ISBN 978-5-4469-0387-0

В работе впервые в отечественной и зарубежной историографии проведена комплексная реконструкция режимов военного и гражданского плена, применяемых в России к подданным Османской империи в период Первой мировой войны и в послевоенные годы.

На обширном материале, извлеченном из фондов 20 архивохранилищ бывшего СССР, и свыше 100 источников, опубликованных в Великобритании, Германии, США, Турции и других странах, воссозданы порядок и правила управления контингентами названных лиц, начиная с момента их пленения (установления над ними административного надзора) и заканчивая репатриацией или натурализацией. Главное внимание уделено особенностям положения турок в сравнении с представителями иных Центральных держав, а равно влиянию этноконфессиональной принадлежности османских пленников на условия их содержания.

Книга адресована как специалистам-историкам, так и всем тем, кто интересуется событиями Первой мировой войны, проблемами военного плена и интернирования, а также прошлым российско-турецких отношений.

УДК 94 (47)"1914/1924": 560

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4469-0387-0

9 785446 903870

© В. В. Познахирев, 2014

*Моей маме — Познахиревой Анне Семеновне,
с признательностью и любовью*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие А. Т. Сибгатуллиной	8
Предисловие В. П. Казанцева	11
Введение	14
Глава первая	
Организационно-правовые основы формирования контингента турецких пленнх.	
Место и роль в защите прав турок Международного комитета Красного Креста, национальных гуманитарных организаций и державы-покровительницы.	
Проблемы взаимодействия властей Российской и Оттоманской империй	17
Глава вторая	
Состав, структура и география размещения	41
Глава третья	
Пленение. Регистрация. Эвакуация	74
Глава четвертая	
Обеспечение в местах интернирования: квартирное, финансовое, продовольственное, вещевое, медико-санитарное	96
Глава пятая	
Использование трудового потенциала	120
Глава шестая	
Отдельные права и их реализация: свобода передвижения, обмен корреспонденцией с родиной, отправдение религиозных обрядов, имущественные права, предпринимательская деятельность, отношения брачно-семейного характера	142

Глава седьмая

Отношение к туркам различных слоев российского общества. Взаимные претензии и конфликты. Репрессии. Побег. Правонарушения	158
---	-----

Глава восьмая

Заболееваемость и смертность	182
------------------------------	-----

Глава девятая

Смягчение режима содержания. Освобождение из плена. Репатриация. Натурализация	194
---	-----

Глава десятая

Участие в Первой мировой войне и Гражданской войне в России. Боевой путь 1-го стрелкового полка турецкой Красной армии	236
---	-----

Заключение	261
------------	-----

Приложения	263
------------	-----

Список сокращений	269
-------------------	-----

Список источников и литературы	272
--------------------------------	-----

Указатель географических названий	287
-----------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ А.Т. СИБГАТУЛЛИНОЙ

В дни 100-летней годовщины начала Первой мировой войны и открытия Кавказского фронта монография В. В. Познахирева воспринимается как солидный подарок туркологам и исследователям истории войн и военного плена. В одной книге автору удалось во едино собрать рассеянные по многочисленным архивам страны материалы вековой давности и представить, как цельную мозаику, достаточно полную картину пребывания в России османских пленных периода Первой мировой.

Исследование это отнюдь не является рядовой публикацией, приуроченной к юбилею, а скорее наоборот, результатом многолетнего упорного труда, тщательного поиска необходимых данных в груде документов и газетных подшивок, и самое важное, их досконального научного анализа. Ценность данной работы, прежде всего, будет понятна тому, кто уже однажды работал в этой сфере, т.е. занимался поиском сведений об иностранных военнопленных. Опытный человек знает, что документы по этому контингенту велись чиновниками в свое время крайне невнимательно и несистематично, к тому же ответственность за судьбу военнопленных не могли разделить между собой многочисленные ведомства и министерства царской России. Ухудшившееся от времени качество документов, отсутствие утерянных в период революции и гражданской войны многих источников также серьезно затрудняют работу исследователя.

Поэтому огромной заслугой автора следует считать, прежде всего, систематизацию документов по данной проблеме. Если бы не безграничный интерес к изучаемой теме и такие качества ученого, как внимание к деталям и последовательность, автору едва бы удалось разносторонне осветить доселе малоизученные вопросы относительно пленения, интернирования и условий содержания (квартирного, финансового, продовольственного, вещевого, медико-санитарного обеспечения), репатриации пленных турок.

Необходимо подчеркнуть, что в архивах не содержатся полные ответы на эти сложные вопросы, будь то в виде готовых отчетов или таблиц. Представленные в книге ценные сведения в форме подсчетов и процентных соотношений по количеству и составу, национальной и конфессиональной принадлежности и т.д. являются абсолютно оригинальными, т.е. лично выведенными исследователем на основе

переработки многочисленных архивных данных. Не претендуя быть окончательно точным в своих исчислениях, автор предоставляет чрезвычайно важные сведения о турецких военных и гражданских пленных по вопросам их распределения по губерниям, привлечению к работе, заболеванию и смертности, количеству совершенных преступлений и побегов из мест содержания и т.д.

В.В. Познахирев, еще в предыдущих исследованиях показавший себя большим специалистом по военному плену¹, в данной работе впервые в отечественной исторической науке занялся подразделением и научным обоснованием категорий *военнопленных, военнообязанных и военнопленных* в условиях войны с Османской империей. Основываясь на государственных официально-правовых документах и международных конвенциях, автор представил объективную характеристику российской системы военного и гражданского плена в целом, где, к сожалению, было довольно много недостатков и упущений. Также в монографии затронуты такие малоизвестные стороны жизни турок в условиях плена, как обмен корреспонденцией с родиной, отправление религиозных обрядов, имущественные споры, предпринимательская деятельность, отношения брачно-семейного характера и т.д. Обобщения теоретического характера в книге сопровождаются иллюстративными примерами из будней турецких аскеров на русской земле.

Только увлеченный и влюбленный в свою тему человек может без усталости разбираться в личных делах многочисленных «абдулов» и «гусейнов», женатых на «евдокиях» и «мариях», драматичных историях 70-летних стариков и 12-летних юношей, случайно попавших в плен и сосланных в далекую Сибирь. Благодаря приведенным в книге деталям персонального характера, читатель может представить чрезвычайно пеструю картину с разнообразными подробностями быта пленных турок в глубинке России, с перипетиями их отношений с местным населением и властями. Поэтому за сухими цифрами, приведенными в более четырех десятках таблиц, зачастую проглядывается личная история, трагедия, несчастье, а возможно, и счастье отдельно взятого турецкого подданного, оторванного от родины и находящегося в неволе в стране «гяуров». Также по этим данным несложно реконструировать коллективный портрет

¹ Познахирев В.В. Турецкие пленники в войнах России за 1677–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск: Курск. гос. ун-т, 2012. – 24 с.; *Его же*. Военнопленные Оттоманской Империи в Белгородско-Курском крае в XVIII – начале XX в. СПб.: Нестор-История, 2013 – 96 с.

османского аскера, ставшего жертвой необдуманной политики своих правителей и тактики командиров. В стремлении по крупицам восстановить истину о состоянии турецких пленных автор регулярно проводит сравнения с положением пленных Центральных держав. (Поэтому вполне справедливыми кажутся выводы автора, о том, что «с точки зрения обеспечения и защиты гуманитарных прав пленных, положение находившихся в России турок, в сравнении с их союзниками, по ряду признаков отличалось в **худшую сторону**» (С. 27).

Не исключено, что монография породит множество новых вопросов, а отдельные выводы и суждения вызовут дискуссию среди специалистов. Ведь, как известно, сколько бы историк ни пытался реконструировать прошлое с максимальной вероятностью, добиться абсолютной достоверности все же практически невозможно. Тем не менее, отрадно то, что изыскания уважаемого Виталия Витальевича в этой области продолжают, и мы надеемся увидеть другие интересные сочинения военного историка-профессионала. *Ознакомившись с этой работой, можно с полной уверенностью заявить, что подобного рода работы отсутствуют в самой Турции, и данная книга обязательно заинтересует турецких коллег.* Сегодня представители общественных и государственных организаций Республики Турция занимаются поиском на территории Российской Федерации мест захоронений своих сограждан-участников Первой мировой войны с целью увековечения их памяти. С российской же стороны памятником турецкому аскеру становятся именно такие глубокие, аргументированные научные исследования, как рецензируемая монография В. В. Познахирева.

*Ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока
Института востоковедения Российской академии наук,
доктор филологических наук, профессор
Сибгатуллина Альфина Тагировна*

ПРЕДИСЛОВИЕ В. П. КАЗАНЦЕВА

Монография В. В. Познахирева посвящена одному из аспектов проблемы, которая в последние десятилетия является весьма популярной и обсуждаемой в научном, и не только, сообществе — проблеме плена и судьбе пленных. Причем автор выбрал, скажем прямо, далеко не самый традиционный объект исследования.

Тем с большим основанием мы должны признать безусловную актуальность работы и с исторической точки зрения, поскольку она мало изучена, а точнее — практически не изучена, и с общественно-политической — учитывая как нынешнее обостренное внимание общества к событиям Первой мировой войны, так и особенности современного этапа развития российско-турецких отношений.

С неменьшим основанием надо признать и то, что работа, как говорится, «удалась», и настоящую монографию мы считаем одним из лучших на сегодняшний день отечественных исследований по проблемам военного и «гражданского плена» периода Первой мировой войны. Во всяком случае, другие известные нам работы по указанной теме не достигают уровня рецензируемой книги либо в силу меньшего профессионализма авторов, либо в силу относительно скромной источниковой базы. Труд же В. В. Познахирева основательно фундирован. Автор привлек к написанию своего исследования значительной массив документов из всех центральных, части ведомственных и, что особенно заслуживает внимания — многих региональных архивов (включая сюда отделы рукописей и крупных библиотек, и районных краеведческих музеев), обычно редко используемых историками в своих изысканиях. Отметим также в этой связи, что автор привлек к написанию своей работы не только труды турецких историков, но и мемуары бывших военнопленных из числа турецких офицеров, что нечасто встречается в отечественной исторической науке.

Безусловным достоинством работы является прекрасная организация материала, позволившая автору раскрыть предмет своего исследования во всем поликонфессиональном и полиэтническом спектре контингента пленников Османской империи, одновременно увязав их в единое логическое целое и четко отграничив от военнопленных и «гражданских пленных» иных государств Тройственного союза.

В основу авторской методологии положены системный подход и, главное — сравнительный метод, который, на наш взгляд, наиболее важен для историка и который, увы, во многих современных исторических исследованиях иной раз просто отсутствует. Несмотря на узость обозначенных хронологических рамок, В. В. Познахирев не смог отказаться и от своего излюбленного метода системного диахронического анализа конкретного явления (насколько нам известно, им самим во многом и разработанного). В результате, в книге постоянно проводится сравнение положения: а) турок и представителей иных государств Тройственного союза; б) турок-мусульман и турок-христиан (причем сопоставляются даже частные различия, как, например, в содержании турецких армян и греков и т.п.); в) османских пленнх периода Первой мировой войны и тех же пленнх в предшествующих русско-турецких войнах конца XVII—XIX вв.

В. В. Познахирев демонстрирует в работе прекрасное знание материала и скрупулезное отношение к ссылкам, умело сочетает полноту исследования с детальной проработкой ключевых вопросов. Формулируемые автором выводы и оценки предельно взвешены, обоснованны и, как представляется, объективны.

Все это лишний раз подтверждает тот факт, что интерес самого автора к своей теме (а В. В. Познахирев — прямой потомок натурализовавшегося в России турецкого пленного) — крайне важная вещь, во многом влияющая на итог всей его работы и, как мы надеемся, на интерес читателей к избранной им теме.

Вместе с тем, поскольку абсолютно совершенных работ не существует, наряду с достоинствами монографии выделим и некоторые ее недостатки. Во-первых, в книге совершенно отсутствует описание хода Первой мировой войны вообще и на Азиатском театре военных действий в частности, что неизбежно создаст сложности для неподготовленного читателя. Во-вторых, автор крайне выборочно называет фамилии российских должностных лиц. Например, в работе ни разу не упоминается даже Командующий Кавказской армией генерал от инфантерии Н. Н. Юденич. Возможно, это связано со стремлением В. В. Познахирева лишний раз подчеркнуть объективность исследуемых им явлений и процессов, т.к. имена лиц, чьи субъективные решения существенно отразились на судьбах турецких пленнх, в книге все-таки приводятся (Великий князь Николай Николаевич, генерал-адъютант И. И. Воронцов-Дашков и др.). Однако, чем бы ни мотивировался подход автора, он, на наш взгляд, выглядит не традиционным и небесспорным.

Впрочем, сделанные замечания ни в коей мере не уменьшают значимости работы, проделанной автором, открывшим нам ранее практически неизвестный пласт отечественной истории, а заодно и впервые структурировавшим в Главе 1 своей монографии российскую систему военного и «гражданского плена» периода 1914–1918 гг.

В целом же, материалы книги В.В. Познахирева во многом уникальны. Они содержат колоссальный потенциал в плане возможного заимствования другими исследователями (и не только историками). Не сомневаемся и в том, что настоящая работа будет способствовать более правильному восприятию Турции и турок в России, искоренению взаимных ложных мифологем, а в конечном итоге — и укреплению отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой.

*Заведующий кафедрой истории
и социально-политических дисциплин
Санкт-Петербургского медицинского института «РЕАВИЗ»,
кандидат исторических наук, доцент
Казанцев Виктор Прокопьевич*

Введение

Военный плен периода Первой мировой войны лишь на исходе XX в. привлек к себе внимание российских ученых. Тем не менее, за последние десятилетия это направление отечественной исторической науки пополнилось целым рядом исследований, авторам которых удалось во многом раскрыть порядок и условия интернирования военнопленных Австро-Венгрии, Болгарии, Германии и Турции на территории различных регионов бывшей Российской империи, разработать отдельные элементы режима их содержания, воссоздать характер взаимоотношений пленников с местным населением и т. д.¹

Вместе с тем, в библиографии плена периода 1914–1918 гг. пока еще нет специальных сочинений, посвященных особенностям нахождения в пределах нашей страны военнопленных определенной государственной принадлежности. Кроме того, несмотря на очевидную взаимосвязь и взаимообусловленность *военного и гражданского* плена, последний остается практически неизученным. Соответственно, отсутствуют и комплексные исследования, могущие претендовать на реконструкцию всех ключевых вопросов, связанных с пребыванием в годы войны на территории России представителей той или иной из Центральных держав.

Обозначенные историографические лакуны, в свою очередь, не позволяют четко разграничить институты военного и гражданского плена; сравнить логику их формирования и механизмы функционирования с учетом всей совокупности геополитических, военно-стратегических, исторических, правовых, экономических, этноконфессиональных и иных факторов, присущих конкретным противникам, а в конечном итоге — фактически затушевывают сложный и многоплановый характер отечественной системы плена.

Настоящий труд призван отчасти восполнить указанные проблемы. Его объектом выступают подданные Османской империи,

¹ Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – Владивосток: ДВГУ, 2004. – 700 с.; Гергилёва А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск: СибГТУ, 2006. – 186 с.; Идрисова Э.С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург: Оренб. гос. пед. ун-т, 2008. – 193 с.; Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск: Изд-во ГОУ ВПО ХГПУ, 2004. – 177 с.; Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Омск: ОмГУ, 2005. – 240 с. и др.

которые в силу различных обстоятельств оказались во власти России в период с 20 октября 1914 г. по 3 марта 1918 г.¹ и до 1 января 1925 г. были признаны российскими (советскими) компетентными органами «военнопленными» или «гражданскими пленными» (в т. ч. и «бывшими»). Предметом исследования являются порядок и особенности управления контингентами указанных лиц, начиная с момента их пленения либо установления над ними административного надзора, и заканчивая моментом репатриации или натурализации.

Хронологически работа ограничена периодом с июля 1914 г., когда Россия вступила в Первую мировую войну и начала формировать организационно-правовые основы военного и гражданского плена, и заканчивая октябрём-ноябрём 1924 г., когда репатриация из СССР граждан Турции была, в основе своей, завершена. В книге также содержатся отдельные ссылки на предшествующие вооруженные конфликты между Россией и Портой, начиная с Русско-турецкой войны 1686–1699 г.

Географические рамки работы охватывают территорию бывшей Российской империи в ее границах по состоянию на 1 января 1917 г., а также ту часть современной Турции, которая находилась под русским контролем до 5 декабря 1917 г., т. е. до момента заключения Договора о перемирии между армиями, действующими на Кавказском фронте.

Исходя из вышеизложенного, обращение автора к вопросам, в равной степени затрагивающим всех пленных Центральных держав, носит ограниченный характер и производится лишь в той мере, в какой это необходимо для более глубокого познания объекта и предмета настоящей работы.

В ходе исследования положение турецких подданных сопоставляется с положением пленников стран Тройственного (но не «Четверного») союза, что объясняется относительно поздним началом поступления в Россию пленных болгар (сентябрь 1916 г.) и их общим незначительным числом.

В соответствии с отечественной правовой традицией, употребление в работе понятий «подданные» и «граждане» детерминировано формой правления (соответственно — «монархической» или «республиканской»), существовавшей в той или иной стране на момент описываемых событий. В то же время, вопреки распространенному сегодня в российской научной литературе приему, автор не использует кавычки при написании термина *гражданские пленные*, поскольку считает бесспорным употребление этой исторической и историко-

¹ То есть с момента объявления Россией войны Турции 20 октября 1914 г. и до момента заключения мирного договора в Брест-Литовске 3 марта 1918 г.

правовой категории в условном, несобственном смысле только лишь потому, что она отринута современным гуманитарным правом.

Источниковую базу работы составляют, преимущественно, неопубликованные документы, которые впервые вводятся в научный оборот. В общей сложности автором извлечена информация из более чем 300 дел, отложившихся в 82 фондах 20 центральных, региональных и ведомственных архивов (и приравненных к ним хранилищ) России и Украины. Кроме того, в книге использовано свыше 100 опубликованных источников. Это, в частности, международные договоры и нормативно-правовые акты Российской империи (РСФСР, СССР); сборники документов; мемуары современников; материалы периодики, а также научные труды исследователей из России, Азербайджана, Армении, Великобритании, Германии, Грузии, США, Турции и иных стран.

Документы цитируются с сохранением орфографии подлинника, с использованием правил современной пунктуации. До февраля 1918 г. все даты в работе указаны по старому стилю. Наименования населенных пунктов и административно-территориальных единиц соответствуют тем, которые были присвоены им на момент описываемых событий. Имена иностранцев приводятся в том виде, в каком они представлены в первоисточнике.

Автор выражает признательность работникам всех архивных учреждений за помощь в поиске необходимых документов и, в особенности, Н. И. Абдуллаевой (ГАРФ), Т. Ю. Бурмистровой и М. С. Нешкину (РГВИА), Е. В. Никандровой (РГА ВМФ), А. В. Абраменковой (АВПРИ), Л. В. Рогожинской (ГАРО) и Е. В. Замогильной (ГАТО).

Автор приносит глубокую благодарность всем историкам, содействовавшим написанию этой книги и, в первую очередь, Т. В. Алентьевой, И. А. Коноревой, А. Н. Курцеву, И. А. Первушиной за неустанный интерес к настоящей работе, предложения и советы; Ю. Яныкдагу (США) за возможность пользоваться его неопубликованными трудами; Г. Н. Цыгановой за бесценные материалы, предоставленные из фондов ВИХМ.

Особую признательность автор считает необходимым выразить своим рецензентам — В. П. Казанцеву и А. Т. Сибгатуллиной, замечания и рекомендации которых позволили книге состояться.

От всего сердца автор благодарит своих самых терпеливых читателей и самых взыскательных критиков — маму и жену, а также родных и близких, много способствовавших написанию этой книги и, в особенности Е. В. Локтионову, Ю. И. Локтионова, А. С. Писареву и О. В. Савченко.

Глава первая

Организационно-правовые основы формирования контингента турецких пленных. Место и роль в защите прав турок Международного комитета Красного Креста, национальных гуманитарных организаций и державы-покровительницы. Проблемы взаимодействия властей Российской и Османской империй

Комплексный анализ документов Совета Министров России, военного и морского ведомств, а равно МИД и МВД, исполненных как в годы, предшествующие Первой мировой войне, так и на ее начальном этапе, позволяет утверждать, что организационно-правовые основы отечественной системы военного и гражданского плена, по сути своей, оформились уже к середине осени 1914 г. Во всяком случае, к указанному сроку Российская империя располагала (пусть даже с известными оговорками) достаточно целостной концепцией плена, которая соответствовала действующей международной практике и собственному опыту, приобретенному в годы войны с Турцией (1877–1878 гг.) и Японией (1904–1905 гг.); апробированными планами эвакуации и интернирования пленного противника, а также главнейшими элементами необходимой инфраструктуры.

Помимо того, страна являлась участницей всех важнейших международных договоров, так или иначе регламентирующих правовое положение иностранных подданных в период военных действий, и приняла в их развитие ряд актов национального законодательства, как-то: Высочайший указ от 28 июля 1914 г. «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года», «Положение о военнопленных» от 7 октября 1914 г.; «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств» от 7 октября 1914 г.; «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами» от 10 октября 1914 г. и др.¹

С учетом приведенных обстоятельств, вступление в глобальный конфликт Турции (20 октября 1914 г.) не оказало (да и вряд ли могло оказать) на названные основы сколько-нибудь принципиального

¹ Собрание Указаний и Распоряжений Правительства (СУиРП). 1914. № 209. Ст. 2104; № 281. Ст. 2568; 1915. № 150. Ст. 1162; № 225. Ст. 1731.

влияния. В сущности, об этом сразу же заявил и Совмин, постановивший уже 21 октября 1914 г., что «со дня возникновения военных действий против Оттоманской империи к подданным этой державы применяются в полном объеме все установленные до сего времени и могущие быть впредь установленными ограничительные в отношении к германским, австрийским и венгерским подданным меры»¹.

Пожалуй, одним из немногих учреждений, предпринявшим попытку хоть как-то учесть международно-правовую специфику нового противника, стала Юрисконсультская часть МИД. Во всяком случае, 25 октября 1914 г. ее глава, ссылаясь на то, что Турция не ратифицировала VI Гаагскую конвенцию от 18 октября 1907 г. «О положении неприятельских торговых судов при начале военных действий», поставил вопрос о возможности «с точки зрения договорной, отказаться в отношении к ней от применения сего акта». Однако данное предложение осталось даже не рассмотренным, и экипажи 43 малых фелюг под турецким флагом, застигнутых войной в портах Кавказа, стали первыми османскими пленниками России. (Возможно, в этом проявилось некоторое раздражение Петрограда тем фактом, что к моменту объявления войны в русских портах не оказалось паровых или хотя бы крупных парусных турецких судов, тогда как в Стамбуле были задержаны сразу два парохода Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) — «Королева Ольга» и «Великий Князь Александр»)².

Дальнейший анализ перечисленных документов позволяет также утверждать, что вступление Турции в войну не изменило порядка структуризации отечественной системы военного и гражданского плена и не расширило ее понятийного аппарата. И хотя перечень, приведенный в Таблице 1, составлен применительно к туркам, достаточно очевидно, что он без особого труда может быть адаптирован и к германским, и к австро-венгерским подданным.

Куда больший интерес в Таблице 1 вызывает дихотомия терминов, допускающая не просто неоднозначное, а прямо противоположное толкование таких базовых категорий, как «военнопленные» и «гражданские пленные».

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 10. Д. 838. Л. 42.

² Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 2. Д. 2022. Л. 110–114; Д. 2109. Л. 12.

Таблица 1

Соотношение основных терминов и понятий, используемых для обозначения турецких военнопленных и гражданских пленников в российских правовых установлениях и служебной переписке периода 1914–1924 гг.¹

«Военнопленные» (т.е. плененные на театрах военных действий военнослужащие и приравненные к ним гражданские лица)		«Военнообязанные» (т.е. гражданские лица, годные к военной службе по возрасту и состоянию здоровья и либо застигнутые началом войны на территории России, либо иным путем оказавшиеся в ее власти)		«Военнозадержанные» (т.е. гражданские лица, не подлежащие призыву в вооруженные силы по признакам пола, возраста или состояния здоровья и либо застигнутые началом войны на территории России, либо иным путем оказавшиеся в ее власти)	
«Гражданские пленные»					
«Военнопленные военного ведомства», «Военнопленные, взятые на полях сражений», «Прямые военнопленные», «Военнопленные, взятые под знаменами» и т.п.		«Военнопленные гражданского ведомства», «Гражданские военнопленные», «Лица, задержанные в качестве военнопленных» и т.п.			
«Военнопленные»					
«Военнопленные турармии»	«Жители турецких областей, армию занимаемых», «Мирные жители», «Лица, увиденные нашими войсками с неприятельской территории», «Лица невоинского звания»	«Турецкие подданные, настроенные к России враждебно», «Турецкие военнопленные, подлежащие выселению», «Турецкие военнопленные, отправленные внутрь Империи»	«Турецкие подданные, настроенные к России лояльно», «Турецкие подданные, оставленные в местах своего жительства с разрешения властей»	«Лица гражданского состояния»	
			«Благонадежные и незаподозренные в шпионстве турецкие подданные»		
«Военно-гражданские пленные», «Турпленные», «Туркопленные»					

¹ Составлена по данным: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 826. Оп. 1. Д. 296. Л. 48об.; Ф. 1791. Оп. 2. Д. 404. Л. 42; Ф. Р-393. Оп. 43А. Д. 515. Л. 3; Ф. Р-3333. Оп. 3. 330. Л. 403; Д. 365. Л. 77; Д. 419. Л. 25, 250; Д. 570. Л. 12, 24; РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 732. Л. 35–36; Оп. 14. Д. 449. Л. 77; Оп. 20. Д. 73. Л. 12–13; Д. 84. Л. 5–6; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 54–55; Ф. 1558. Оп. 9. Д. 5. Л. 3; РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 223. Л. 49; Ф. 417. Оп. 1. Д. 4395. Л. 219–221; Государственный архив Воронежской области (ГА-ВоронО). Ф. И-6. Оп. 2. Д. 470. Л. 84; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2993. Л. 53; Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1643. Оп. 1. Д. 150. Л. 16, 40; Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–2; Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 20. Л. 36, 43; Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 212. Оп. 2. Д. 64. Св. 8. Л. 265–269; Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 9653. Л. 11; Овчинников И.А. Отдел о вещах, оставшихся после военнопленных: доклад. Пг.: Б.и., 1917. – С. 12.

На данном обстоятельстве мы сочли необходимым остановиться особо, поскольку, во-первых, отсутствие взаимосвязи и взаимопорядоченности элементов терминологии делает бессмысленным всякое дальнейшее исследование, а во-вторых, известные нам исторические труды (в т. ч. и выполненные на уровне диссертационных работ) не содержат сколько-нибудь ясного толкования причин и последствий означенного феномена.

В этой связи отметим в первую очередь, что по нашим оценкам указанная дихотомия стала во многом типичной для всех стран-участниц Первой мировой войны и явилась следствием фактического отождествления их военно-политическим руководством двух основных групп субъектов института всеобщей воинской обязанности:

а) лиц, проходящих *действительную* военную службу в форме *непосредственного пребывания в кадрах вооруженных сил* в качестве *военнослужащих*;

б) лиц, проходящих военную службу *в запасе* в форме *периодических сборов* (либо *переподготовки*) в качестве *военнообязанных (запасных)*.

Такой подход, в общем-то, не был лишен известной логики и не противоречил ст. 3 IV Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г. (далее — «IV Гаагская конвенция»). Значение же его состояло в том, что он позволял вступающему в войну государству задерживать оказавшихся на его территории подданных враждебных держав из числа военнообязанных, способствуя тем самым:

– подрыву оборонной мощи противника путем сокращения имеющегося у него контингента лиц призывного возраста;

– предотвращению передачи врагу сведений, составляющих военную и государственную тайну, носителем которых мог оказаться военнообязанный;

– легитимизации в обстановке военного времени как статуса самого военнообязанного, так и налагаемых на него правоограничений, что приобретало особое значение в условиях отсутствия в действующем международном праве института гражданского плена.

Разумеется, данный процесс не обошел стороной и Россию. Так, уже первые циркулярные указания Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), Министра внутренних дел и штаба Отдельного корпуса жандармов, направленные в органы военного и гражданского управления в период с 23 по 29 июля 1914 г., предписывали: «всех военнообязанных германских подданных задерживать как военно-

пленных»; «все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту <...>. Запасные чины также признаются военнопленными и высылаются из местностей Европейской России и Кавказа»; «все австрийские и германские подданные мужского пола от 18 до 45 лет должны считаться военнопленными» и т.п.¹ Свое окончательное подтверждение такой подход получил в уже упомянутом ранее Высочайшем указе от 28 июля 1914 г. «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года». Как следует из п. «б» ст. 1 данного акта, властям в регионах предписывалось «задержать подданных неприятельских государств, как состоящих на действительной военной службе, так и подлежащих призыву, в качестве военнопленных и предоставить подлежащим властям высылать подданных означенных государств, как из пределов России, так и из пределов отдельных ее местностей, а равно подвергать их задержанию и водворению в другие губернии и области»².

Однако в силу целого ряда причин социально-политического и экономического характера, полное отождествление военнопленных и военнообязанных оказалось на практике целью труднодостижимой³. Да и, в общем-то, не слишком желанной. Поэтому еще на исходе июля 1914 г. Совмином было высказано суждение, что «принудительное выселение всех без разбора подданных враждующих с нами держав не согласовывалось бы с широкими государственными интересами». Одновременно высший орган исполнительной власти подчеркнул, что в каждом конкретном случае этот вопрос должен решаться индивидуально, «в соответствии как с личными качествами отдельных подданных враждующих с нами государств, так и с расположением данной местности, близостью ее к театру войны, состоянием в осадном или военном положении и т.п. (Курсив наш — В.П.)»⁴.

В этой связи ключевые ведомства — военное и внутренних дел — уже к 10 августа 1914 г. достигли соглашения о том, что военнообязанные «будут находиться в ведении МВД», а Военное министерство станет «распоряжаться только военнопленными, взятыми на театре военных действий». Правда, такое соглашение вызвало возражения

¹ ГАКО. Ф.1. Оп. 1. Д. 8521. Л. 12, 14, 60.

² СУиРП. 1914. № 209. Ст. 2104.

³ В частности, такое отождествление неизбежно влекло за собой рост затрат государства на транспортное, квартирное, продовольственное, финансовое, вещевое, медико-санитарное и иные виды обеспечения сотен тысяч «гражданских военнопленных».

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 73. Л. 12–13.

со стороны Минфина и морского ведомства. И лишь 2 сентября Правительство окончательно поставило в данном вопросе точку, признав, что представленный Военным министром проект нового Положения о военнопленных «распространяется исключительно на лиц, захватываемых на полях сражений, и совершенно не касается тех проживающих в Империи неприятельских подданных, которые подлежат воинской службе в рядах враждебных нам армий и на этом основании задерживаются распоряжением Министра внутренних дел в качестве военнопленных»¹.

Приведенное постановление во многом упорядочило систему отечественного военного и гражданского плена². В сочетании же с комплексом ведомственных актов оно позволило дифференцировать пленников по их правовому положению, основные черты которого, применительно к подданным Оттоманской империи, отражены в Таблице 2. Причем поскольку данные последней, в основе своей, распространяются на пленных Австро-Венгрии, и Германии, мы не видим нужды в детальном анализе всех общих вопросов, а полагаем достаточным обратить внимание лишь на следующее:

1) Говоря об органе исполнительной власти, в ведении которого находились пленные той или иной категории, следует иметь в виду, что, формируя свою политику в отношении иностранных подданных, МВД и Военное министерство (а также, отчасти, и Морское) оказались во многом предоставлены самим себе, ибо на протяжении большей части войны в России отсутствовал единый центр, призванный и, главное — способный — направлять и координировать их работу в названной сфере.

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 732. Л. 35; Оп. 20. Д. 74. Л. 21; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 22. Л. 622об.; РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4395. Л. 219–221; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8521. Л. 104.

² Конечно же, о полном упорядочивании здесь говорить не приходится, и отмеченная дихотомия еще не раз приводила к разного рода недоразумениям и в ходе войны, и по ее окончании. В одних случаях это влекло за собой появление довольно неожиданных для XX в. словооборотов. Например, в апреле 1918 г. Комиссариат по мусульманским делам Казанской рабоче-крестьянской советской республики направил в Симферополь группу турецких репатриантов, в составе которых числились «военнопленные гражданки (Курсив наш – В.Л.) Сария Саид-Али кызы с двумя детьми, 8 и 6 лет, и Фатыма Саид-Али кызы с дочерью трех лет» (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 17. Оп. 1. Д. 128. Л. 1, 3, 8). В других случаях это влекло за собой куда более серьезные последствия. Так, в 1921 г. Сибирский эвакуационный комитет (Сибэвак), толкая буквально очередные указания Москвы, пришел к неверному выводу, что репатриации подлежат только «военнопленные», но никак не «гражданские пленные» (ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 118). В этой связи представляется характерным, что после 1917 г. термин «военнопленные» стал все чаще подменяться в служебной переписке более конкретным словосочетанием: «пленные солдаты и офицеры».

Таблица 2

Основные черты правового положения различных категорий турецких пленных, находившихся в России в 1914–1917 гг.¹

Характеризующие признаки	Категории пленных		
	Военнопленные	Военнообязанные	Военнозадержанные
Орган исполнительной власти, в ведении которого находятся указанные лица	Главное управление Генерального штаба Военного министерства	Департамент полиции (с февраля 1917 г. — Департамент общих дел) Министерства внутренних дел	
Основной документ, определяющий правовой статус	«Положение о военнопленных» (1914 г.)	«Положение о полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению административных властей» (1890 г.)	
Условия содержания	Под стражей	Под гласным надзором полиции, с отобранием подписки о невыезде	Под негласным надзором полиции
Подсудность	Военный суд	Гражданский суд	
Учет в Центральном справочном бюро о военнопленных	Учитывались с ноября 1914 г.	Учитывались с февраля 1915 г.	Не учитывались
Влияние возраста на режим содержания	Лица подкатегории «мирные жители» старше 50 лет подлежали передаче МВД	Не влиял	
Влияние национальности на режим содержания	Не влияла		
Влияние вероисповедания на режим содержания	Не влияло	Лица, из числа христиан, признанные благонадежными, по разрешению властей могли оставаться в местах постоянного жительства	Не влияло
Право оставаться в местах постоянного жительства	Не предусмотрено	Лица, признанные благонадежными, были вправе оставаться в местах постоянного жительства	Лица, признанные благонадежными, были вправе оставаться в местах постоянного жительства
Право на свободу передвижения в пределах России	Не предусмотрено	По личному мотивированному ходатайству, с разрешения органов власти	
Право на выезд за пределы России	Не предусмотрено		Формально сохранено; на практике прошения о выезде отклонялись

¹ Составлена по данным: СУиРП. 1914. № 281. Ст. 2568; РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 73. Л. 12–13; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 5, 54–55; Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 259; Ф. 2000. Оп. 9. Д. 22. Л. 36–37; РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 569. Л. 36; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 160. Оп. 708. Д. 6142. Л. 2; ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 2. Л. 57; Д. 35. Л. 12; ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 46. Л. 287; Государственный архив Ярославской области (ГЯЯО). Ф. 73. Оп. 4. Д. 4570. Л. 3, 12об; Оп. 9. Д. 659. Л. 4, 44–45, 51–52.

Продолжение табл. 2

Характеризующие признаки	Категории пленных		
	Военнопленные	Военнообязанные	Военнозадержанные
Основной источник материального обеспечения	Бюджет Военного министерства	Как правило, собственные средства; в исключительных случаях — средства МВД	Собственные средства
Отношение к труду	«Трудообязанные»	Как правило, к обязательному труду не привлекались	К обязательному труду не привлекались
Условия расквартирования	Казарменным порядком	а) «По отводу от населения»; б) в «интернате» (в казарме); в) по договору найма	По договору найма

Учрежденный в декабре 1915 г. Отдел о военнопленных МИД даже не попытался принять на себя названную функцию, хотя изначально и создавался «в видах объединения деятельности и необходимости единообразия производства многочисленных дел, связанных с вопросом о военнопленных»¹. Не вполне справился с этой ролью и Центральный комитет (ЦК) по делам военнопленных, образованный 23 марта 1917 г. при Главном управлении Российского общества Красного Креста (РОКК) в целях «объединения, согласования и направления деятельности всех правительственных учреждений, ведающих делами о военнопленных, гражданских пленных и заложниках, а равно оказания помощи этим лицам»².

В сущности, проблему координации удалось решить только на исходе войны, в апреле 1918 г., с учреждением в составе Наркомата по военным делам Центральной Коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж), создаваемой «для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организаций, ведавших до настоящего времени делами о военнопленных, гражданских пленных, заложниках и беженцах, для руководства всеми делами, возникающими в отношении лиц, перечисленных категорий»³ (10 марта 1920 г. Центропленбеж был реорганизован в Центральное управление по эвакуации населения (Цэнтрэвак) НКВД РСФСР).

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 751. Л. 8.

² ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 61. Л. 360.

³ Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства (СУИР РИКП). 1918. № 34. Ст. 451.

2) «Положение о полицейском надзоре», указанное в Таблице 2 в качестве основного акта, регламентирующего правовой статус военнообязанных и военнопленных, конечно же, не могло компенсировать отсутствие «Положения о гражданских пленниках». И хотя потребность в таком документе российское военно-политическое руководство впервые осознало еще в период Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., разработан он так никогда и не был. Ни к 1812 г., ни к 1918 г.

Что же касается тех данных Таблицы 2, которые отражают именно особенности правового положения подданных Османской империи, то здесь, как мы полагаем, необходимо обратить внимание на следующее:

а) Одним из условий предоставления туркам разного рода привилегий являлось их христианское вероисповедание, тогда как льготный режим австро-венгерских и германских пленников, напротив, детерминировался исключительно национальной принадлежностью или, используя терминологию тех лет: «славянским, французским, румынским и итальянским происхождением». Причем характерно, что такой подход начал оформляться уже 21 октября 1914 г., когда Совмин потребовал «при разрешении ходатайств турецких подданных о перечислении в русское подданство руководствоваться теми же правилами, кои применяются в однородных случаях к германским, австрийским и венгерским подданным, приравнивая турецких христиан к состоящим в неприятельском подданстве славянским, французским и итальянским уроженцам». Более того, в дальнейшем, при рассмотрении тех или иных вопросов, связанных с положением в России гражданских пленников Центральных держав, это требование Советом Министров не единожды подтверждалось¹.

Аналогичную позицию занимало и МВД, которое, начиная с 23 октября 1914 г., неоднократно уведомляло губернаторов о нежелательности высылки благонадежных турецких христиан во внутренние регионы страны и вообще, о неприменении к ним «каких-либо стеснительных мер»².

б) Если политика Совмина и МВД, направленная на создание привилегий для пленников славян и представителей приравненных

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 838. Л. 42; Оп. 20. Д. 84. Л. 5; РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 3–4; РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 569. Л. 9–10, 14, 36; ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 35. Л. 5.

² РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 73; РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 569. Л. 36–37, 39; ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 2. Л. 21; Д. 35. Л. 4, 6; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 67–68.

к ним национальностей, в основе своей разделялась Военным министерством, то любые инициативы по предоставлению каких-либо привилегий христианам из числа именно турецких *военнопленных* названное ведомство категорически отвергало (по крайней мере, до начала 1917 г.). Такая поляризация не раз вызывала протесты и нарекания. В ходе войны они исходили от армянских организаций России; после ее окончания — от армянских историков¹.

Однако в действительности приведенный факт не содержал в себе ничего сверхординарного. «Привилегированные» национальности среди военнопленных европейских государств существовали в нашей стране и в период войны с Наполеоном 1812–1814 гг., и в период Семилетней войны 1756–1763 гг., и гораздо ранее. Точно также и более либеральное отношение к подданным Османской империи из числа христиан, вплоть до освобождения их из плена, широко практиковалось, начиная, по крайней мере, с Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Правда, практиковалось оно при одном неременном условии: если христиане эти *«не были в службе неприятельской»*, чего, разумеется, нельзя сказать о лицах рассматриваемой категории.

Одно из основных последствий такого подхода мы видим в том, что Россия, вольно или невольно, *не внесла никакого вклада в раскол военнопленных Османской империи по этноконфессиональному признаку и никак не способствовала обострению среди них межнациональной напряженности*, являвшейся, увы, неотъемлемым спутником пребывания в русском плену подданных Германии и, особенно, Австро-Венгрии. Этот же подход, как представляется, предотвратил формирование у мусульманского большинства психологии изгоев, а в конечном итоге — стал одной из причин довольно вялого участия турецких подданных в «русской смуте» 1918–1921 гг.

Наконец, в свете изложенного небезынтересным выглядит и то, что Морское министерство изначально занимало в рассматриваемом вопросе «прохристианскую» позицию, причем куда более лояльную, нежели МВД. Например, при задержании в море турецких судов командование Черноморским флотом первое время признавало военнопленными лишь мусульман призывного возраста, а прочих лиц выдворяло на родину через Румынию. При этом если мусульмане высылались по этапу, в сопровождении конвоя, то христиане (а равно женщины и дети вне зависимости от вероисповедания), «по проходным свидетельствам, по даровым билетам и с кормовыми (в раз-

¹ См., например: Акопян С.М. Западная Армения в планах империалистических держав в период Первой мировой войны. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1967. — С. 186.

мере, как правило, 10 руб. — В.П.) до румынской границы»¹. Однако уже во второй половине 1915 г. политика Морского министерства практически перестала отличаться от той, которую проводило военно-сухопутное ведомство.

в) В противоположность военнопленным инак Центральных держав, подданные Оттоманской империи были фактически лишены права выезда за границу, что объясняется отсутствием на протяжении всей войны соответствующего русско-турецкого соглашения². В остальном же положение представителей названной категории пленников не зависело от их государственной принадлежности. В этой связи добавим к сказанному, что, по смыслу отдельных указаний Совмина и МВД, «невоеннообязанные и незаподозренные в шпионаже» подданные враждебных России держав, «мирно занимающиеся [своим делом] и находящиеся вне всякого подозрения», могли «оставаться на своих местах и пользоваться покровительством наших законов». Равным образом аресту и высылке не подлежали «заведомо больные и неспособные к воинской службе», а также члены семей военнообязанных, которые могли по собственному усмотрению либо оставаться в местах постоянного жительства, либо «следовать за своими главами»³.

Конечно же, данные Таблицы 2 не исчерпывают всех особенностей положения в России подданных Оттоманской империи. В действительности, таковые отличались куда как большим разнообразием, обусловленным сложнейшим сочетанием геополитических, военно-стратегических, исторических, экономических, этноконфессиональных и иных факторов. Однако поскольку все они, так или иначе, исследуются в последующих разделах настоящей работы, остановимся здесь лишь на той особенности, которая представляется нам наиболее значимой и которая может быть сформулирована следующим образом: *с точки зрения обеспечения и защиты гуманитарных прав пленников, положение находившихся в России турок, в сравнении с их соотечественниками, по ряду признаков отличалось в худшую сторону.*

Этот вывод мы аргументируем, в первую очередь, тем, что турки, мягко говоря, никогда не находились в центре внимания ни Международного комитета Красного Креста (МККК), ни гуманитарных организаций нейтральных стран. Правда, в литературе на этот счет

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 569. Л. 38, 45–46, 48, 63–65, 74–76, 78; Д. 751. Л. 1 об; Оп. 3. Д. 523. Л. 23.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6142. Л. 2; Д. 6389. Л. 5–6, 8, 11.

³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 54–55.

можно встретить и противоположную точку зрения. Так, по мнению Т. Я. Иконниковой, «несмотря на небольшое число турецких военнопленных (в Приамурском военном округе — В.П.), международные благотворительные организации проявляли пристальное внимание к условиям их содержания». В подтверждение сказанному следует ссылка на то, что 20 января 1916 г. начальником Генштаба было разрешено посещение турецких военнопленных на Дальнем Востоке делегатами МККК. «Профессор Фердинанд Тормайер и доктор Феррьер намеревались побывать в Хабаровске, Спасском, Никольск-Уссурийском и Шкотово. Им был разрешен беспрепятственный допуск в “места водворения пленных турок для ознакомления с их положением”¹.

Мы не разделяем точку зрения Т. Я. Иконниковой. Действительно, на рубеже 1915–1916 гг. Петроград и Стамбул, после шестимесячных переговоров, достигли принципиального согласия на посещение на началах взаимности делегатами МККК лагерей русских военнопленных в Турции и турецких в России. Действительно, в 1916–1917 гг. по этому вопросу шла активная переписка как на международном, так и на внутрироссийском уровнях. Действительно, осенью 1916 г. делегация МККК проинспектировала лагерь русских военнопленных в Турции (где, к слову, зафиксировала такие недостатки, как: слабая медицинская помощь, наличие телесных наказаний, предоставление офицерам медикаментов только за плату, отсутствие в помещениях печей, а в умывальниках мыла, а также обратила внимание на некачественную воду и «ужасную обувь»)². Однако при всем при том, лагерь турецких военнопленных в России представители МККК так и не посетили... ни в Приамурском военном округе (ПриамВО), ни в каком-либо ином.

Правда, на исходе 1917 г. их функции частично приняло на себя Датское общество Красного Креста, направившее свою делегацию для осмотра лагерей турецких военнопленных на Кавказе. Но к месту назначения датчане прибыли лишь в марте 1918 г., когда российская администрация и российские войска уже покидали регион. В условиях хаоса и всеобщей суверенизации делегатам оставалось лишь констатировать, что на всем Кавказе пленные турки «терпят недостаток в пище, в верхней одежде, белье и средствах к жизни», а в Армении их положение «отчаянное», ибо здесь им «угрожает ежеминутная

¹ Иконникова Т. Я. Указ. соч. — С. 22.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1623. Л. 53, 66–67, 74, 103, 126; Государственный архив Вологодской области (ГАВологО). Ф. 129. Оп. 3. Д. 1464. Л. 49.

смерть от местного населения и национальных войск»¹.

В свете изложенного нельзя не заметить, что в 1914–1918 гг. органы и учреждения Датского и Шведского Красного Креста осуществляли в России довольно широкую гуманитарную деятельность. Однако основным объектом их внимания оставались все-таки австро-венгерские и германские пленные, поскольку Дания и Швеция являлись их державами-покровительницами. К примеру, делегация Датского общества Красного Креста, инспектировавшая лагеря военнопленных в России в период с ноября 1915 по февраль 1916 г., в своем официальном отчете обратила внимание «на особенно жестокую судьбу венгерских пленнх». Но о турках не обмолвилась ни словом².

Заслуживает внимания и тот факт, что при посредничестве Датского общества Красного Креста, дважды — в 1915 г. и 1916 г. — Австро-Венгрия, Германия и Россия обменивались делегациями сестер милосердия, которые в ходе осмотра «мест водворения» пленнх оказали своим соотечественникам существенную материальную и неоценимую нравственную поддержку, одновременно собрав богатейший материал об их положении. Причем в июне 1917 г. стороны достигли соглашения об очередном, уже третьем по счету, обмене такими делегациями. В то же время, вопрос о взаимном посещении военнопленнх русскими и турецкими сестрами милосердия был впервые поднят лишь в апреле 1917 г.³, но так и не получил дальнейшего развития⁴.

Что же касается державы-покровительницы турок — Испании, то ее деятельность отличалась сравнительно скромными масштабами, а Испанский Красный Крест на территории нашей страны вообще не работал. В какой-то степени это можно объяснить низким политическим влиянием Испанского королевства в России. Во всяком случае, Петроград легко находил благовидный предлог для того, чтобы отказать дипломатам этой страны в посещении мест расквартирования пленнх турок, тогда как аналогичные решения в отношении официальных представителей Дании и Швеции принимались с куда большей осмотрительностью. Так, в мае 1917 г. испанский консул в Гельсингфорсе не смог выехать в Нижний Новго-

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 541. Л. 118–119.

² РГВИА. Ф. 12651. Оп. 11. Д. 123. Л. 3.

³ Обмен пытался инициировать российский Центральный комитет по делам военнопленнх.

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 114. Л. 81–83; Д. 118. Л. 150–152; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 76. Л. 73; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1623. Л. 61–65.

род «для раздачи платья и других предметов турецким инвалидам», поскольку в российское Военное министерство поступили об этом лице «неблагоприятные сведения». Еще ранее, в январе 1917 г., испанскому вице-консулу в Тифлисе, на основании наличия в регионе... «некоторых особых обстоятельств, чисто местного характера» было отказано в посещении лагерей пленных турок на Кавказе и, в особенности, на острове Нарген в Каспийском море, «для оказания помощи находящимся там военнопленным»¹. Между тем, осенью 1917 г., когда, с одной стороны, на Нарген стали прибывать не только турки, но и их союзники, а с другой, положение пленных на острове значительно ухудшилось, датский и шведский консулы получили такие разрешения без каких-либо затруднений².

Однако названная причина носила далеко не главный характер. Как полагает американский историк Ю. Яныкдаг, пассивность дипломатов Испанского королевства в России обуславливалась преимущественно, если не сказать — исключительно, крайне скудным финансированием их деятельности правительством Оттоманской империи³. Мы полностью разделяем данную точку зрения и, со своей стороны, хотели бы аргументировать ее ссылкой на то, что Испания одновременно являлась и державой-покровительницей русских подданных в Германии. Причем у Петрограда, насколько нам известно, никогда не возникало к этой стране серьезных претензий. Скорее здесь можно говорить об обратном. Так, Н. М. Жданов в своем исследовании особо акцентирует внимание на том, что отчеты и доклады представителей Испанского посольства отличались «большой полнотой и обстоятельностью», что названными представителями только «в течение августа-ноября 1916 г. было осмотрено в Германии 44 офицерских лагеря, 130 солдатских, 190 лазаретов и значительное число рабочих команд и отдельных мест работы русских военнопленных. В результате этих осмотров испанскими делегатами было прислано русскому правительству 195 донесений»⁴.

Вряд ли Оттоманской империи, с ее скромными финансовыми возможностями, было по силам организовать работу такого масштаба. В этой связи определенный интерес вызывает относящееся к кон-

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1578. Л. 2–4; Д. 1623. Л. 170, 176.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1152. Л. 71–72, 78–79.

³ *Yanıkdağ* Y. Ottoman Prisoners of War in Russia, 1914–22 // Journal of Contemporary History. – 1999. – Vol. 34. – № 1. – P. 91.

⁴ Жданов Н. Русские военнопленные в Мировой войне 1914–1918 гг. Ч. I, II, III. / Отв. ред. А. А. Свечин и др. М.: Воен. тип., 1920. – С. 225.

цу 1916 г. требование Порты к России о переводе турецких военнопленных из Сибири «в более близкие места, где они могли бы быть посещаемы испанскими консулами (Курсив наш — В.П.)»¹ ... Вернее, интерес вызывает даже не само требование, а его аргументация, явно продиктованная не сколько гуманитарными целями, сколько стремлением облегчить функционирование то ли испанского дипломатического корпуса, то ли турецкого финансового ведомства.

Сказанное вплотную подводит нас к проблемам взаимодействия властей Российской и Османской империй в целях обеспечения и защиты прав своих подданных. Как видно из комплексного анализа различных источников, последнее отличалось заметной спецификой и, по нашим оценкам, детерминировалось, главным образом, тремя следующими обстоятельствами.

1) Далеко не самыми сильными позициями Порты на международной арене, ее экономической и военно-технической слабостью и откровенно второстепенной ролью среди Центральных держав.

2) Традиционно конфронтационным характером русско-турецких отношений, так или иначе отражавшимся на всех аспектах двухстороннего сотрудничества даже в мирное время, не говоря уже о состоянии войны.

3) Неблагоприятным для Стамбула распределением численности пленников, оказавшихся во власти России и ее врагов. Как видно из Таблицы 3, практически все русские военнопленные (99,77 %) находились в Австро-Венгрии и Германии, тогда как доля турок в составе содержавшихся в нашей стране военнопленных Центральных держав составляла лишь 3,28%, а их количество почти в 12 раз (!) превышало число русских пленных в Турции.

Полагаем, что названные обстоятельства придали русско-турецкому взаимодействию в рассматриваемой сфере следующие характерные черты.

а) Соотношение данных, представленных в Таблице 3, во многом обусловило ведущую роль Османской империи в ее связях с Россией. Стамбул несравненно чаще выступал с различными инициативами, направленными на взаимное решение гуманитарных проблем военнопленных, либо одновременно всех, либо отдельных их категорий. В то же время он относительно редко поднимал вопросы, касающиеся конкретных лиц.

Российская сторона, в свою очередь, относилась к сотрудничеству с Турцией, в целом, довольно пассивно, поскольку ее основное

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 3245. Л. 15.

внимание было приковано к положению соотечественников в Австро-Венгрии и Германии. Вместе с тем, Петроград, как правило, не уклонялся от турецких инициатив и отличался большей активностью там, где речь заходила о персональном обмене отдельными пленниками.

Таблица 3

Количество военнослужащих противника, взаимно плененных Россией и Центральными державами в 1914–1917 гг.¹

Государство	Пленено русских военнослужащих		Потеряно пленными в России		Соотношение
	Количество (чел.)	Удельный вес (%)	Количество (чел.)	Удельный вес (%)	
Австро-Венгрия	1 000 000	41,57 %	1 736 800	88,24 %	1: 1,7
Германия	1 400 000	58,2 %	167 000	8,48 %	8,4: 1
Турция	5 500	0,23 %	64 500	3,28 %	1: 11,7
Всего:	2 405 500	100 %	1 968 300	100 %	1,2: 1

б) В отличие от всех других стран-участниц войны, Россия и Турция практически не прибегали к взаимным репрессиям в отношении пленных. Первая — в силу отмеченной выше пассивности и нежелания способствовать дальнейшему росту напряженности в межгосударственных отношениях. Вторая — из-за обоснованного опасения применения ответных репрессий к несравненно большему числу ее подданных, находившихся во власти другой стороны. В какой-то мере отказ от репрессий затруднял Петрограду и Стамбулу защиту прав своих соотечественников. Вместе с тем он же избавил:

– власти обеих империй от «необходимости» создавать для пленных противника лагерь с «особым режимом содержания», переводить его офицеров на солдатское положение, лишать пленников права переписки с родиной, а равно иным образом унижать «честных защитников своего отечества»;

– подданных обеих империй от необходимости собственным унижением расплачиваться за ошибки и недоработки родных правительств, приказы которых они, по мере сил, выполняли вплоть до момента своего пленения.

¹ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 6. Д. 25. Л. 7; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 76. Л. 220; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1623. Л. 22, 185; Россия в мировой войне 1914–1915 года (в цифрах). М.: ЦСУ СССР, 1925. – С. 41; Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2-х т. Т. 1. Париж: Т-во объединенных издателей, 1939. – С. 148; *Rachamimov A.* POWs and the Great War: captivity on the Eastern front. N.-Y.: Berg Publishers, 2002. – P. 39–41.

в) Отношения между властями России и Турции несли на себе отпечаток взаимного недоверия и подозрительности, возможно, несколько чрезмерных даже в условиях войны. Причем и то, и другое, отчасти, нашло отражение и в новейшей исторической литературе. Так, Ю. Яныкдаг, ссылаясь на мнения современников, утверждает, что российская администрация расхищала денежные средства, направляемые Портой для турецких военнопленных¹. В России о турецкой администрации думали ничуть не лучше. Например, в феврале 1916 г., при обсуждении вопроса о пересылке денежных переводов русским пленным в Турции через посольство США², Центральное справочное бюро о военнопленных (ЦСБ) в Петрограде писало в МИД буквально следующее: «едва ли возможно иметь твердую уверенность в том, что пересылаемые деньги действительно будут вручены турецкими властями адресатам»³. Вместе с тем, надо признать, что, получив несколько месяцев спустя из Стамбула два т.н. «денежных письма»⁴, изначально адресованных русским пленным в Турции, но возвращенных отправителям «за смертью адресатов», ЦСБ хотя и расценило это как «факт случайного характера», но, тем не менее, придало его широкой огласке⁵.

Полагаем, что по причине тех же недоверия и подозрительности сторонам крайне редко удавалось довести до конца переговоры о персональном обмене пленными. Так, вопрос об обмене двух военных врачей (русского — В. А. Алешина и турецкого — Гассана Джавид бей бин Мухаррем Касима) обсуждался более года (с января 1915 г. по апрель 1916 г.), а его реализацию, несмотря на участие в ней дипломатов нейтральных держав, стороны обставили такими гарантиями, что на их согласование ушло еще около 10 мес., в результате чего обмен состоялся лишь в феврале 1917 г.⁶

г) При решении отдельных вопросов Петроград и Стамбул порой демонстрировали формализм, недостаточную компетентность и даже нежелание вникать в предмет диалога. Например, в октябре 1916 г. Порта направила МИД России ноту по поводу якобы имевшего место

¹ *Yankıdağ Y. Ottoman Prisoners of War in Russia... – P. 84.*

² В рассматриваемый период США являлись державой-покровительницей русских пленных в Турции.

³ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 4319. Л. 8.

⁴ Речь идет о предусмотренном международными правилами ценном письме, в которое вкладывались ассигнации в российской валюте.

⁵ *Овчинников И.А. Отдел о вещах, оставшихся после военнопленных... – С. 82.*

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 10. Л. 4–5, 20, 33.

на Кавказском фронте расстрела русскими военнослужащими «почти всей роты оттоманской пехоты», плененной в ходе боевых действий. Документ не содержал абсолютно никаких данных, которые указывали бы на дату события; номер роты; номер полка, к которому она принадлежала; участок фронта, где произошел «расстрел» или хотя бы источник осведомленности турецкой стороны... В сложившихся условиях вряд ли следует удивляться тому, что ответ был дан в духе вопроса: «по произведенному по сему поводу расследованию местным военным начальством выяснилось, что на Кавказском фронте вышеозначенного случая расстрела турок не было»¹.

С другой стороны, в апреле 1916 г. Турция предложила России заключить соглашение о выплатах, на условиях взаимности, пленным офицерам, «произведенным в следующий чин, после взятия их в плен, содержания по чину». Предложение поступило на согласование в Генеральный штаб. Резолютивная часть ответа начальника Генштаба от 22 мая 1916 г. на имя Товарища Министра иностранных дел заслуживает того, чтобы быть приведенной здесь полностью: «в виду неоднократно проявленных нарушений во время войны международных соглашений нашими противниками — до потопления госпитального судна под флагом Красного Креста включительно² — у нас совершенно не может быть уверенности в исполнении турецким правительством и нового принятого на себя, во время войны, обязательства, в виду чего и вышеприведенный возбужденный турецким правительством вопрос, нисколько не обеспечен с точки зрения его соответственного проведения в жизнь турецким правительством. В силу изложенных соображений Военное министерство высказывается против заключения соглашения по сему поводу с турецким правительством, *тем более, что у нас не бывает производства офицеров после их пленения в следующий чин, почему намеченные упомянутым правительством мероприятия на улучшении положения наших пленных офицеров, находящихся в Турции, отозваться не могут* (Курсив наш — В.П.)»³. (Иными словами, заключить соглашение «по сему поводу» было изначально невозможно ввиду отсутствия предмета договора, что делает рассуждения о потоплении госпитального судна и пр. не совсем понятными).

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 3252. Л. 1, 2, 5.

² Вероятно, здесь имеется в виду русское госпитальное судно «Португаль», потопленное 17 марта 1916 г. в Черном море подводной лодкой. Правда, не турецкой, а германской.

³ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2850. Л. 5, 7.

д) Атмосфера недоверия и недопонимания во многом распространилась даже на взаимосвязи РОКК и Оттоманского Красного Полумесяца (ОКП). Контакты этих ведущих гуманитарных организаций налаживались крайне трудно и медленно, а весной 1916 г., едва установившись, оказались на срок свыше года прекращены по инициативе российской стороны, в связи с уклонением ОКП от присоединения к протесту против потопления госпитального судна «Португаль»¹. Причем восстановить эти отношения в полной мере так никогда и не удалось. Даже в период послевоенной репатриации Общество Красного Полумесяца не имело в нашей стране собственного представительства, а 17 октября 1919 г. Наркомат по иностранным делам (НКВД), «одергивая» сотрудничавший с турками Центропленбеж, писал, что «со времени официального отъезда из России Красного Полумесяца (1 февраля 1919 г. — В.П.), его представители здесь нами официально не признаются»².

е) Взаимодействие Петрограда и Стамбула развивалось без видимого участия общественных, в первую очередь, благотворительных организаций обеих стран, которые преследовали бы цель содействовать улучшению положения военнопленных именно в России и в Турции.

Последствием всего перечисленного стало то, что в деятельности, направленной на обеспечение и защиту гуманитарных прав своих пленных, Петроград и Стамбул достигли относительно скромных успехов. Так, если к договору о взаимном выезде на родину врачей и лиц, неспособных к военной службе, Россия и Германия пришли уже 2 октября 1914 г.³, то с Оттоманской империей этот вопрос вообще не обсуждался. Точно также обе стороны оставили за рамками диалога и вопросы о взаимном интернировании военнопленных в нейтральные страны, об обмене больными туберкулезом и др.

В лучшем случае подобные договоренности достигались и начинали действовать с более или менее значительным опозданием. К примеру, в то время, как соглашения об обмене свидетельствами о смерти военнопленных Россия заключила с Австро-Венгрией и Германией к середине 1915 г., то с Турцией лишь в октябре 1916 г.⁴ Если обмен инвалидами с названными странами Россия начала уже в конце 1915 г., то первый турецкий инвалид убыл

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 76. Л. 214; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6199. Л. 28.

² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 11.

³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 69.

⁴ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1818. Л. 11.

на родину почти 2 года спустя — 14 августа 1917 г., а более или менее регулярно этот обмен начался только на исходе сентября 1917 г.¹ (В этой связи нельзя не заметить, что стороны упустили ту благоприятную возможность, которую давал им нейтралитет Румынии. После же вступления последней в войну (сентябрь 1916 г.), перевозки пленным уже требовалось согласовывать с учреждениями Красного Креста, а также с правительствами и ведомствами путей сообщения Швеции, Германии и Австро-Венгрии, чьи возможности, разумеется, были не беспредельны. Кроме того, Петроград и Стамбул даже не ставили вопрос об использовании для этой цели акватории Черного моря, хотя тому способствовали и относительно низкая минная опасность на данном театре военных действий (ТВД), и наличие у обеих империй некоторого опыта в организации подобных перевозок, приобретенного еще в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.).

В качестве одного из немногих примеров успешного взаимодействия сторон можно сослаться на договор «О взаимном переводе членов экипажей торговых судов на положение военнопленных, с выдачей им соответствующего денежного содержания», заключенный по инициативе Порты 1 марта 1916 г. В этой связи начальник Генерального штаба 28 июля 1916 г. дал соответствующую циркулярную телеграмму в военные округа, потребовав перевести «всех могущих находиться [в] пределах округа офицерских чинов турецких торговых судов, [в] разряд военнопленных, назначив этим лицам по точному установлению их служебного положения и рангов, соответствующее денежное содержание с 1 марта с.г.». При этом небезынтересно заметить, что российская сторона приравнивала к офицерам лишь командный состав турецких пароходов, но не капитанов парусных шхун, ибо считала, что последние «мало чем отличаются от простых матросов»².

В качестве примера диаметрально противоположного характера следует сослаться на одну из острейших проблем взаимодействия сторон — проблему обмена списками пленным. Правда, надо признать, что такой обмен (а равно и механизм его реализации) не был прямо предусмотрен ни ст. 14 IV Гагской конвенции, ни, соответственно, корреспондирующей ей ст. 20 российского Положения о военнопленных. Вместе с тем, он был закреплен актами отдельных

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-5876. Оп. 1. Д. 35. Л. 33, 317.

² РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 955. Л. 10, 12; Оп. 3. Д. 523. Л. 101.

конференций Красного Креста (Вашингтонской, 1912 г., и Стокгольмской, 1915 г.); апробирован еще в ходе Первой Балканской войны 1912–1913 гг.; вновь инициирован МККК в августе 1914 г., и ни у кого (кроме, пожалуй, России) не вызвал особых сложностей. Правда, последние Н. М. Жданов, отчасти, объясняет «громадностью русских расстояний, и недостатком делопроизводственных сил на местах, и разноязычностью военнопленных, и малограмотностью военных писарей, постоянно искажавших иностранные фамилии и имена»¹. Однако вряд ли подобные аргументы можно признать безупречными. К примеру, Великобритания, содержащая турок и в Египте, и в Индии, и в Бирме, явно сталкивалась с не меньшей «громадностью расстояний». Да и турецкие имена английские писаря искажали никак не реже своих русских коллег.

В итоге, Франция и Германия, к примеру, начали обмен такими списками уже в сентябре 1914 г. Тогда же Берлин направил в Петроград и первый список пленных россиян. Но, не получив ничего в ответ, весной 1915 г. «поторопил» российскую сторону применением репрессий к ее военнопленным, благодаря чему проблему обмена списками между Россией, Австро-Венгрией и Германией удалось разрешить уже к середине 1915 г. С Портой, как правило, избегавшей даже угрожать России репрессиями, ситуация складывалась несколько иначе. Как в официальной межведомственной переписке, так и в открытой печати периода 1915 — начала 1916 гг., ЦСБ неоднократно констатировало «крайне неудовлетворительное положение» в вопросе обмена списками пленных с Оттоманской империей, во многом объясняя это «упорством турок», оставляющих предложения Петрограда «без ответа»².

Однако по нашим данным, здесь все обстояло с точностью до наоборот. Во всяком случае, нам не удалось обнаружить ни одного документа, в котором бы российская сторона требовала от турецкой представить такие списки. Зато выявлено около десятка разного рода запросов и напоминаний, исходящих в 1915 — первой половине 1917 гг. и от Стамбула, и непосредственно от Испанского посольства в Петрограде, и от дипломатов США³. Остается непреложным

¹ Жданов Н. Указ. соч. — С. 183.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1623. Л. 17–18; Овчинников И.А. Справочник для сношений с русскими военнопленными, находящимися в Германии и в Австро-Венгрии. Пг.: Гос. тип. — С. 11, 17.

³ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1818. Л. 4, 17, 19, 21; Д. 1849. Л. 27; Д. 6418. Л. 2; Д. 1623. Л. 14, 50; Д. 2234. Л. 60.

фактом и то, что если первый список русских пленных в Турции Петроград получил уже в ноябре 1914 г., то Россия ответила Оттоманской империи тем же лишь в сентябре 1915 г., т.е. 10 мес. спустя¹. Наконец, не лишним будет заметить, что именно Турция (но не Россия!) выступила в июне 1916 г. с инициативой обмена данными в отношении лиц, умерших в плену, а в декабре того же года — списками военнообязанных². В целом, обмен вошел в более или менее приемлемое для обеих сторон русло не ранее середины 1917 г. До этого же срока основные претензии турок сводились либо к неполноте получаемых ими сведений, либо к их непредставлению вообще.

Причины сложившейся ситуации мы склонны объяснять следующим.

1) В первые месяцы войны в России отсутствовал сам механизм сбора и обобщения данных об иностранных военнопленных, в результате чего смутные представления об объеме своих правомочий были присущи как отдельным ведомствам, так и их структурным подразделениям. К примеру, в ноябре 1914 г. Порты затребовала от России список экипажей 43-х турецких фелюг, застигнутых началом войны в портах Кавказа. Запрос породил интенсивную переписку (преимущественно — телеграфную) между МИД, ЦСБ, штабом Черноморского флота, Главным морским штабом (ГМШ) и даже Морским Генеральным штабом (МГШ), продолжавшуюся с декабря 1914 г. по январь 1915 г. В конечном итоге все ее участники выяснили, что ни у кого из них нет не только списков, но даже данных об общем количестве интернированных турецких моряков, и что вообще этих людей задержал не флот, а то ли армейское командование, то ли органы внутренних дел³.

2) Порядок направления рассматриваемых списков, в силу различных обстоятельств, неоднократно менялся. Так, до вступления Италии в войну (май 1915 г.) списки пересылались через дипломатические органы этой страны, потом — до декабря 1915 г. — через Греческое общество Красного Креста. На период с января по октябрь 1916 г. посредником в обмене стало посольство Испании в Петрограде. И лишь с октября 1916 г. ЦСБ обеих держав перешли к непосредственной передаче списков друг другу⁴.

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1623. Л. 17–18.

² Там же. Д. 1818. Л. 4; Д. 6418. Л. 2.

³ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2022. Л. 106, 108–109, 115, 117; Д. 2109. Л. 12–14, 22, 26, 27, 33; Ф. 609. Оп. 2. Д. 569. Л. 11.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 751. Л. 7; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1818. Л. 5, 6, 9, 11; Д. 1849. Л. 1, 4–27, 29, 33.

3) Вплоть до середины 1917 г. российские власти всячески стремились ограничить информированность Стамбула о численности пленнх в лагерях (да и о местоположении самих лагерей), расположенных в пределах Кавказского военного округа (КВО), который считался «находящимся на театре военных действий». Между тем, с весны 1915 г. доля турок, расквартированных именно в пределах КВО, постоянно росла и к концу войны достигла без малого 60% от их общего количества.

4) Обмен замедляли произвол некоторых должностных лиц и недостаточный уровень исполнительской дисциплины в отдельных органах управления. Так, в мае 1915 г. начальник Генштаба... прямо запретил отправлять списки в Турцию, обосновывая это тем, что «турки должны прислать их нам первыми» (хотя к тому моменту они давно это сделали), и лишь 8 сентября 1915 г. было, наконец-то, разрешено выслать списки Порте... «не дожидаясь списков наших пленнх» (?!)¹. От Генштаба «не отставали» и штабы объединений, составлявшие такие списки от случая к случаю, т.е. — от одного напоминания со стороны ЦСБ до другого. Например, если свой первый список турецких пленнх (на 224 чел.) штаб Черноморского флота направил по инстанциям в декабре 1914 г., то второй (на 216 чел.) — лишь в августе 1915 г.²

5) Списки не всегда содержали полный перечень данных, предусмотренных ст. 14 IV Гаагской конвенции и ст. 20 российского Положения о военнопленнх. К примеру, в направленных штабом Черноморского флота в 1914 — первой половине 1915 гг. в ЦСБ через ГМШ списках отсутствовали сведения о том, с какого именно судна снято то или иное лицо, что, принимая во внимание отсутствие у турок фамилий, могло поставить Стамбул в затруднительное положение. На просьбу восполнить указанный пробел, ГМШ порекомендовал ЦСБ установить эти сведения... самим, «по документам, отправленным вместе с военнопленнх в распоряжение подлежащих властей, или же путем опроса самих военнопленнх» (?!)³. (Впрочем, справедливости ради заметим, что данные о наименовании судна не всегда могли способствовать разрешению названной проблемы ввиду задержания флотом большого числа одноименных судов, владельцами которых являлись турки и турецкие греки («Дервиш», «Евангелистрия», «Св. Николай» и пр.).

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1623. Л. 17–18.

² РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2109. Л. 2, 14–18; Ф. 609. Оп. 2. Д. 751. Л. 1, 6.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2109.

К сказанному следует добавить, что неполнотой страдали даже пересылаемые вместе со списками пленных свидетельства о смерти. И хотя вопрос этот неоднократно поднимался на протяжении всей войны, даже на ее исходе, 12 июля 1917 г., ГУГШ, ссылаясь на претензии МИД, требовал от начальника штаба Петроградского военного округа «в представляемых сведениях помещать более точные данные об именах и месте кончины умерших военнопленных, а также, *по возможности* (Курсив наш — В.П.), названии воинской части, к которой принадлежал умерший и месте его рождения»¹.

б) В других случаях, документы включали в себя такие сведения, которые им вообще не следовало бы содержать. Так, в списке, направленном оттоманскому правительству в сентябре 1915 г., турки (которые, вероятно, стали первыми, кто этот документ вообще прочел) обнаружили среди обитателей лагеря военнопленных при с. Спасское Приморской обл., стариков 50–70 лет, женщин и даже детей в возрасте 10–13 лет. В ответ на протест Порты, ЦСБ в письме от 21 апреля 1916 г. сослалось в качестве оправдания на то, что все эти люди «по сведениям Бюро, в лагерях военнопленных не содержатся, а проживают на свободе под надзором гражданской власти»². Однако по нашим сведениям, на тот момент приведенное заявление не соответствовало действительности. Передача указанных лиц от администрации лагеря органам МВД началась лишь в июле 1916 г., тем более, что штаб ПриамВО и сам-то узнал об их существовании... все из того же протеста Стамбула³.

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 90; РГИА. Ф. 398. Оп. 74. Д. 30503. Л. 18.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2234. Л. 60, 63.

³ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 5. Л. 12, 24–25.

Глава вторая

Состав, структура и география размещения

Состав и структура подданных Османской империи, находившихся в русском плену в 1914–1917 гг., во многом детерминировались тотальным характером самой Первой мировой войны, в ходе которой, по мнению Н. М. Жданова, «понятие пленного <...> было значительно расширено и распространено не только на комбатантов, но фактически во многих отношениях и на всех, оказавшихся во власти государств пленения, лиц враждебной нации»¹. Справедливость такой оценки полностью подтверждается данными Таблицы 4. При этом надо заметить, что в рамках русско-турецкого противостояния контингент пленных складывался и эволюционировал под влиянием некоторых особенностей, главнейшими из которых мы считаем следующие:

а) На сухопутном театре военных действий турками широко использовались иррегулярные воинские формирования с присущими им собственными представлениями как о допустимых способах ведения войны, так и о внешних отличительных признаках своего личного состава, что во многом затрудняло отграничение последнего от мирного населения.

б) На морском театре военных действий борьба велась преимущественно за контроль над коммуникациями Порты, имевшими для нее жизненно важное значение (особенно в части, касающейся перевозок собственного угля и румынской нефти). Другими словами, Россия стремилась здесь к экономическому «удушению» Турции, что, в сочетании с иными факторами, влекло за собой и неуклонное расширение круга лиц, подлежащих военному плену.

Воссоздавая в деталях основные структурные элементы рассматриваемого контингента, надо отметить, что хотя «состоящие на действительной военной службе комбатанты и нонкомбатанты» образовывали ключевую и вполне универсальную подкатегорию военнопленных, применительно к туркам она отличалась некоторыми специфическими чертами, а именно:

¹ Жданов Н. Указ. соч. – С. 12, 31.

Таблица 4

**Основные структурные элементы контингента
турецких военнопленных и гражданских пленных,
поступавших в Россию в 1914–1917 гг.¹**

Военнопленные	Военнообязанные	Военнозадержанные
1	2	3
Состоящие на действительной военной службе комбатанты и нонкомбатанты вооруженных сил Османской империи (в т.ч. иррегулярных формирований), частей пограничной охраны, жандармерии и т.п., плененные российской армией и флотом на Кавказском, Персидском, Юго-Западном и Румынском фронтах, а также в бассейне Черного моря	Гражданские лица, годные к военной службе и застигнутые началом войны на территории России, в т.ч.: а) интернированные во внутренние регионы страны; б) оставленные в местах постоянного жительства.	Гражданские лица, не подлежащие призыву в вооруженные силы и застигнутые началом войны на территории России, в т.ч.: а) ушедшие во внутренние регионы страны вместе с интернированными членами своих семей; б) оставшиеся в местах постоянного жительства
Гражданские лица (вне зависимости от степени годности к военной службе), задержанные в районах боевых действий и на оккупированных территориях Османской империи:		
а) с оружием в руках (боеприпасами к нему); б) в результате отказа добровольно выдать оружие и (или) боеприпасы к нему до проведения обыска; в) по подозрению в причастности к шпионской деятельности, если подозрения эти остались неподтвержденными	а) в целях пресечения возможной шпионской деятельности; б) за нарушение пропускного режима; в) по иным причинам, дающим основания считать пребывание того или иного лица в тылу действующей армии нежелательным	
Члены экипажей турецких судов вне зависимости от степени годности к военной службе	Подлежащие призыву в вооруженные силы пассажиры турецких судов	Не подлежащие призыву в вооруженные силы пассажиры турецких судов
Германские военнослужащие, прикомандированные к турецким воинским частям и соединениям как лично, так и в составе своих национальных подразделений		

– высокой долей представителей иррегулярных формирований;
– исключительно «мужским составом» (во всяком случае, нами не выявлено фактов пленения русскими войсками османских сеестер милосердия или «женщин-воительниц», как это имело место, например, в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.);

¹ Составлена по данным: СУиРП. 1914. № 209. Ст. 2104; № 281. Ст. 2568; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 54–55; Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1152. Л. 195; Ф. 2100. Оп. 2. Д. 475. Л. 46–47, 50–51, 75; Д. 810. Л. 3; РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 519. Л. 7, 30; Д. 523. Л. 96; ЦГА СПб. Ф. Р-5876. Оп. 1. Д. 35. Л. 787.

– наличием мальчиков-добровольцев, начиная, как минимум, с 12-летнего возраста, состоящих в рядах иррегулярных частей¹.

Несколько сложнее структурировать гражданских лиц, задержанных в районах боевых действий и на оккупированных территориях (гр. 1 и гр. 2 Таблицы 4). Формально признание таковых военнопленными или военнообязанными, подлежащими интернированию, основывалось на нормах Положения о полевом управлении войск в военное время от 16 июля 1914 г. (ст. ст. 415, 507 и др.), наделявших военачальника от командира корпуса и выше правом высылать из района, занятого вверенными ему войсками, всех, чье присутствие в названном районе он сочтет «вредным». При этом определение степени вреда и причисление конкретного лица к той или иной категории обычно зависело от субъективных факторов. В этой связи более или менее определенно можно говорить о том, что значительную часть «задержанных с оружием в руках» составляли как курды, нередко ведущие в отношении частей Кавказской армии полупартизанскую войну, так и этнические турки, в т.ч. и лица преклонного возраста (до 80 и более лет), что во многом объясняет большое число последних в лагерях военнопленных в России.

Следует обратить внимание также и на то, что «обнаружение в ходе обыска оружия (боеприпасов к нему)» почти неизбежно влекло за собой пленение обыскиваемого без учета его возраста и любых иных обстоятельств. Так, в ноябре 1914 г. 50-летний Исмаил Годжа Осман оглы — мулла и одновременно учитель турецкого языка одной из сельских школ Эрзерумского вилайета, был признан военнопленным после того, как на полу его мечети было найдено четыре боевых патрона. При этом объяснения муллы, основанные на том, что накануне в мечети ночевали турецкие солдаты, которые вполне могли эти патроны там и обронить, во внимание приняты не были. Осталось без проверки и следующее его заявление: «нас задержали армяне (т.е. бойцы одной из добровольческих армянских дружин, входивших в состав Кавказской армии — В.П.) из-за двух-трех человек, которые скрывали курдов и награбленное ими имущество. Лица эти, неизвестные мне по фамилиям, откупились, дав взятку, а нас задержали»².

Пленение «в целях пресечения возможной шпионской деятельности», по нашим данным, не получило на Азиатском ТВД широкого распространения. В качестве одного из немногих примеров можно сослаться на постановление Главнокомандующего Кавказской армией

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 70. Л. 313.

² Там же. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 475. Л. 75.

от 22 июля 1917 г. В этом документе приведены имена 11 жителей с. Арник Эрзерумского вилайета, которые, «по показанию муллы того же селения и двух других свидетелей, являются аскерами¹, выбывшими из рядов турецкой армии по разным причинам». Исходя из того, что нахождение названных лиц «в войсковом районе Кавказской армии является опасным для армии в виду возможного с их стороны содействия неприятельским разведчикам», Главнокомандующий постановил «упомянутых 11 лиц в качестве военнопленных (здесь в смысле — «военнообязанных» — В.П.) выслать на все время войны из войскового района в глубокий тыл, в гор. Тифлис, о чем и объявить им»².

«Недоказанная причастность к шпионажу» как основание для пленения практиковалась гораздо чаще. Так, из 95 турок — гражданских лиц, доставленных 12 декабря 1914 г. на Сарыкамьшский этапный пункт вместе с пленными военнослужащими противника, «шпионами» числились 27 чел., или 28,4% от их общего числа. Правда, офицер штаба КВО, проводивший в отношении «шпионов» дознание, установил, что к их изобличению «не добыто на месте никаких решительно фактических данных, как, например, имение при себе карт, планов, писем, снимков, средств для передачи условных сигналов и пр., а равно не сделано ссылок на свидетелей, которые могли бы подтвердить, что такое-то лицо занималось шпионством»³. Тем не менее, все эти люди были доставлены в Тифлис, и 10 января 1915 г. Заведующий военно-судной частью при управлении Главнокомандующего Кавказской армией сообщил о них помощнику Главнокомандующего генералу от инфантерии А.З. Мышлаевскому: «в помещении военных арестантов Тифлисского комендантского управления содержится 27 турецких подданных, названных в списке «шпионами». О двенадцати из них произведено дознание. Причем, никаких данных к обвинению их в шпионстве не добыто, а в отношении остальных пятнадцати никаких сведений, изобличающих их в том же преступлении, в переписке не содержится, и кем именно и по каким основаниям они задержаны, остается неизвестным (Курсив наш — В.П.)». Обрисовав таким образом ситуацию, Заведующий военно-судной частью пришел к довольно интересному для юриста выводу: «в виду того, что скопление столь значительного числа турецких подданных в упомянутом месте заключения является во всех отношениях крайне обременительным, и, при отсутствии данных к возбуждению уголовного дела, — бесцельным, а между тем, освобождение их как лиц

¹ Аскер (тур. asker) — «солдат».

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1152. Л. 195.

³ Там же. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 475. Л. 50.

подозрительных,— опасным, я полагал бы целесообразным причислить их к категории военнопленных и выслать вместе с последними, а равно поступать также с другими турецкими подданными мусульманами, если таковые окажутся задержанными без всяких о них сведений в местах заключения в Александрополе, Карсе и др. (Курсив наш — В.П.)»¹.

Уже на следующий день это предложение получило одобрение со стороны А.З. Мышлаевского, став, по сути, правовым основанием для распространения статуса военнопленного (военнообязанного) практически на любого турецкого подданного, находящегося на театре военных действий... Очевидно, что реализация такого подхода не могла не повлечь за собой ошибок и злоупотреблений, на которые ясно указывают и данные Таблицы 5, и сохранившиеся документы штаба Кавказской армии, не без сарказма озаглавленные современниками: «Список лиц, неизвестно кем арестованных и за что», «Турецкие подданные, неизвестно кем, когда и за что арестованные» и т.п.²

Турки ответили потоком жалоб на незаконное задержание, который возник уже в ноябре 1914 г. и не иссякал вплоть до конца войны. Жалобы исходили как от самих пленных, так и их родственников и адресовались во все инстанции, вплоть до канцелярии Наместника его императорского величества на Кавказе (Наместника). Некоторым даже удавалось заручиться полуофициальной поддержкой со стороны должностных лиц российской военной и гражданской администрации (порой довольно высокопоставленных), которые, руководствуясь, в общем-то, понятными мотивами, активно выступали в защиту прав и интересов отдельных турецких подданных.

Все это не позволило органам военной юстиции полностью устраниться от рассматриваемой проблемы. Однако восстановление справедливости во многих случаях выглядело уже проблематичным, поскольку в хаосе войны было практически невозможно не только выявить подлинные причины пленения того или иного турецкого подданного, но и, зачастую, ... даже установить его местонахождение (особенно, если жалоба исходила от родственников). В одном лишь Тифлисе гражданский турок мог оказаться в распоряжении и воинского начальника, и смотрителя военных арестантов, и коменданта города и др. Он мог числиться и за штабом Главнокомандующего армией, и за ее военно-судной частью, и за прокурором одного из корпусов и т.д. Наконец, пленный мог быть отправлен к месту интернирования, ...будучи вообще нигде и никем не зарегистрированным.

¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 475. Л. 46–47.

² Там же. Л. 98, 102об.

Таблица 5

Список турецких подданных, задержанных без указания конкретных причин в ходе проведения Траpezундской операции (январь–май 1916 г.) и содержавшихся в сентябре 1916 г. при Михайловской крепости на положении интернированных военнообязанных¹

№ п/п	Имя	Возраст (полных лет)	Место и обстоятельства задержания (со слов самих задержанных)
1	Габиб Дубир оглы	11	«Взят в плен в местечке Оф за домашней работой»
2	Али Исмаил оглы	11	«Взят в плен в селении Фейзери во время боя»
3	Мамед Мехмед оглы	13	«Взят в плен в с. Харкет в доме за своей домашней работой»
4	Мамед Мамед оглы	14	«Взят в плен на базаре в Траpezонде»
5	Шевки Мезим оглы	60	«Взят в плен в с. Платана на мельнице, во время перемола муки»
6	Махмед Мефти оглы	75	«Взят в плен в местечке Оф за домашней работой»
7	Омер Таир оглы	82	«Взят в плен около местечка Сюрмене за домашней работой»
8	Шевки Мамед оглы	?	«Взят в плен на базаре в Траpezонде»
9	КириаК Кандилиди	?	«Не имея пропуска, идя с ближайшего селения, несли масло, за что и были арестованы»
10	Георгий Кандилиди	?	
11	Дмитрий Кандилиди	?	

Примечания: 1. В Таблице приведена часть списка из 70 турецких подданных в возрасте от 10 до 82 лет, в отношении которых в сентябре 1916 г. были возбуждены ходатайства об освобождении и возвращении в места постоянного жительства.

2. Места и обстоятельства «пленения» указаны в соответствии со стилистикой и орфографией документа.

Сказанное во многом объясняет тот факт, что поток «мирных жителей», эвакуируемых в тыл вместе с «настоящими» военнопленными, уже с первых дней войны приобрел значительные размеры. Так, 9 ноября 1914 г. из Тифлиса было отправлено в глубь России 113 пленных, в т.ч. 77 гражданских лиц. 12 декабря 1914 г. на Сарыкамышском этапном пункте числилось 103 турецких подданных, из которых лишь 8 являлись военнослужащими, а остальные фигурировали в документах как «простые сельчане», направленные на пункт «разновременнo из занятых нашими войсками турецких

¹ Составлена по данным: РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 811. Л. 5–8.

селений». 20 декабря 1914 г. в Тифлис была доставлена для последующей отправки во внутренние регионы страны партия военнопленных в составе 24 человек, 14 из которых составляли «мирные жители» и т.д.¹ Впрочем, здесь необходимо иметь в виду, что приведенные примеры относятся к периоду Сарыкамышского сражения (декабрь 1914 г. — январь 1915 г.), когда масса аскеров попала в плен будучи еще в гражданском платье, т.к., прибыв по мобилизации в части в разгар боев, эти люди не везде успели получить обмундирование. Данное обстоятельство, разумеется, первым делом обращало на себя внимание газетных репортеров и зафиксировано в целом ряде периодических изданий: «в Тифлис прибыл второй большой транспорт с турецкими пленными, в количестве более 1 200 чел., <...>. Только несколько десятков из них имело облик солдат в форме, остальные производили впечатление голодной и нищей орды»². «Через Карс проследовал поезд с пленными турками. В каждом из 28 вагонов поезда находится более 50 пленных. Поражает отсутствие намека на какое-либо обмундирование, заставляющее предполагать, что имеешь дело не с турецкими солдатами, а с мирными жителями. Однако сопровождающий пленных конвойный объясняет, что это — редиф³. Когда их забирали в плен, ни на одном из них не было формы»⁴.

Поскольку речь зашла об обмундировании, хотелось бы обратить внимание и на такой вопрос, *как пленение турок, использующих русскую военную форму*. Немногочисленные факты такого рода отмечены в ходе того же Сарыкамышского сражения, когда страдающие от холода аскеры надевали на себя шинели, снимаемые ими с русских убитых и раненых. Оканчивался такой способ согревания, как правило, тем, чем и должен был оканчиваться — расстрелом на месте, хотя вполне очевидно, что турки действовали по недомыслию, а не в целях введения противника в заблуждение. Что же касается последнего, то единственная информация, которой мы на этот счет располагаем, относится к 25 ноября 1914 г., когда вблизи Одессы было взято в плен 25 (по другим данным — 24) турецких кавалеристов, высадившихся на побережье с целью совершения диверсии на железной дороге. Как сообщала тогда же отечественная периодическая печать, «все высадившиеся были одеты в русскую военную

¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 45, 104; Ф. 2100. Оп. 2. Д. 475. Л. 50–51, 58–59.

² Сибирская правда. 1915. 17 янв. С. 2–3.

³ Редиф — резервисты, солдаты, призванные из запаса.

⁴ Омский телеграф. 1915. 13 янв. С. 2.

форму, 2 офицера в офицерскую, а остальные в солдатскую»¹. Уже в наши дни данный факт неоднократно находил подтверждение в трудах столь авторитетного историка, как А. Б. Широкоград².

Между тем, в XVIII – XIX вв., насколько нам известно, турки не проявляли заметной склонности к столь низкому коварству. Пожалуй, один лишь И. П. Дубецкий, участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., указывает в своих мемуарах на использование оттоманами в бою около роты некрасовцев³, переодетых в русскую форму⁴. Последнее сегодня вряд ли можно подтвердить или опровергнуть. О событиях же 25 ноября 1914 г. такого не скажешь, ибо сохранились фотографии всех кавалеристов, в т.ч. и обоих офицеров, сделанные тогда же в Одессе и представленные на вклейке настоящей книги... Форма на турках определенно не русская... Полагая, приведенных иллюстраций достаточно для того, чтобы навсегда поставить в данном вопросе точку. А заодно и смыть с оттоманской армии это грязное пятно.

Переходя к лицам из числа членов экипажей и пассажиров турецких судов, считаем необходимым обратить внимание на специфику данной подгруппы, предопределенную следующими факторами:

1. Уже упомянутым выше неуклонным расширением круга субъектов, признаваемых пленными, что отражено в данных Таблицы 6. Причем в этом процессе, видимо, далеко не всегда использовались достаточно четкие критерии. Например, в феврале 1916 г. ряды турецких военнопленных в России пополнили рыбаки Осман Сулейман, 82 лет, и Сали Осман, 85 лет. Вместе с тем, несколько месяцев спустя, в ноябре 1916 г., более молодой матрос – 80-летний Али Мехмед Муртоза оглы, был признан не подлежащим плену⁵.

2. Неполным совпадением взглядов морского и сухопутного командования в вопросе о том, кого именно следует считать пленным, и к какой именно категории пленников должно быть отнесено то или иное лицо. В результате, принимая турок от флота, органы армейского управления в одних случаях сохраняли их статус,

¹ Сибирская правда. 1914. 13 дек. С. 3.

² Широкоград А.Б. Тысячелетняя битва за Царьград. М.: Вече, 2005. – С. 549; Он же. Турция. Пять веков противостояния. М.: Вече, 2009. – С. 302.

³ «Некрасовцы» – русские старообрядцы, потомки донских казаков – сторонников атамана Игната Некрасова, одного из предводителей Булавинского восстания 1707–1708 гг. В 1740 г., спасаясь от преследования российского правительства, эмигрировали в Турцию.

⁴ Дубецкий И.П. Записки // Русская старина. – 1895. – Т. 83. – № 5. – С. 92.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 955. Л. 3–5; Оп. 3. Д. 523. Л. 35–36.

в других – изменяли. Так, помощник капитана парохода «Иттихад» Хусейн Исхан Эдхем бей и пассажир того же парохода, майор запаса Джевад Мазхар бей, плененные в июне 1916 г. и отправленные из Севастополя в Екатеринослав «в качестве военнопленных на офицерском положении», похоже, на каком-то этапе оказались «переаттестованы» и сначала попали в группу пленных нижних чинов австро-венгерской армии, а затем, после подачи ими соответствующей жалобы, были интернированы в Рязань, вместе с турецкими военнообязанными¹.

Таблица 6

Эволюция круга лиц, из числа членов экипажей и пассажиров турецких судов (в т. ч. и рыболовных), признаваемых военнопленными, военнообязанными и военнопленными на Черноморском театре военных действий в 1914–1917 гг.²

Срок	Субъекты, подлежащие плену	Обоснования, выдвинутые штабом Черноморского флота
С октября 1914 г.	Все турецкие подданные-мусульмане, вне зависимости от занимаемой должности, в возрасте 17–45 лет, годные к военной службе по состоянию здоровья	Общие требования, сформулированные в Высочайшем указе от 28 июля 1914 г., и актах, принятых в его развитие
С февраля 1915 г.	Верхний возрастной предел для всех указанных лиц повышен до 55 лет	Моряк сохраняет работоспособность и после 45 лет
С марта 1915 г.	Отменены ограничения по возрасту для капитанов судов	Капитаны «занимаются провозом контрабанды и исполнением поручений турецких властей»
С июня 1915 г.	Отменены ограничения по вероисповеданию для всех указанных лиц	Моряки из числа христиан «действуют в интересах турецких властей», и «занимаются провозом контрабанды ради своей корысти»
Не позднее начала 1916 г.	Отменены ограничения по возрасту для всех указанных лиц	Все турецкие подданные, задерживаемые в Черном море, «работают на оборону»
С сентября 1916 г.	Отменены последние ограничения: по признаку годности к военной службе и по признаку пола	Вступление в войну Румынии делает невозможным возвращение на родину турецких подданных, не подлежащих плену

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 519. Л. 7, 14–18, 30.

² Составлена по данным: РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 569. Л. 38, 58, 63–65, 74–76, 78; Д. 751. Л. 1, 9, 11; Д. 955. Л. 4–5; Оп. 3. Д. 512. Л. 82, 84, 86; Д. 523. Л. 23, 75–76, 96; ВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6515. Л. 1, 3.

3. Последовательным вступлением в войну Болгарии и Румынии, сделавшим практически невозможным реэвакуацию на родину турок, задержанных флотом, но по действующему законодательству плену не подлежащих. К примеру, передавая 1 сентября 1917 г. очередную группу пленников военно-сухопутному командованию, представитель МИД при штабе Черноморского флота писал: «что касается женщин турчанок <...> с малолетними детьми, являющихся женами и родственниками некоторых пленных турок, то они, в виду невозможности отправить их за границу по проходным свидетельствам, подлежат отправке вместе со всеми пленными в глубь страны»¹.

Некоторые сложности возникали тогда, когда среди пленных оказывался ребенок, но не оказывалось женщины, которой его можно было бы передать под опеку. В этом случае, поскольку «в Севастополе детей некому поручить», штаб флота признавал «за лучшее оставить их при отцах» или иных родственниках-мужчинах. Так, в марте 1917 г. с капитаном шхуны «Файзи-Худа» был отправлен в плен его 7-летний племянник².

В свете изложенного нельзя не обратить внимания на то, что нами не выявлено ни одного факта участия крымских татар в дальнейшей судьбе пленных турок (хотя бы женщин и детей), что резко отличало таковых, например, от членов греческой общины Крыма, как правило, изъявлявших готовность взять на поруки любого доставленного в Севастополь грека. Однако вряд ли это может служить основанием для упрека крымским татарам в равнодушии к своим единоверцам, тем более, что в годы предыдущих вооруженных конфликтов между Турцией и Россией крымские татары подобное участие демонстрировали. Так, в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. житель Симферополя генерал-майор в отставке Муфти-заде (Муфтизаде)³ «и многие другие почетные и зажиточные лица из мусульман» получили, в ответ на свое ходатайство, высочайшее разрешение «взять на поруки и полное содержание женщин с их семьями», в количестве около 30 человек, пленных 13 декабря 1877 г. в Черном море при захвате турецкого судна «Мерсина» (в списке из более чем 700 пленных фигурировали «12 женщин с 3 детьми и 16 молодыми людьми»⁴).

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 523. Л. 96.

² Там же. Оп. 2. Д. 751. Л. 1об.; Оп. 3. Д. 523. Л. 46, 65.

³ Очевидно, здесь имеется в виду бывший командир гвардейского крымско-татарского эскадрона генерал-майор Батыр Челеби Муфти-заде (1817–1886).

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2038. Л. 258; РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 8104. Л. 24, 27, 29–30.

Что касается германских военнослужащих, прикомандированных к турецким воинским частям и соединениям, то, поскольку количество таких лиц в составе пленных исчислялось единицами, мы считаем возможным в своем дальнейшем исследовании не принимать их во внимание. Сошлемся лишь в качестве примера на тот факт, что в ноябре 1917 г. в русском плену находился майор 14-го пехотного полка оттоманской армии Теодор Эргард¹.

Завершая обзор данного аспекта рассматриваемой проблемы, хотелось бы обратить внимание на обособленное положение турецкого врачебного и санитарного персонала. Детерминировалось оно тем, что по смыслу ст. ст. 9 и 12 «Конвенции для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях» от 6 июля 1906 г. (далее — «Женевской конвенции»), а равно им корреспондирующей ст. 10 X Гаагской конвенции «О применении к морской войне начал Женевской конвенции» от 18 октября 1907 г., перечисленные лица не подлежали военному плену. Однако, оказавшись во власти противника, они должны были продолжать исполнение «своих обязанностей, пока это будет необходимо», и могли быть возвращены на родину лишь «по миновании необходимости в их содействии».

Очевидно, что в условиях глобального вооруженного конфликта, когда в медицинской помощи постоянно нуждалось большое число людей, необходимость в содействии врачей вряд ли могла когда-нибудь миновать. Впрочем, все это прекрасно понимали и сами врачи. За исключением, кажется, лишь одного — Махмеда Тайзин Ибрагим оглы, который, будучи пленным 21 декабря 1914 г. и направленным для работы по специальности в госпиталь кр. Карс, спустя месяц подал рапорт с просьбой «отпустить в Стамбул к семье» (!?), обосновывая это тем, что во время Балканских войн врачи враждующими сторонами не задерживались... Рапорт, естественно, удовлетворен не был, а просителю, похоже, дали понять, что в то время, когда все лечебные учреждения Кавказа от Сарыкамыш до Ставрополя забиты его ранеными, больными и обмороженными соотечественниками, демонстрация врачом своей приверженности семейным ценностям выглядит не вполне уместно².

В географии размещения турецких военнопленных можно выделить три основных этапа, определенное представление о которых позволяют составить данные Таблицы 7. Рассматривая их подробнее, отметим следующее.

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-5876. Оп. 1. Д. 35. Л. 787.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 506. Л. 241–242.

Таблица 7

**Примерное распределение турецких военнопленных
по военным округам России в 1914–1917 гг.¹**

Наименование округа	Число военнопленных, интернированных в округ с начала войны (чел.)							
	На 1 мая 1915 г.		На 1 января 1916 г.		На 1 января 1917 г.		На 1 января 1918 г.	
	Кол- во	То же в%	Кол- во	То же в%	Кол- во	То же в%	Кол- во	То же в%
«Омский»	300	1,6%	300	1,2%	300	0,5%	350	0,5%
«Иркутский»	10 100	55,3%	13 400	52,7%	13 550	21,6%	13 550	21,1%
«Приамурский»	4 600	25,1%	4 700	18,5%	4 750	7,5%	4 800	7,4%
Итого в округах Сибири	15 000	82,0%	18 400	72,4%	18 600	29,6%	18 700	29,0%
«Московский»	—	—	3 600	14,2%	6 700	10,6%	7 700	12,0%
«Казанский»	300	1,6%	400	1,6%	700	1,1%	800	1,2%
Итого в округах Европейской России	300	1,6%	4 000	15,8%	7 400	11,7%	8 500	13,2%
«Кавказский»	3 000	16,4%	3 000	11,8%	37 000	58,7%	37 300	57,8%
ВСЕГО:	18 300	100%	25 400	100%	63 000	100%	64 500	100%

Примечания: 1. Данные за 1915 г. приведены по состоянию на 1 мая в связи с тем, что в начальный период войны основная масса турок была пленена в ходе Сарыкамышского сражения (декабрь 1914 — январь 1915 гг.) и на 1 января 1915 г. находилась на различных этапах эвакуации.

2. В Таблицу включены и лица, умершие по различным причинам в ближнем тылу действующей армии, на этапах эвакуации и в местах интернирования, а также иным путем утратившие статус военнопленных до 1 января 1918 г.

3. Офицеры интернировались преимущественно в пределы Московского (Вологодская и Костромская губернии) и Иркутского (Енисейская и Забайкальская губернии) военных округов.

I. Первый этап охватывал период с октября 1914 г. и примерно до февраля-марта 1915 г. В основу его реализации был положен т.н. «политико-национальный принцип», суть которого состояла в дифференциации пленников на представителей «дружественных» и «недружественных» национальностей. При этом к первым относили славян, румын, итальянцев, эльзасцев и др. Ко вторым — венгров, немцев и турок, которые, в отличие от лиц «дружественных» наци-

¹ Составлена по расчетам автора, основанным на данных: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 546. Л. 19; Д. 575. Л. 1–4; Оп. 6. Д. 25. Л. 7; РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 506. Л. 205, 210; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1700. Л. 2–6; *Kutlu C. Dünya Savaşı'nda Rusya'daki Türk Esirleri // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. Cilt 17, Sayı 43 (2010). S. 319–320. URL: <http://e-dergi.atauni.edu.tr/index.php/taed/article/viewFile/2705/2690> (дата обращения: 04.04.2014); *Rachamimov A. Op. cit. – P. 39–41.**

ональностей, подлежали интернированию в наиболее отдаленные регионы страны (в Восточную Сибирь и на Дальний Восток).

В свете изложенного нельзя не подчеркнуть, что в 1914 г. турки были направлены за Урал... **впервые за всю многовековую историю вооруженного противостояния между Россией и Портой (!!!)**. Это выглядит особенным контрастом на фоне того обстоятельства, что, начиная уже с Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Петербург откровенно воздерживался от интернирования оттоманов даже в Архангельск, Карелию и Прибалтику, считая названные регионы неподходящими для них по климату¹. Впрочем, чудовищный уровень смертности турок на этапах эвакуации и в военных округах Сибири зимой 1914–1915 гг. заставил российские власти быстро отказаться если не от самого «политико-национального принципа», то уж во всяком случае от его применения к подданным Османской империи.

II. Ко второму этапу мы относим период с марта по декабрь 1915 г., когда в географии распределения пленных на первое место выходят Московский и Казанский военные округа, считавшиеся до этого исключительно «славянскими». Как видно из данных Таблицы 7, до конца года численность турок здесь выросла более чем в 13 раз. И хотя их интернирование в округа Сибири продолжилось, темпы этого процесса заметно снизились.

III. Третий этап, продолжавшийся от начала 1916 г. вплоть до конца войны, самым своим возникновением и существованием обязан исключительно субъективному фактору, а точнее, не вполне проясненным нами мотивам и целям великого князя Николая Николаевича (младшего). Будучи смещенным в августе 1915 г. с поста Верховного Главнокомандующего и назначенным Наместником и, одновременно, Главнокомандующим Кавказской армией, он просто приказал впредь оставлять всех лиц, плененных на Азиатском ТВД, в пределах КВО (за исключением офицеров)². В итоге, как следует из данных Таблицы 7, к концу войны почти 60 % турецких военнопленных было расквартировано непосредственно на Кавказе, тогда как их доля в регионах Сибири упала с 82 % до 29 %. Впрочем, эти изменения во многом детерминировались и тем, что, как это видно

¹ Единственное исключение из этого правила (да и то только для Прибалтики) было допущено в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., причем вопреки позиции Александра II, и лишь потому, что российским властям не удалось разместить всех плененных турок в центральных и южных регионах страны.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 18. Л. 537; Д. 61. Л. 259.

из Таблицы 8, свыше 90 % всех турок были пленены на Азиатском ТВД и почти 60 % — лишь в 1916 г.

Таблица 8

Динамика поступления турецких военнопленных в Россию с морского и континентальных театров военных действий в 1914–1917 гг.¹

№ п. п.	Место пленения	Время пленения / количество плененных (чел.)				Всего	
		1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Кол-во	В%
1	Азиатский ТВД (Кавказский и Персидский фронты)	3 000	22 000	35 000	300	60 300	93,5 %
2	Европейский ТВД (Юго-Западный и Румынский фронты)	—	—	2 200	1 000	3 200	5,0 %
3	Черноморский ТВД	200	200	400	200	1 000	1,5 %
4	Итого:	3 200	22 200	37 600	1 500	64 500	100 %
5	То же (стр. 4) в%	5,0 %	34,4 %	58,3 %	2,3 %	100 %	

Примечание: Все турки, плененные в ходе Сарыкамышского сражения (декабрь 1914 г. — январь 1915 г.), отнесены к 1915 г.

К сказанному можно добавить, что в структуре турецких военнопленных основную массу составляли те, кто служил в пехоте. На втором месте со значительным отрывом следовали саперы, затем пограничники. Крайне редко в списках можно обнаружить кавалериста, еще реже — артиллериста.

Достаточно сложно определить в составе военнопленных долю «мирных жителей». Данные на этот счет крайне фрагментарны и противоречивы. В одних списках гражданские лица вообще отсутствуют, в других они составляют от 1–2 % до 10–12 %², а в третьих явно доминируют над военными, как это видно, например, из Таблицы 9. Кроме того, отдельные документы, вызывают серьезные сомнения. К примеру, в докладе Комиссара Временного правительства по делам Кавказа от 26 августа 1917 г. говорится буквально следующее: «анкета, произведенная Московским армянским комитетом среди военнопленных, размещенных в лагерях Иркутского воен-

¹ Составлена по расчетам автора, основанным на данных: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 1–4; Оп. 6. Д. 25. Л. 7; РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 506. Л. 205, 210; РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2109. Л. 2. 14–18; Ф. 609. Оп. 2. Д. 751. Л. 1, 6; *Rachimov A. Op. cit.* – P. 39–41; *Kutlu S. Op. cit.* – S. 319–320.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 112. Л. 97–99; ГАРО. Ф. 212. Оп. 2. Д. 64. Св. 8. Л. 258, 265–269.

ного округа, выяснила, что из 313 пленных армян, содержавшихся в названном округе, 161 (т.е. 51,4% — В.П.) оказались не солдатами, а случайно захваченными во время военных действий мирными жителями»¹.

Таблица 9

Список турецких военнопленных, находившихся в августе 1917 г. на строительство 3-го участка железнодорожной линии Волхов-Рыбинск²

№ п.п.	Имя	Воинская часть	Возраст (полных лет)
1	Гусейн Халил	Мирный житель	17
2	Яшар Тамель	- / - / - / - / -	17
3	Али Якоб	- / - / - / - / -	18
4	Махсут Магомет	- / - / - / - / -	19
5	Джафар Кокован	- / - / - / - / -	19
6	Руссейн Руфан	- / - / - / - / -	20
7	Гасан Кокован	- / - / - / - / -	22
8	Разам Мустафа	96-й пехотный полк	25
9	Али Кизир	Мирный житель	31
10	Акиф Карим	2-й пехотный полк	36
11	Измаил Мустафа	49-й пехотный полк	40
12	Абдула Карим	Мирный житель	40
13	Магомет Азис	13-й пехотный полк	40

К сожалению, мы не располагаем материалами указанного анкетирования. Вместе с тем, в нашем распоряжении имеется довольно подробная ведомость, составленная на исходе 1916 г. штабом соседнего ПриамВО и свидетельствующая о том, что из группы в составе 268 аскеров-армян, содержащихся в округе, лишь 8 чел. (3 %) были признаны мирными жителями³. Сопоставляя приведенные показатели и принимая во внимание тот факт, что пленные турецкие армяне интернировались в оба округа одновременно, в массе своей — на рубеже 1914–1915 гг., без какой-либо дифференциации, мы склоняемся к мнению, что «анкета, произведенная Московским армянским комитетом», доверия не заслуживает. Примерно то же мы вынуждены сказать и об отчете Испанского консула в Тифлисе

¹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 529. Л. 2.

² Составлена по данным: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1280. Оп. 1. Д. 111. Л. 60–64.

³ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 10–58.

от 15 (28) июня 1917 г., на который ссылается в своем исследовании турецкий историк Д. Кутлу. Как видно из названного документа, летом 1917 г. в пределах консульского округа находилось 39 867 плен­ных турок, из которых военнослужащие составляли менее 7 тыс. чел. (117 офицеров и 6 795 солдат)¹. На наш взгляд, эти данные, с одной стороны, неполны, поскольку, скорее всего, не учитывают военно­пленных, расквартированных в ближнем тылу Кавказской армии, т.е. вне границ консульского округа, на территории собственно Тур­ции, а с другой — могут включать в себя тех представителей мест­ного населения, которое привлекалось российским командованием к выполнению дорожных и иных работ, но пленными при этом, есте­ственно, не признавались.

В целом же, обобщая содержание различных источников, мы по­лагаем, что доля «мирных жителей» в составе военнопленных могла достигать 12–15% от их общего количества (64,5 тыс.), т.е. пример­но 8–10 тыс. человек.

Завершая обзор исследуемого вопроса, заметим, что контин­гент турецких военнопленных эпизодически пополнялся лица­ми, не подлежащими включению в данную категорию, но отне­сенными к таковой на более или менее продолжительное время вследствие разного рода недоразумений, недостаточной компе­тентности отдельных представителей российских органов во­енного управления, расширительного понимания ими предпи­саний вышестоящих штабов и иных причин. Например, в числе военнопленных порой оказывались россияне, выехавшие до во­йны по своим делам в Турцию (в основном, на заработки) или скрывавшиеся на ее территории от русского правосудия². Обна­руживались среди них и русские перебежчики, а также дезерти­ры, первоначально задержанные сторожевым охранением частей оттоманской армии, а в ходе последующих боев... попавшие уже в русский плен. Так, 4 ноября 1914 г. Тифлисскому коменданту были доставлены «для содержания под стражей до особого распо­ряжения семь наших дезертиров, задержанных в турецкой армии и прибывших с партией военнопленных». Как следует из прила­гаемого списка, все они были рядовыми 153-го Бакинского, 154-го Дербентского и 156-го Елисаветпольского пехотных полков (Левон Абкаров, Оганес Мурадянц, Абрам Степанов, Карапет По-

¹ *Kutlu C. Op. cit.* – S. 321.

² РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 475. Л. 84об.

госов, Галуст Погосов, Варос Галустов и Зура-Бабил Крикоров)¹. В качестве другого примера можно назвать «османского» поручика М. В. Сазонова (Созамова), который попал в плен весной 1915 г. и 16 сентября того же года «за государственную измену» был приговорен к смертной казни².

Отдельного внимания заслуживают этнические турки и армяне — жители Карской обл., которые в период вторжения оттоманской армии в Закавказье (декабрь 1914 г.), выражаясь словами официального документа: «забыв присягу (на подданство России — В.П.), присоединились к турецким войскам, получили оружие, служили проводниками, грабили оставленное бежавшими армянами имущество и лавки и оказывали неприятелю иные услуги»³. После установления таких фактов названные лица, разумеется, лишались статуса военнопленных и передавались соответствующим органам, где в ходе допросов турки обычно перекалывали всю вину на армян, а армяне на турок. Однако военно-полевые суды Кавказской армии неизменно оказывались выше национальных и религиозных предрассудков и за государственную измену «давали» всем поровну: по 12 лет каторги⁴.

Некоторые документы дают основания предполагать, что в рядах военнопленных могли числиться даже... турецкие парламентарии, которым по каким-то причинам не было позволено вернуться в расположение своих частей. На это указывает, например, следующая радиограмма Командующего 3-й турецкой армией, принятая 21 июня 1917 г. радиостанцией 1-го Кавказского корпуса: «Господину Главнокомандующему русской Кавказской армией. 24 мая нового стиля с.г. на участке 17-го Туркестанского полка два наших офицера с солдатом-переводчиком, отправлявшиеся для переговоров на нейтральную полосу, соблюдая все правила законов и обычаев сухопутной войны, принятых международными конвенциями, были приглашены в штаб полка и предательски задержаны командиром означенного полка армянином Осипьянцем. И по последним сведениям отправлены в Трапезунд, а потом в Батум. Хотя предвечная правда вполне возместила эту несправедливость, заставив снизиться один весьма сносный русский аэроплан с летчиком и наблюдателем-офицерами за наши позиции,

¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 32; Ф. 2100. Оп. 2. Д. 475. Л. 28, 34.

² Там же. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 595. Л. 1–15.

³ Там же. Д. 810. Л. 42.

⁴ Там же.

но нам все-таки весьма обидно видеть, чтобы какой-нибудь проходимец-армянин из-за своей мелочной мстительности запятнал честь благородной нации с безупречным прошлым, с светлой моралью в настоящем. Храним надежду, что русская армия, никогда не переступавшая сознательно границ человечности, поспешит смыть это пятно бесчестия, возвратив наших парламентариев и наказав как следует нарушителя международных прав и основ гуманности»... В достоверности изложенного лишний раз убеждает (а заодно и вызывает сложные чувства) приписка на приведенном документе, оставленная тогда же, вероятно, кем-то из высокопоставленных офицеров штаба Кавказской армии и адресованная ее Командующему: «не признаете ли возможным, разрешить послать турецкому командующему радиogramму, которой сообщить ему, что мы согласны на возвращение двух турецких офицеров и солдата в обмен [на] наших офицеров летчика и наблюдателя вместе с аппаратом (Курсив наш — В.П.)»¹.

Что касается военнообязанных и военнопленных (гр. 2 и гр. 3 Таблицы 4), то в дополнение к тому, что уже было сказано о лицах данных категорий ранее, считаем необходимым подчеркнуть, что, по смыслу норм действующего законодательства, интернированию во внутренние регионы страны подлежали турецкие подданные, как правило, из числа мусульман и иудеев, в возрасте от 17 до 50 лет², годные к военной службе по состоянию здоровья и застигнутые началом войны в местностях, объявленных на военном положении и вообще входящих в округа, находящиеся «на театре военных действий». Кроме того, было признано целесообразным выселить таких людей и из Приморья, Туркестана и обеих столиц.

Однако в действительности круг военнообязанных, интернированных во внутренние регионы России, оказался намного шире, т.к. нередко вбирал в себя и значительную часть военнопленных. К примеру, если в Калужской губернии к августу 1915 г. в числе почти 2 тыс. турок (1 981 чел.) не оказалось ни одной женщины и ни одного ребенка³, то, как это следует из письма Рязанского губернского комиссара во Временное управление по делам милиции от 16 мая 1917 г., вопреки распоряжениям, отданным в отношении

¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 93. Л. 27–28.

² 27 августа 1914 г. возрастные рамки для лиц указанной категории были расширены и определены в диапазоне от 17 до 50 лет (вместо установленных ранее 18–45 лет).

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 264. Л. 5.

турецких подданных еще в октябре-декабре 1914 г., из Закавказья в Рязань в самом начале войны «были высланы старики в возрасте свыше 60 и даже 70 лет, а также женщины и дети. В особенности их [количество] увеличилось в начале текущего (1917 — В.П.) года, когда в Рязань прибыли из Сухумского округа 2 большие партии — одна в 486 и другая в 615 чел., состоявшие в большинстве из женщин, детей и дряхлых стариков»¹.

Вряд ли все это можно с исчерпывающей полнотой объяснить эксцессами начального периода войны и (или) некими региональными особенностями, т.к. практически то же самое происходило и в иное время, и в иных губерниях. Например, в апреле 1916 г., в связи с объявлением города и порта Мариуполь на военном положении, Екатеринославский губернатор потребовал от Мариупольского полицмейстера и исправников прилегающих к городу уездов «немедленно выслать <...> в Уфимскую губернию подданных *обоего пола воюющих с нами держав начиная с 17-и летнего возраста* (Курсив наш — В.П.) за исключением <...> турподданных, доказавших документально исповедание ими одной из христианских религий»². Впрочем, ни одна из христианских религий, как уже отчасти говорилось ранее, сама по себе не обеспечивала турподданному избавление от высылки. Например, из того же Мариуполя в августе 1916 г. были отправлены в Уфимскую губернию турецкие христиане Сероп Окосьянец, Мекирдич Окосьянец и Телемак Какулиди, «зарегистрированные жандармской полицией в неблагонадежности»³.

Характерно, что изложенный выше порядок полностью распространялся и на этнических русских православного исповедания. Так, в октябре 1914 г. в г. Кустанай Тургайской обл. оказались высланы братья Вагнер (Федор Яковлевич и Андрей Яковлевич), уроженцы Екатеринослава, всю жизнь прожившие в этом городе и «унаследовавшие» турецкое подданство от отца. А поскольку из документов невозможно понять, в чем именно состояла неблагонадежность этих людей, остается лишь предположить, что братьев «подвела» немецкая фамилия⁴. У точно таких же турецко-подданных — брата и сестры Самойловых (Алексея Марковича и Елизаветы Марковны) — проблем с фамилией не возникло, но, по данным полиции,

¹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 404. Л. 39–41.

² РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 223. Л. 52.

³ Там же. Л. 49.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 150.

они оказались «связаны с прусской подданной <...>, заподозренной в военном шпионстве», почему и были высланы из Севастополя в Уфу тогда же в октябре 1914 г.¹

Кроме перечисленных лиц, в состав военнообязанных также входили представители турецкой гражданской администрации, оказавшиеся на оккупированных русскими территориях. Так, в декабре 1914 г., по решению Наместника, в Рязань были интернированы чиновники г. Баязет (но только лица призывного возраста)². К военнообязанным относились и те, кто ходе войны отбывал по приговорам российских судов наказания, не связанные с лишением свободы, как, например, турецкий подданный Т. К. Аветисянц, приговоренный 4 ноября 1913 г. Эриванским окружным судом «к отдаче в исправительные арестантские отделения сроком на 2 года с последующей ссылкой» и проживавший в 1917 г. в г. Никольске Вологодской губ.³

В географии размещения турецких военнообязанных, отраженной в Таблице 10, можно выделить как сходные с географией размещения военнопленных, так и особенные черты. В первую очередь надо подчеркнуть, что МВД в данном вопросе пошло по традиционному пути и, в отличие от военного ведомства, приняло во внимание возможные последствия своих решений для здоровья и жизни интернируемых, водворив турок в регионы с относительно умеренным климатом. Причем, уже на исходе ноября 1914 г. даже Ярославская губ. была признана министерством «неподходящей для поселения в ней турецких подданных» «по климатическим условиям местности»⁴.

Однако, если места расквартирования турецких военнопленных были определены Военным министерством еще 6 сентября 1914 г., т.е. за полтора месяца до начала войны с Турцией, то для МВД это почти неизбежное в тех условиях событие наступило до некоторой степени неожиданно. Во всяком случае, первые, оперативно принятые этим ведомством решения пришлось дополнять и изменять уже через 3–4 недели после начала военных действий (не говоря уже о том, что на рубеже 1914–1915 гг. приведенный перечень дополнили Уральская обл. и Уфимская губ.). К тому же данные Таблицы 10 дают основания предположить, что осенью 1914 г. российское МВД просто

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 569. Л. 117–118.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 37; Д. 506. Л. 51.

³ ГАВологО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 6882. Л. 2, 6.

⁴ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 55.

не располагало полной и (или) достоверной информацией о количестве турецких подданных, находящихся на подведомственных ему территориях, и поэтому изначально недооценило их численность.

Таблица 10

Эволюция географии интернирования турецких военнообязанных в России в октябре-ноябре 1914 г.¹

Дата принятия решения	Регион, предназначенный для «водворения» военнообязанных	Примечания
20 октября	Калужская губ.	Для проживающих в Закавказье
	Ярославская губ.	Для проживающих на Северном Кавказе
22 октября	Тамбовская губ.	Для проживающих в Западных и Юго-Западных регионах страны
12 ноября	Воронежская губ.	В дополнение к Тамбовской губ.
21 ноября	Рязанская губ.	В дополнение к Воронежской губ.
27 ноября		В дополнение к Калужской губ.
		Вместо Ярославской губ.

Наконец, говоря о географии размещения исследуемого контингента, невозможно обойти молчанием тот факт, что именно в годы Первой мировой войны российские власти впервые стали смотреть сквозь пальцы на интернирование пленных турок в регионы, населенные этническими мусульманами — явление для XVIII — XIX вв. практически немыслимое. (Правда, некоторые шаги в этом направлении наметились еще в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). Характерно, что хотя Совмин в октябре-ноябре 1914 г. посвятил данному вопросу целых три заседания (!), в итоге он ограничился лишь тем, что рекомендовал Министру внутренних дел как можно быстрее освободить «от подозрительного турецкого элемента» «те местности России, в коих имеется значительное количество мусульманского населения», «дабы предупредить развитие среди ныне вполне лояльной мусульманской массы опасной панисламистской пропаганды»².

О том, как эти рекомендации были претворены в жизнь, свидетельствует размещение турецких военнопленных непосредственно

¹ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 264. Л. 20; Ф. 1791. Оп. 2. Д. 404. Л. 11, 39; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 2, 71–73; Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 92, 138; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 1, 55.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 838. Л. 107.

на Кавказе, а военнообязанных — не только в Ярославской и Уфимской губерниях, но даже в Уральской области, где мусульмане составляли на тот момент почти $\frac{3}{4}$ населения. В пользу сказанного говорит и тот факт, что, в ходе сбора материалов, нам удалось выявить лишь один случай протеста, последовавшего со стороны российского должностного лица на планы размещения в его ведении турецких военнообязанных. Исходил этот протест от Рыбинского полицмейстера, уже в ноябре 1914 г. сумевшего убедить Ярославского губернатора исключить Рыбинск «из числа мест, предназначенных к водворению турецких подданных-мусульман», поскольку «между местными мусульманами найдутся и такие, которые, входя в общение с военнопленными («военнообязанными» — В.П.), будут оказывать им тайно всякое содействие и уследить за ними не представляется никакой возможности»¹. (В свете изложенного небезынтересно отметить, что в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в том же Рыбинске было расквартировано больше турок, чем в годы Первой мировой войны во всей Ярославской губернии. Однако тогда этот факт почему-то никого не беспокоил). Впрочем, «скрытый» протест был, конечно же, гораздо шире, и исходил он как от уездных властей, нередко предпочитавших уклоняться от приема военнообязанных под предлогом отсутствия в их распоряжении свободных помещений, так и от домовладельцев, наотрез отказывавшихся сдавать эти помещения в аренду для турок.

Все перечисленное во многом предопределило и различия в характере размещения военнообязанных в регионах, что видно из данных Таблицы 11.

Так, если калужские власти предпочли оставить большую часть турок в губернском городе, то в Тамбове их оказалось менее 10 % от общего числа, а в Ярославле вообще ни одного. Если в Калужской и Тамбовской губерниях они в массе своей были размещены как в уездных городах, так и в сельской местности, то в Ярославской — лишь в границах уездных центров. Наконец, только в Калужской и, отчасти, Ярославской губерниях турок удалось равномерно распределить между уездами, тогда как в Тамбовской губ. этот показатель, к примеру, для Борисоглебского уезда, с одной стороны, и Темниковского или Лебедянского, с другой, вообще несопоставим.

¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 20, 79.

Таблица 11

**Распределение турецких военнообязанных
по населенным пунктам и уездам Калужской, Тамбовской
и Ярославской губерний на рубеже 1914–1915 гг.¹**

Калужская губ.		Тамбовская губ.		Ярославская губ.	
Населенные пункты (уезды)	Кол-во (чел)	Населенные пункты (уезды)	Кол-во (чел)	Населенные пункты (уезды)	Кол-во (чел)
г. Калуга	1729	г. Тамбов	323	г. Ярославль	—
Жиздринский	150	Борисоглебский	2815	г. Пошехонье	326
Медынский	100	Усманский	503	г. Любим	147
Мосальский	100	Моршанский	408	г. Молога	110
Козельский	75	Липецкий	209	г. Мышкин	102
Лихвинский	74	Шацкий	200	г. Романов-Борисоглебск	96
Перемышльский	50	Кирсановский	155	г. Ростов Великий	33
Боровский	50	Козловский	121		
Малоярославецкий	50	Лебединский	27		
Тарусский	50	Темниковский	28		
Мещовский	49	Спасский	1		
Калужский	23				
Итого:	2500	Итого:	4790	Итого:	814
Всего:					8104

Что касается количества военнообязанных, а также военнопленных, находившихся в пределах России в 1914–1917 гг., то в литературе на этот счет фигурируют разные цифры: от 10 тыс. чел. до 400 тыс. и более². К сожалению, такой разброс является неизбежным, поскольку существующие на сей счет данные крайне разрозненны. Например, известно, что к середине 1917 г. в Уральской обл. находилось до 2,5 тыс. военнообязанных турок; что максимальное число их в Воронежской, Рязанской и Тамбовской губерниях составляло около 10 тыс. и т.д.³ В конечном итоге есть основания утверждать, что в ходе войны в названные выше Воронежскую, Калужскую,

¹ Составлена по данным: ГАТО. Ф. 2. Оп. 143. Д. 489. Л. 2–15; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 85; Тихонов А.В. «Все... поименованные есть турецкоподданные, а потому и были задержаны» // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 5. – С. 68–69.

² Kutlu С. Op. cit. – С. 328.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 264. Л. 5; Ф. 1791. Оп. 2. Д. 533. Л. 12; ГАТО. Ф. 2. Оп. 143. Д. 489. Л. 109 и др.

Рязанскую, Тамбовскую, Уфимскую и Ярославскую губернии, а также в Тургайскую и Уральскую области было «водворено» в общей сложности до 15–17 тыс. турецких подданных. Однако приведенная цифра мало о чем говорит в виду следующих обстоятельств.

1. Турецкие военнообязанные интернировались не только в специально отведенные для них губернии (области), но на практике могли оказаться в любом регионе России. Так, по данным Е. Ю. Бондаренко, 114 подданных Оттоманской империи, задержанных осенью 1914 г. в Приморье, были высланы в Якутскую обл.¹ В качестве другого примера можно сослаться на военнообязанных Мустафу Реджиба Кади оглы и Иосифа Какши оглы, проживавших до войны в Подольской губ. и интернированных почему-то... в Курскую губ., хотя она числилась в составе Киевского военного округа и, подобно Подольской, считалась относящейся к театру военных действий².

2. Период выдворения турецких подданных во внутренние регионы страны не ограничился осенью 1914 г., а продолжался фактически на протяжении всей войны. Выше уже говорилось о том, что процесс выселение турок-мусульман из Сухумского округа активизировался лишь весной 1917 г., а из Мариуполя — весной 1916 г. В Севастополе — главной базе флота, ведущего борьбу с Турцией (!), на этот вопрос по-настоящему обратили внимание только в ноябре 1916 г., когда отсюда было одновременно выдворено 173 турецких армянина (не считая членов их семей)³.

3. Пребывание интернированных турецких подданных в России не препятствовало их трудовой миграции, определенные представления о характере и масштабах которой дают данные Таблицы 12.

4. Наконец, последнее и, пожалуй, самое главное: основная масса турецких подданных никогда не подвергалась в России принудительному переселению и вплоть до конца войны продолжала находиться в тех губерниях, в которых их застало начало военных действий. Достаточно очевидно, что не было никакого смысла перемещать куда-либо турок, которые проживали в регионах Сибири, Урала или Поволжья. Например, по данным А. В. Калякиной, все военнообязанные-подданные Оттоманской империи (21 чел.), оказавшиеся к 20 октября 1914 г. в Саратовской губ., так и остались в местах своего постоянного жительства⁴.

¹ Бондаренко Е.Ю. Указ. соч. – С. 158, 163.

² ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 35. Л. 50–60.

³ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 746. Л. 92.

⁴ Калякина А.В. Подданные стран – участниц Четверного союза в Саратовском По-

Таблица 12

**Изменение численности турецких военнообязанных
в г. Тамбове и уездах Тамбовской губернии в период
с декабря 1914 г. по август 1915 г.¹**

№ п.п.	Населенные пункты (уезды)	Количество военнообязанных		Изменения
		На 13 декабря 1914 г.	На 20 августа 1915 г.	
1	г. Тамбов	323	423	+ 100
2	Борисоглебский	2815	1948	– 867
3	Усманский	503	53	– 450
4	Моршанский	408	401	– 7
5	Липецкий	209	117	– 92
6	Шацкий	200	182	– 18
7	Кирсановский	155	127	– 28
8	Козловский	121	110	– 11
9	Лебедянский	27	86	+ 59
10	Темниковский	28	231	+ 203
11	Спасский	1	11	+ 10
12	Итого:	4790	3689	– 1101

В еще большей степени сказанное относилось к лицам из числа турецких христиан. К примеру, с началом войны было разрешено не покидать Москвы турецкому подданному Герману Радину «в виду его благонадежности и христианского вероисповедания»². По той же причине в Приморье были оставлены 159 турецких греков³. В пределах Керчь-Еникальского градоначальства на протяжении всей войны проживало несколько сот армянских и греческих семей — турецких подданных⁴. Что же касается Севастопольского градоначальства, то хотя Командующий флотом еще в августе 1915 г. запретил пребывание в его границах «всем иностранным подданным воюющих с нами держав независимо от их национальности, религии и рода занятий»⁵, запрет этот начал претворяться в жизнь, да и то частично, лишь в ноябре 1916 г. Причем приводимый нами

волжье (1914–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2013. – С. 16.

¹ Составлена по данным: ГАТО. Ф. 2. Оп. 143. Д. 489. Л. 2–15, 193–207.

² ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 296. Л. 48об.

³ Бондаренко Е.Ю. Указ. соч. – С. 158, 163.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 569. Л. 9–10, 14.

⁵ Там же. Л. 126.

выше факт выселения из пределов градоначальства 173-х семей турецких армян мало изменил общую ситуацию, ибо, как это видно из справки Севастопольского полицмейстера от 3 декабря 1916 г., в городе тогда остались «не выселены все турецко-подданные армяне, обслуживающие флот, порт, портовые учреждения и сооружения, а также крепость и городское управление»... О характере этого обслуживания свидетельствует хотя бы то, что на исходе 1916 г., в разгар войны с Османской империей, 11 турецко-подданных армян продолжали трудиться на севастопольской «макаронной фабрике и пекарне Кеворкова», поставляющего макароны и хлеб для Черноморского флота¹. Здесь мы уже не упоминаем массу частных случаев, а также разного рода деликатных моментов. Например, на протяжении всей войны в Севастополе проживали три турецко-подданные армянки: теща одного офицера флота, а также теща и свояченица другого. Причем вопрос о выселении этих женщин, разумеется, даже не поднимался².

Обобщая изложенное, мы приходим к выводу, что количество турецких подданных, находившихся в пределах России в 1914–1917 гг. и относившихся к категориям военнообязанных и военнопленных, могло достигать 40–60 тыс. человек, что, в совокупности с военнопленными, составляло около 105–125 тыс. чел.

Переходя к дифференциации турецких подданных по признакам национальности, вероисповедания, гражданской специальности и т.п., нужно признать, что и здесь зачастую приходится опираться на разрозненные и неполные данные. Вместе с тем, мы полагаем, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют раскрыть перечисленные вопросы хотя бы в самых общих чертах. Так, если начинать с возраста, то военнопленные, в массе своей, находились в возрастной категории 18–40 лет, хотя среди офицеров порой встречались и лица значительно старше. К примеру, в октябре 1916 г. в г. Валуйки Воронежской губ. находился капитан Халил оглы Измаил Хафиз, 62 лет.³ В пределах Московского военного округа (МВО) по состоянию на 1 мая 1917 г. числились: полковник Олерж Дюрсун, 57 лет, военный мулла Садык Шериф, 59 лет, и подпоручик Сулейман, 70 лет⁴. Австрийская сестра милосердия Нора Кински также утверждает, что в ноябре 1916 г.

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 746. Л. 92.

² Там же.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 112. Л. 91–92.

⁴ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6483. Л. 21.

сталкивалась с 70-летним турецким офицером в одном из лагерей ПриамВО¹.

Что касается гражданских лиц, то, как следует из всего изложенного, эти люди относились к самым разным возрастным категориям. При этом наиболее старым из них, по нашим данным, являлся рыбак Сали Осман (85 лет), плененный в 1916 г. в Черном море и содержавшийся в Томске². Правда, в 1917 г. представители Нижегородской татарской общины утверждали, что среди пленных турок, интернированных в Нижний Новгород, находится старик... 135 лет. Однако С. Ф. Фаизов опровергает это, доказывая, что действительный возраст названного человека не мог превышать 80–90 лет³.

Особенно разноплановым характером, как это видно из Таблицы 13, отличался возраст лиц, плененных на Черноморском ТВД. Связано это было с призывом в ряды оттоманской армии и флота значительной части профессиональных моряков, что привело к изменениям в возрастной структуре членов экипажей турецких судов в пользу лиц старше 50 и моложе 18 лет.

Если же говорить о моряках подробнее, то можно отметить, к примеру, что в феврале 1916 г. в море близ Трапезунда были пленены (и позднее интернированы в Томск) 13 рыбаков в возрасте от 55 до 85 лет (средний возраст этих людей составлял 66 лет). 23 сентября 1916 г. русские корабли сняли со шхуны «Яшили Танат» матросов Фаду Ибрагима оглы, 14 лет, и Садыка Изета оглы, 12 лет, а с потопленной в тот же день шхуны «Шахин Даря» — матроса Ахмеда Мустафу оглы, 17 лет, и его мать Малу Салы кызы в возрасте 70 лет. 16 августа 1917 г. при уничтожении парусников «Селямет» и «Даим Селямет» в плен попали два юнги... десяти лет от роду (Идрис Салик оглы и Сулейман Шукри оглы)⁴. (В целом же, все изложенное выше подтверждает результаты проведенного Н. В. Суржиковой сравнительного анализа, согласно которому турки отличались от пленников иных Центральных держав наиболее широким возрастным диапазоном⁵.)

¹ *Kinsky N. Russisches Tagebuch, 1916–1918. Stuttgart: Seewald, 1978. – S. 60–61.*

² РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 955. Л. 4.

³ *Фаизов С. Ф. Письмо мусульман Нижнего Новгорода Исполкому всероссийского мусульманского совета о бедственном положении турецких пленных в нижегородском лагере // От Стамбула до Москвы. Сб. статей в честь столетия проф. А. Ф. Миллера. М.: Муравей, 2003. – С. 182.*

⁴ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 955. Л. 4–5; Оп. 3. Д. 523. Л. 4–9, 94, 96; Д. 528. Л. 16, 20, 24.

⁵ *Суржикова Н. В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструк-*

Таблица 13

**Возрастная структура членов экипажей
отдельных турецких шхун, захваченных в Черном море
в период с января 1916 по июль 1917 г.¹**

Наименование судна	Дата задержания	Общее число членов экипажа	В т.ч. в возрастных категориях:						Итого	Доля в составе экипажа (гр. 9 / гр. 3)
			13–14 лет	15–17 лет	51–60 лет	61–70 лет	Старше 70 лет			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
«Явуз»	Январь 1916 г.	5		3	1	1		5	100%	
«Йылдыз»	Февраль 1916 г.	4		2	2			4	100%	
«Бергюзар»	Май 1916 г.	9	1	4	1	1		7	77,8%	
«Дервиш»	Май 1916 г.	5			4			4	80%	
«Балджи»	Июль 1916 г.	6	1	1	2	1		5	83,3%	
«Инаieti Худа»	Ноябрь 1916 г.	6			1		1	2	33,3%	
«Гайрет»	Июль 1917 г.	7				1		1	14,3%	
Всего:		42	2	10	11	4	1	28		
То же в%		100%	4,8%	23,8%	26,2%	9,5%	2,4%	66,7%		

О дифференциации подданных Оттоманской империи по национальному и конфессиональному составу можно с некоторой определенностью говорить разве что применительно к военнопленным. Причем, если в первые месяцы войны дифференциация эта осуществлялась лишь в категориях «мусульмане» и «христиане», то в 1915 г. она несколько усложнилась. Теперь формализованные списки стали содержать четыре графы: «немцы», «турки», «христиане» и «евреи». Однако поскольку первая и последняя графы, как правило, пустовали, в конечном итоге это ничего не изменило, и под наименованием «турки» по-прежнему подразумевались все мусульмане, в т.ч. аджарцы, арабы, афганцы, персы, курды, лазы, татары, черкесы и др.

ции коллективного портрета // Вестник Пермского университета. Серия История. 2011. № 3. С. 59.

¹ Составлена по данным: РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 512. Л. 171, 186; Д. 518. Л. 5; Д. 522. Л. 41–42, 56, 62–63; Д. 527. Л. 1, 41.

Ю. Яныкдаг утверждает, что вторую после турок по численности группу пленных составляли арабы¹. У нас это не вызывает возражений, тем более, что отсутствие в действующих на Кавказе частях оттоманской армии представителей иных национальностей, кроме арабов и турок, неизменно фиксировалось в показаниях пленных и перебежчиков уже с весны 1915 г.²

Сложнее установить численность аскеров-армян, хотя в русский плен они, в массе своей, попадали лишь в первые месяцы войны, до своего вывода из боевого состава турецкой армии (по причине неблагонадежности). В этой связи С.М. Акопян считает (правда, не приводя никаких доказательств), что «военнопленных армян к концу 1916 г. в России насчитывалось около 3 000–3 500 человек»³. Мы находим это число преувеличенным, ибо хотя данные Таблицы 14 и не отличаются исчерпывающей полнотой, они дают основания утверждать, что до весны 1915 г. в русском плену могло оказаться не более 1,5 тыс. армян (даже с учетом плененных на Черном море).

Таблица 14

**Движение турецких военнопленных
через сборный пункт в Тифлисе
в период с 4 ноября 1914 г. по 17 февраля 1915 г.⁴**

Период	Всего проследовало через Тифлис в Пензу	В том числе				Доля христиан
		По категориям личного состава		По вероисповеданию		
		Офицеров	Нижних чинов	Мусульман	Христиан	
4.11–21. 11. 1914 г.	876	6	870	595	281	32,01 %
26.11–1.12. 1914 г.	321	2	319	299	22	6,85 %
5.12–12.12.1914 г.	208	1	207	182	26	12,5 %
13.12–31.12.1914 г.	6518	198	6320	6059	459	7,04 %
1.01–14.01.1915 г.	5486	74	5412	5075	411	7,49 %
15.01–28.01.1915 г.	158	24	134	147	11	6,96 %
29.01–17.02.1915 г.	122	2	120	113	9	7,38 %
Итого:	13689	307	13382	12470	1219	8,91 %

¹ *Yanıkdağ Y. Ottoman Prisoners of War in Russia...* – P. 74.

² РГВИА. Ф. 3028. Оп. 1. Д. 119. Л. 11, 13, 14, 16, 17.

³ Акопян С.М. Указ. соч. – С. 186.

⁴ Составлена по данным: РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 58, 80, 95; Д. 506. Л. 39, 82, 138, 195.

Кроме того, данные Таблицы 14 дают повод усомниться в массовом добровольном переходе турецких христиан на сторону русской армии на рубеже 1914–1915 гг. И хотя явление это, безусловно, имело место, мы считаем, что его все-таки не следует гипертрофировать до той крайней степени, как это впоследствии неоднократно имело место¹.

Сказанное мы аргументируем следующим:

1. Данные Таблицы 14, скорее всего, мало чем отличаются от этноконфессиональной структуры всей действующей на Кавказском фронте 3-й турецкой армии по состоянию на конец 1914 г., ибо в ходе мобилизации она наверняка доукомплектовывалась и людьми, призванными из запаса на территории Турецкой Армении. Иными словами, христиане вряд ли составляли менее 7–9% личного состава 3-й армии, а значит — в плену они оказывались не чаще мусульман (за исключением разве что периода с 4 по 21 ноября и, возможно, с 5 по 12 декабря 1914 г.).

2. Версия о добровольном переходе не всегда подтверждается данными о структуре пленных. Например, из 47 турок, госпитализированных в ноябре 1914 г. в лечебные учреждения Владикавказа, четверо (8,5%) были христианами, трое из которых (2 армянина и 1 грек) попали в плен будучи ранеными, т.е., называя вещи своими именами, исполнив свой солдатский долг².

3. Мусульмане перебежали к противнику никак не реже христиан, особенно, в периоды интенсивных боев. Так, в ночь на 3 января 1916 г., т.е. в самом начале Эрзерумской операции, из состава одного лишь 14-го пехотного полка оттоманской армии на сторону русских перебежало пять военнослужащих. В отдельные же дни турецкий полк мог терять таким образом до 10–15 человек³. И хотя в периоды затишья этот «поток» заметно ослабевал, он все равно оставался внушительным, о чем говорят данные Таблицы 15. (К тому же здесь нельзя не обратить внимания на то, что 60% перебежчиков-мусульман составили унтер-офицеры, тогда как среди пленных армян их доля, даже вместе с ефрейторами, не достигала и 6%⁴.)

¹ См., например: ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 529. Л. 2–3; РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 139; Ф. 2100. Оп. 2. Д. 810. Л. 7; РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 746. Л. 83–85; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6486. Л. 1, 4–6 и др.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 57 и об., 70, 102.

³ Там же. Д. 2020. Л. 1–8.

⁴ Там же. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 10–40, 50–58, 78–104.

Таблица 15

**Перечень турецких военнослужащих, перешедших
на сторону русской армии на участке 489-го пехотного
Рыбинского полка в период с 6 февраля по 1 марта 1917 г.¹**

№ п/п	Дата перехода	Воинское звание	Имя	Воинская часть и подразделение
1	6 февраля	Мл. унтер-офицер	Мамед Чоус	1-я рота 98 пехотного полка
2	7 февраля	— / — / — / —	Кадыр Сулейман оглы	4-я рота — / — / — / — / — /
3	13 февраля	— / — / — / —	Ахмет Машедов	3-я рота — / — / — / — / — /
4	28 февраля	Рядовой	Али Сулейман оглы	1-я рота 18 пехотного полка
5	1 марта	— / — / — / —	Дун Баба Мамед оглы	3-я рота — / — / — / — / — /

Обобщая изложенное, мы приходим к выводу, что общее число армян в русском плену вряд ли могло превысить 2 тыс. чел. Еще 500 чел., вероятно, следует распределить между остальными турецкими христианами, до 90 % которых, думается, составляли греки. Причем большая часть последних была пленена в бассейне Черного моря, тогда как число греков-военнослужащих сухопутных войск не достигало и 100 человек². Основную же массу пленных, естественно, составили мусульмане (около 62 тыс. чел.).

Что касается этноконфессионального состава военнообязанных и военнопленных, то такого учета в России вообще не существовало. В качестве примера случайного характера можно сослаться на данные Таблицы 16, которые были в свое время собраны и обобщены властями Липецкого уезда Тамбовской губ., вероятно, по их собственному почину. Данные эти, конечно, скудны. Тем не менее, они позволяют составить определенное представление о структуре турецких военнообязанных, не признанных благонадежными и интернированных во внутренние регионы страны. В частности, указывают на то, что второй по численности группой среди них стали евреи.

Обращаясь к гражданским специальностям военнопленных, надо заметить, что при всем богатстве документов отечественного Архивного фонда, посвященных данному вопросу, выяснить профессии именно турок довольно проблематично. В первую очередь,

¹ Составлена по данным: РГВИА. Ф. 3028. Оп. 1. Д. 119. Л. 11, 13, 14, 16, 17.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6509. Л. 4.

тому препятствует сам подход к дифференциации специалистов, который проводился военным ведомством по трем группам национальностей: 1) «славяне», 2) «немцы и венгры», 3) «прочие»¹.

Таблица 16

**Национальный состав турецких военнообязанных,
размещенных в г. Липецке и Липецком уезде Тамбовской
губернии (по состоянию на 29 августа 1915 г.)².**

Национальность	Количество	То же в%
Турки	85	72,65 %
Евреи	16	13,67 %
Армяне	12	10,26 %
Немцы	2	1,7 %
Греки	1	0,85 %
Сербы	1	0,85 %
Итого:	117	100 %

Недостаток этот мог бы быть компенсирован анализом данных учета пленных из числа лиц «интеллигентных профессий или знающих специальные мастерства» (учителя, адвокаты, музыканты, бухгалтеры, парикмахеры, маляры, мельники, токари, сапожники, шорники, садовники и т.п.). Однако обнаружение в таких списках турок мы всегда считали большой для себя удачей, ведь как это видно из данных Таблицы 17, контингент находившихся в России подданных Османской империи, вне зависимости от их национальности и правового статуса, состоял, в основном, из крестьян-земледельцев (чаще именуемых для удобства «чернорабочими»).

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 30. Л. 1–20.

² Составлена по данным: ГАТО. Ф. 2. Оп. 143. Д. 489. Л. 206.

Таблица 17

Гражданские специальности группы военнообязанных турок, содержащихся в г. Тамбове в декабре 1914 г. и группы военнопленных из числа турецких армян, содержащихся в Приамурском военном округе в январе 1917 г.¹

Специальность	Военнообязанные турки, содержащиеся в г. Тамбове		Военнопленные турецкие армяне, содержащиеся в ПриамВО	
	Количество (чел.)	То же в %	Количество (чел.)	То же в %
Учитель	—	—	1	0,62 %
Студент	—	—	1	0,62 %
Хлебопек	53	16,41 %	2	1,24 %
Торговец	20	6,19 %	3	1,86 %
Сапожник	2	0,6 %	5	3,12 %
Каменщик	—	—	2	1,24 %
Парикмахер	2	0,6 %	1	0,62 %
Кузнец	2	0,6 %	1	0,62 %
Плотник	1	0,3 %	1	0,62 %
Портной	—	—	1	0,62 %
Маляр	—	—	1	0,62 %
Чернорабочий	140	43,34 %	142	88,2 %
Земледелец, табаковод, садовник	86	26,62 %	Не выделены	
Прочие (приказчик; резчик; шорник; рыболов; официант; содержатель булочной, кофейни, кондитерской и т.п.)	17	5,44 %	—	—
Итого:	323	100 %	161	100 %

¹ Составлена по данным: РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 78, 83, 85; ГАТО. Ф. 2. Оп. 143. Д. 489. Л. 6–15.

Глава третья

Пленение, регистрация, эвакуация.

Первый акт процесса пленения, происходящий, как правило, в обстановке боевого ожесточения, строго говоря, несколько выходит за рамки нашего исследования, объектом которого все-таки выступают лица, уже признанные пленными, т.е. те, которым, выражаясь языком воинского устава Петра Великого, пощада была «обещана и дана». Вместе с тем, мы не можем оставить без внимания и тот факт, что в 1914–1917 гг. на Азиатском ТВД названное боевое ожесточение во многом усугублялось многовековым вооруженным противостоянием Российской и Оттоманской империй, в силу которого, из всех стран-участниц Первой мировой войны только они, пожалуй, выступали по отношению друг к другу одновременно национальными, религиозными и историческими врагами.

Делая на этом особый акцент, Ю. Яныкдаг в своем диссертационном исследовании показывает, что на Азиатском ТВД турки, в массе своей, испытывали глубокую неприязнь, а равно отсутствие всякого уважения и к самой России, и к ее вооруженным силам, и даже к отдельным ее военным служащим, обычно именуемым в источниках личного происхождения «серыми воронами», «бешенными гиенами», «бледными поросятами» и т.п.¹

В целом, мы разделяем точку зрения Ю. Яныкдага, хотя и располагаем свидетельствами противоположного характера². Однако в любом случае названные выше чувства, играющие в момент пленения противника отнюдь не последнюю роль, были, по нашим оценкам, далеко не взаимны. Более того, мы убеждены в том, что в 1914–1917 гг. отношение русской армии к пленяемым оттоманам отличалось высоким уровнем лояльно-

¹ *Yanıkdağ Y. Ill-fated sons of the nations: ottoman prisoners of war in Russia and Egypt, 1914–1922. dis...doc... of Phil... Ohio State University, 2002. – P. 112–114.*

² Например, Ф.И. Елисеев, описывая события, связанные со штурмом Эрзерума в 1916 г, вспоминал: «Навстречу нам <...> шла плененная турецкая пехота во главе со своими офицерами <...>. Турецкие солдаты несли на носилках человек шесть своих тяжело раненых офицеров <...>. Турки шли молча и, как всякие пленники, сосредоточенно, но не растерянно и не пугливо. Шли с воинским достоинством. <...> Их офицеры, даже раненые на носилках, равняясь с Мистуловым (командир казачьего полка – В.П.), внимательно отдавали ему воинскую честь, беря под козырек» (*Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. М.: Воениздат, 2001. – С. 195–196*).

сти, возможно, даже самым высоким за всю историю военного соперничества между нашими странами. Это свое утверждение мы аргументируем следующим.

1. Благодаря победоносному завершению практически всех русско-турецких войн XVIII – XIX вв., Порты давно перестала считаться в сознании россиян серьезным противником, а сокрушительный разгром ее армии под Сарыкамышем на рубеже 1914–1915 гг. лишь укрепил это мнение.

2. Поскольку боевые действия на Кавказа проходили почти исключительно в границах Османской империи, сопровождающие войну бедствия не коснулись напрямую территории и населения собственно России.

3. В 1914–1917 гг. отечественная печать по существу не вела антитурецкой пропаганды. Напротив, газеты преподносили «Махмудку» скорее как несчастную жертву козней Берлина и, действуя, очевидно, в пику Австро-Венгрии и Германии, всячески давали понять, что Турция – единственная из Центральных держав, которая гуманно ведет войну. Так, в прессе нередко можно было обнаружить интервью с кем-либо из офицеров Кавказской армии, сообщавшем, к примеру, что «турки, т.е. собственно говоря, регулярные турецкие войска – *честный враг, не то, что германцы* (Курсив наш – В.П.) <...> Не учиняют они и зверств среди мирного населения»¹. Последнее, правда, газетами иногда ставилось под сомнение. Однако ответственность за такого рода деяния тут же возлагалась на *иррегулярные* турецкие формирования, тогда как на Европейском ТВД случаи «зверств», «жестокостей», «вандализма» и т.п. совершались исключительно представителями регулярных вооруженных сил держав, союзных Османской империи.

Все перечисленное, как представляется, в своем предельно концентрированном виде отражено в следующих строках письма прапорщика М. М. Исаева к жене от 22 ноября 1915 г.: «Шрапнелью угощали нас турки с полчаса, по крайней мере, но никого не задело. Это уже счастье, потому что метче стрелять нельзя было. Вообще турецкие артиллеристы вызвали в нас искреннее восхищение. Какая тут ненависть к врагу. На Кавказе добрые старые времена. Сказать «аскер», все равно, что «джентльмен». Никакой злобы. Да, с большим уважением у нас относятся к противнику»².

¹ Каспий. 1915. 8 янв. С. 3.

² Исаев М.М. Захолустный фронт // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. М.: Мосгосархив, 2000. – С. 531.

Вместе с тем нужно признать, что в годы Первой мировой войны расправы даже над теми, кому пощада была уже «обещана и дана», являлись на Азиатском ТВД, увы, не такой уж и редкостью. Полагаем, что это обуславливалось, главным образом, следующими факторами:

– традиционной культурой отдельных населяющих Кавказ народов, в т. ч. и русского;

– основными векторами этноконфессиональной вражды, сложившимися в регионе к исходу 1914 г. и в дальнейшем лишь усугублявшимися;

– вовлечением в конфликт иррегулярных национальных формирований (армянские дружины на стороне русских и курдские части на стороне турок), имевших собственные представления об институте военного плена.

На практике это выражалось, в частности, в том, что армяне не всегда оказывались готовы воспринимать османов в качестве военнопленных. Так, сестра милосердия Х. Д. Семина свидетельствует в своих мемуарах, что в декабре 1914 г. при конвоировании дружинниками из Сарыкамыша в Карс группы пленных в составе около 400 чел. к месту назначения прибыло не более 20. При этом русский офицер, направивший дружинников для сопровождения турок, даже не пытался отрицать факт массового убийства конвоем пленных, а лишь мотивировал свое решение отсутствием в его распоряжении иного подразделения, более подходящего для выполнения данной задачи¹.

Русские хотя и презирали армянских дружинников за такого рода деяния, но сами грешили тем же в отношении курдских партизан. В апреле 1916 г. прапорщик М. М. Исаев писал жене: «около 12 часов ночи на один из постов нарвались пробиравшиеся в деревушку трое курдов. Были схвачены <...> На утро увидел этих курдов, молодые, здоровые <...> Я знал, что им недолго жить, что по дороге в штаб они, несомненно, будут делать попытки бежать, хотя их всех связали вместе, но что двое казаков, которые их поведут, зарубят их. Так, конечно, и случилось»².

Разумеется, российское командование взирало на подобные явления отнюдь не безучастно. К примеру, 20 июля 1915 г. суд 4-го Кавказского армейского корпуса, рассмотрев дело об убийстве двух

¹ Семина Х. Д. Трагедия русской армии Первой Великой войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1. Нью Мексико: Rausen Bros, 1963. – С. 136–137.

² Исаев М. М. Указ. соч. – С. 545.

пленных курдов в процессе их этапирования на сборный пункт, приговорил к расстрелу непосредственных исполнителей преступления — урядника 3-го Волгского полка Терского казачьего войска И. А. Полякова и казака того же полка И. М. Селеверстова¹. Кроме того, командованием принимались и организационные меры, направленные, в частности, на то, чтобы свести к минимуму возможные контакты представителей враждебных друг другу национальностей. Так, пленный старший лейтенант Мехмет Ёльчен вспоминал, как в начале 1916 г., на одной из железнодорожных станций в Карской обл., несколько российских солдат из числа армян приблизились к нему и его товарищам, но едва успели произнести первые издевательские замечания, как «наша русская охрана отогнала их прикладами»². (Правда, формированию такого порядка отчасти способствовали сами пленные, нередко требовавшие для своего сопровождения в тыл именно «русский конвой»).

Вместе с тем надо признать, что отказы от пленения могли происходить и по совершенно иным мотивам, как это имело место, например, 7 июля 1917 г., когда подводная лодка «Кашалот» обнаружила близ побережья Анатолии турецкую парусную шхуну. К тому моменту, когда на нее высадилась абордажная партия с субмарины, экипаж успел покинуть судно, бежав на берег. О дальнейшем красноречиво говорит рапорт командира лодки: «В результате осмотра оказалось, что шхуна гружена табаком и на ней оставлена турецкая женщина с тремя детьми возраста 6–7 лет (Sic!? — В.П.) На шхуне найден турецкий флаг. Документов никаких не обнаружено (т.е. экипаж не забыл забрать с собой судовые документы — В.П.) и от перепуганной женщины никаких данных, ни о портах отправки и назначения, ни других сведений, добиться не удалось. Не имея возможности свезти женщину на берег или взять ее на лодку, шхуну и паруса на ней оставили в неприкосновенности, а груз — табак был выброшен с нее за борт»³.

Если турки не успевали убежать сами,... их отпускали. Как правило, так поступали командиры подводных лодок, поскольку действительно не имели возможности обременять себя пленными, не обременяясь излишним риском. К примеру, 28 октября 1916 г. лодка «Тюлень» задержала в море шхуну «Сипасос» с экипажем

¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 781. Л. 1–18.

² *Ölçen M. Vetluga Memoir: A Turkish Prisoner of War in Russia, 1916–1918.* — Gainesville: University Press of Florida, 1995. — P. 52.

³ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 527. Л. 23.

в количестве 6 человек. Пятерым из них тут же было позволено уйти в шлюпке к берегу. Для обслуживания судна на время его буксировки в Севастополь был оставлен лишь один 13-летний православный юнга Страти Панаиоти Манол¹. В феврале 1917 г. командир другой лодки принял на борт двух членов экипажа шхуны «Бебек», отпустив остальных семерых². Сама шхуна была потоплена артиллерийским огнем... Благо, в этот раз турки не успели бросить на ней женщину.

Что касается задержания военнообязанных, то в этой процедуре обращает на себя внимание стремление отдельных турецких подданных избежать выдворения в глубь страны и остаться в местах постоянного жительства. В этой связи одни из них срочно начинали искать себе в России влиятельных заступников, впрочем, без особого успеха; другие ссылались на подданство нейтральной державы, как правило, достаточно призрачное; третьи объявляли себя политическими эмигрантами — противниками правящей в Турции партии «Единение и прогресс» и горячими сторонниками самого тесного русско-турецкого сотрудничества. Последнее, насколько нам известно, никому не только не помогло, но в ряде случаев вызывало у чинов русской полиции реакцию, диаметрально противоположную ожидаемой.

Куда больше шансов остаться в местах постоянного жительства имели турецкие мусульмане и иудеи, зарекомендовавшие себя как серьезные специалисты в той или иной сфере. Так, в августе 1916 г. военный губернатор Мариуполя ходатайствовал о «невысылке» в Уфимскую губ. и оставлении на должности врача Мариупольской портовой больницы турецкого подданного С. С. Blumenфельда «как единственного в городе и к тому же опытного хирурга»³. За Османа Нури Кады Заде, преподавателя турецкого языка Восточной академии императорского общества востоковедов, просил сам директор академии. В декабре 1914 г. он писал в этой связи в Департамент полиции: «удаление Кады Заде из столицы представилось бы действительно большим ущербом для дела преподавания в Академии, т.к. <...> в настоящее время невозможно подыскать другое лицо, равное господину Кады Заде по познаниям и преподавательскому опыту <...> Достойного заместителя г. Кады Заде в настоящее время ни в Петрограде, ни вообще в России не имеется»⁴.

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 522. Л. 16, 25.

² Там же. Д. 523. Л. 66.

³ Там же. Д. 223. Л. 49.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1. Л. 186–187.

Однако в наиболее выгодном положении оказывались, конечно же, христиане. Даже на исходе 1916 г. предпринятая военным ведомством попытка удалить всех этих людей из регионов, прилегающих к театрам военных действий, вызвала немедленный и решительный протест со стороны армянских организаций России, отдельных депутатов Государственной Думы, а в конечном итоге, и Совмина, напомнившего главе указанного ведомства, что, согласно отечественному законодательству, такие высылки невозможны «в качестве общей меры», а допустимы лишь в отношении «отдельных лиц, оставление которых в местах постоянного жительства будет признано военными и гражданскими властями нежелательным»¹.

Возвращаясь к турецким военнотружущим, надо заметить, что сразу же после пленения оттоманы обыскивались на предмет наличия у них оружия и документов. Если «обстановка позволяла» русскому солдату, а тем более — казаку, обобрать пленного, то в большинстве случаев он это делал, и отрицать данный факт было бы по меньшей мере нелепо. С другой стороны, личный обыск не всегда оказывался результативным. В частности, в 1914–1917 гг. аскеры и в плену нередко ухитрялись оставлять при себе ножи, что они, впрочем, ухитрялись делать в ходе всех русско-турецких войн. Порой при обыскиваемых оставались и служебные документы, как, например, у майора Мехмеда Садыка, плененного в октябре 1914 г. на Черном море².

В отношении находящегося у пленника денег общего подхода, даже в пределах одного ТВД, не существовало. Так, черноморцы в одних случаях изымали у турка все денежные средства, оставляя ему расписку. В других — действовало правило, что средства эти «не подлежат отобранию, если только по размеру суммы не возникает предположения, что обнаруженные деньги являются казенным имуществом»³. В отношении судоводителей такие предположения подтверждались или опровергались Севастопольским призовым судом. К примеру, в июле 1915 г. он признал «неподлежащими конфискации» 16 турецких лир, изъятых у пленных капитанов шхун «Барбаросса» и «Нимет-Худа», и постановил возвратить их владельцам «в качестве частной собственности»⁴. Напротив, 13,5 лир, изъятых

¹ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 3–4; РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 746. Л. 83–85, 92–94; ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 2. Л. 21; Д. 35. Л. 1–6.

² РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 435. Л. 6.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2109. Л. 242об.

⁴ Там же. Ф. 609. Оп. 3. Д. 512. Л. 86.

у капитана шхуны «Бергюзар», суд в июле 1916 г. постановил конфисковать в пользу казны, как «составляющие часть прибыли и дохода от транспортной операции и непредназначенные для собственного употребления пассажиров и команды»¹.

Небезынтересно отметить, что в сомнительных случаях призывом суд стремился к тщательности формулировок, свидетельствующих, по крайней мере на первый взгляд, в пользу беспристрастности этого органа. В качестве примера здесь можно сослаться на решение в отношении денег, изъятых 16 мая 1916 г. у капитана шхуны «Дервиш». Как следует из данного документа, «суд находит, что содержание условий договора о зафрахтовании шхуны «Дервиш» в связи с показанием самого шкипера Зекерия о получении им 200 лир задатка по транспортной операции дают полное основание признать, что отобранные у шкипера при задержании шхуны 26,5 лиры составляют часть прибыли и дохода от всей означенной операции. А с другой стороны, обстоятельствами настоящего дела вовсе не установлено, чтобы эти 26,5 лиры были предназначены для собственного употребления команды и пассажиров, а посему, за силою 10 статьи и примечания к 10 статье Положения о морских призах, означенные деньги подлежат конфискации в пользу казны»².

К сказанному необходимо добавить, что денежные средства изымались и у военнообязанных, уже в момент их задержания. Потом порой возникали сложности с возвращением этих средств законным владельцам. Так, зимой 1914–1915 гг. канцелярии Ярославского губернатора пришлось вести долгую переписку с администрацией Екатеринбургской областной тюрьмы, которая почему-то не торопилась переслать деньги в Ярославль вслед за турками, выдворенным туда из пределов Кубанской области³.

Селекция пленных, как правило, ограничивалась отделением офицеров от рядовых. Христиане изолировались от мусульман лишь в случае возникновения между ними открытого конфликта. Примерно то же можно сказать в отношении дезертиров и перебежчиков, которые *могли быть* отделены от прочих пленных только тогда, когда подавали жалобу на их преследование и (или) бойкот сослуживцами. Заявления отдельных пленников о готовности немедленно перейти в русское подданство и даже поступить на русскую военную службу полностью игнорировались, что резко контрастировало с практи-

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 518. Л. 12.

² Там же. Д. 522. Л. 69.

³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 885. Л. 4–17.

кой XVIII — XIX вв., когда такие лица немедленно окружались вниманием и заботой. Контрастировало с ней и то, что в 1914–1917 гг. турецкие офицеры ни разу не попытались «разжаловать» себя в рядовые, а последние, наоборот, «присвоить» себе офицерское звание, хотя вплоть до Крымской войны 1853–1856 гг. подобные явления среди турок имели место.

Опросу после пленения подлежали офицеры, перебежчики и дезертиры. Такой порядок был принят на континентальных ТВД. Флот, в отличие от армии, мог позволить себе опрашивать всех пленяемых на море, что он обычно и делал¹. Характер опроса зависел от категории пленного и обстоятельств пленения. К примеру, у перебежчика выяснялся национальный состав части, степень удовлетворенности людей различными видами довольствия, уровень их доверия к командирам, местоположение огневых точек и т.п. Моряков опрашивали на предмет сведений о дислокации турецких кораблей и частей, их вооружении и т.д. От гражданских лиц ожидали данных о размещении складов, ходе призыва в армию, настроениях населения и пр. В конце опроса проводивший его русский офицер обычно давал оценку личным качествам пленного и степени достоверности его показаний. Например, в опросном листе рядового 5-й роты 14-го пехотного полка Магомета оглы Вели осталась пометка: «Аскер очень развит и толковый», а в опросном листе его однополчанина, рядового 7-й роты Мустафы оглы Таира, имеется запись уже несколько иного характера: «Аскер неграмотный, тупой»².

В ходе опросов выявлялся возможный интерес отдельных структурных подразделений армейского управления к тем или иным пленникам. Например, в январе 1915 г. турецкий поручик Арташес Мираньянц обратил на себя внимание разведывательных органов и был направлен в Тифлисское комендантское управление как лицо, в котором «встречается для штаба армии надобность»³. В свою очередь, в декабре 1914 г. дезертиры 88-го турецкого пехотного полка Мусик Григорьянц и Мусик Микаелянц обратили на себя внимание следственных органов и были направлены в Карскую областную тюрьму как лица, «подозреваемые в грабежах греческих селений»⁴.

Отдельно опрашивались те, кто заявлял, что состоит в подданстве нейтральной державы. Например, матрос Зографи Манойл

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 569. Л. 63–65.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 2020. Л. 4, 6.

³ Там же. Д. 506. Л. 73.

⁴ Там же. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 475. Л. 153; Д. 810. Л. 10об.

Муфту, плененный в июле 1916 г. на шхуне «Балджи», утверждал, что он греческий подданный¹. Другие ссылались на то, что являются подданными Болгарии, Италии и других стран (до вступления этих государств в войну). Для установления истины в таких случаях использовались все доступные средства, вплоть до проведения допроса в присутствии соответствующего консула. Если не помогало и это, лицо признавалось турецким подданным и направлялось к месту интернирования (пока МИД не наведет необходимые справки). Гораздо легче решался вопрос с теми, кто заявлял о своем русском подданстве. Таких отправляли этапным порядком к месту жительства для установления личности².

Собственно регистрация пленных носила универсальных характер и сводилась к фиксации таких данных, как имя, вероисповедание, возраст, воинское звание, воинская часть (номер полка и роты, наименование корабля или судна), год рождения, место жительства (на родине), место и дата пленения, а также состояние здоровья. Соответственно, реализация названной процедуры сопровождалась и общими для всех иностранных пленных проблемами. Так, турок, проехавший, к примеру, от Сарыкамыша до Хабаровска, порой забывал дату и место собственного пленения; отдельные военнообязанные могли сказать, что служили срочную службу в пехоте, но за давностью лет не всегда помнили номер полка и т.п.

Имена пленных турок при регистрации искажались не реже, но, наверное, и не чаще, чем имена австрийцев, венгров и немцев. Так, один и тот же аскер мог числиться в разных документах как: «Хусейн сын Али Демель оглы», «Хулин сын Али Демель оглы» и «Хусейн сын Оглы Демель оглы»³. Другой последовательно именовался «Хазан Али», «Улханов Али Ахмет» и «Али Хасан»⁴. Третий — «Садыкин Мурат», «Садыков Мурат Джелилович» и «Садык Бин Мурат»⁵. Вместе с тем, принимая во внимание отсутствие у турок фамилий, данное обстоятельство, как мы полагаем, имело для их дальнейшего учета более негативные последствия, нежели для их союзников. От последних оттоманы часто отличались и подходом к фиксации места жительства, которое нередко обозначалось одним словом «Турция», без указания вилайета и конкретного населенного пункта.

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 522. Л. 41–42.

² Там же. Д. 523. Л. 38.

³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8981. Л. 1–15.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3604. Оп. 1. Д. 1. Л. 262, 273.

⁵ Там же. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 165–167.

Правда, отмеченные недостатки теоретически компенсировались тем, что каждый пленник должен был в соответствующей графе собственноручно указать свое имя и адрес на родном языке. Однако в списках именно турок записи, выполненные на (старо) османском языке, можно обнаружить относительно редко. Ссылка на неграмотность большей части пленных вряд ли прозвучит убедительно, т.к. за неграмотных документы должны были заполнять их товарищи, а быть неграмотными одновременно все пленные турки, разумеется, не могли. В этой связи мы склонны полагать, что в ходе регистрации российские органы военного управления подходили к оттоманам менее щепетильно, нежели к пленным иных Центральных держав. Косвенно это подтверждается и отдельными докладами Заведующего ЦСБ за июль-сентябрь 1915 г., в которых констатируется, что дело «регистрации пленных турок <...> до сих пор находится в крайне неудовлетворительном положении»¹.

Особой крайностью это положение отличалось на начальном этапе войны, в период Сарыкамышской операции, когда даже на тыловом сборном пункте фронта в Тифлисе начальник местной бригады и уездный воинский начальник вынуждены были неоднократно констатировать не только прибытие в их распоряжение пленных «без всяких письменных сведений и именного списка», но и дальнейшее отправление их без таковых в глубь страны². Соответственно, вплоть до начала 1915 г. на сборном пункте практически не велись Алфавитные книги, являвшиеся ключевым (а порой и единственным) справочным документом о военнопленном. В результате такого подхода значительная часть турок, погибших на этапах эвакуации зимой 1914–1915 гг., просто «выпала» из системы учета. Что же касается причин названного явления, то важнейшими из них мы считаем две следующие:

а) Низкую организацию регистрации пленных на всех уровнях управления от действующих частей до сборного пункта фронта, а равно отсутствие должного контроля за этим со стороны вышестоящего командования. Сказанное красноречиво подтверждает телефограмма Начальника штаба КВО от 14 ноября 1914 г., адресованная Начальнику Тифлисской местной бригады и начинающаяся откровенно саркастически: «По газетным сведениям, через Тифлис проходят значительные партии военнопленных турок...»³.

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1623. Л. 17–18.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 110–112; Д. 506. Л. 84–85; Ф. 2100. Оп. 2. Д. 475. Л. 124.

³ Там же. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 42.

б) Острую нехватку на сборном пункте переводчиков, которых нередко приходилось заменять случайными людьми, в т.ч. и пленными аскерами из числа тех, кто до войны работал в России. Штаб Округа лишь 31 декабря 1914 г. запросил четырех переводчиков в Канцелярии Наместника, ссылаясь на то, что «таковых в окружном штабе не имеется». Однако Канцелярия ответила, что в ее штате состоит лишь один человек, знающий турецкий язык¹. Правда, Тифлисскому уездному воинскому начальнику удалось самому разыскать в частях армии несколько офицеров, владеющих турецким². Однако проблемы это, конечно же, не решило.

Хотя эвакуация военнопленных к местам интернирования являлась, в общем-то, процедурой вполне универсальной, на театрах военных действий с Османской империей она, как и регистрация, отличалась некоторыми специфическими чертами, особенно присутствующими на начальном периоде войны. Так, следует признать, что Черноморский флот оказался к эвакуации абсолютно неподготовленным, поскольку с 20 по 30 октября, т.е. целых 10 суток, его штаб безуспешно выяснял во всех инстанциях, ... кому он вообще должен передавать пленников. И лишь 31 октября, благодаря содействию коменданта севастопольской крепости и командования Одесского военного округа, морякам, наконец-то, было сообщено, что таковые подлежат сдаче Ялтинскому уездному воинскому начальнику. Правда, до этого турок любезно соглашалось принимать у флота севастопольское жандармское управление. Оному их охотно передавали. Потом этих людей пришлось долго разыскивать и ЦСБ, и ГМШ и, разумеется, самим черноморцам. Обнаружились они лишь... в августе 1915 г... в камерах севастопольской городской тюрьмы, где «честные защитники своего отечества» томились без всякой цели и без всякого смысла³.

Что касается Азиатского ТВД, то ГУГШ еще 6 сентября 1914 г., т.е. за полтора месяца до начала войны, уведомил штаб КВО о том, что для турок предназначены Иркутский и Приамурский военные округа, а 25 октября подтвердил, что «прибывающие [с] фронта партии военнопленных турок надлежит направлять на Пензу [на] общий сборный пункт Казанского военного округа, откуда эти пленные <...> будут отправляться далее через Омск для постоянного их размещения [в] пределах округов Сибири»⁴. Однако принимая во внимание

¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 134; Д. 506. Л. 96.

² Там же. Д. 506. Л. 237.

³ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 435. Л. 1; Д. 751. Л. 4–5.

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 449. Л. 82; РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 15.

тот факт, что в ходе перевозок военнопленных с Кавказа на рубеже 1914–1915 гг. и в первые месяцы их пребывания в местах интернирования, от разного рода лишений и болезней (главным образом — тифа, дизентерии и оспы) погибло до 7 тыс. турок (из 15 тыс.), организацию эвакуации вряд ли можно признать удовлетворительной¹.

Причины тому мы видим, главным образом, в следующем.

I. Эвакуация военнопленных, в т.ч. и турецких, особенно в зимний период, никогда не была сильной стороной отечественной системы военного плена, что во многом детерминировалось российскими пространствами, суровым климатом, бездорожьем, низкой плотностью населения и его еще более низким жизненным уровнем. Справедливости ради заметим, что в XVIII — XIX вв. военно-политическое руководство не раз пыталось компенсировать названные факторы, в частности, возлагая на обывателей обязанности «от места до места давать для турков по теперешнему холодному времени, из человеколюбия, с возвратом» тулупы и валенки; увеличивая для османов порцию мяса и даже выдавая водку «тем из них, кои пьют оную». Однако меры эти не всегда достигали цели, о чем говорит массовая гибель пленных после взятия Измаила (1790 г.), Варны (1828 г.) или Плевны (1877 г.)².

II. В процессе планирования и осуществления эвакуации из района Сарыкамыша зимой 1914–1915 гг. российское командование не приняло во внимание собственный опыт, приобретенный в ходе масштабных перевозок турок из районов Плевны и Шипки-Шейново зимой 1877–1878 гг. Между тем последний ясно указывал на следующее:

– в условиях распространения среди пленников эпидемии тифа высокая смертность, даже при тщательном медико-санитарном обеспечении, остается неизбежной и возрастает пропорционально времени проведенному в пути;

– эвакуируемые «привозят» тиф в те места расквартирования, которые считались ранее вполне благополучными в эпидемиологическом отношении.

¹ Впрочем, здесь не следует упускать из виду и того обстоятельства, что в конце 1914 – начале 1915 гг. чрезвычайно высокий уровень смертности пленников был зафиксирован практически во всех воевавших государствах, особенно относящихся к числу Центральных держав. См., например: Oltmer J. (Hg.) *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2006. – S. 35–36.

² Необходимо иметь в виду, что сказанное относится не к одним лишь подданным Османской империи. К примеру, в октябре–ноябре 1741 г., т.е. в период Русско-шведской войны 1741–1743 гг., из 948 пленных, этапированных из Петербурга в Москву, уже к моменту прибытия в Вышний Волочок погибло 615, а половину еще оставшихся в живых пришлось срочно госпитализировать.

Как видно из данных Таблицы 18, и то, и другое полностью подтвердилось в первые месяцы 1915 г. Так, Т.Я. Иконникова приводит сведения, согласно которым в эшелоне с турками, прибывшем в п. Шкотово Приморской обл. 15 февраля 1915 г., «из 37 тифозных больных через несколько дней умерло 23 чел. Эпидемия быстро распространилась на весь лагерь военнопленных. С февраля по март 1915 г. здесь заболело тифом 915 чел., из них умерло 390 чел.»¹ Сходные факты, но уже применительно к регионам Поволжья, содержатся и в работе А.В. Калякиной².

Таблица 18

Основные показатели, характеризующие периоды наиболее масштабных перевозок военнопленных Османской империи в Россию в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг.³

№ п.п.	Показатель	Русско-турецкая война 1877–1878 гг.	Первая мировая война 1914–1918 гг.	Соотношение
1	Период наиболее интенсивной эвакуации	Декабрь 1877 г. — февраль 1878 г.	Декабрь 1914 г. — февраль 1915 г.	—
2	Максимальная протяженность маршрута (по железн. дороге)	2 200 км	10 000 км	1: 4,5
3	Максимальное время в пути (по железн. дороге)	до 17 суток	до 45 суток	1: 2,6
4	Количество эвакуированных за указанный (стр. 1) период	50 000 чел.	15 000 чел.	3,3: 1
5	Из них (стр. 4) умерло в пути и в первые месяцы после прибытия в места интернирования	10 000 чел.	7 000 чел.	1,4: 1
6	Уровень смертности пленных (стр. 5 / стр. 4)	20,0%	46,7%	1: 2,3

III. Ни накануне войны с Турцией, ни вскоре после ее начала, ГУГШ не дал штабу КВО никаких предписаний о порядке и условиях эвакуации военнопленных противника, а последний не предпринял

¹ Иконникова Т.Я. Указ. соч. – С. 21.

² Калякина А.В. Указ. соч. – С. 19.

³ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 1–4; РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2047. Л. 81–94; Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 58, 80, 95; Д. 506. Л. 39, 82, 138, 195; Военно-медицинский отчет за войну с Турцией 1877–1878. Часть 3. СПб.: Б.и., 1887. – С. 320–321, 331, 337–339; Kutlu С. Op. cit. – S. 319–320.

в этом отношении никаких самостоятельных шагов. Это видно уже из того, что Тифлис был назначен сборным пунктом военнопленных Кавказского фронта лишь 4 ноября 1914 г., хоть ГУГШ потребовал определить такой пункт еще 25 октября, а первые запросы из частей о дальнейшем направлении пленников стали поступать в штаб округа уже 21 октября¹.

IV. К концу 1914 г. 3-я Турецкая армия испытывала серьезные проблемы с продовольственным, медицинским и вещевым обеспечением личного состава, которые особенно обострились в период Сарыкамышской операции. В результате измотанные многодневными боями османы попадали в плен в непригодной к дальнейшей носке одежде и обуви, имея большое число обморожений, а также ослабленные длительным недоеданием, что способствовало быстрому распространению среди них инфекционных болезней. Помимо того, наступательный характер операции привел к захвату части турецких лечебных учреждений вместе с находившимися в них больными и ранеными.

V. Эвакуационные мероприятия отличались низким уровнем организации и слабым учетом реального состояния военнопленных. Так, из действующей армии они направлялись в Тифлис без прохождения карантина, санитарной обработки, должного медицинского осмотра, а порой без пищи и кормовых денег². Причем перебои с питанием пленных не прекращались и в дальнейшем, даже по выезду их за пределы КВО, о чем говорят приказы по Казанскому военному округу, приведенные в Приложениях 1 и 2 к настоящей работе. Ситуацию еще более усугубляли регулярные отказы турок от приема пищи и лекарственных средств, основанные на предположениях, что их доведут до свинины и спиртосодержащими медикаментами.

Уровень медицинского обеспечения в Тифлисе не всегда позволял выявить даже лиц с признаками обморожений, и таковые позднее обнаруживались в Ростове-на-Дону и более отдаленных пунктах³. Есть также основания предполагать, что степень тщательности медицинского осмотра, производимого на сборном пункте фронта, была обратно пропорциональна численности партии. Во всяком случае, данные Таблицы 19 указывают на то, что в группах свыше 1 000 чел., проследовавших через Тифлис 3, 4 и 6 января 1915 г., доля лиц, признанных нетранспортабельными, оказывалась значительно ниже, чем в относительно малочисленных партиях.

¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 15–21, 26, 35.

² Там же. Л. 110, 112; Д. 506. Л. 84.

³ Южный телеграф. 1915. 9 янв. С. 3.

Таблица 19

**Динамика численности турецких военнопленных,
признанных не подлежащими дальнейшей эвакуации,
при следовании через ст. Тифлис в период
с 12 декабря 1914 г. по 19 января 1915 г.¹**

Дата прибытия в Тифлис	Количество прибывших (чел.)	Из них признано не подлежащими эвакуации и снято с эшелона			
		Умерших	Нуждающихся в госпитализации	Итого	Доля снятых с эшелона
12.12.1914 г.	176	1	34	35	19,88 %
23.12.1914 г.	1 186	6	?	≤ 6	≤ 0,51 %
26.12.1914 г.	1 414	30	?	≤ 30	≤ 2,12 %
02.01.1915 г.	571	5	32	37	6,48 %
03.01.1915 г.	1 225	1	35	36	2,94 %
04.01.1915 г.	1 772	2	59	61	3,44 %
06.01.1915 г.	1 292	1	120	121	9,36 %
09.01.1915 г.	531	2	73	75	14,12 %
12.01.1915 г.	303	7	68	75	24,75 %
13.01.1915 г.	191	—	19	19	9,95 %
19.01.1915 г.	56	1	19	20	35,71 %
Всего:	8 717	56	≤ 459	≤ 515	≤ 5,91 %

Все изоляционно-пропускные пункты округа, расположенные при станциях Александрополь, Елизаветполь, Баку, Дербент, Петровск, Минеральные воды и Тихорецкая, не были подготовлены к обслуживанию пленных. Не говоря уже о том, что каждый из этих пунктов мог принять одновременно не более 10 больных, в период эвакуации практически ни на одном из них не оказалось даже фельдшера. Кроме того, в медицинском обслуживании пленных не был задействован врачебный и санитарный персонал железных дорог и военно-лечебных заведений, расположенных по маршруту их следования, а также пленные турецкие врачи. Что же касается вопроса о сопровождении партий пленных кем-либо из медиков, то он хотя и рассматривался командованием КВО, но так и остался неразрешенным².

Органы военного управления на Кавказе длительное время недооценивали значение вопроса обеспечения пленных конвоем. Соот-

¹ Составлена по данным: РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 112, 126; Д. 506. Л. 30–31, 33–35, 42–43, 48, 54, 56, 78, 84–85.

² В отечественной военной истории такое сопровождение имело место лишь единожды – на исходе Крымской войны 1853–1856 гг.

ветствующие нормы (6 конвоиров на каждые 100 пленных при 10-и «выводных» на эшелон) были установлены здесь лишь 15 января 1915 г., а Инструкция для начальника конвоя разработана еще позже. До указанного момента части действующей армии определяли состав конвоя по собственному усмотрению, т.е. назначали в караул минимальное число людей. Командование Кавказской армией фактически поощряло такой подход. Более того, 16 декабря 1914 г. оно потребовало от Тифлисского коменданта «не назначать части войск Тифлисского гарнизона для конвоирования («пленных» — В.П.) вне пределов губернии и ограничиться для сего самым незначительным количеством нижних чинов»¹. В итоге конвоиры, опасаясь побегов, просто избегали выпускать пленных из вагонов для отправления естественных надобностей, что способствовало еще большему распространению инфекций².

VI. ГУГШ слишком долго не придавал значения отдельным при знакам, свидетельствующим о неблагополучном развитии процесса эвакуации турецких военнопленных. Лишь 9 января 1915 г. он направил в КВО телеграмму следующего содержания: «По поступившим сведениям при перевозке с Кавказского театра войны внутрь Империи пленных турок раненые, больные и здоровые не отделяются одни от других, причем антисанитарное состояние поездов угрожает разнесением заразных болезней по всей Империи. Пленные, которых или вовсе не кормят или кормят лишь через день, не выпускаются по целым дням из вагонов, результатом чего является их полное изнеможение и загрязнение ими в крайней степени вагонов, распространяющих в силу сего на остановках сильное зловоние. Кроме того, как выясняется, подозрительные больные пленные не сдаются в попутные изоляционно-пропускные пункты и по пути оставляются лишь трупы»³.

К сказанному необходимо добавить, что угроза санитарному состоянию страны воспринималась тогда отнюдь не метафорически, ибо в ГУГШ хлынул поток жалоб «на турок», со стороны самых разных учреждений, организаций и частных лиц. Причем все они параллельно принимали и собственные меры предосторожности. Так, глава МПС уже в середине января 1915 г. потребовал сделать

¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 130, 140. Д. 506. Л. 68.

² Там же. Л. 110, 112, 115; Д. 506. Л. 84.

³ Там же. Д. 506. Л. 65 (Заметим, что данная телеграмма повлекла за собой глубокую и оперативную перестройку всей системы эвакуации военнопленных с Кавказского театра военных действий).

прививки от оспы железнодорожным служащим, не имеющим таковых, и распорядился безотлагательно приступить «к сплошной поливке раствором хлорной извести всех станционных путей, на которых останавливаются санитарные и воинские с военнопленными поезда, особенно с турками (Курсив наш — В.П.)»¹.

VII. Проблемы перевозки пленнх с Кавказа относительно поздно оказались в поле зрения Верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского (не ранее 11 января 1915 г.). Вместе с тем надо признать, что А. П. Ольденбургский быстрее и глубже других осознал всю серьезность происходящего и уже 18 января 1915 г. принял наиболее верное в сложившейся обстановке решение — поставил вопрос о временном прекращении эвакуации и расквартировании всех турок в пределах КВО, что и было реализовано 11 февраля 1915 г.²

В свете изложенного не может не обратить на себя внимание несколько запоздалая реакция на происходящее со стороны оттоманского правительства. Лишь 27 июня 1916 г. Стамбул направил первую ноту протеста по поводу содержания «в течение 15 дней турецких военнопленных, взятых у Сарыкамыша, в запертых и запечатанных вагонах». Российская сторона тут же назвала эти сведения «не соответствующими действительности»³. В декабре 1916 г. Порты направила Петрограду еще одна нота, в которой указывала, что пленные турки «перевозятся зимой в неотопливаемых вагонах при -10° »⁴ и приводило в пример факт гибели в Самаре от холода в начале 1915 г. почти всех пленнх, оказавшихся в двух вагонах, забытых на запасных путях⁵.

По поводу второй ноты ГУГШ 1 февраля 1917 г. проинформировал МИД России о «полной несостоятельности сообщенных оттоманским правительством сведений» и заметил, что перевозки османов «всегда совершались в условиях перевозки русских войск, причем пленным туркам, в виде известной льготы, выдавалась в пути привычная им пища, как например, вместо чая — кофе и белый хлеб. Нуждавшиеся в теплой одежде и обуви турки получали таковую, равным образом они пользовались как надлежащим медицинским уходом, так и правом, по мере надобности, выходить из ва-

¹ Томский вестник. 1915. 20 янв. С. 4; 10 февр. С. 4.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 506. Л. 71, 103, 163.

³ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 3245. Л. 1, 5.

⁴ Температура, вероятно, указана по шкале Фаренгейта, что соответствует примерно -12° С.

⁵ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 3245. Л. 15.

гонов во время стоянок поезда. Полученными Главным управлением Генерального штаба донесениями военного начальства вполне опровергаются также и указания на массовые заболевания пленных турок в пути и на имевший, будто бы, место случай неосмотрительного оставления вагона с пленными турками на запасном пути, где они и погибли почти поголовно»¹.

Конечно, приведенный документ соответствует реалиям лишь отчасти. Пленных действительно эвакуировали «в условиях перевозки русских войск», вернее — в тех же вагонах, в которых на фронт доставлялось пополнение². Другого подвижного состава у России просто не было. Да и этого хронически не хватало. Так что железнодорожники и служащие органов военных сообщений вряд ли могли забыть вагоны на запасных путях, во всяком случае — надолго. И тому есть множество подтверждений. Например, 13 сентября 1915 г. комендант ст. Харьков телеграфировал в Петроград в Управление военных сообщений: «Эшелон 19952 пленные турки прибыл Харьков 12 сентября семь утра прошу распоряжения дальнейшего направления. Станция загромождена». Уже 14 сентября ГУГШ, явно успев проверить и уточнить полученную информацию, телеграфировал Начальнику штаба МВО «по донесению коменданта станции Харьков 493 пленные турок <...> находятся станции Харьков невыгруженными с 12 сентября и таким образом задерживают освобождение занятого ими подвижного состава. Сообщая изложенном Главное управление Генерального штаба просит <...> сделать срочное распоряжение о разгрузке и приеме показанных пленными срочном порядке»³. Довольно правдоподобной мы считаем даже ссылку на кофе и белый хлеб, ибо турки вполне могли получать и то, и другое, особенно, если эвакуировались военно-санитарным поездом или каким-либо образом оказались благодетельствованы в пути органами РОКК, Земского и Городского союзов и т.п.

Вместе с тем на фоне всего изложенного ранее, нам нечего противопоставить свидетельствам столь авторитетного мемуариста, как сотрудница шведского Красного Креста Эльза Брэндштрем, по данным которой в декабре 1914 г.⁴ из двухсот турок, достигших Пензы в вагонах, оставшихся закрытыми «на протяжении трех недель»,

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 3245. Л. 16.

² Кстати, свои войска, в отличие от пленных, в России порой перевозили не в теплушках, а в обычных товарных вагонах. И даже на открытых платформах.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 48. Л. 307, 309.

⁴ Даты в мемуарах указаны по новому стилю.

в живых осталось лишь 60. В феврале 1915 г. из двух уже упомянутых выше вагонов, прибывших в Самару, было извлечено 57 трупов и только 8 живых аскеров¹.

Подобные, хотя и менее драматические описания можно нередко встретить и в отечественной периодике тех лет. Например, ростовская газета «Южный телеграф» сообщала 6 января 1915 г., что двумя днями ранее в город прибыли «два военно-санитарных теплушечных поезда <...>. В первом поезде находилось военнопленных турок 1457 чел., во втором — 1684. Из двух поездов в Ростове выгружено 14 мертвых и 80 больных турок»².

Характерно, что описываемые процессы зафиксировали пленные и других Централных держав. Так, при знакомстве с дневником германского солдата Отто Штерна, создается впечатление, что на пути в Сибирь этот человек вообще не видел своих турецких союзников живыми: «2 февраля 1915 г.³ <...> остановка в Пензе. Около 30 трупов турок погрузили в поезд и куда-то отправили <...>. 11 февраля 1915 г. Вечером прибыли в Омск <...>. На платформе лежат 5 или 6 друг на друга сваленных трупов турок. Это жертвы мороза или, скорее всего, эпидемии. Вся территория вокзала залита известью»⁴.

В то же время, в некоторых исследованиях встречаются такие описания эвакуации из района Сарыкамыша, которые вызывают самые решительные возражения. Например, по мнению Ю. Яныкдага, в течение зимы 1914–1915 гг. «лишь 200 из 800 турецких пленнх, направляемых в лагеря Приамурского военного округа, достигали места назначения. Остальные же погибали в пути от холода и лишений»⁵. Несостоятельность данного утверждения доказывается, во-первых, несложными расчетами. На 1 мая 1915 г. в лагерях ПриамВО числилось 2835 турок. Поскольку, руководствуясь логикой Ю. Яныкдага, это лишь 25 % от предполагаемого их числа, получается, что при более благополучной транспортировке в округе на тот же момент должно было бы содержаться 11 340 османов. Если даже допустить, что пленники, направляемые в Иркутский военный округ (где турок, кстати, было в 1,7 раза больше, чем в Приамурском), вообще не погибали в пути, то получится, что к весне 1915 г.

¹ *Brändström E.* Among prisoners of war in Russia and Siberia / From the German. L.: Hutchinson, 1929. – P. 64.

² Южный телеграф. 1915. 6 янв. С. 3.

³ Даты в дневнике указаны по новому стилю.

⁴ *Штерн О.* Царские пленники. Пер. с нем. М.: Росбланкиздат, 1992. – С. 19.

⁵ *Yanıkdağ Y.* Ottoman Prisoners of War in Russia... – P. 71.

в России должно было числиться больше военнотурецких оттоманской армии, чем их вообще было пленено¹. Во-вторых, свои данные Ю. Яныкдаг обосновывает ссылкой на доклад, составленный МККК... по совершенно другому поводу, ибо гласит названный документ буквально следующее: «Из 800 пленных («турок» — В.П.), отправленных в феврале 1916 г. (Здесь и далее по тексту цитаты курсив наш — В.П.) из Красноярска в Приморье, лишь 200 прибыли к месту назначения. Остальные погибли в пути или были госпитализированы в виду серьезного заболевания»². (Действительно, в феврале 1916 г. при перемещении 800 турок из Иркутского военного округа (ИркВО) в Приамурский от тифа погибло до 150 чел. Однако этот факт, датируется иным периодом и содержит иную структуру смертности и заболеваемости, нежели «600 умерших на 200 благополучно перевезенных»).

От турецких историков не отстают и некоторые российские. Так, Б.И. Ниманов сообщает в своей диссертационной работе буквально следующее: «Газета «Pester Lloyd» в 1916 г. поместила статью об отношении российских чиновников к военнопленным: «Семьсот пленных турок были забыты в поезде, который вез их в Пензу. До прихода в Пензу этот поезд находился двенадцать дней [в пути] и никто не позаботился об этих семистах пленных. В Пензе семьсот трупов отравляли воздух, но вагоны не открывали, пока не пришло разрешение из Петрограда. Когда их открыли, пришлось убрать семьсот уже разложившихся трупов» (Pester Lloyd. — 1916. — 7 мая)»³.

...Поразительно, но в годы Первой мировой войны столь вопиющему факту почему-то не придали никакого значения ни в МККК, ни в правительстве Оттоманской империи, ни в посольстве Испании в России. Никакой информации на этот счет нам не удалось обнаружить ни в документах Архивного фонда РФ, ни в иных источниках, включая мемуарную литературу на турецком языке. Сам Б.И. Ниманов, к сожалению, используемую им цитату никак не прокомментировал. И даже забыл (вероятно) указать, что Pester Lloyd, это газета... венгерская. Издавалась она в Будапеште. О степени ее влияния в тогдашней Европе судить не беремся, но Императорская Публичная библиотека в Петербурге выписывала Pester Lloyd лишь в 1870–1876 гг. и 1879 г. После чего навсегда с нею распрощалась.

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 1–4.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2860. Л. 2.

³ Ниманов Б.И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дис. ... канд. ист. наук. М.: РУДН, 2009. — С. 91.

Однако как бы то ни было, в описании эвакуации турок следует видимо обратить внимание и на те мемуары, авторы которых не заметили в происходившем ничего драматического. В первую очередь это касается, конечно же, офицеров и приравненных к ним лиц, которые перевозились в пассажирских вагонах 2-го класса. «В Ростове девушки, явно из хороших семей, образованные, владеющие немецким языком, напоили нас чаем и помогли просушить белье», — вспоминал лейтенант Ийбар Тахсин, плененный в ходе Сарыкамышской операции. Этот же офицер отметил, что в пути он и его товарищи ежедневно питались в ресторане вокзала. И только если на станции не оказывалось ресторана, приобретали продукты у местных торговцев¹. Эвакуируемый практически одновременно с ним курсант военного училища Раджи Чакырёз вообще считал, что его поездка в Сибирь, «прошла вполне комфортно. В дороге не мерзли, т.к. дрова для печи можно было найти где угодно. Питались сытно, покупая на станциях у торговков вареный картофель, яйца, жареных куриц, пироги и пончики. Пили много чая, благо в России этот напиток можно найти повсеместно»².

Завершая рассмотрение проблем эвакуации военнопленных Оттоманской империи, считаем необходимым обратить внимание на то, что уже в январе 1915 г., удовлетворяя ходатайство Депутата Госдумы М. И. Пападжанова, Главнокомандующий Кавказской армией отдал приказ о отдельных перевозках в глубь страны аскеров мусульман и христиан. Поводом к тому послужила информация о случаях насилия турок над их сослуживцами-армянами. Судя по некоторым данным, факты насилия действительно могли иметь место³. Но вряд ли они выходили за рамки эксцессов, т.к. подавляющее большинство армян вполне благополучно проехали через всю Россию в одних вагонах с турками (а потом, кстати, еще не один год столь же благополучно прожили с ними в одних бараках). В этой связи небезынтересно отметить, что в январе 1915 г. представители Ростовского армянского комитета, желающие оказать помощь теплой одеждой и продуктами аскерам-армянам, были допущены к эшелону, в котором эвакуировалось 650 турецких военнопленных,

¹ *Tahsin I. Sibirya'dan Serendib'e*. Ankara: Ulus Basimevi, 1950. – S. 30–31.

² *Çakıröz R. Çarlık ve Bolşevik Rusya'da 10 yıl: Bnb. Raci Çakıröz'ün Hatıraları*. – İstanbul: Belge Yayınları (Dün-Bugün-Yarın), 1990. – S. 21.

³ Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону: [в 6 т.] / авт.-сост. В.С. Сидоров. – Ростов н/Д: Изд-во Дон. гос. публ. б-ки, 1994. – С. 69; Иркутская жизнь. 1915. 3 февр. С. 4.

в т.ч. 65 армян. Однако обнаружив, что последние равномерно распределены по всем вагонам поезда, члены комитета проявили благоразумие и воздержались от оказания им помощи¹.

Что касается эвакуации военнообязанных, то в силу слабой материальной обеспеченности основной массы проживавших в России турок, люди эти, в большинстве своем, отправлялись в места интернирования не за свой счет «по железной дороге в вагонах 3-го класса», а «этапным порядком с последующим возмещением». Так, 10 ноября 1914 г. из Керчи был выслан «этапным порядком в гор. Лебедянь Тамбовской губернии 21 военнопленный турецко-подданный мусульманин в возрасте от 17 до 50 лет». В то же время, при выселении на исходе 1916 г. из Севастополя турецких армян, наименее состоятельные из них обеспечивались «даровыми билетами для проезда по железным дорогам до избираемых ими мест жительства»².

¹ Утро Юга. 1915. 17 янв. С. 3.

² РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 435. Л. 5; Д. 746. Л. 94.

Глава четвертая

Обеспечение в местах интернирования: квартирное, финансовое, продовольственное, вещевое, медико-санитарное

Обеспечение содержащихся в России военнопленных и гражданских пленнх Центральнх держав различными видами довольствия мало зависело от их государственной принадлежности, т.к. осуществлялось на основе норм действующего законодательства, носивших, как правило, универсальный характер. Правда, на протяжении 1914–1918 гг. последние неоднократно менялись. Однако, анализируя названные нормы в динамике, нельзя не прийти к выводу, что их эволюция неизменно базировалась на трех принципах, предполагающих, что уровень обеспечения иностранных пленников должен:

1) совпадать, в целом, с обеспечением русских пленнх, находящихся во власти противника (причем общее правило, восходящее к ст. 7 IV Гаагской конвенции, согласно которому военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска правительства, взявшего их в плен, уже в 1915 г. частично отступило на второй план);

2) исключать условия, при которых качество жизни подданных враждебных России держав может превзойти качество жизни русских рабочих, а в более широком смысле — населения тех губерний, в которых расквартированы военнопленные и гражданские пленные;

3) соответствовать объективным возможностям, в первую очередь — экономическим, как государства в целом, так и его конкретного региона.

При этом соблюдение первого принципа являлось предметом особого внимания со стороны военного ведомства, регулярно напоминавшего работодателям, в распоряжении которых находились военнопленные, что «всякое доходящее до правительств враждующих [с нами] стран известие о тяжелом положении у нас пленнх чинов их армий, тотчас же отзывается самым нежелательным образом на положении пленнх чинов нашей армии»¹.

Полагаем, что данный принцип существовал независимо от подданных Оттоманской империи, поскольку в силу причин, о которых уже говорилось ранее, «положение пленнх чинов нашей армии»

¹ РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 176. Л. 230.

в Турции мало занимало российское Военное министерство. Пожалуй, единственный известный нам факт трений на этой почве имел место на рубеже 1916–1917 гг., когда Порты потребовала вывезти пленных турок из Сибири в европейскую часть страны, угрожая в противном случае переводом всех «русских пленных в местности с тяжелым климатом». Петроград ответил встречной угрозой лишить в таком случае военнопленных Оттоманской империи «права пользования тем режимом, коему они подчинены ныне на общем основании с военнопленными остальных вражеских армий»¹. На этом вопрос был навсегда исчерпан.

В отличие от первого принципа, на страже второго стояла вся российская власть и, пожалуй, все российское общество. В этой связи целый ряд предписаний и распоряжений, особенно Министра внутренних дел и губернаторов, изданных в 1914–1917 гг., включал в себя требования содержать пленных «в условиях отнюдь не лучших, чем те, в кои поставлены русские рабочие»; «иметь наблюдение, чтобы в смысле жизненных удобств они (пленные — В.П.) пользовались лишь самым необходимым, ибо всякий комфорт представляется совершенно неуместным» и т.п.²

Однако по нашим оценкам, названный принцип также не имел к подданным Оттоманской империи прямого отношения, поскольку:

– к 1914 г. турки считались самыми малоимущими из всех проживавших в России иностранцев, что подтверждается рядом документов, в которых подчеркивается их «крайняя бедность», «нужда» и «несостоятельность»³ (Впрочем, «несостоятельность» турок российскими должностными лицами нередко преувеличивалась. Например, в декабре 1914 г. из 222 турецких подданных, водворенных в Ярославскую губернию, 84 человека отказались от приискания себе заработка, заявив, что они способны существовать за счет как собственных средств, так и помощи родственников⁴);

– в силу своего недостаточного профессионализма они использовались в экономике страны, как правило, на малоквалифицированных и, соответственно, низкооплачиваемых работах.

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 3245. Л. 15–16.

² РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 558. Л. 98об; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9296. Л. 11, 39; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 4.

³ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 404. Л. 41; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 92, 96; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 53.

⁴ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 44, 52.

Тем не менее, надо признать, что в поле зрения особо «бдительных» россиян турки иногда все-таки попадали. Так, один из русских офицеров, служивший в 1917 г. в Трапезунде, позднее вспоминал: «Отличные рабочие — пленные турки, вели они себя хорошо, но кормили их плоховато, они получали паек для пленных, правда, небольшой (это справедливо). Но в Трапезунде их надо было кормить хорошо — не как пленных, а как рабочих, от успешности работы которых зависит благополучие армии. Было время, когда благодаря распорядительности заведующего и стараниям самих турок, обслуживающих кухни, пленные турки, получая меньше денег, ели лучше, чем наши русские солдаты; была “полная измена” — своих держат хуже, чем турок. <...> Пустое, но трудное дело, надо было турок, как хороших рабочих, “беречь” для успеха работ нашей армии; но для “публики” их надо было прижимать — они пленные <...>. Турки же слабеют от недоедания и присланные 2 500 человек тают и тают»¹.

Наконец, что касается третьего, вполне универсального для всех военнопленных принципа, то он до некоторой степени смыкался с предыдущим. Например, в сентябре 1916 г. Тобольский губернатор в письме Министру внутренних дел упрекал пленных офицеров в том, что они «производят свободно и бесконтрольно покупки разных вещей и продовольственных продуктов. Располагая значительными денежными средствами, повышают на все цены, платя без торга, что запрашивают торговцы и крестьяне на базарах. Благодаря этому местные городские обыватели часто остаются без тех продуктов, которыми они привыкли обычно пользоваться»². Причем письмо это носило далеко не случайный характер, ибо нормы питания для пленных офицеров начали устанавливаться уже в 1916 г. и, как это видно из данных Таблицы 20, во многом зависели от состояния экономики конкретного региона.

Однако как бы то ни было, обобщая изложенное, мы приходим к выводу, что нормы обеспечения различными видами довольствия содержащихся в России военнопленных и гражданских пленных Центральных держав формировались и изменялись практически без учета турецкого контингента.

¹ В.Л. Воспоминания участника Мировой войны на Черном море // Морской сборник. — 1920. — № 1–3. — С. 209.

² РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1011. Л. 13.

Таблица 20

**Максимально допустимые суточные нормы приобретения
продуктов питания пленными офицерами Центральных
держав в регионах Западной Сибири и в Рязанской губернии
во второй половине 1916 г.¹**

Наименование продуктов	Предельное количество продуктов для одного офицера	
	Регионы Западной Сибири	Рязанская губерния
Хлеб ржаной	Не ограничено	1,5 ф. (600 г.)
Хлеб пшеничный		1,5 ф. (600 г.)
Крупы		32 зол. (130 г.)
Мясо	½ ф. (200 г.)	½ ф. (200 г.)
Рыба	½ ф. (200 г.)	½ ф. (200 г.)
Творог	¼ ф. (100 г.)	Не предусмотрено
Масло	¼ ф. (100 г.)	
Сметана	¼ ф. (100 г.)	
Молоко	½ бут. (0,3 л.)	1 бут. (0,6 л.) в неделю
Яйца	5 шт.	3 шт. (на 2 недели)
Сахар	12 зол. (50 г.)	6 зол. (25 г.)
Картофель	Не ограничено	½ ф. (200 г.)
Морковь		1 шт.
Репа		1 шт.
Огурец		1 шт.

Переходя к отдельным видам довольствования пленных, и, в частности, — *квартирному*, надо заметить, что, как это видно из Таблицы 21, названному вопросу российская власть на протяжении всей войны уделяла самое серьезное внимание. Но даже те грандиозные масштабы казарменного строительства, которые развернулись в России в 1914–1917 гг., не могли в полной мере обеспечить выполнение двухуровневых правил о проживании военнопленных, предполагающих их разделение сначала «по армиям», а затем, внутри каждой армии, по национальностям. Иными словами, квартирные условия большинства «пунктов водворения» не позволяли выделить изолированные помещения даже для малочисленных, как правило, представителей оттоманской армии в целом, не говоря уже об обеспечении отдельного проживания входящих в состав этой армии турок, арабов, армян, греков и т.д.

¹ Составлена по данным: РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1011. Л. 13; ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2411. Л. 2–3.

Таблица 21

**Расходы российского бюджета на строительство
помещений для военнопленных 1914–1917 гг.
(в военных округах Внутреннего района)¹**

Год	Израсходовано		Год	Израсходовано	
	руб.	коп.		руб.	коп.
1914	892 688	—	1916	7 213 972	—
1915	10 266 669	76	1917	4 512 689	63
Итого общий расход:				22 886 019	39

Примечание: К военным округам Внутреннего района относились: Московский, Казанский, Омский, Иркутский, Приамурский и Туркестанский.

Изложенное выше представляло собой одну из ключевых особенностей обеспечения турецких военнопленных жилыми помещениями, которой российское командование длительное время просто не придавало значения. Некоторые изменения в данном вопросе наметились лишь на рубеже 1916–1917 гг., когда Депутат Госдумы М. И. Пападжанов возбудил ходатайство «об отделении пленных армян от враждебно к ним относящихся турок и курдов». В рамках реализации данного требования в ПриамВО, к примеру, все аскеры-армяне в течение нескольких месяцев были сосредоточены в лагере при п. Шкотово², а находившиеся там турки переведены в иные места³.

Правда, в чем именно выражалось «враждебность» турок и курдов, и почему эта проблема вообще возникла лишь на исходе 1916 г., а не ранее, остается неясным. Более того, по нашему глубокому убеждению, «квартирный вопрос» портил отношения не столько между турками и армянами, сколько между оттоманами и их союзниками. Внимание на это было обращено еще в ходе Крымской войны. Так, А. В. Мещерский, руководивший процессом обмена военнопленными в Одессе в 1855–1856 гг., позднее вспоминал: «Для пленных турок был нанят особый дом, так как, по причине их нечистоплотности, остальные пленные (т. е. англичане, сардинцы и французы — В.П.) не хотели с ними вместе жить, вследствие чего между ними часто завязывались ссоры, и дело доходило до драк, которые

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 24–28.

² До начала 1917 г. аскеры-армяне содержались в ПриамВО вместе с турками в лагерях при гарнизонах Николо-Александровской пристани, Никольск-Уссурийского, Шкотово, Хабаровска, с. Спасское, Благовещенска, Краснореченска, п. Раздольный и др.

³ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 73, 105.

принимали иногда довольно серьезный размер»¹. В годы Первой мировой войны до драк дело, к счастью, не доходило, но австрийская сестра милосердия Нора Кински, посетив один из офицерских лагерей ПриамВО, записала 29 ноября (16 ноября ст. ст.) 1916 г. в своем дневнике: «Турки очень любезны, они никогда не жалуются, хотя *самые худшие помещения всегда отводятся именно им* (Курсив наш — В.П.). Например, находящийся сейчас среди них <...> турецкий офицер в возрасте 70 лет, помещен в галерее над залом (лагерь располагался в бывшей гостинице — В.П.) под предлогом, что там ему никто не будет мешать молиться»².

Крайне маловероятно, что подобное «распределение» помещений было делом рук исключительно лагерной администрации, которой, по большому счету, должно было быть все равно, офицеры какой армии занимают ту или иную комнату. Надо полагать, что этому явлению турки были во многом обязаны своим союзникам, неизменно превосходящих османов количественно, а значит — способных настоять на реализации нужного им решения. В этой связи нам трудно отделаться от мысли, что русские и турецкие офицеры уживались друг с другом гораздо лучше. Во всяком случае, на главной гарнизонной гауптвахте в Тифлисе они на всем протяжении 1915 г. отбывали наказание совместно и, главное, бесконфликтно. И лишь в январе 1916 г. был поднят вопрос о переводе турок в иное помещение. Да и то лишь потому, что некуда стало «сажать» своих (к примеру, по состоянию на 20 января 1916 г. в четырехместной камере для младших офицеров содержались одновременно пять русских и два турецких «узника»³).

Впрочем, рассматриваемая особенность в любом случае не распространялась на Кавказский военный округ, лагеря военнопленных в котором комплектовались турками если и не исключительно, то уж во всяком случае — преимущественно. В качестве примера можно обратиться к самому известному из них — лагерю, расположенному на о. Нарген близ Баку. Строительство последнего началось уже в марте 1915 г. и было окончено в рекордные сроки. Лагерь мог принять до 9 тыс. пленных⁴, размещаемых в 60-и полувкопанных

¹ *Мещерский А.В.* Из воспоминаний князя Александра Васильевича Мещерского. Размен пленных в войну 1854–1856 годов. М.: Университетская тип., 1899. — С. 56.

² *Kinsky N.* Op. cit. — S. 60–61.

³ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1555. Л. 52.

⁴ Реальное их количество, по нашим данным, никогда не достигало даже 8 тыс. человек.

деревянных бараках («шалашах») с земляным полом, без боковых окон, на 150 чел. каждый. В зимнее время помещения отапливались печами. При лагере имелись карантин на 1 000 чел. (4 барака по 250 мест) и госпиталь на 410 коек, а также пекарня, склады, погреб (правда, без ледника), баня, прачечная, лавки и иные вспомогательные подразделения.

Слабым местом лагеря было его обеспечение водой. Первоначальные предположения, что запасы таковой имеются на самом острове, оказались необоснованными. Проблема должна была решаться за счет трех опреснительных установок суммарной производительностью 1 800 л в сутки. Еще до 2 400 л предполагалось ежедневно доставлять на судах из Баку. Однако на практике из трех опреснителей регулярно работали лишь 1–2, а поступлению привозной воды (также, как и всех иных припасов, в т. ч. и мазута, служащего топливом для опреснителей) часто препятствовали естественные погодные условия района Баку, когда из-за сильного ветра движение судов на рейде приостанавливается на срок до двух и более суток. Таким образом, в отдельные дни до 7,5 тыс. человек вынуждены были довольствоваться 600 л. воды, полученными от одной опреснительной установки. Причем воду эту русские врачи считали «непригодной для питья и вызывающей поносы»¹.

25 октября (7 ноября) 1916 г. посольство Испании в Петрограде направило МИД России ноту оттоманского правительства о тяжелом положении турецких пленных на Наргене. Характерно, что на этот раз российская сторона во многом признала претензии Порты, сообщив Стамбулу в апреле 1917 г., что «возведенные на острове постройки — шалаша для военнопленных не удовлетворяют своему назначению, т.к. благодаря почти непрерывно дующим холодным ветрам, эти шалаша плохо держат тепло. В настоящее время они обмазаны слоем глины, а поверх последней слоем цемента. За отсутствием на Наргене пресной воды, таковая частью привозится из города Баку, частью получается из имеющихся опреснителей <...>. До последнего времени матрацы и одеяла отпускались только для инвалидов, <...>, а также и мастеровым, в настоящее же время все военнопленные имеют подстилку»².

Нами не установлено, была ли в действительности произведена обмазка бараков глиной, а тем более — цементом, однако уже в ноябре 1917 г. Военно-санитарный инспектор КВО докладывал

¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1152. Л. 92.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2860. Л. 1–3, 30–31.

Главнокомандующему армией, что на острове «баракы со щелями», а печи в них «требуют ремонта и плохо держат тепло <...>. Отсутствие питьевой воды, тепла и приспособленного жилища вызывает усиленные заболевания всевозможными болезнями, среди которых преобладают гастроэнтериты, малярия, туберкулез, общее истощение, и только благодаря принимаемым медицинским персоналом мерам, острозаразные заболевания ограничиваются единичными случаями брюшного, сыпного и возвратного тифов. Ежедневно в госпиталь на амбулаторный прием является человек 200–300 <...>. Довольствие больных неудовлетворительное. <...>. Не хватает молока. Вместо 600 затребованных кружек привозят 60–100. Белого хлеба нет. Черный из комендантской пекарни (т.е. тот, который ежедневно употребляли в пищу русские солдаты охраны лагеря — В.П.) часто бывает сырым. <...>. При таком положении дел борьба с болезнями не имеет успеха, и за последнее время наблюдается до 48 смертей в сутки <...>. На основании всего вышеизложенного я полагаю, что при ныне существующих неблагоприятных условиях жизни на о. Нарген оставление на нем в дальнейшем лагеря военнопленных нарушит все основы человечности <...>, а потому прошу Вашего ходатайства, не будет ли признано возможным перевести военнопленных с о. Нарген в другое место <...> или устранить хотя бы водяной голод»¹. (Однако здесь нельзя упускать из виду того обстоятельства, что лагерь на о. Нарген представлял собой скорее неудачное исключение из общего правила, порожденное внезапной приостановкой эвакуации пленных с Кавказа в феврале 1915 г. и стремлением командования КВО как можно быстрее изолировать турок, обеспечив тем самым безопасность государства, местного населения и действующей армии²).

Что касается порядка и условий расквартирования военнообязанных, то таковые, в целом, ничем не отличались от принятых ранее в отношении подданных Австро-Венгрии и Германии. Главы губерний доводили соответствующее распоряжение МВД до полицеймейстеров и уездных исправников, предписывая им «по прибытии во вверенные им местности военнопленных, (читай «военнообязанных» — В.П.) водворять их под надзор полиции на общем основании

¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1152. Л. 91–92.

² А.П. Ольденбургский изначально предполагал разместить турок вовсе не на о. Нарген, а в районе Владикавказа, но не смог преодолеть сопротивление этому со стороны главы Терской области. Между тем, уже к 18 февраля 1915 г. на Кавказе скопилось до 3 тыс. военнопленных, подлежащих эвакуации (РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 506. Л. 103, 205, 210).

Ответы, правда, были неоднозначными. Так, Рыбинский полицмейстер донес Ярославскому губернатору, что «в гор. Рыбинск в Зачеремушной части может быть размещено по частным квартирам до 300 человек турецких подданных мусульман. Если же для той же цели обратиться и ночлежный дом Рыбинского биржевого общества, то в последнем может быть размещено казарменным порядком еще 100 чел.»¹. Однако гораздо чаще власти сталкивались с более или менее откровенным нежеланием домовладельцев «пускать к себе турок» — явлением, хорошо известным в XVIII — XIX вв. и особенно ярко проявившимся в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. К примеру, Угличский уездный исправник вынужден был в декабре 1914 г. запросить у Ярославского губернатора разъяснений, «как поступать в том случае, если владельцы квартир не желают отдавать свои квартиры под военнопленных даже и за плату, что и оказывается в Большом Селе, где имеются помещения, но владельцы категорически отказались предоставить свои помещения для военнопленных даже и за плату; затем, как поступать в случае, если у присланных военнопленных не будет средств не только для оплаты квартиры, но и к существованию, следует ли в этом случае отводить им квартиры и на чьей обязанности будет лежать оплата квартиры»². Еще больше вопросов тогда же возникло у Мологского уездного исправника, обратившего внимание Ярославского губернатора на то, что «большим затруднением в деле рассылки турок и расселения их по уезду в зимнее время может явиться отсутствие у них, как у жителей юга, теплой одежды, необходимой в нашей холодной местности (большая часть прибывших под надзор полиции турок явилась одетой только в пиджаки с башмаками на ногах), а равно малая приспособленность крестьянских домов для квартир, ибо крестьяне в зимнее время целыми семьями проживают в одной избе, соблюдая большую экономию в топливе, а большие усадьбы, как, например: князя Куракина, графов Мусиных-Пушкиных и нашего посла в Вене г. Шебеко стоят необитаемыми, да и владельцы их на квартиры турок не пустят, при этом и крестьянское население также будет неохотно пускать к себе на квартиры турок, требуя с них высокой квартирной платы, что для большей части их явится невозможным, ибо они представляют элемент очень несостоятельный»³.

¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 20.

² Там же. Л. 51.

³ Там же. Л. 53.

В свете изложенного необходимо подчеркнуть, что хотя действующий Устав о земских повинностях и допускал принудительный отвод помещений по требованиям органов власти, последние всемерно избегали применять данное право. Во всяком случае нам известен лишь один факт принудительного отвода дома для военнопленных, имевший место в сентябре 1916 г. в г. Кирсанов Тамбовской губ.¹ Однако это было, конечно же, исключением, т.к. становые, участковые и прочие приставы, как правило, находили с домовладельцами общий язык, не доводя дело до крайности. Особо же непримиримых приглашали в кабинет полицмейстера, где после непродолжительной беседы те навсегда избавлялись от предубеждений в отношении турок. Таким образом, Ярославский губернатор мог уже в декабре 1914 г. с полным основанием доложить в МВД, что «все выселенные в губернию турецкие подданные размещены группами на частных квартирах, нанятых ими за свой счет»².

В *финансовом обеспечении* турецких военнопленных в России мы не обнаруживаем сколько-нибудь заметных особенностей. Аскерам, как и всем нижним чинам стран Тройственного союза, выдача жалования вообще не производилась. Впрочем, его отсутствие вполне компенсировалось заработной платой, анализируя размеры которой, А.Н. Талапин пришел к совершенно обоснованному выводу, что «еще до Октябрьской революции военнопленные оказались во многом приравненными к русским рабочим»³. В 1918 г. этот факт получил официальное закрепление в актах Центропленбежа, неоднократно указывавшего губернским коллегиям о пленных и беженцах (губпленбежам), что «оплата труда военнопленных должна быть поставлена в совершенно одинаковые условия с оплатой труда наших граждан»⁴.

Что же касается офицеров, то с начала войны и до 1 февраля 1918 г. их жалование оставалось неизменным и составляло ежемесячно: обер-офицеры — 50 руб., штаб-офицеры — 75 руб., генералы — 125 руб. (ст. 73 Положения о военнопленных). При этом получение турецким офицером, находящимся в плену, очередного воинского звания на его финансовом положении никак не отражалось. Так, в июле 1917 г. расквартированные в ИркВО капитаны

¹ ГАТО. Ф. Р-517. Оп. 1. Д. 6. Л. 71.

² ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 44.

³ Талапин А.Н. Указ. соч. — С. 165.

⁴ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 2. Д. 3. Л. 543об.

Ахмед эфенди Бин Нури, Мухлис эфенди Бин Сулейман, Али Риза эфенди Бин Гуссейн и Измаил Хаки эфенди Бин Торсун после присвоения им очередного воинского звания «майор», были переведены «на штаб-офицерское положение», но денежное содержание продолжали получать как обер-офицеры¹. Впрочем, и это продолжалось недолго: с 1 февраля 1918 г. всех пленных офицеров, в т.ч. и турецких, уравнили с рядовыми и вообще перестали им что-либо платить². Причем в оценке последнего факта нам близка позиция А.Н. Талапина, считающего такую «унификацию» закономерной, т.к. согласно ст. 17 IV Гагской конвенции пленные офицеры приравнивались к соответствующим офицерским чинам армии держащей в плену державы, а держава эта упразднила и офицерские чины, и офицерское содержание³.

Финансовое обеспечение турецкого врачебного и санитарного персонала также подчинялось универсальным требованиям. С ноября 1915 г. пленные врачи довольствовались наравне с русскими врачами. Несколько позже, в январе 1916 г., пленные санитары были также приравнены к русским санитарам. Небезынтересно отметить, что советская власть поначалу пыталась уклониться от этой обязанности, и двукратное повышение в 1918 г. жалования военным врачам было распространено на пленных врачей лишь после вмешательства Правового отдела Центропланбежа, указавшего Наркомвоену на нарушение им ст. ст. 9 и 13 Женевской конвенции⁴.

Что касается военнообязанных, то выплата им (но не членам их семей) денежного пособия формально предусматривалась ст.ст. 34–38 Положения о полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению административных властей. Правда, нам не удалось выявить ни одного случая применения приведенных норм к подданным Оттоманской империи. Однако по данным А.В. Тихонова, в Калужской губ. до 1915 г. такие пособия назначались⁵.

Продовольственное обеспечение турок в 1914–1918 гг., на первый взгляд, просто не могло не отличаться специфическими особенностями, т.к., с одной стороны, традиционная культура питания османов была, пожалуй, наиболее далека от российской, а с другой, такая

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2258. Л. 2–4а.

² РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 409. Л. 31.

³ Талапин А.Н. Указ. соч. – С. 205.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 5. Д. 52. Л. 33, 38–40.

⁵ Тихонов А.В. Указ. соч. – С. 69.

специфика детерминировались всем опытом многовекового вооруженного противостояния между нашими странами. Например, уже в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Петербург окончательно пришел к выводу, что пленные «по перемене в пище впадают в болезни», в связи с чем выдача им продуктов в натуре была тогда же заменена денежной компенсацией («почему они желаемое покупая пищей себя пропитать смогут»). По сути своей, указанный порядок, с некоторыми изменениями, просуществовал вплоть до конца Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., получив закрепление в законодательстве¹.

Вместе с тем, масштабы Первой мировой войны, ее тотальный характер, беспрецедентно большое количество интернированных в Россию военнопленных, неуклонно ухудшающаяся ситуация на отечественном рынке продовольствия и иные факторы объективно вели к тому, что в 1914–1917 гг. Петрограду удалось придать питанию турок некоторую позитивную специфику лишь отчасти, да и то во многом благодаря Главнокомандующему Кавказской армией генерал-адъютанту И. И. Воронцову-Дашкову, который в июне 1915 г., после очередного снижения в стране нормы выдачи мяса для всех военнопленных Центральных держав с $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ ф., т.е. с 200 г. до 100 г., своим приказом² сохранил для турок, расквартированных в пределах КВО, прежнюю норму в размере $\frac{1}{2}$ ф. «**ввиду гуманного ведения войны турецкой армией** (Выделено нами — В.П.)»³.

В свете изложенного, определенный интерес приобретают данные Таблицы 22, анализ содержания которой позволяет говорить о следующем:

1. В России питание турок не находилось в столь резком противоречии с питанием пленных европейских государств, как это имело место в Великобритании. Причем в последнем случае контраст носил явно дискриминационный оттенок. Это видно уже из того, что в Египте турки (в отличие от своих союзников) получали необходимое

¹ Согласно Примечания к § 69 Временного Положения о военнопленных Восточной 1877 года войны от 5 июля 1877 г., от командиров частей, при которых находились турки, требовалось принимать «насколько возможно» меры к тому, чтобы их пища «состояла преимущественно из продуктов, употребляемых пленными на родине» (ПСЗ РИ. Собр. второе. Т. LII. № 57530).

² Действовавшее законодательство предусматривало право Главнокомандующих и Командующих армиями устанавливать в регионах, находящихся под их юрисдикцией, «свои» нормы довольствия военнопленных.

³ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1152. Л. 201, 217–218; Ф. 2000. Оп. 9. Д. 22. Л. 602об.

Таблица 22

**Суточные нормы продовольственного обеспечения
военнопленных в России и Великобритании
в середине 1916 г.¹**

Наименование	Суточная норма довольствия одного военнопленного (в пересчете на граммы)			
	Для содержащихся британскими властями в Египте		Для содержащихся российскими вла- стями в Кавказском военном округе	
	Австрийцев, вен- гров, германцев	Турок	Австрийцев, венгров, германцев	Турок
Хлеб	255 г.	907 г.	1 000 г.	800 г.
Галетная крошка	113 г.	—	—	—
Мясо	Говядина или конина		Свежая говядина, баранина, рыба	
	113 г. (свежее) — 2 дня в неделю 85 г. (консервир.) — 5 дней в неделю		100 г.	200 г.
Сыр	16 г.	—	—	—
Бекон	50 г.	Один раз в неделю	—	—
Сельдь (соленая, маринованная)	283 г.		—	—
Крупы	65 г. (рис и овсяная)	85 г. (рис)	100 г.	100 г.
Картофель	567 г.	128 г.	250 г.	250 г.
Горох (бобы)	57 г.			
Прочие овощи	113 г.			
Подболточная мука	—	—	17 г.	17 г.
Кукурузная мука	57 г.	—	—	—
Финики (оливки)	—	57 г.	—	—
Масло (маргарин, сало)	12 г. маргарин	7 г. масло (маргарин)	21 г. масло (сало)	21 г. масло
Сахар	28 г.	28 г.	25 г.	25 г.
Чай	7 г.	7 г.	2 г.	2 г.
Перец	0,3 г.	—	0,7 г.	0,7 г.
Соль	7 г.	14 г.	46 г.	46 г.

число калорий, главным образом, за счет хлеба, норма которого почти вчетверо превышала «европейскую». Применительно же к России будет уместнее говорить скорее о «дискриминации» австрийцев,

¹ Составлена по данным: РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 558. Л. 98; РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1152. Л. 201, 217–218; Ф. 2000. Оп. 9. Д. 22. Л. 351; Yanıkdağ Y. Ill-fated sons of the nations... – С. 230.

венгров и германцев; во всяком случае, исходя из того факта, что туркам, расквартированным в пределах КВО (а это до 60 % от их общего числа), полагалась порция мяса вдвое больше той, которая предусматривалась для всех прочих пленных Центральных держав (и, кстати, равная той, которая выдавалась русскому солдату до 1905 г.).

2. Недельная норма довольствия турок, содержащихся в КВО, превышала предусмотренную для их товарищей в Египте: по овощам — вдвое, по маслу — втрое, а по свежему мясу — в пять раз. Кроме того, рацион турецких военнопленных в России, в отличие от Британии, включал в себя рыбу, а также несколько большее количество круп и их более широкий ассортимент.

Обобщая изложенное, нельзя не прийти к выводу, что в годы Первой мировой войны Россия обеспечила турецким пленным уровень питания вполне приемлемый и, во всяком случае, превосходящий тот, который им обеспечила Великобритания. При этом подчеркнем, что выше речь идет, с одной стороны, о Египте, расположенном в узле морских коммуникаций Англии, а с другой — о Кавказе, находящемся на периферии России, практически лишенной на тот момент внешней торговли и оказавшейся, по мнению генерала Н. Н. Головина (пусть даже и несколько преувеличенному), «блокированной» в большей степени, нежели Германия»¹.

В то же время надо признать, что реальная ситуация зачастую отличалась от представленной выше. Во-первых, потому, что приказ Главнокомандующего Кавказской армией о довольствии турок был построен на несколько иных принципах, нежели приказ Верховного Главнокомандующего о довольствии пленных европейских государств. В итоге такого несовпадения начальник Тифлисской местной бригады уже в июне 1916 г. вынужден был с удивлением констатировать, что «продовольственная дача» для турок оказалась «по стоимости меньше, чем для остальных пленных», в результате чего дискредитируется сама мысль о «гуманном ведении войны» Турцией². Во-вторых, в питании пленных многое зависело от местных цен, с которыми, как это видно из Таблицы 23, не смогли разобраться даже современники.

В этой связи обращает на себя внимание протест оттоманского правительства по поводу тяжелого положения турецких пленных в лагере на о. Нарген, поступивший в МИД России в январе 1917 г. В названном документе, наряду с прочим, утверждалось, что основная пища пленников «состоит из 2-х фунтов хлеба в день с одним блюдом жидкого рыб-

¹ Головин Н.Н. Указ. соч. — С. 62.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1152. Л. 217–218.

ного супа». Причем МИД России в своем довольно просторном ответе вопрос с «рыбным супом» никак не прокомментировал, что можно расценивать, как признание данного факта¹. Хуже того, после Февральской революции негативные тенденции в питании пленных заметно усилились. Так, уже в апреле 1917 г. общее собрание солдат на о. Нарген приняло решение об уменьшении порции хлеба для военнопленных на ½ ф. Спустя месяц в Баку были введены карточки на хлеб, в связи с чем офицеры, содержащиеся в лагере на о. Нарген, стали приобретать его в комендантской пекарне «по норме для военнопленных солдат за плату»². В иных регионах ситуация складывалась еще хуже. К примеру, старший лейтенант Мехмет Ёльчен отмечал, что в г. Варнавино Костромской губ. уже к марту 1917 г. из продажи исчезли чай, сахар и белый хлеб, а цены на молоко и растительное масло выросли так, что эти продукты стали просто недоступны³. В свою очередь лейтенант Халил Атаман вспоминал, что летом 1917 г. ежедневно получал в лагере в Красноярске лишь 125 г. черного хлеба и тарелку каши из кукурузной муки⁴.

Таблица 23

Эволюция средней стоимости набора продуктов питания для иностранного военнопленного в России в 1914–1918 гг. по расчетам различных органов бывшего Военного министерства⁵

Год	По данным Военно-хозяйственного комитета Наркомвоена ¹		По данным Цэнтрэвака НКВД РСФСР ²	
	руб.	коп.	руб.	коп.
1914	—	24,4	—	33,0
1915	—	25,6	—	39,0
1916	—	27,8	—	45,0
1917	—	45,6	—	75,0
1918	—	85,5	1	42,0

Примечания: 1. Военно-хозяйственный комитет Наркомвоена — бывшее Главное интендантское управление военного ведомства.
2. Цэнтрэвак НКВД РСФСР создавался на базе бывшего Отдела эвакуационного и по заведыванию военнопленными ГУГШ.

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2860. Л. 29–31.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1137. Л. 7, 53.

³ *Ölçen M.* Op. cit. – P. 100.

⁴ *Ataman H.* Esaret Yılları: Bir Yedek Subayın 1. Dünya Savaşı Şark Cephesi Hatıraları. – İstanbul?: yayl.y., 1990. – S. 139.

⁵ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 7; РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 409. Л. 31.

Что касается роли российского государства в продовольственном обеспечении военнообязанных, то по смыслу отдельных актов Министра внутренних дел, до 1918 г. эти люди (но не члены их семей) могли рассчитывать на получение «арестантской дачи» в «совершенно исключительных случаях крайних лишений», «бедственного положения» и «полной невозможности добывать средства существования личным трудом»¹. Однако фактов получения таких «дач» подданными Османской империи нами не установлено.

После Октября 1917 г. вопросы нормирования продовольствия для пленных Центральными державами утратили и свои национальные особенности, и всякую зависимость от принадлежности конкретного лица к той или иной категории пленников. Кроме того, вопросы эти перешли в ведение органов местной власти и теперь всецело зависели от политической и социально-экономической ситуации, сложившейся в том или ином регионе. В качестве примера здесь можно сослаться на данные Таблицы 24, хотя, конечно же, приведенные в ней нормы во многом «условны». На практике бывшие турецкие пленные нередко сами беспокоились о своем питании и могли рассчитывать разве что на содействие со стороны органов власти. Так, 12 июня 1918 г. Рязанский губпленбеж выдал «гражданскому турецкому подданному христианского исповедания Александру Никитову» документ, удостоверяющий его право на провоз по железной дороге «муки в количестве не более 4-х пудов, картофеля и других продовольственных продуктов (Так в тексте — *В.П.*) для расквартированных в гор. Рязань больных турецких подданных»².

Таблица 24

Суточные нормы продовольственного обеспечения, «бывших вражеских пленных», находящихся на территории Кубано-Черноморской области (с 1 января 1922 г.)³

Наименование	Количество (в г.)	Наименование	Количество (в г.)
Хлеб	200	Жиры	7
Мясо	45	Сахар	Не определено, только для больных
Рыба	55	Кофе	1,7
Крупы	75	Соль	20

¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 61.

² ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 46. Л. 2.

³ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 81.

В *вещевом обеспечении* оттоманских военнопленных нами не выявлено никаких особенностей. Подобно своим союзникам, они продолжали носить в России то обмундирование, в котором попали в плен, и часто испытывали затруднения с его заменой и пополнением отдельными предметами. Связано это было со следующим:

а) Обмундирование пленных особенно быстро приходило в негодность в процессе выполнения ими работ, поскольку работодатели в целях экономии не всегда обеспечивали их специальной одеждой. К примеру, 24 декабря 1916 г. Начальник штаба Петроградского военного округа сообщал в Министерство земледелия, что у возвращенных округу по окончании полевых работ военнопленных «белье, одежда, обувь в плохом состоянии. Встречаются пленные совершенно без белья <...>. Верхняя одежда очень рваная (лохмотья), обувь у многих отсутствует, башмаки рваные, ходят в лаптях, деревянных подставках, есть и босые»¹.

б) Нормы IV Гаагской конвенции и российского Положения о военнопленных, предусматривающие обеспечение последних обмундированием наравне со своими войсками, на практике реализовывались не в полной мере. Кроме того, они регулярно сокращались и изменялись, а их выполнение обуславливалось новыми обстоятельствами, продиктованными реальными экономическими возможностями страны. Так, в середине 1915 г. вещевое довольствие военнопленных включали в себя: шинель — 1, суконная рубаша — 1, шаровары — 1, фуражка — 1, сапоги — 1 пара, нательная рубаша — 2, исподних брюк — 2². Однако уже в феврале 1916 г. Военный министр распорядился «совершенно прекратить отпуск военнопленным кожаных сапог, носимых в армии, удовлетворяя [их] исключительно обувью, непригодной для похода, как-то ичиги, опанки, паступы и лапти»³.

Впрочем, к концу войны в России даже лапти стали недоступны. Так, в начале сентября 1917 г. Начальник особого пункта военнопленных при 276-м лазарете Петрограда предлагал «лаптями снабжать только тех военнопленных, которые совершенно не имеют годной к носке обуви»⁴. А один из приказов, отданный по МВО 8 января 1918 г., предусматривал, что «теплые вещи отпускаются исключительно по числу действительно нуждающихся в них по условиям своей работы военнопленных <...> сообразуясь <...> с наличием

¹ РГИА. Ф. 387. Оп. 20. Д. 73214. Л. 248.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 22. Л. 351.

³ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 253.

⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-5876. Оп. 1. Д. 35. Л. 91.

и состоянием у каждого из них собственной одежды, белья и обуви <...>. Вещи исключаются из наличия части не ранее как *по признании их безусловно негодными к дальнейшей носке, даже при починке* (Курсив наш — В.П.)»¹.

Правда, справедливости ради заметим, что виновниками всего перечисленного, отчасти, являлись сами военнопленные, которые нередко либо продавали местному населению получаемое ими обмундирование (а также, кстати, и часть своего хлебного пайка), либо умышленно портили его «с целью уклонения от работы под предлогом неимения обуви и одежды»². Отдельные лица даже превращали это занятие в своего рода бизнес. Так, 21 января 1916 г. глава Рязанской управы просил полицмейстера «вновь подвергнуть строгому аресту военнопленного турецкой армии Тауфек Гусейн за то, что, вернувшись из-под ареста, тайком ушел из казармы на рынок, очевидно *вновь с целью продать свою одежду* (Курсив наш — В.П.) и был задержан»³. Впрочем, и порча, и промотание пленниками предметов вещевого довольствия было явлением старым, как мир, а о трудностях борьбы с ним говорит уже то, что в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. власти вынуждены были установить... для россиян (!) административную ответственность за покупку у военнопленных казенного обмундирования и белья.

Ничуть не лучше положение с обмундированием обстояло и у пленных офицеров. Если в период той же войны 1877–1878 гг. большинство из них пошили себе в России и мундиры «на турецкий манер», и даже гражданские костюмы, то в рассматриваемых хронологических рамках ситуация стала совершенно иной. «Некоторые из пленных, понимая, что их изношенную одежду нечем заменить, шили себе широкие платья, подобные ночным рубахам, и начинали в них разгуливать,— вспоминал старший лейтенант Мехмет Ёльчен.— Таким путем они пытались сохранить свое обмундирование. Никто не обращал внимания на то, как смешно они выглядят, облачившись в широкие рубища, ермолки и башмаки на деревянной подошве. <...>. Они не понимали, что выставляют турецкую армию и народ на посмешище»⁴.

Что же касается вещевого обеспечения военнообязанных, то теоретически они могли рассчитывать на «одежное пособие в мере

¹ ГАОО. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4.

² ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 112. Л. 295.

³ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2627. Л. 16.

⁴ Ölçen M. Op. cit. — P. 106–107.

действительной необходимости не свыше 30 рублей в год» по усмотрению губернатора¹. Однако фактов выдачи туркам таких пособий нами не установлено.

Основную и, пожалуй, единственную особенность *медицинского обеспечения* турецких пленных мы видим в том, что в пределах Кавказского ТВД оно, по-видимому, не всегда отличалось должной оперативностью и эффективностью. К примеру, по мнению Заведующего медицинской частью Красного Креста при Кавказской армии профессора В. А. Оппеля, даже к исходу войны передовые госпитали армии «были плохо приспособлены к подаче правильной хирургической помощи <...> имелось большое количество запущенных ранений, *особенно среди пленнх турок* (Курсив наш — В.П.)»². Впрочем, похоже, что проблема не ограничивалась одними лишь передовыми госпиталями и одной лишь областью хирургии. Так, по данным М. Э. Комахидзе, летом 1916 г. в Тифлиском лазарете № 8 уровень смертности турецких пленнх «в результате хирургических заболеваний составлял 14%, а от терапевтических болезней — 60%», тогда как среднее значение данного показателя по лазарету едва достигало 3,3%³.

Причины указанного явления, как представляется, требуют отдельного междисциплинарного исследования. Пока же мы можем сослаться на тот очевидный факт, что при лечении османов «языковой барьер» между врачом и пациентом возникал гораздо чаще и преодолевался гораздо сложнее, нежели в ходе лечения австрийцев, германцев и даже венгров. Порой наблюдались отказы пленников от спиртосодержащих медикаментов. Судя по некоторым данным, турки чаще своих союзников отклоняли предложения о необходимости выполнения хирургических операций, в т. ч. срочных ампутаций.

Определенную роль здесь сыграло и то, что из 43 пленнх турецких врачей, большая часть оказалась в регионах Сибири, где османские пленники не только пребывали в меньшинстве, но и болели в полтора раза реже, чем их товарищи на Европейской части страны (см. Таблицу 40)⁴. В то же время, Главное военно-санитарное управление российского Военного министерства даже в середине 1916 г. признавалось, что «не располагает сведениями о находящемся в русском плену турецком санитарном персонале» и само просило ГУГШ

¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 61.

² ГАРФ. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 118. Л. 39ж.

³ *Комахидзе М. Э. Жизнь и деятельность Григория Михайловича Мухадзе*. Тбилиси: Мецниереба, 1975. — С. 34.

⁴ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 5190. Л. 26, 28–29.

«не отказать выслать сведения о врачах турармии, находящихся у нас в плену»¹. (Впрочем, турецкие врачи трудились и на Кавказе, и именно в тех пунктах, где в них ощущалась наибольшая потребность — в госпиталях кр. Карс и лагеря военнопленных на о. Нарген. К примеру, в 1917 г. последний обслуживала «интернациональная бригада» медиков в составе шести турецких врачей, пяти русских и одного германского²).

В остальном же можно утверждать, что турецкие военнопленные получали в России медицинскую помощь наравне со своими союзниками. В отдельных населенных пунктах пленникам отводились конкретные лечебные заведения. Например, в Курске, эвакуируемые с Юго-Западного фронта османы, помещались на стационарное лечение исключительно в 80-й сводный эвакогоспиталь, оборудованный в здании бывшего пивомедоваренного завода А. И. Квилици³. Однако уже в Рязани их могли направить практически в любой из эвакуационных госпиталей города (42-й, 43-й, 44-й, 45-й или 46-й)⁴.

Примерно такая же картина наблюдалась и в лечебных заведениях гражданских ведомств. Так, «Правила применения труда военнопленных и военнообязанных», действовавшие на Рязано-Уральской железной дороге, ясно гласили, что «так как пленные рассматриваются как поденные рабочие — им предоставляется лечение в полном объеме, включая и больничное»⁵. Аналогичный порядок был предусмотрен и на строительстве Армавир-Туапсинской железной дороги, где заболевшие пленные турки госпитализировались в железнодорожную больницу г. Ставрополя⁶.

Правда, изложенное выше воплощалось в реальность далеко не всегда и не повсеместно, поскольку работодатели, получающие военнопленных для выполнения работ, возвращали их военному ведомству не только в истрепанном обмундировании но и (что намного хуже) массово больными. И исключение здесь не делалось даже для занятых на строительстве такого стратегического объекта, как Мурманская железная дорога⁷. Тем не менее, в целом, уровень

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 10. Л. 8–9, 12–19, 24–25.

² Там же. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 506. Л. 56; Д. 1152. Л. 97.

³ Там же. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 195. Л. 4–5, 52, 114–117, 120–124; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8498. Л. 11, 63.

⁴ ГАРО. Ф. 212. Оп. 2. Д. 5. Св. 1. Л. 331–332; Д. 64. Св. 8. Л. 265–269.

⁵ РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 1480. Л. 160–161, 167.

⁶ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1555. Л. 110.

⁷ РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 176. Л. 171; ГАВологО. Ф. 129. Оп. 3. Д. 1453. Л. 12.

оказываемой пленникам медицинской помощи следует оценить как вполне приемлемый. Это признавалось даже членами делегаций Датского и Шведского обществ Красного Креста, регулярно работавших в России и обычно настроенных к ней более чем критически. К примеру, в отчете одной из таких делегаций за период с ноября 1915 г. по февраль 1916 г. указывалось следующее: «наши многочисленные посещения госпиталей в общем произвели на нас хорошее впечатление. Врачи и сестры милосердия обращаются доброжелательно с пленными и проявляют к ним много забот; пленные неоднократно просили нас выразить благодарность врачам и персоналу»¹.

Впрочем, точка зрения Порты на этот счет, вероятно, могла быть и несколько иной. Например, 11 (24) августа 1917 г. она направила МИД России ноту, в которой обращалось внимание на «невыносимые условия жизни турецких пленных-инвалидов», размещенных в Иваново-Вознесенске. Характерно, что МИД отреагировал на ноту с мало присущей этому учреждению резкостью: «пленные инвалиды содержатся точно также, как и больные русские, и по данным, поступающим в Министерство иностранных дел, гораздо лучше, чем пленные русские инвалиды в Турции»². Еще ранее, в 1916 г., некоторый переполох в Петрограде вызвала публикация в одной из газет Стамбула писем турецких военнопленных из России, в которых те жаловались на плохое обращение в русских лечебных заведениях с ранеными турками и в этой связи сравнивали госпиталь в Карсе «с настоящей бойней»³. Однако в иных источниках эти сведения не находят своего подтверждения. Не обнаружил никаких признаков «бойни» и пленный лейтенант Асаф Мехмед, лечившийся в том же госпитале, в том же 1916 г. Напротив, в памяти лейтенанта сохранилось нечто прямо противоположное: «вечером нас заводят в длинный барак и выдают чистую одежду. Прежнюю я носил всего лишь одну ночь. Девушки подстригают всех желающих. Затем мы моемся. После бани мы проходим в палаты уже в больничном белье <...>. Госпиталь освещается электричеством. В нем работают одни женщины, которые называются «сестрами милосердия». Они парят вокруг нас словно ангелы, придавая нам силы. Прикосновения их рук к нашим лицам доставляет большое удовольствие»⁴.

¹ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 11. Д. 123. Л. 2об.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2890. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 3029. Л. 1, 3.

⁴ *Asaf M. Volga Kiyılarında (Esâret Hâtıra ve Mâcerâları) ve Muhtıra: Mehmed Asaf Bey'in Hatıra Defterleri.* – İzmir: Akademi Kitapevi, 1994. – S. 11.

В контексте рассматриваемого вопроса следует отметить, что российским командованием принимались и профилактические меры, направленные на сохранение здоровья пленных. Так, один из жителей г. Варнавин Костромской губ. вспоминал, что в 1916–1917 гг. содержащихся в городе турок «в летние жаркие дни <...> большой колонной строем <...> под охраной водили на Пески (наименование городского пляжа — *В.П.*) купаться»¹.

Что же касается турецких военнообязанных, то они с первых дней своего интернирования доставляли российской медицине и российским властям не меньше хлопот, чем больные и раненые военнопленные. К примеру, 23 ноября 1914 г. один из воронежских санитарных врачей доносил в городскую управу о том, что в ходе осмотра «325 человек пленных (военнообязанных — *В.П.*) турок, помещавшихся в доме Кинца», выявил 24 больных (преимущественно, чесоткой и малярией), которые были госпитализированы в губернской земской больнице. Через два дня этот же врач выявил еще 54 больных, которых направил «по распоряжению администрации в госпиталь № 62»².

Особенное распространение среди военнообязанных турок получил тиф. Так, по данным А. В. Тихонова, уже к началу 1915 г. в одной только Калуге 500 турок (из немногим более 1700) находились на стационарном лечении в городских больницах и специально арендованных для них зданиях³. 22 января 1915 г. Рязанский губернатор собрал первое совещание «по вопросу о принятии мер к недопущению переноса (на местное население — *В.П.*) заразы возвратного тифа от турок, помещающихся в доме Гречищева»⁴. Но еще несколькими днями ранее, 18 января 1915 г., последовало высочайшее повеление «военнообязанных турок (но, заметим, не австрийцев, венгров и германцев — *В.П.*) передать в ведение Верховного начальника санитарной и эвакуационной части» «в целях объединения мер борьбы с заразными заболеваниями и для охраны санитарного благосостояния Империи»⁵.

В остальном же медико-санитарное обеспечение военнообязанных турок ничем принципиально не отличалось от того, на которое

¹ Варнавинский историко-художественный музей (ВИХМ). Научный фонд. № 435. Л. 28.

² ГАВоронО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2993. Л. 39.

³ Тихонов А. В. Указ. соч. — С. 69–70.

⁴ ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2282. Л. 4–5.

⁵ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 64–65.

могли рассчитывать военнообязанные всех Центральных держав, вплоть до получения ими квалифицированной медицинской помощи за пределами пункта интернирования. Так, 12 ноября 1918 г. турецкому подданному Халилу Идрисовичу Адабаши, на основании свидетельства о болезни, было дано разрешение на временный выезд из Рязани в Москву «для явки к специалистам врачам»¹.

Что касается претензий военнообязанных турок к медицинскому обслуживанию, то они выглядят еще менее обоснованными, нежели те, о которых говорилось ранее. Например, в июне 1917 г. гражданские пленные, интернированные в г. Моршанск, жаловались Министру внутренних дел на «болезни и отсутствие медицинской помощи». Однако реакция на эту жалобу Тамбовского губернского комиссара от 12 июля 1917 г. видится нам куда более убедительной: «Никто из военнообязанных турецких подданных, проживающих в Моршанске, в пособии не нуждается, а также и в медицинской помощи, что же касается обыкновенного лечения, то таковое им в достаточной мере оказывается Моршанской земской больницей, причем присовокупляю, что военнообязанные турки, как это выяснилось при дознании, ходатайствуют исключительно лишь о разрешении им выезда на родину в Турцию и ради этого ссылаются на несуществующие причины»². Характерно также, что даже в 1922 г., т.е. после окончания массовой репатриации из России пленных Четверного союза, попытка администрации одной из больниц Новороссийска потребовать с бывших турецких пленников, как и со всех иностранных граждан, плату за лечение, была немедленно пресечена Центрэваком³.

¹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 46. Л. 287.

² ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 404. Л. 48.

³ Там же. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 43.

Глава пятая

Использование трудового потенциала

Проблема трудового использования пленных противника в России в годы Первой мировой войны, как представляется, относится к числу наиболее разработанных в современной отечественной историографии, в т. ч. и на уровне специальных работ¹. Данное обстоятельство, в совокупности тем фактом, что организационное и правовое регулирование трудовых отношений пленников Центральных держав практически не зависело от их государственной принадлежности, позволяет нам оставить за рамками настоящей книги большинство вопросов универсального характера, а указать лишь на те из них, которые наиболее тесно связаны с предметом нашего исследования.

1. В первую очередь необходимо отметить, что труд пленных в России регулировался многоуровневым комплексом нормативно-правовых актов, восходящих к ст. 6 IV Гагской конвенции и ст. ст. 12–13 Положения о военнопленных. Основу данного комплекса, помимо уже упомянутых выше Правил о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств от 7 октября 1914 г. и Правил о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами от 10 октября 1914 г., составляли Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы от 28 февраля 1915 г. и Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях от 17 марта 1915 г. Кроме того, в течение 1914–1917 гг. в развитие перечисленных базовых актов в России было принято большое число организационно-распорядительных документов, регламентирующих порядок и условия

¹ Безруков Д. А. Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород: НовГУ, 2001. — 23 с.; Познахирев В. В. Документы федеральных и региональных архивов об использовании труда турецких военнопленных периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Отечественные архивы. — 2013. — № 2. — С. 54–62; Самович А. Л. Содержание и трудовое использование военнопленных на территории Белоруссии в годы Первой и Второй мировых войн // Вестник военного университета. — 2010. — № 3. — С. 96–101; Шевелева О. В. Применение труда военнопленных и беженцев в сельском хозяйстве в годы I мировой войны (по материалам Тульской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. — 2008. — Т. 6. — № 2. — С. 95–99 и др.

трудового использования пленников и исходящих от различных министерств и их департаментов, ГУГШ и штабов военных округов, начальников местных бригад и уездных воинских начальников, территориальных органов управления, администраций предприятий и т.д.

2. По мере затягивания войны, труд пленных в России приобретал все большее значение. Если в 1914 г. он рассматривался скорее как мера социально-психологического характера, призванная «дать удовлетворение как обществу, так и армии», то уже в 1915 г. его растущая роль в экономике страны стало все чаще приводить к межведомственным столкновениям за право «обладания» этой разновидностью рабочей силы. Одновременно оформились и приоритетные, с точки зрения использования пленных, отрасли народного хозяйства, как-то: горнодобывающая промышленность, железнодорожное строительство, сельское хозяйство и некоторые другие.

3. Организация порядка и условий предоставления военным ведомством пленных для выполнения работ имела тенденцию к упрощению. Если первоначально администрация предприятия решала данный вопрос через фабричного инспектора, губернатора и ГУГШ, то в июне 1915 г. работодатель получил право запрашивать пленных непосредственно в штабе того военного округа, на территории которого они были расквартированы¹.

4. В качестве еще одной тенденции следует назвать постепенный отказ от учета государственных и национальных различий между военнопленными. Так, если в 1914 — первой половине 1915 гг. труд считался едва ли не привилегией представителей «дружественных национальностей», то на втором году войны такой подход отошел в прошлое. К примеру, уже 15 января 1916 г. Особое межведомственное совещание потребовало от Военного министерства и штабов военных округов «весь остающийся [в] данное время внутреннем районе контингент неиспользованных трудоспособных пленных, *без различия их национальности* (Курсив наш — В.П.), предоставить [в] распоряжение ведомства земледелия для исполнения полевых работ»².

5. Поскольку заработная плата пленных являлась экономической основой их возможных побегов, между военным и гражданскими ведомствами постоянно возникали трения по поводу ее размера. Первоначально Военное министерство вообще исходило из того, что производимые пленниками работы «оплате вознаграждением не подлежат» (ст. 13 Положения о военнопленных), и только 8 марта

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 90. Л. 65–66.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 18. Л. 7–8.

1915 г., после многочисленных жалоб со стороны администраций предприятий, признало за работодателями право «производить военнопленным денежные выдачи в целях поощрения их к более усердному труду, в размерах, соответствующих производительности труда каждого военнопленного рабочего». Тем не менее, на практике российские власти на протяжении всей войны стремились минимизировать количество средств, которыми могли располагать пленные. Например, в июне 1915 г. Военное министерство требовало ограничить размер их заработка 20 коп. в день, а 30 сентября 1917 г. настаивало на том, чтобы в личном распоряжении пленного одновременно не оказывалось более 15 руб.¹

6. Порядок и условия применения труда военнопленных заметно отличались в разных губерниях и даже в разных уездах одной и той же губернии, на что неоднократно обращало внимание МВД². Это касалось самой организации работ, условий содержания пленников, применения к ним мер поощрения и взыскания и т.д. Однако наибольшие различия касались зарплаты, которая варьировалась в широких пределах и, главное, вне зависимости от требований военного ведомства. Так, если в 1915 г. занятым на строительстве, ремонте и обслуживании большинства железных дорог платили в среднем по 25 коп. в день, то на Минусинской железной дороге эта сумма составляла минимум 60 коп. Если летом 1916 г. военнопленный, работающий на Амурской железной дороге, получал поденную плату в размере 60 коп., то на Ачинск-Минусинской железной дороге, где практиковалась сдельная оплата труда, от 1 р. 25 коп. до 3 р. 50 коп., что позволило здесь многим пленным иметь сбережения до 200 руб. и выше. Не меньший разброс наблюдался и в сельском хозяйстве, ввиду чего в феврале 1916 г. МВД пришлось разъяснять земским управам, что «плата, за которую пленные предоставляются сельским хозяевам, отнюдь не может быть рассматриваема в качестве произвольного вознаграждения пленных, а является по существу платой заработной»³.

Вместе с тем, режим труда и отдыха военнопленных, как правило, совпадал с тем, который был установлен для работников-россиян. Например, на Рязано-Уральской железной дороге рабочий день летом продолжался с 6 час. до 18 час. (при двухчасовом перерыве на обед), «а когда светлый день менее 12 часов — светлым

¹ РГИА. Ф. 398. Оп. 74. Д. 30503. Л. 24; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 22. Л. 363–366.

² ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 191.

³ РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 176. Л. 331; Д. 177. Л. 85; Д. 536. Л. 18; Д. 660. Л. 5; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 9. Л. 60; ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 191.

временем»¹. (Для сравнения заметим, что по данным делегации МККК, инспектировавшей осенью 1916 г. лагеря русских военнопленных в Турции, пленники «работают с 5 до 17 час. за один пиастр в день, который нередко не получают»²).

7. Хотя положение работающих военнопленных постепенно сближалось с положением российских трудящихся, вплоть до конца 1917 г. между ними сохранялось, по крайней мере, два принципиальных различия:

а) Из денежного вознаграждения военнопленных вычитались расходы, понесенные предприятиями на их питание, обмундирование, охрану и т.п.

б) Военнопленные не подлежали страхованию от несчастных случаев и на случай болезни. Характерно, что такое решение было принято не сразу. Дискуссии по данному вопросу велись на всем протяжении 1915 г. И лишь 12 января 1916 г. Министерство торговли и промышленности, по согласованию с ГУГШ, сообщило заинтересованным лицам, что «военнопленные, работающие в промышленных предприятиях, не подлежат действию правил об обеспечении рабочих на случай болезни, о страховании рабочих от несчастных случаев и о вознаграждении потерпевшим вследствие несчастных случаев, ибо <...> военнопленные не являются добровольно поступившими на работы упомянутых предприятий и по своему положению не пользуются никакими правами, кроме предусмотренных Положением о военнопленных»³.

Что же касается особенностей трудового использования именно оттоманских военнопленных, то здесь необходимо выделить следующее.

I. Труд пленных турок в России носил во многом традиционный характер, т.к. регулярно применялся на всем протяжении вооруженного противостояния между нашими странами (за исключением периода Русско-турецкой войны 1806–1812 гг.). Причем явление это порой приобретало даже дискриминационный оттенок. Например, в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. массовая «трудовая повинность» возлагалась на одних лишь оттоманов, но почему-то не коснулась их союзников — французов, англичан и сардинцев.

II. В годы Первой мировой войны турки представляли собой самую малочисленную часть контингента работающих военнопленных (не считая, разумеется, болгар). Очевидно, по этой причине российские

¹ РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 1480. Л. 160–161.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 76. Л. 94.

³ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 409. Л. 10.

власти просто не видели необходимости переводить для них разного рода организационно-распорядительные акты. Так, 9 июня 1916 г. МВД направило губернаторам тысячи экземпляров «Правил о порядке исполнения пленными сельскохозяйственных работ». Документ этот, помимо русского, был отпечатан на немецком, венгерском и польском языках. Но не на турецком. Еще ранее, на рубеже 1914–1915 гг. военным ведомством специально для пленных были изданы: «Инструкция военнопленным германской и австро-венгерской армий», «Правила ведения ротного хозяйства», «Книга артельщика» и «Книга каптенармуса». Но все это лишь на немецком языке¹.

III. Как видно из данных Таблицы 25, турки включались в трудовой процесс значительно медленнее австрийцев, венгров и германцев, а доля работающих оставалась среди них относительно низкой на протяжении всей войны. Правда, постепенно сокращаясь, этот разрыв достиг своего минимума к началу 1917 г. (83,9% и 91,2% находившихся на работах, соответственно). Однако затем он вновь стал неуклонно возрастать.

Таблица 25

**Динамика трудового использования военнопленных
Центральных держав из числа нижних чинов
в военных округах Внутреннего района
(в период с 1 мая 1915 г. по 1 января 1918 г.)²**

Дата	Всего состоит по списку нижних чинов (чел.)		Из них (гр. 2 и гр. 3) находится на работах (чел.). В том числе:			
	Турок	Австрийцев, венгров и германцев	Турок		Австрийцев, венгров и германцев	
			Количество	То же в% от гр. 2	Количество	То же в% от гр. 3
1	2	3	4	5	6	7
1.05.1915 г.	7 862	366 295	—	—	—	—
1.09.1915 г.	8 152	648 259	1 529	18,8%	446 491	68,9%
1.01.1916 г.	12 227	812 181	1 194	9,8%	475 085	58,5%
1.05.1916 г.	9 515	611 093	1 799	18,9%	467 082	76,4%
1.09.1916 г.	11 505	910 449	9 409	81,8%	835 068	91,7%
1.01.1917 г.	12 840	948 535	10 773	83,9%	864 716	91,2%
1.05.1917 г.	14 600	1 024 199	12 553	85,0%	948 686	92,6%
1.09.1917 г.	14 638	1 046 873	12 332	84,3%	976 858	93,3%
1.01.1918 г.	15 502	1 049 559	12 749	82,2%	963 111	91,8%

Примечание: 1. В Таблице представлены данные по Московскому, Казанскому, Омскому, Иркутскому и Приамурскому военным округам. Данные по Туркестанскому военному округу не приводятся в связи с отсутствием в этом округе турецких военнопленных.

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 7. Л. 123–130; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9086. Л. 169.

² Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 1–4.

Причину данного явления мы видим в том, что среди турок доля лиц, признаваемых нетрудоспособными, была выше, нежели среди их союзников, за счет большого числа пленных:

- старших возрастных групп;
- находящихся на стационарном излечении (см. Таблицу 35);
- больных туберкулезом, имеющих ампутации конечностей после ранений и обморожений и признанных инвалидами по иным основаниям, но не возвращаемых на родину ввиду отсутствия соответствующего русско-турецкого соглашения.

Хотя у нас и нет объективных причин ставить вопрос о том, что турки чаще, нежели их союзники, уклонялись от участия в работах, данные Таблицы 26 указывают на то, что турецкие офицеры демонстрировали абсолютное пренебрежение к труду, резко отличаясь по этому признаку от офицеров австро-венгерской и германской армий.

Таблица 26

**Динамика добровольной трудовой деятельности
военнопленных Центральных держав из числа офицеров
в военных округах Внутреннего района
(в период с 1 мая 1915 г. по 1 января 1918 г.)¹**

Дата	Всего состоит по списку офицеров (чел.)		Из них (гр. 2 и гр. 3) добровольно находится на работах (чел.). В том числе:			
	Турок	Австрийцев, венгров и германцев	Турок		Австрийцев, венгров и германцев	
			Количество	То же в % от гр. 2	Количество	То же в % от гр. 3
1	2	3	4	5	6	7
1.05.1915 г.	296	10 291	—	—	—	—
1.09.1915 г.	299	14 998	1	0,33 %	83	0,55 %
1.01.1916 г.	491	18 879	1	0,2 %	87	0,46 %
1.05.1916 г.	492	19 194	—	—	385	2,01 %
1.09.1916 г.	1 021	25 914	1	0,1 %	520	2,01 %
1.01.1917 г.	1 324	28 210	1	0,07 %	656	2,33 %
1.05.1917 г.	1 423	27 640	—	—	830	3,0 %
1.09.1917 г.	1 368	27 262	—	—	835	3,01 %
1.01.1918 г.	1 389	26 230	—	—	848	3,23 %

Примечание: 1. Офицер мог быть привлечен к труду только на основании его личного ходатайства, заявленного в письменной форме; такой порядок был сохранен и в советский период.

2. В Таблице представлены данные по Московскому, Казанскому, Омскому, Иркутскому и Приамурскому военным округам. Данные по Туркестанскому военному округу не приводятся в связи с отсутствием в этом округе турецких военнопленных.

¹ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 1–4; ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 22. Л. 59.

IV. Применение труда военнопленных Османской империи в сельском хозяйстве вплоть до конца 1915 г. сдерживалось трудностями с обеспечением пленников мясом, которое в периоды полевых работ было сложно приобрести и практически невозможно сохранить. Для австрийцев, венгров и германцев оно заменялась соленым салом, что в отношении турок, по понятным причинам, было неприемлемо. Впрочем, с 1916 г. российские власти стали смотреть на этот вопрос сквозь пальцы, предоставляя земским управам самим искать выход из подобной ситуации.

V. Как уже говорилось ранее, политика, проводимая с конца 1915 г. великим князем Николаем Николаевичем, не предусматривала эвакуацию турецких военнопленных во внутренние регионы страны, в силу чего трудовое использование основной массы османов ограничивалось пределами Кавказского военного округа. Причем небезынтересно отметить, что Николай Николаевич категорически отвергал все попытки ГУГШ «получить» у него хотя бы часть турок даже в обмен на равное количество военнопленных иной государственной принадлежности¹. Таким образом, число османов, работавших на большей части территории Российской империи, на протяжении всей войны, как видно из Таблицы 25, никогда не достигало даже 13 тыс. чел.

VI. По данным российского учета, среди турецких военнопленных практически отсутствовали «лица интеллигентных профессий или знающие специальные мастерства». К примеру, из ведомости Тамбовского уездного воинского начальника о движении военнопленных за февраль 1916 г. следует, что ни один из 106 находившихся в его распоряжении военнопленных «турармии» к лицам данной категории не относился². Это обстоятельство в сочетании с относительно низким образовательным уровнем основной массы турок и, напротив, их высокими физическими данными, а также отсутствием на предприятиях квалифицированных переводчиков, способных разъяснить туркам порядок производственного процесса, предопределили использование османов преимущественно на малоквалифицированных тяжелых работах.

В связи со сказанным выше неизбежно возникает вопрос, различались ли сферы применения труда аскеров из числа мусульман, с одной стороны, и христиан, с другой? При всей ограниченности имеющихся на этот счет сведений, ответить на него в определенной

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 61. Л. 259–260, 277.

² ГАТО. Ф. 504. Оп. 1. Д. 115. Л. 58–60.

степени позволяют данные Таблицы 27. Как представляется, последние свидетельствуют о том, что при распределении военнопленных по различного рода работам российское командование не видело принципиальной разницы между турецкими мусульманами и христианами. И уж во всяком случае, труд последних не отличался более интеллектуальным характером. Безусловно, на тяжелых горных работах доля мусульман примерно в 1,5 раза превышала долю христиан. Однако, за последними наблюдался безусловный «приоритет» над мусульманами в сферах таких не менее тяжелых производств, как труд в МПС — в 1,7 раза (строительство железных дорог), в военном ведомстве — в 3 раза (как правило, это были земляные и погрузочно-разгрузочные работы), а в сфере земледелия и землеустройства — в 9 раз (это, в первую очередь, строительство и ремонт гидротехнических и мелиоративных сооружений).

Таблица 27

**Распределение по работам турецких военнопленных
различной конфессиональной принадлежности
в военных округах Внутреннего района
(в период с 1 января по 1 сентября 1917 г.)¹**

Наименование работ	Количество занятых	В том числе		В% от общего числа	
		Мусульман	Христиан	Мусульман	Христиан
Сельскохозяйственные работы	1 321	1 267	54	3,7 %	4,6 %
Земские и городские работы	1 337	1 337	—	3,9 %	—
Угледобывающие и горнопромышленные предприятия	6 032	5 901	131	17,1 %	11,1 %
Торгово-промышленные предприятия	89	83	6	0,2 %	0,5 %
В Министерстве путей сообщения	1 714	1 621	93	4,7 %	7,9 %
В сфере земледелия и землеустройства	888	680	208	2,0 %	17,6 %
В военном ведомстве	1 565	1 422	143	4,1 %	12,1 %
На работах у частных лиц	99	99	—	0,3 %	—
Откомандированы в иные военные округа	22 624	22 078	546	64,0 %	46,2 %
Итого:	35 669	34 488	1 181	100 %	100 %

Примечание: Таблица составлена в результате суммирования данных на 1 января, 1 мая и 1 сентября 1917 г.

¹ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 5.

VII. Как работники, турки были склонны к конформизму в куда большей степени, нежели представители «дружественных национальностей», а тем более венгры и немцы.

В отличие от своих союзников, они обычно не требовали от работодателя улучшения пищи и условий проживания, а равно не устраивали бунтов и забастовок¹. Так, весной 1916 г. русские рабочие прекратили погрузку угля в Мариупольском порту после того, как администрация отклонила их требование об увеличении заработной платы. Докеров заменили пленными славянами, как «наиболее надежными». «Надежные» сразу же отказались грузить уголь. Категорически! И не изменили своего решения даже после двухнедельного содержания под арестом на хлебе и воде². Турки за эту работу взялись. Причем брались они не только за самую тяжелую, но и за самую грязную работу. Достаточно сказать, что когда осенью 1916 г. властям Рязани понадобился персонал для «ассенизационного обоза», они почему-то не стали комплектовать его расквартированными в городе австрийцами и германцами, а предпочли привезти группу пленных турок из г. Валуйки, отстоящего от Рязани на 700 км.³ Кроме того, турки относительно редко решались на кражи, даже если работали на погрузке (выгрузке) продуктов питания, и с «пониманием» воспринимали факты того, что их зарплата на деле оказывалась меньше обещанной, чему не переставали возмущаться их союзники.

В итоге, военнопленные Османской империи, не будучи формально отнесенными к числу представителей «дружественных национальностей», в представлении многих российских работодателей фактически таковыми являлись. Это можно видеть хотя бы из датированного 4 марта 1916 г. отношения в ГУГШ одного из уполномоченных Министерства торговли и промышленности, который просил выделить 500 военнопленных на металлургические предприятия С. С. Абамелек-Лазарева, подчеркивая, что «ходатайствует об отпуске исключительно славян. Или хотя бы с частью турок, ибо другие национальности опасны как в политическом отношении, так и в отношении поджогов, взрывов и т. п.»⁴.

¹ Известные нам случаи отказа турок от работ относятся лишь к периодам Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг., когда российские власти пытались заставить их трудиться вообще без какого-либо денежного вознаграждения, исключительно «за харчи».

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 106. Л. 137–138; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 13. Л. 145–147; РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 198. Л. 12–13; Д. 223. Л. 24об.

³ ГАРО. Ф. 212. Оп. 2. Д. 49. Св. 7. Л. 1209, 1229–1232.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 68. Л. 344.

В целом же мы полагаем, что национальные приоритеты основной массы российских работодателей четко расставлены в письме Владимирской губернской земской управы от 8 февраля 1916 г. на имя губернатора, в котором управа ходатайствовала о направлении в ее распоряжение для производства дорожных работ «180 человек военнопленных, — предпочтительно славян, за их отсутствием — турок, а за отсутствием тех и других хотя бы и германцев»¹.

В пользу сказанного говорят и данные Таблицы 28. Правда, здесь сразу же необходимо оговориться, что единичные запросы на турок не идут ни в какое сравнение с желанием работодателей иметь в своем распоряжении военнопленных из числа славян, запросы на которых исчислялись сотнями. Однако, принимая во внимание тот факт, что венгров, например, вообще никто не просил, популярность турок следует признать относительно высокой.

При этом нетрудно заметить, что наибольшее предпочтение им отдавали строители железных дорог. Так, 2 августа 1915 г. Управление Московско-Киево-Воронежской железной дороги сообщало Начальнику штаба МВО, что «земляные работы [по] устройству станционной площадки на посту Москва II и второго главного пути сданы подрядчику Гвоздеву, который вследствие недостатка рабочих ходатайствует об отпуске в его распоряжение для указанных работ 100 чинов военнопленных турок или австрийцев-славян»². 4 декабря 1915 г. Правление общества Владикавказской дороги информировало Управление по сооружению железных дорог МПС о том, что «в виду невозможности по обстоятельствам военного времени ныне производить наем рабочих в достаточном количестве», оно приняло решение «организовать применение труда военнопленных славян и турок для работ по ремонту полотна, развитию станций, окончанию постройки новых линий и ветвей и погрузочно-выгрузочных работ»³.

11 февраля 1916 г. Управляющий Юго-Восточными железными дорогами доносил в Технический отдел Управления железных дорог, что запросил штаб МВО об отпуске военнопленных турок: 25 землекопов и 30 мостовщиков для работ на мосту реки Хопер на 502-й версте Харьковско-Балашовской линии»⁴. 16 января 1917 г. Начальник

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 69. Л. 12.

² РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 1480. Л. 37.

³ Там же. Ф. 274. Оп. 2. Д. 1453. Л. 249–250.

⁴ Там же. Ф. 273. Оп. 6. Д. 1480. Л. 191.

работ по сооружению железнодорожных линий Гостинополье–Чудово и Волхов–Рыбинск писал в Управление по сооружению железных дорог МПС: «имею честь покорнейше просить Управление <...> об отпуске в мое распоряжение в ближайшем времени 10 000 человек военнопленных, причем представляется желательным, чтобы часть их составляли турки»¹. 6 апреля 1917 г. Главным начальствующим городом Архангельском и водным районом Белого моря телеграфировал в МПС: «для спасения Мурманской железной дороги необходимо самым экстренным порядком выслать <...> в Кемь и Кандалакшу 11 000 пленных, желательно турок, знакомых с земляными и каменными работами»².

Таблица 28

Отношение российских работодателей, представляющих различные сферы народного хозяйства, к турецким военнопленным как к потенциальной рабочей силе³

Отрасль экономики / характер работ	Количество запросов, содержащих указание на предпочтительную (допустимую, нежелательную) национальность военнопленных с упоминанием «турок»				Всего
	Только турок	Турок и (или) славян	Турок и (или) представителей любой другой национальности	«Только не турок»	
Строительство железных дорог	2	6	1	–	9
Строительство (ремонт) шоссе-ных дорог	–	–	1	–	1
Предприятия горной промышленности	4	1	–	1	6
Погрузочно-разгрузочные работы	4	1	–	–	5
Предприятия цементной промышленности	2	–	–	–	2
Предприятия пищевой промышленности	1	–	–	1	2
Сельское хозяйство	–	–	1	–	1
Перегон скота	1	–	–	–	1
Итого:	14	8	3	2	27

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 110. Л. 161.

² РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 535. Л. 59.

³ Составлена по данным: РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 1480. Л. 37, 191; Ф. 274. Оп. 1. Д. 176. Л. 320; Д. 535. Л. 59; Оп. 2. Д. 1453. Л. 249–250; Ф. 1291. Оп. 132. Д. 397. Л. 181; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 69. Л. 12; Оп. 9. Д. 35. Л. 35–36; 359–362; Д. 44. Л. 122, 194; Д. 68. Л. 344; Д. 70. Л. 48; Д. 88. Л. 280, 286; Д. 89. Л. 114, 116, 415–416, 430–431; Оп. 11. Д. 13. Л. 146–147; Д. 32. Л. 89–91; ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 110. Л. 161; ГАВоро-но. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 475. Л. 3–4; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 82; Д. 938. Л. 7.

Как видно из данных Таблицы 29, турки составляли 6,1% от общего числа военнопленных, занятых на строительстве основных железных дорог страны, тогда как их доля в структуре пленных Центральных держав была едва ли не вдвое меньшей (3,28%)¹. Причем помимо строящихся, турки трудились и на уже эксплуатируемых участках таких железных дорог, как Амурская, Екатеринбургская, Рязано-Уральская, Северная, Северо-Донецкая и др.²

Таблица 29

**Количество военнопленных Центральных держав,
занятых на постройке основных российских железных дорог
(по состоянию на 1 января 1917 г.)³**

№ п.п.	Наименование железной дороги	Всего (чел.)	В том числе турок	
			Количество	То же в %
1	Волго-Бугульминская	1739	1	Менее 1%
2	Северо-Восточная Уральская	2374	1	
3	Московско-Виндаво-Выборгская	5243	4	
4	Гостинополье-Чудово и Мга-Волхов-Рыбинск	9569	22	
5	Московско-Казанская	11670	25	
6	Гришино-Ровно	1749	29	1,7%
7	Петроград-Волхов	384	28	7,3%
8	Армавир-Туапсинская	1846	1752	94,9%
9	Владикавказская	255	255	100,0%
Итого:		34829	2117	6,1%

Внесли турки свой вклад и в строительство главнейшей стратегической магистрали тех лет – Мурманской железной дороги. К примеру, 10 октября 1916 г. штаб ПриамВО телеграфировал в ГУГШ о готовности к отправке на Мурманскую дорогу 1660 военнопленных, 146 из которых составляли турки⁴. По другим данным, в январе 1917 г. только аскеров-армян на «Мурманке» насчитывалось 272 чел.⁵ Кроме того, к апрелю 1917 г. сюда были переведены

¹ При этом нельзя обойти молчанием тот факт, что именно руками пленнх турок были, в основном, созданы такие функционирующие до настоящего времени участки Северо-Кавказской железной дороги, как Курганная – Лабинск, Светлоград – Ипатово, Шамхал – Буйнакс и др.

² РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 1480. Л. 157; Ф. 274. Оп. 1. Д. 535. Л. 226; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 48. Л. 49; ГАВологО. Ф. 129. Оп. 3. Д. 1453. Л. 1, 9; ГАВоронО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 475. Л. 3–4.

³ Составлена по данным: РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 711. Л. 15; РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1555. Л. 99; ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 107. Л. 278–279.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 61. Л. 242.

⁵ Там же. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 10–40, 50–58, 83, 88.

турецкие пленные, снятые со строительства иных, менее значимых железных дорог и, в частности, с 3-го участка дороги «Мга-Волхов-Рыбинск»¹.

В отношении погрузочно-разгрузочных работ, считаем необходимым подчеркнуть, что речь, в первую очередь, идет о работах в морских и речных портах. К примеру, в мае 1916 г. Начальник морского штаба Верховного Главнокомандующего писал Дежурному генералу при Верховном Главнокомандующем: «В виду крайне интенсивных работ по погрузке угля в Мариупольском порту, <...> прошу Вас о назначении в распоряжение коменданта этого порта 2000 турецких пленных как наилучших работников»². Несколько позднее, в сентябре 1916 г., Главное управление военных сообщений просило ГУГШ «назначить для работ по погрузке и выгрузке в одесском порту двести военнопленных турок, т.к. турки [к] данной работе очень привычны и обычно выполняли ее [в] одесском»³. От высокопоставленных просителей не отставали и работодатели более скромного уровня. Например, в июне 1916 г. нижегородский предприниматель С. С. Орлов просил предоставить ему военнопленных для перегрузки угля из барж в вагоны железной дороги, уточняя: «если возможно, мне бы желательно пользоваться военнопленными турками». Причем, не дождавшись ответа, С. С. Орлов через несколько дней телеграфировал в ГУГШ: «Прошу срочно сделать телеграфное [распоряжение] отпуске военнопленных 300 чел., желательно турок»⁴.

Хотя администрация промышленных предприятий крайне редко интересовалась национальностью пленных, исключения были и здесь. Например, 12 августа 1916 г. Правление АО цементного завода «Аиндар» телеграфировало в ГУГШ, что «ввиду недостатка рабочих <...> имеет честь почтительнейше ходатайствовать о предоставлении 30 пленных, желательно турок». Почти одновременно 50 пленных, «желательно турок», запросило правление Новороссийского АО по производству портландцемента «Орел»⁵.

В отличие от промышленности, сельское хозяйство делало акцент как раз-таки на национальности работников, а вернее — на их культуре землепользования. Да и труд пленных крестьянин оцени-

¹ РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 535. Л. 149; ЦГИА СПб. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 111. Л. 33, 60–64.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 13. Л. 147.

³ Там же. Д. 32. Л. 89–91.

⁴ Там же. Оп. 9. Д. 89. Л. 114, 116.

⁵ Там же. Д. 88. Л. 280, 286.

вал, руководствуясь собственными критериями, близкими к тем, которые еще в 1878 г. сформулировал управляющий одним из южнорусских имений: «на вязке снопов тридцать турок не управятся за десять наших девок»¹... Иными словами, в годы Первой мировой войны представители данной сферы экономики относились к военнопленным Оттоманской империи без особого энтузиазма. Правда, известно, что в марте 1916 г. Министр земледелия, получив информацию о том, что турок, якобы, снимают с полевых работ, забил тревогу «на самом высоком уровне»². Но в целом, труд оттоманов в сельском хозяйстве (за исключением регионов Северного Кавказа) нашел лишь самое ограниченное применение, а их количество на полевых работах в отдельных уездах обычно не превышало 3–10 чел. и лишь в редких случаях достигало 30 и более человек³. В этой связи представляется далеко не случайным, что, оценивая вклад пленных турок в сельское хозяйство одного и того же уезда Ставропольской губ. (Медвеженского), в одном и том же 1916 г., И. В. Крючков в двух своих работах пришел к взаимоисключающим выводам, написав в одном случае, что «турецкие солдаты показали себя в целом неплохими работниками»⁴, а в другом — «турецкие пленные оказались очень плохими работниками»⁵.

Вообще-то, что касается «плохих работников», то, судя по данным Таблицы 28, турок прямо сочли таковыми авторы лишь 2-х запросов (из 27-и). Первый был составлен правлением Воскресенского сахарного завода братьев Молдавских, расположенного близ Белгорода, которое, не раскрывая мотивов, заявляло о желании видеть у себя «славян или немцев, но не турок и армян»⁶. Второй исходил от администрации свинцово-цинкового рудника «Эльборус», расположенного близ ст. Невинномысская, которая просила исключительно немцев, определяя турок как «банду дикарей», не способных работать на их

¹ Одесский вестник. 1878. 19 окт. С. 4.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 18. Л. 304, 358, 393–394.

³ Там же. Оп. 9. Д. 85. Л. 1; ГАВоронО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2335. Л. 63, 69, 87; Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 58. Л. 62, 96–99; ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 3. Л. 103, 106; ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 28–29; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9653. Л. 29; Ф. Р-1583. Оп. 2. Д. 3. Л. 2, 200–202, 334; ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 37. Л. 65.

⁴ Крючков И. В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы первой мировой войны. Монография. Ставрополь: Б.и., 2006. — С. 53.

⁵ Он же. Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в. (1900–1917 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. — С. 73.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 68. Л. 384.

«высоко технически оснащенном предприятии»¹. (Для сравнения заметим, что в августе 1916 г. предприятие того же профиля, что и «Эльборус» — Владикавказское АО «Алагир», запросило для подземных работ на своем цинковом руднике именно турок²).

Однако как бы то ни было, сферы применения труда пленных Оттоманской империи, конечно же, не исчерпывались всем перечисленным выше. Во внутренних регионах России они работали в шахтах и открытых карьерах, добывая уголь, железную руду, цементное сырье, камень и т.д. Турки трудились на раскорчевке леса, на распиловке и заготовке дров и шпал, в сфере дорожного строительства, на гидротехнических и разного рода мелиоративных работах. Они состояли при городских, земских и уездных управах, где исполняли самые разные обязанности: от хлебопеков до санитаров психиатрических больниц. Их можно было увидеть на шпалопропиточных, цементных и сахарных заводах, на мельницах и в сапожных мастерских³.

Особенно масштабным характером их труд отличался в КВО, где из пленных было сформировано 7 рабочих батальонов, не считая большого числа мелких инженерных команд и дружин. Турки ремонтировали дороги в тылу Кавказской армии, обслуживали гарнизоны и порты, обеспечивали деятельность этапных пунктов и промежуточных продовольственных магазинов, работали санитарями в полевых подвижных госпиталях и лазаретах Красного Креста, а также выполняли ряд иных функций, вплоть до строительства различных объектов в частных имениях⁴. Несмотря на неумение споро вязать снопы, турки, в общем-то, пользовались на Кавказском ТВД заслуженной популярностью. Современник вспоминал, что в Трапезунде при обилии воинских частей, маршевых рот и специальных рабочих команд, выполнять погрузочно-разгрузочные и хозяйственные работы... оказалось фактически некому. «Санитары высокой марки, инженеры с крупными именами — все это было, все честно старались — но... не было рабочих. “Дайте пленных турок, дайте пленных турок — хорошие, честные работники, живут тут, в Трапезунде;

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 70. Л. 11, 313.

² Там же. Л. 190.

³ Там же. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1555. Л. 104; Оп. 4. Д. 1145. Л. 35, 46; Д. 1161. Л. 210–211; Ф. 1558. Оп. 9. Д. 37. Л. 54–56; ГАВоронО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2203. Л. 57–58; Д. 2239. Л. 35; ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2627. Л. 7–8; Ф. 212. Оп. 2. Д. 76. Св. 10. Л. 297, 434; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9500. Л. 1–2, 10, 12–14; Д. 9653. Л. 29; Ф. 510. Оп. 1. Д. 37а. Л. 101–102; ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 37. Л. 15.

⁴ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1145. Л. 85; Д. 1152. Л. 97, 116; Д. 1161. Л. 136, 140, 142, 156; Ф. 2100. Оп. 2. Д. 863. Л. 14.

маршевые же команды — переменный состав”. “Дайте мне 50 турок и я устрою дековильку (т.е. конно-рельсовую дорогу — В.П.)”, — говорит инженер: “дайте 50 турок и я устрою так нам нужную баню; дайте 100 турок и я устрою отхожие места <...>” и т.д. “дайте турок на транспорты для работы в трюмах и у стрел, солдат укачивает”, ну а на берегу то кто же вытащит провизию и сложит мешки муки в громадные штабели? Конечно же, турки»¹.

В отношении трудового использования гражданских пленных, следует заметить, что Совмин России еще 1 августа 1914 г. заявил о своем отрицательном отношении «к привлечению к обязательным работам подданных враждебных нам государств», считая, что «мера эта, имеющая в существе своем карательное значение, не оправдывается современными принципами ведения войны». Правда, названный орган оставил за собой право в будущем прибегнуть к такой мере, как к «способу воздействия на правительства воюющих с нами государств, поставивших застигнутых войной многочисленных русских рабочих и путешественников на принудительные работы»².

Однако по нашим оценкам, к использованию этого своего права российское правительство вплоть до конца войны практически не прибегало. Во всяком случае, для таких категорий турецких пленников, как «военнообязанные, оставленные в местах своего жительства» и «военнозадержанные», труд всегда оставался делом исключительно свободного волеизъявления. Что же касается «военнообязанных, интернированных во внутренние регионы страны», то для понимания степени вовлеченности названных лиц в сферу принудительных работ необходимо исходить из того, что в России они могли трудоустроиться одним из трех следующих способов.

1. Самостоятельно, в т.ч. и за пределами пункта интернирования (с разрешения губернатора), а также путем самозанятости в форме индивидуальной предпринимательской деятельности³. Так, в Ярославской губернии по состоянию на 10 января 1916 г. из 776 турок, «водворенных на жительство» в регион, 255 чел. были «отпущены на работы», в т.ч. в г. Ярославль — 76, в Любимский уезд — 66, в Рыбинский уезд — 31, в Ярославский уезд — 30; в Мышкинский уезд — 24, в г. Рыбинск — 22 и в Угличский уезд — 6⁴. При этом турки

¹ В.Л. Указ. соч. С. 210–211.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 73. Л. 13об.

³ Индивидуальная предпринимательская деятельность турок из числа гражданских пленников рассматривается в Главе 6 настоящей работы.

⁴ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 85.

работали, в основном, грузчиками на пристанях, чернорабочими на лесопильных и кожевенных заводах, а также в булочных, кондитерских и хлебопекарнях губернского и уездных центров¹. По данным, приводимым А.Т. Сибгатуллиной, в Калуге и Калужской губ. к лету 1915 г. многие военнообязанные турки «открыли свои лавки, по большей части квасные и кофейные». Другие устроились разносчиками газет, дворниками, чернорабочими или заняли в домохозяйствах должности грабарей, садовников и т.п.²

В основе своей, такой способ трудоустройства сохранялся и после Февральской революции, и после Октябрьской. К примеру, в августе 1917 г. Романово-Борисоглебским уездным комиссаром было выдано «военнообязанному турецкому подданному Махмуду Туюколы, 34 лет» удостоверение «на предмет приискания заработков и предъявления милиции»³. 22 июня 1918 г. Рязанский губпленбеж выдал военнообязанному Ибрагиму Юсуфу Фурдес оглы «вследствие его ходатайства» свидетельство в том, что «к временной его отлучке в разные города кроме Москвы, Петрограда и Смоленска, в целях подыскания себе работы препятствий не встречается». (С 1919 г. к приведенному перечню городов стали добавлять запрет на въезд в местности, «угрожаемые чехословаками и белогвардейцами»)⁴.

2. В результате заключения (одобренного губернатором) трудового соглашения с представителем предприятия, расположенного, как правило, за пределами региона интернирования (иными словами, путем т.н. «вербовки»).

Данный способ трудоустройства распространялся только на работающих военнообязанных; как правило, носил коллективный характер и широко практиковался на протяжении всей войны. Так, уже в мае 1915 г. Брянское каменноугольное общество поставило перед МВД вопрос «о переселении из гор. Усмань 160 военнопленных (читай «военнообязанных» — В.П.) турок на рудник Общества при ст. Алмазной Екатерининской железной дороги». Почти одновременно с ним Юго-Восточное горное управление Министерства торговли и промышленности поддержало просьбу Сулинского чугуноплавильного, железодельного и труболитейного завода о предоставлении пленных для работы на рудниках завода,

¹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 404. Л. 11; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 938. Л. 2, 6, 18.

² Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX – XX вв. М.: ИВ РАН, 2010. – С. 213–214.

³ ГАРФ. Ф. 3604. Оп. 1. Д. 1. Л. 152.

⁴ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 46. Л. 5–6, 300.

СПИСОКЪ

Военно-плѣнныхъ турокъ нанятыхъ подрядчикомъ проживающимъ на станціи Волноваха Екатеринбургской желѣзной дороги Николаемъ Хасановымъ, и вывезенныхъ имъ на работы въ гор.Коротоякъ.-

по д	Имена, Отчества и фамиліи.	Примѣчаніе.
	Зея Хасанъ Исмаиль-оглы.	
	Кадиль Керъ-оглы	
	Садикъ Керъ-оглы	
	Хомедъ Хасанъ Етхаръ-оглы	
	Ахмедъ Гелавъ-оглы	
	Ахмедъ Ибрагимъ-оглы	
	Маломедъ Кирманъ-оглы	
	Туфель Верберъ-оглы	
	Исмаиль Узунъ Али-оглы	
	Турсунъ Османъ Ибрагимъ-оглы	
	Речебъ Исмаиль-оглы	
	Асманъ Керамедъ-оглы	
	Хусейнъ Вачи Амедъ-оглы	
	Турсунъ Сулейманъ-оглы	
	Сулейманъ Камберъ-оглы	
	Омеръ Заимъ-оглы.	
	Халимъ Тедалъ-оглы.	

Списокъ турецкихъ гражданскихъ пленнхъ (военнообязанныхъ), интернированныхъ в г. Россошь Воронежской губ. и завербованныхъ на работы в августе 1916 г.
(ГАВоронО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 475. Л. 4.

указывая, что «по имеющимся у него сведениям, в Острогожском уезде Воронежской губернии проживает партия военнопленных (читай «военнообязанных» — В.П.) турок, среди коих, оно, управление, могло бы найти некоторое число горнорабочих». Летом 1915 г. с аналогичными просьбами выступили правления обществ Северо-Донецкой и Семиреченской железных дорог (последней в предоставлении турок было отказано ввиду того, что работы предстояло вести в регионе, населенном этническими мусульманами)¹. В октябре 1915 г. владелец самой крупной пекарни г. Бахмут П. М. Машурьянц, просил Екатеринославского губернатора разрешить ему привезти в Бахмут из Рязанской и Тамбовской губерний 15 военнообязанных турок-пекарей².

В 1916 г. группы вольнонаемных турецких военнообязанных в количестве от нескольких десятков до нескольких сот человек трудились на обслуживании станций Уральск и Верхний Баскунчак Рязано-Уральской железной дороги, а также возводили опоры моста через р. Неву в ходе строительства железнодорожной линии Петроград-Волхов. Кроме того, они работали в АО Тульский чугуноплавильный завод, в каменноугольных копях близ с. Побединка Рязанской губ., на Должанском антрацитном руднике княгини З. Н. Юсуповой в Донбассе и в ряде иных мест³.

Об условиях труда этих людей можно в некоторой степени судить по следующему письму «подрядчика грузовых работ в г. Ярославле у пароходства общества «Кавказ и Меркурий и Восточное» на имя Ярославского губернатора от 24 июня 1915 г.: «ввиду волнения среди рабочих-грузчиков и ненормальности требуемых ими увеличения заработных цен покорнейше прошу <...> найти возможность разрешить мне нанять до 60 чел. рабочих из числа пленных славян или чехов (Так в тексте — В.П.) или турок, выселенных из пределов пограничных губерний на жительство в Романовский уезд Ярославской губ. Кроме платы за работу по 5 руб. за 1 000 пудов выгруженного или нагруженного товара, еще особо расходы по их содержанию и по содержанию 4 чел. охраны я принимаю на свой счет»⁴. Однако в целом, условия труда военнообязанных ничем принципиально не отличались от тех, в которых находились военнопленные. К при-

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 35. Л. 35–36, 359, 362; Д. 44. Л. 122, 194.

² Сибгатуллина А.Т. Указ. соч. — С. 212–213.

³ РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 1480. Л. 157; Ф. 274. Оп. 1. Д. 177. Л. 325, 335; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 70. Л. 79. ГАТО. Ф. 2. Оп. 143. Д. 489. Л. 193–205; Тихонов А.В. Указ. соч. — С. 69.

⁴ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 938. Л. 7.

меру, на Рязано-Уральской железной дороге в 1915 г. действовали единые «Правила применения труда военнопленных и военнообязанных». Судя по этому документу, никаких различий между двумя названными категориями пленников он не предусматривал. Люди эти содержались совместно, подчинялись общему для них распорядку и довольствовались по одним и тем же нормам. На них налагались одинаковые дисциплинарные взыскания, и даже оружие по военнообязанным могло применяться в тех же случаях и в том же порядке, как и по военнопленным¹.

3. Что же касается тех, кто не сумел или не пожелал трудоустроиться одним из перечисленных выше способов, то эти люди могли быть принудительно привлечены к выполнению срочных работ, имевших важное государственное значение. Причем по нашим оценкам, такой способ трудоустройства военнообязанных носил характер крайней меры и нашел весьма ограниченное применение. К примеру, 4 августа 1915 г. Департамент полиции уведомлял Ярославского губернатора, что «ввиду недостатка рабочих по погрузке и выгрузке вагонов и барж с хлебом и фуражом для армии Министерством внутренних дел разрешено предоставить в распоряжение уполномоченных Главного управления земледелия и землеустройства по району Московско-Казанской железной дороги <...> военнообязанных турок-грузчиков, водворенных в Ярославской губернии»². Кроме того можно отметить, что осенью 1916 г. труд турецких военнообязанных принудительно использовался на полевых работах в той же Ярославской губ.³

Конец принудительным работам положили Октябрьская революция и Брестский мир, в результате которых гражданские пленные Центральных держав фактически обрели статус иностранцев, временно находящихся на территории России и не являющихся субъектами обязательной трудовой повинности. Небезынтересно отметить, что такой подход вызывал протесты работников отдельных советских органов. Например, 25 февраля 1921 г. Начальник управления по эвакуации населения Уральской области обращал внимание руководства Центрэвака на то, что еще не репатриированные турецкие подданные, проживающие на территории региона, в настоящее время «не подлежат трудмобилизации, что конечно создает ненормальность и явный вред государству, т.к. эти элементы,

¹ РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 1480. Л. 160–161, 167.

² ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 82.

³ Там же. Оп. 4. Д. 4570. Л. 3–3об.

во-первых, являются потребителями, но отнюдь не производителями. Это с одной стороны. И эти лица в настоящий трудный момент занимаются поголовной спекуляцией, что создает большой ущерб для государства, с другой стороны. А посему губэзак считает далее это нетерпимым и в корне ненормальным явлением и просит Вас дать соответствующее разъяснение по поводу их реэвакуации или дать соответствующие мотивы по борьбе с этим нежелательным явлением»¹. Впрочем, есть веские основания полагать, что в иных регионах страны власти боролись с «этим нежелательным явлением», не запрашивая у Центра ни разъяснений, ни «соответствующих мотивов». Во всяком случае, по нашим данным, летом 1921 г. принудительный труд турецких подданных применялся на уборке урожая в Саратовской губернии и на Северном Кавказе².

Несколько по-иному ситуация складывалась на Украине, где в 1919 г. имела место попытка привлечь турок к тыловым работам. Связано это было с тем, что в соответствии с национальным законодательством этой страны, трудовой мобилизации мог подлежать любой иностранец, если у Украины отсутствовали дипломатические отношения с государством его подданства. Турция же относилась именно к числу последних, в отличие, например, от Персии. Впрочем, выход был найден и здесь, и 25 июня 1919 г. Правовой отдел НКВД Украины разъяснил заинтересованным органам и учреждениям, что турецкие подданные не подлежат тыловым работам, поскольку находятся под защитой персидского консульства в Киеве³.

В заключение считаем необходимым добавить, что работодатели, как правило, избегали страховать военнообязанных от несчастных случаев и на случай болезни. Естественно, это не могло не приводить к драматическим последствиям. К примеру, 1 июня 1916 г. интернированный в Ярославль Хамди Балджи оглы, работавший по найму на погрузке фуража в вагоны железной дороги, в результате несчастного случая потерял последние фаланги двух пальцев левой руки. Спустя несколько дней, не добившись никакого вознаграждения от своего подрядчика, этот человек писал губернатору: «Не имея буквально никаких средств к жизни, существуя лишь поденным заработком на грузовых работах, я в настоящее время нахожусь в крайне бедственном положении, т.к. лишившись трудоспособности, не имею на кусок насущного хлеба». Судя по дальнейшей

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 48.

² Там же. Оп. 2. Д. 197. Л. 26.

³ Там же. Ф. 3604. Оп. 1. Д. 1. Л. 174.

переписке, Ярославский губернатор искренне пытался помочь турку, последовательно обращаясь за содействием и к администрации железной дороги, и к уполномоченному Министерства земледелия, и к старшему фабричному инспектору губернии. Однако получив везде обоснованный отказ, в итоге мог лишь рекомендовать Хамди Балджи оглы попытаться решить данный вопрос через суд¹.

¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 885. Л. 1–3.

Глава шестая

Отдельные права и их реализация: свобода передвижения, обмен корреспонденцией с родиной, отправление религиозных обрядов, имущественные права, предпринимательская деятельность, отношения брачно-семейного характера

Свободу передвижения турецких военнопленных и гражданских пленных мы рассматриваем как их право на перемещение в пределах пункта интернирования, а равно на переезд в иные местности, которое не противоречит действующим правовым установлениям, основано на волеизъявлении самих пленников, не обусловлено их этноконфессиональными признаками и производится с ведома и дозволения лиц, осуществляющих за ними непосредственный надзор. При этом анализ документов Архивного фонда РФ дает основания выделить следующие формы рассматриваемого процесса.

1. Увольнение офицеров (но не нижних чинов) в населенный пункт интернирования с обязательством вернуться к определенному сроку, обеспеченным их честным словом.

Такой отпуск был предусмотрен ст. ст. 11 и 58 Положения о военнопленных, исчислялся он несколькими часами и реализовывался, главным образом, в целях совершения пленным покупок, посещения врача (в первую очередь — стоматолога) и т.п. (Впрочем, из лагеря на о. Нарген офицеры увольнялись в город Баку и с правом оставаться там на ночь). Однако в июле 1915 г. данная практика была повсеместно прекращена после побега двух уволенных «на честное слово» капитанов — Сухейла Иззета и Шукри Шабан бея¹. С этого момента и вплоть до конца войны офицеры оттоманской армии, в отличие от своих союзников, могли покидать отведенные им помещения лишь в сопровождении вооруженного конвоира.

Правда, здесь нельзя обойти молчанием тот факт, что отсутствие права на свободу передвижения с лихвой компенсировалось офицерами разного рода полуофициальными, а то и неофициальными выходами за пределы места расквартирования. Так, в июле 1916 г. начальник Воронежского жандармского управления доносил губернатору, что пленные офицеры, размещенные в г. Богучар, охраняют-

¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 684. Л. 18, 23.

ся неудовлетворительно и по ночам, «пользуясь тем, что изгородь плохая, уходят к женщинам». Летом 1917 г. в Канске заведующему военнопленными не раз приходилось собирать подведомственных ему офицеров, «извлекая [их] из различных увеселительных заведений и даже публичных домов». 25 января 1918 г. заведующий военнопленными при управлении Рязанского уездного воинского начальника докладывал последнему, что в ходе проведенной им накануне ночной проверки пленных, расквартированных «в домах Кормалина и Никитина, оказалось находящихся в отлучке» в общей сложности 11 офицеров¹.

Указанный выше способ обретения «свободы передвижения» был еще более типичен для нижних чинов, особенно в периоды их пребывания на работах. Кроме того, он зависел от уровня дисциплины, существовавшего в том или ином гарнизоне. Например, в июне 1915 г. Командующий войсками Омского военного округа лично наблюдал в Омске «много праздношатающихся военнопленных, следующих по улицам одиночным порядком и небольшими группами без конвоя». В феврале 1916 г. Курским губернатором было обнаружено, что «по городу Курску, а в особенности по базару, свободно ходят одиночно и партиями военнопленные из числа находящихся в распоряжении военного ведомства без всякого надзора или конвоя». Спустя три месяца с аналогичной картиной столкнулся Орловский губернатор, констатировавший, что в период его пребывания в Ельце «по городу бродили никому неизвестные военнопленные, очевидно отставшие от какой-либо партии, может быть даже из другой губернии, и предлагавшие обывателям свои услуги поступить на работу». В декабре 1916 г. Новоладожский уездный исправник доносил Петроградскому губернатору, что военнопленные, занятые на строительстве прокладываемой через уезд железной дороги, «свободно толпами ходят в разное время дня и ночи по селениям без всякого конвоя и имеют общение с населением и особенно с женщинами»².

2. Перевод военнопленных в иной населенный пункт, осуществляемый в целях:

– отделения дезертиров и перебежчиков (а равно и иных лиц, дискредитировавших себя в глазах сослуживцев) от прочих военнопленных;

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 415. Л. 4; ГАВоронО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 462. Л. 8; ГАРО. Ф. 212. Оп. 2. Д. 78. Св. 10. Л. 107.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 22. Л. 582; ГАОО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 118а. Л. 12; Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 238; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9086. Л. 55; ЦГИА СПб Ф. 1280. Оп. 1. Д. 110. Л. 181.

- смены места жительства по медицинским показаниям;
- воссоединения с родственниками;
- изменения местоположения по иным мотивам.

Согласно указаний ГУГШ, в пределах одного военного округа пленные могли перемещаться с разрешения командующего округом, а их перевод в другой округ производился по согласованию между командующими округами (для офицеров дополнительно требовалось еще и разрешение со стороны Главного управления Генерального штаба)¹.

Так, в мае 1917 г. группа офицеров, содержащихся в лагере на о. Нарген (Сарым Екта бек, Имаджан Элиев, Тефик Рауф оглы, Исмаил Хаки и Решид Салио оглы), возбудили ходатайство «об отделении их от остальных пленных в виду того, что они перебежчики»². В октябре 1917 г. 13 других пленных офицеров, заявивших ранее о своем желании остаться после войны в России, обратились в штаб МВО с просьбой перевести их из г. Нерехта Костромской губ. в любой другой населенный пункт, «где нет военнопленных (турецких — В.П.) офицеров», ибо те «смотрят на нас как на заклятых врагов своих. И жизнь с ними становится для нас совершенно невозможной»³.

Что касается перевода по медицинским показаниям, то в качестве примера можно сослаться на то, что в октябре 1916 г. в г. Валуйки Воронежской губ. на основании заключения медицинской комиссии был переведен из г. Ветлуги Костромской губ. 62-летний капитан 15-го полка крепостной артиллерии Халил оглы Измаил Хафиз, плененный в феврале того же года при взятии Эрзерума⁴. Позднее, в сентябре 1917 г., 25-летний лейтенант 13-го кавалерийского полка Гусейн Мемед, плененный 28 ноября 1914 г. и содержащийся одном из лагерей ПриамВО, был признан медицинской комиссией страдающим «катаром легочных верхушек» и нуждающимся в переводе в Оренбург или Астрахань⁵. Впрочем, в тех случаях, когда необходимость перемещения пленника в иной регион была вполне очевидна, российские власти обходились без излишних формальностей в виде меди-

¹ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 32. Л. 393.

² Там же. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1137. Л. 38.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 549. Оп. 1. Д. 95. Л. 25 и об.; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2881. Л. 1.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 112. Л. 91–92.

⁵ Там же. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 32. Л. 561.

цинского заключения. Так, летом 1917 г. из Томска на Северный Кавказ была переведена группа турок в возрасте от 55 до 85 лет (бывших военнопленных, в свое время переданных органам МВД от военного ведомства). При этом ссылки указанных лиц на непривычку «к здешнему сибирскому суровому климату» оказалось вполне достаточно для принятия по их прошению положительного решения¹.

Что касается воссоединения с родственниками, то в подавляющем большинстве случаев российские власти традиционно шли навстречу пленным, о чем говорит вся практика XVIII — XIX вв. Правда, в годы Первой мировой войны из-за возросшего опасения возможных «родственных» побегов отношение к данному вопросу стало намного более осторожным. Например, ГУГШ в январе 1917 г. предписывал командованию военных округов в первую очередь выяснять, «вызывается ли такое воссоединение действительной необходимостью взаимной материальной или нравственной поддержки», и в любом случае рекомендовал оставлять без удовлетворения ходатайства тех, кто уже совершал ранее побег². Впрочем, для того, чтобы воссоединиться с родственниками, их требовалось для начала разыскать, что на просторах России уже само по себе являлось нелегкой задачей. К примеру, в 1917 г. турецкий военнопленный Али Шевиг Мирза паша для установления мест интернирования пятерых своих родственников-офицеров вынужден был обратиться за помощью в РОКК³.

Наконец, что касается перемещения по иным основаниям, то в качестве примера можно сослаться на датированное 25 июня 1917 г. ходатайство группы турецких военнопленных, перечисленных в Таблице 30, о переводе их из Приамурского в Казанский военный округ.

В названном документе турки утверждали, что «твердо решили остаться (т.е. «натурализоваться» — В.П.) в России и приписаться в гор. Казань или Уфу, так что там есть часть населения магометанского вероисповедания, а кроме того мы хотим хорошо владеть русским языком, чтобы нам была возможность устроиться на какое-либо дело для существования. В Турции мы в настоящее время не имеем никаких родственников (? — В.П.), в виду чего мы и решили совсем не возвращаться на родину. Кроме того, до окончания

¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1137. Л. 77; РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 955. Л. 4–5.

² РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 32. Л. 7.

³ Там же. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1137. Л. 161.

войны мы можем [быть] применяемы к полевым работам». Данное ходатайство было поддержано командиром 106-й бригады государственного ополчения, в ведении которого находились военнопленные. Однако командующий ПриамВО отклонил прошение без объяснения причин¹.

Таблица 30

Список турецких военнопленных, изъявивших в июне 1917 г. желание натурализоваться в России и в этой связи ходатайствующих о своем переводе из Приморья в Казанский военный округ²

№ п.п.	Имя	Возраст (полных лет)	Воинское звание	Воинская часть
1	Умер Абдулла	27	Фельдфебель	8-й пехотный полк
2	Мемет Эммин	23	Старший унтер-офицер	19-й кавалерийский полк
3	Садык Мемет	24	Младший унтер-офицер	51-й пехотный полк
4	Шукри Мемед	23	—/—	92-й пехотный полк
5	Якуб Салим	30	Рядовой	8-й пехотный полк
6	Усейн Мустафа	30	—/—	88-й пехотный полк
7	Ахмет Мемет	21	—/—	1-й кавалерийский полк
8	Кадир Хусаин	22	—/—	2-й кавалерийский полк
9	Садула Везир	24	—/—	13-й кавалерийский полк
10	Ахмет Алий	22	—/—	—/—
11	Мустафа Алий	24	—/—	—/—
12	Юсуф Ибраим	24	—/—	—/—
13	Азиз Мургаза	29	—/—	25-й кавалерийский полк

3. Свободное перемещение военнообязанных и военнопленных в пределах пункта интернирования.

Вне зависимости от того, были ли названные лица высланы во внутренние регионы страны или оставлены в местах своего проживания, они могли беспрепятственно перемещаться в пределах пункта интернирования. Правда, за исключением ночного времени, что предусматривалось Положением о полицейском надзоре, но, впрочем, соблюдалось далеко не строго.

4. Временный выезд гражданских пленнх, а равно проезд их на постоянное жительство в иной населенный пункт, в т.ч. и в другую губернию³.

¹ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 32. Л. 486–487, 497, 500, 503.

² Составлена по данным: РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 32. Л. 489–490.

³ Возвращение на прежние места жительства военнообязанных, интернированных во внутренние регионы России, здесь не рассматривается, т.к. этому вопросу посвящена

Такое перемещение военнообязанных и военнопленных формально допускалось только в «самых исключительных случаях, по особо уважительным основаниям и в определенную местность»¹. При этом в пределах региона интернирования гражданский пленный мог перемещаться с разрешения губернатора (на театре военных действий — штаба округа). Для поездки в иной регион требовалось одобрение еще и главы той губернии, в которую намеревался выехать пленный, согласованное со штабом соответствующего военного округа (если регион не относился к ТВД), либо с Главнокомандующим армиями фронта (если регион считался прифронтовым)².

В большинстве случаев перемещения такого рода осуществлялись:

- в рамках трудовой миграции;
- по медицинским показаниям (обычно для посещения врача-специалиста, находящегося в ином населенном пункте);
- в целях воссоединения с родственниками;
- по семейным и иным обстоятельствам личного характера.

Признание выдвинутых пленником мотивов «особо уважительными», а «случая» — «самым исключительным», являлось, разумеется, делом усмотрения названных выше должностных лиц, но в целом усмотрение это носило, по нашим оценкам, довольно либеральный характер. Так, летом 1916 г. интернированный в г. Мышкин военнообязанный Гусейн Кучук Али оглы, с разрешения Ярославского и Тамбовского губернаторов выехал на постоянное жительство в г. Козлов Тамбовской губ. где, как он почему-то полагал, «турки живут гораздо легче»³. В апреле 1917 г. Курский губернский комиссар позволил булочнику Мустафе Якубову переехать из Курска в Белгород, где представители его профессии, как считал заявитель, были более востребованы. Через два месяца этот же комиссар дал разрешение на переезд из губернского центра в Старый Оскол другому булочнику — Мустафе Реджибу Киди оглы. Правда, в январе 1917 г. Курский губернатор (в отличие от Воронежского), без каких-либо объяснений, отклонил прошение пяти турецких армян, проживавших в г. Валуйки Воронежской губ. и желавших заняться «торговлей хлебом и всевозможным кондитерским товаром» в Старом Осколе, где проживали их «товарищи, которые также занимаются торговлей, имея хлебопекарни и булочные кондитерские

Глава 9.

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 54–55.

² ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 2. Л. 57.

³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4570. Л. 3–Зоб., 12об.

заведения». Однако когда один из пяти указанных просителей, Карапет Петросов, тут же подал ходатайство вторично, мотивируя его на этот раз тем, что в Старом Осколе проживают его родственники, у которых он мог бы «должность по торговле получить», то просьба эта была удовлетворена¹.

В качестве иных примеров можно сослаться на то, что военно-обязанный Мехмет Джемаль Бей, «водворенный» в г. Острогжск, в феврале 1916 г. с разрешения Воронежского и Казанского губернаторов ездил на две недели в Казань «для урегулирования денежных дел»². В ноябре 1918 г. глава Рязанского губпленбежа выдал турецкому военнообязанному Халилу Адабаши разрешение на временный выезд из Рязани в Москву «для явки к специалистам врачам»³. Вместе с тем, в июле 1917 г. Штаб КВО отказался предоставить военнообязанному Мустафе Кор Осман оглы, содержащемуся в г. Шемаха Бакинской губ., отпуск сроком на 10 суток с выездом в Баку «для устройства домашних дел»⁴. Тогда же названный штаб отклонил и просьбу интернированного в Курск Иосифа Какши оглы, желавшего навестить семью, проживающую на оккупированной территории Турции в г. Трапезунд (хотя Курским губернским комиссаром данное прошение было поддержано)⁵.

Однако в целом, как следует из документов губернских жандармских и полицейских управлений, турецкие подданные, особенно христиане, довольно часто реализовывали свое право на свободу передвижения. К примеру, только в 1916 г. в один лишь Старооскольский уезд Курской губ. (которая, кстати, считалась находящейся на театре военных действий) прибыло 12 турецких подданных (включая женщин и детей), а еще четверо убыло из уезда. В числе приехавших числились: булочник Григорий Цашкьян, часовой мастер Григориос Яникопанис, чистильщик обуви Иван Ахмаев, торговец фруктами Макар Арутюнянц, цирковой артист Николай Никита, повар Артин ага Синем, булочник Оганес Хаплаян, пекарь Хампарцум Хаплаян и др.⁶

К сказанному необходимо добавить, что после Февральской и, особенно, Октябрьской революций, вопрос свободы передвижения

¹ ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 35. Л. 13–14, 16–17, 26, 38.

² ГАВоронО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 479. Л. 6–8.

³ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 46. Л. 287.

⁴ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1137. Л. 37.

⁵ ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 35. Л. 50–60.

⁶ Там же. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 601. Л. 5–6, 20, 51–52, 73–74, 76–77, 82–85; Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 35. Л. 22.

пленных стал неуклонно выходить из под контроля органов управления. Уже 3 апреля 1917 г. Министр внутренних дел обращал внимание губернских комиссаров на то, что гражданские пленные прибывают в Москву «из отдельных губерний России по разрешению комиссаров тех губерний. Впредь [до] разрешения общего вопроса [о] положении и праве передвижения неприятельских подданных, прошу [в] целях борьбы [со] шпионством придерживаться тех распоряжений, кои были изданы ранее»¹. Однако все это кончилось тем, что к середине 1918 г. соответствующие разрешения пленным стали выдавать уже даже не главы губерний, а фактически все, кому это заблагорассудится. Так, в сентябре 1918 г. Моршанский уездпленбеж вынужден был предложить «всем учреждениям и частным лицам, имеющим в своем распоряжении военнопленных, воздержаться от выдачи каких бы то ни было удостоверений, позволяющих военнопленным вечерние отлучки, гулянья по городу и появления в общественных местах. Все такого рода удостоверения, выданные помимо Коллегии, будут считаться недействительными, и военнопленные будут задерживаться и вместе с лицами, подписавшими удостоверения, будут подвергаться серьезным взысканиям (Подчеркнуто в тексте — В.П.)»².

При реализации своего права на *обмен корреспонденцией с родной* турки сталкивались практически с теми же проблемами, что и подданные иных Центральных держав, а именно: почтовые отправления, направляемые интернированным в России пленникам, во-первых, обычно достигали адресатов не ранее чем через 6–8 месяцев, а во-вторых, нередко просто пропадали при пересылке. Правда, русские пленные в Турции заявляли жалобы точно такого же содержания³. Вероятно, по этой причине Стамбул, в отличие от Берлина и Вены, длительное время предпочитал не предъявлять российской стороне претензий по названным выше поводам.

Лишь 10 февраля 1917 г. Порты впервые обратила внимание Петрограда на «известные неправильности, которые случаются часто при доставке корреспонденции турецких военнопленных» и дала понять, что в случае, если ситуация не изменится, она наложит ограничения на «корреспонденцию русских пленных»⁴. Однако Февральская революция в России и такие связанные с нею события, как сокращение рабочего дня, растущий некомплект персонала почтовых

¹ ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 61. Л. 273.

² ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 2. Д. 3. Л. 144.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 76. Л. 94.

⁴ Там же. Л. 40.

учреждений и т.п., привели к тому, что ситуация если и изменилась, то только к худшему. Как следствие, 31 марта 1917 г. оттоманское правительство впервые с начала войны применило репрессию к русским военнопленным в Турции (впрочем, в сравнении с действиями властей Австро-Венгрии и, особенно, Германии, репрессию почти невинную), заявив о своем решении «передавать русским пленным только письма, но запретить им чтение книг, которые получаются по их адресу»¹. И хотя попытка Петрограда убедить турок отменить этот запрет успеха не принесла, Россия воздержалась от применения ответных репрессий к турецким военнопленным².

Таким образом, практическое отсутствие каких-либо ограничений на личную переписку можно рассматривать как одну из особенностей пребывания подданных Оттоманской империи в русском плену. Еще одной особенностью мы считаем то, что военнопленные из числа армян, в массе своей фактически не имели возможности реализовать рассматриваемое право, ибо уже в 1915 г. утратили всякую связь с родными в результате их насильственного переселения из северо-восточных вилайетов Турции в Месопотамию.

В целом же, в вопросах обмена корреспонденцией с родиной турки, по нашим оценкам, находились в положении несколько лучше, нежели их союзники. В качестве еще одного подтверждения сказанному можно сослаться, к примеру, на то, что из 27 956 почтовых посылок, поступивших в Россию на имя военнопленных из Австро-Венгерской, Германской и Оттоманской империй в мае 1917 г., туркам было адресовано 1 127, или 4,03 % от их общего числа, тогда как доля самих османов в структуре пленников не превышала 3,28 % (для сравнения, австрийцам и венграм «досталось» 54,08 % посылок, хотя среди представителей Центральных держав они составляли подавляющее большинство (88,24 %) ³.

Завершая обзор рассматриваемого вопроса, заметим, что гражданские пленные, вне зависимости от государственной принадлежности, сталкивались с теми же проблемами, которые уже изложены выше, и в их положении можно выделить лишь одно отличие: с 10 февраля 1915 г. они получили право пользоваться, с разрешения полиции, телеграфом (хотя в ходе войны действие этого права эпизодически приостанавливалось)⁴.

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 76. Л. 40, 90.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 3522. Л. 20, 25.

³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 13. Д. 326. Л. 29–30.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 569. Л. 44.

Что касается *удовлетворения религиозных потребностей*, то, в первую очередь подчеркнем, что согласно ст. 4 Положения о военнопленных, последние «ни под каким видом» не могли «быть стесняемы в исполнении обрядов их вероисповеданий, не исключая и присутствия на церковных богослужениях». Приведенная норма являлась традиционной для отечественной системы военного плена и в качестве обычной (нормы) действовала, начиная уже с конца XVII в. При этом российские власти полностью абстрагировались от всего, что было, так или иначе, связано с правом пленных (и не только оттоманских) на свободу вероисповедания. Пожалуй, Петроград впервые проявил интерес к порядку и условиям удовлетворения их религиозных нужд лишь в XX столетии, а вернее — в середине 1917 г. Тогда же ГУГШ потребовал от командования военных округов, опять же впервые, «освободить от любых работ военнопленных мусульман в дни праздника Курбан-Байрам»¹.

О результатах такого подхода говорят, в частности, воспоминания Саида Нурси. Несмотря на то, что в годы Первой мировой войны этот человек находился в русском плену, в собственных мемуарах он обошел данный период своей жизни почти полным молчанием. А вернее — счел достойным упоминания лишь факт того, что российские власти предоставляли ему в неволе «больше свободы для того, чтобы проповедовать ислам (именно «проповедовать» («to preach») — В.П.), нежели предоставляли турецкие республиканские власти после его возвращения на родину» (!)².

В целом же, анализ документов свидетельствует о том, что религиозные потребности турок-мусульман, интернированных в Россию в 1914–1917 гг., могли быть удовлетворены либо духовным лицом из числа пленных, как это имело место, к примеру, в лагере на о. Нарген; либо русским военным муллой, как это происходило, в частности, в лагере при пос. Раздольное Приамурского военного округа³. Однако чаще всего нужды эти удовлетворялись самими пленными. Так, 16 июня 1917 г. главный врач 432-го полевого подвижного госпиталя доносил коменданту Сарыкамьшского района: «исполнение треб иноверческих исповеданий над пленными турками и курдами госпиталем ни на кого не возлагалось и таковые требы исполняются самими же пленными»⁴. В качестве другого примера

¹ РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 535. Л. 547; ЦГИА СПб. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 1365. Л. 113.

² Цитир. по: *Yanıkdağ Y.* Ill-fated sons of the nations... P. 25–26.

³ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1137. Л. 228; Ф. 1558. Оп. 9. Д. 5. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1137. Л. 230.

можно сослаться на доклад начальника одного из этапных пунктов в штаб КВО от 17 июля 1917 г.: «так как в селении Гетьк-Сатымыш, где находятся пленные магометанского вероисповедания, не имеется мечети, пленными религиозные требы не выполняются <...> если бы пожелали пленные выполнять религиозные требы, то они могут посещать мечеть в селе Паргет, отстоящем от Гетька в трех верстах (Курсив наш — В.П.). При чем требы эти муллою могут быть выполняемы бесплатно, как об этом и было изъявлено с его стороны желание»¹.

В свете изложенного особый интерес приобретают данные Ю. Яныкдага. Во-первых, он подчеркивает, что пленные турки, расквартированные вблизи мест компактного проживания российских мусульман, «обычно получали разрешение лагерной администрации на посещение городской мечети», а во-вторых, признает, что из 400 турецких офицеров, находящихся в лагере Красноярска (вероятно, в 1917 г.), в течение месяца Рамадан пост соблюдали лишь 30 чел.²

К сказанному можно добавить, что религиозная литература на турецком языке (включая Коран) имела в России в каждой лагерной библиотеке.

Имущественные права пленников регулировались ст. 5 Положения о военнопленных, согласно которой вся их собственность, «за исключением оружия, лошадей и военных бумаг», признавалась неприкосновенною. Правда, о собственности подавляющего большинства аскеров (да и офицеров) можно рассуждать лишь с известной долей условности. В этой связи мы полагаем, что наиболее объективную оценку ей дал 27 ноября 1918 г. глава Ряжского уездпленбежа (Рязанская губ.), который в ответ на требование Центропленбежа сообщить о том, как он поступает с имуществом умерших пленников, с полной откровенностью написал: «Никакого имущества после смерти военнопленных вражеских стран оставлено не было и впредь не предвидится, так как все они босы и голы»³. Впрочем, отдельные лица и в плену ухитрялись «сколотить» себе «состояние». К примеру, 15 октября 1916 г. у турецких военнопленных Ибрагима Хасана и Мемета Измаила, находившихся на работах в Талицком лесничестве Пермского управления земледелия и госимущества, было обнаружено и изъято в общей сложности 77 золотых и 120 серебряных монет в валюте России, Турции, Австро-Венгрии, Германии и Фран-

¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1137. Л. 232.

² Yanıkdağ Y. Ottoman Prisoners of War in Russia... P. 77.

³ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 19. Л. 1, 6.

ции¹. Однако данный случай является, конечно же, исключительным.

Что касается имущества гражданских пленнх, то Совмин в разное время принял на сей счет ряд постановлений, суть которых может быть сведена к следующему: «общая конфискация имущества неприятельских подданных не допускается»; как исключение она возможна лишь «в отдельных случаях по отношению к такому имуществу указанных лиц, которое может служить непосредственно целям государственной обороны; принудительное отчуждение прочих видов имущества неприятельских подданных может быть осуществлено не иначе как на началах платной реквизиции»².

Во исполнение такого подхода Министр внутренних дел уже 22 октября 1914 г. телеграфировал губернаторам и градоначальникам: «вследствие объявления войны Турции, Военным министром сделано распоряжение [о] безотлагательном наложении ареста [на] следующие перевозочные средства, принадлежащие турецким подданным, проживающим [в] пределах Российской империи: 1) на все виды самодвижущихся экипажей, мотоциклы, велосипеды, равно все запасные части принадлежности к ним; 2) на все виды повозок, экипажей, арб, упряжи; 3) на всех лошадей, волов, буйволов, верблюдов, осликов»³. Приведенная мера, возможно, и не заслуживала бы упоминания, тем более, что тремя месяцами ранее точно такие же арест и последующую конфискацию пережили австрийцы, венгры и германцы. Однако поскольку турки, как уже неоднократно упоминалось выше, считались беднейшими из всех проживавших в России иностранцев, надо полагать, что конфискация хомутов, уздечек и осликов нанесла их благосостоянию куда более ощутимый урон, нежели благосостоянию их союзников. В то же время, в отличие от последних, оттоманы, в массе своей, остались равнодушны к тем правоограничениям экономического характера, которые Россия наложила на подданных Центральных держав, а именно: к запрету на поступление в члены обществ взаимного кредита, в которые турки и до войны-то особенно не стремились; к отлучению от винокурения и пивоварения, которыми они и в прежние времена не занимались; к наложению ареста на их банковские счета, которых они никогда не открывали и т.п.

Несколько удачнее складывалась и *предпринимательская деятельность* турок. Связано это было с тем, что, в отличие от поддан-

¹ РГИА. Ф. 396. Оп. 7. Д. 558. Л. 1–3.

² Там же. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 82. Л. 102.

³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1872. Л. 70.

ных Австро-Венгрии и Германии, они практически не имели в России ни среднего, ни, тем более, крупного бизнеса, ставших с началом войны первостепенными объектами разного рода ограничительных мер и даже прямых реквизиций. Правда, в январе 1915 г. Совмин постановил закрыть все без исключения торговые предприятия, принадлежащие подданным «неприятельских государств» и даже запретить названным лицам заниматься личной промысловой деятельностью. Однако уже через месяц Правительство спохватилось, что мера эта не только ударит по экономике, но и оставит подданных враждебных держав без средств к существованию... со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этой связи было принято решение не распространять данное постановление «на тех германских, австрийских и венгерских подданных славянского, французского и итальянского происхождения, а также турецких подданных христианских вероисповеданий, которые оставлены в местах постоянного их жительства в Империи с разрешения подлежащих военных и гражданских властей и которым властями этими не будет воспрещено продолжать их торговлю или личную промысловую деятельность»¹.

Нельзя не признать, что данное решение претворялось в жизнь довольно последовательно и предприятия многих турецких подданных-христиан успешно функционировали в России на протяжении всей войны, как, например, булочная К. С. Титасянца в Курске, пекарня С. А. Адамьянца в Старом Осколе или «Восточная кофейная мастерская» О. А. Шишманьянца в Хабаровске². Более того, на местах власти нередко распространяли данное разрешение и на турецких предпринимателей-мусульман, в т.ч. и интернированных во внутренние регионы страны. Так, в слободе Великомихайловке Новоскольского уезда Курской губернии с 1913 г. по 1917 г. действовала булочная-кондитерская, которой владел Мустафа Корк оглы Идрис³. Интернированный осенью 1914 г. из Житомира в Рязань Махмед Эмин Чербаджи оглы сумел достаточно быстро открыть на главной улице губернского города (ул. Соборной) кафе «Ливадия», которое у него конфисковала в 1918 г. уже советская власть. (Вместе с тем, в том же 1918 г. Рязанский горисполком, руководствуясь какой-то собственной логикой, выдал двум другим турецким подданным разрешения на открытие в Рязани «торговых заведений»⁴).

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 84. Л. 4–6.

² РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9 Д. 9. Л. 241; ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 35. Л. 4–5.

³ ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 35. Л. 63–67.

⁴ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 46. Л. 17, 71.

Однако в большинстве случаев создать и сохранить «свое дело» турку-мусульманину было, конечно же, сложнее, чем христианину. Так, в январе 1915 г. Тамбовский губернатор оставил без удовлетворения просьбу военнообязанного Абдурахмана Фетусляма оглы организовать разносную продажу в Борисоглебске издаваемой в Бахчисарае на татарском языке газеты «Герджиман», хотя издание это проходило цензуру и вообще заимствовало материалы в основном

ГРАЖД. ПЛЕН.	<i>Турецкий</i>	Всего
Фамилия	<i>Фетуслям</i>		
Имя	<i>Осим сын</i>	Возр.	<i>23</i>
		Профес.	<i>бухгалтер</i>
Семья	<i>мать <i>рауванка воддасманна Шатбаева</i></i>		
	<i>Шалимова Д.В.</i>		
Жил в плену	<i>в г. Моршанск</i>		
Кем отпр. на род.		
Время отпр.		
Головной пункт		
Служб. освобожден	<i>Калимура</i>		

ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 2. Д. 3. Л. 403.

из газет «Русское слово» и «Новое время»¹. Правда, другому военнообязанному — Али Ахмету Июб оглы, удалось открыть кафе в самом Тамбове. Однако уже в мае 1915 г. это заведение было ликвидировано на основании того, что в его стенах нередко «происходят большие собрания, звучит площадная брань, бывает много проституток, поют песни, играют на гармонии и вообще публика ведет себя шумно»². (Нам остается лишь предположить, что прочие предприятия обще-

¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8788. Л. 1–3.

² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9183. Л. 3.

ственного питания г. Тамбова проститутками в то время не посещались и площадная брань в них не звучала).

Для *брачно-семейных отношений* турецких подданных были характерны как универсальные, так и специфические черты, однако основным препятствием здесь выступали каноны религии, исключающие совершение церковного брака между мусульманином и православной. Кроме того, до начала 1917 г. в России действовал общий запрет на браки россиянок с военнопленными. Правда, смена государственной власти в феврале 1917 г. привела к некоторой либерализации в данном вопросе. Однако турок изменения практически не коснулись, т.к. согласно одним руководящим указаниям военнопленным разрешалось вступать в брак лишь при отсутствии «препятствий со стороны духовных властей», согласно другим — это право распространялось лишь на пленных славян, да и то на отдельные их категории¹.

Советская власть русско-турецким бракам не препятствовала. В то же время ее представители пытались как-то считаться с наличием у турок полигамии. Например, 8 февраля 1919 г. Рязанский губ-пленбеж выдал удостоверение «гражданскому турецкому подданному магометанского вероисповедания Халилу Идрисовичу Адабаши, 27 лет, в том, что он *числится зарегистрированным одиноком* (Курсив наш — В.П.) и что к вступлению его в брак с русской гражданкой препятствий не встречается»².

Еще одну особенность турецких военнопленных Ю. Яныкдаг видит в том, что, в отличие от своих союзников, они, как правило, избегали установления брачных отношений с православными россиянами³. Полагаем, что с этим следует согласиться. Во всяком случае, нам известны лишь два факта подобных браков, а именно: в марте-апреле 1921 г. Россию покинули фельдфебель 51-го пехотного полка Ахмед Асман, 30 лет, с которым проследовала «жена его Мария, 20 лет, русская, домохозяйка», а также рядовой 92-го пехотного полка Илья Васильев, 35 лет, грек, с женой Марией, 32 лет⁴.

В то же время такие браки были распространены среди турецких гражданских пленных. На это указывают и списки репатриантов, частично приведенные нами в Таблице 31, и ряд иных документов. И хотя существующая источниковая база пока не позволяет вскрыть

¹ ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 3. Л. 221, 549.

² ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 46. Л. 299.

³ *Yanıkdağ* Y. Ottoman Prisoners of War in Russia... – P. 72.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 66–67.

подлинный размах указанного явления, по нашим оценкам, до 12–15% турецких подданных могли вернуться на родину с русскими женами и общими детьми.

Таблица 31

Отдельные турецкие гражданские пленные, состоящие в брачных отношениях с россиянками и репатриированные совместно с ними из России в 1918–1922 гг.¹

№ п.п.	Имя и возраст (на момент репатриации)	Местонахождения (на момент репатриации)	Состав семьи
1	Шукри Хафизов	Рязанская губ.	Жена Елизавета Егоровна
2	Мустафа Мамед Билял оглы	–/–	Жена Анна Васильевна
3	Мехмет Гули оглы	–/–	Жена Елизавета Емельяновна
4	Бакуль оглы Иосиф, 58 лет	?	Жена Ольга, 28 лет; сын Николай, 2 года; сын Демьян, 5 мес.
5	Мехмет Али, 28 лет	?	Жена Евдокия, 19 лет
6	Али Гусейн оглы	?	Жена Аксинья
7	Али Осман, 63 года	?	Жена Варвара
8	Беграм оглы Осман Амед, 28 лет	Тамбовская губ.	Жена Анна, 34 года; сын Василий, 4 года
9	Мустафа Мемет, 35 лет	–/–	Жена Анна, 24 года; сын Владимир, 1 год
10	Бекир оглы Каглыман, 32 года	–/–	Жена Евдокия, 25 лет; дочь Валентина, 2 года
11	Куро оглы	г. Царицын	Жена Анна, 24 года; дочь Татьяна, 3 года.

Примечание: Отсутствие единообразия в приведенных данных связано с различными подходами к составлению документов, являющихся первоисточниками.

¹ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 278–279; Д. 346. Л. 4–5, 36, 49; Д. 419. Л. 34–35; ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 46. Л. 79, 99, 243; ГАТО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 2. Л. 74.

Глава седьмая

Отношение к туркам различных слоев российского общества. Взаимные претензии и конфликты. Репрессии. Побег. Правонарушения

Отношение к военнопленным и гражданским пленным Османской империи во многом определялось этноконфессиональными признаками конкретного россиянина, его социальным статусом, должностным положением, а отчасти и местом жительства. Руководствуясь названными критериями, считаем возможным выделить в российском обществе три основные категории лиц, контакты турок с которыми имели для пленников наибольшее значение и (или) составляли неотъемлемую часть их повседневности, а именно:

I. Армяне (в т.ч. проживающие как в пределах Кавказа, так и во внутренних регионах страны).

II. Российские мусульмане, вне зависимости от их местонахождения.

III. Россияне иной этноконфессиональной принадлежности, в первую очередь — православные (включая представителей военной и гражданской администрации, в чьем ведении находились пленные).

Рассматривая перечисленное подробнее, отметим, что наиболее негативно турок воспринимали армяне, проживавшие на Кавказе, и именно со стороны последних, считает Ю. Яныкдаг, пленные нередко подвергались психическому и физическому насилию¹. Данная точка зрения подтверждается и иными источниками. Так, Х. Д. Семина свидетельствует, что в начале 1915 г. в Карском госпитале армяне-санитары вообще предлагали расстрелять раненых пленных турок, поскольку они только «хлеб наш едят, да помещение занимают»². Русский офицер, служивший в 1917 г. в Трапезунде, позднее писал, что порт обслуживал рабочий батальон турецких военнопленных, охрану которых несли «русские солдаты из армян; слабые, жалкие, злые они могли только делать глупые придирки — зря разбудить людей на час-два раньше, для отправки на работы заблаговременно; за час выслать на двор; на дождь»³. Однако те же армяне, прожи-

¹ *Yanıkdağ* Y. Ottoman Prisoners of War in Russia... – P. 71.

² *Семина Х.Д.* Указ. соч. – С. 164.

³ *В.Л.* Указ. соч. – С. 209. (Приведенная цитата дает основания предположить, что на описанные выходы конвоиров, российское командование в Трапезунде взирало, по меньшей мере, сквозь пальцы).

вавшие во внутренних регионах России, относились к туркам гораздо терпимее. Это признает Ю. Яныкдаг¹. Это же следует и из иных источников. Например, в списке из 15-и лиц, сделавших в октябре 1919 г. денежные пожертвования в пользу турецких репатриантов, прибывших в Киев и оставшихся здесь без средств к существованию, наряду с персами и татарами фигурируют некий «Оганесов», а также Маркус Читарьянц — владелец одной из Киевских булочных².

К сказанному необходимо добавить, что армянские организации России (в частности, Московский, Петроградский, Иркутский и иные армянские комитеты) проделали в ходе войны большую работу, направленную на облегчение положения в плену аскеров-армян и даже неоднократно пытались добиться от Петрограда решения об их освобождении, хотя бы частичном.

В противоположность армянам, российские мусульмане относились к туркам исключительно лояльно. Так, по данным А. Т. Сибгатуллиной, «пленных, находившихся на острове Нарген, не оставляло в беде Общество помощи нуждающимся. Члены этого общества собирали среди населения одежду, продукты, табак для пленных, пытаясь таким образом облегчить участь своих единоверцев. Такую же деятельность вели и другие имеющиеся в Закавказье общественные организации: Благотворительное общество бакинских мусульманок, Благотворительное общество кавказских мусульман, Национальный мусульманский комитет и Благотворительное общество мусульман г. Генджа, общества «Неджат», «Сафа», Благотворительное общество мусульман г. Эривани. В Баку существовало общество помощи анатолийским тюркам «Кардаш кёмеги» (Братской помощи). <...> в таких известных газетах на татарском языке, как «Иль», «Йолдыз», «Вақыт» была организована кампания помощи пленным туркам»³. В свою очередь, турецкий историк Б. Сёнmez указывает на то, что бакинская печать регулярно информировала общественность о положении пленных на о. Нарген, а источником сбора средств для оказания им помощи служили разного рода благотворительные вечера и благотворительные спектакли бакинских театров⁴.

¹ *Yanıkdağ Y.* Ottoman Prisoners of War in Russia... – P. 71.

² ГАРФ. Ф. 3604. Оп. 1. Д. 1. Л. 207.

³ *Сибгатуллина А.Т.* Указ. соч. – С. 216–218.

⁴ *Sönmez B.* Bakü Halkının 1915–1917 Sarıkamış Esirlerine Kardeş Kömeği // *Karadeniz – Блэк Си – Черное море.* 2010 № 6. S. 13, 17–18 // <http://www.ardahan.edu.tr/karadenizdergi/web/?did=229&dbaslik=Числоб#arubaslik> (дата обращения: 10.05.2014).

Со своей стороны добавим к сказанному, что администрация лагеря на о. Нарген относилась к помощи такого рода довольно снисходительно. Порой даже слишком. К примеру, в документе, датированном августом 1915 г. отмечается, что представительница одного из бакинских благотворительных обществ «мадам Гаджиева со своими родственниками, с разрешения коменданта <...> имела беспрепятственный доступ на остров и иногда целые дни до позднего вечера проводила время с военнопленными без особого надзора со стороны охраны. Были случаи, когда мадам Гаджиева на собственном баркасе приезжала на Нарген, который приставал вне указанного места и оставался там после захода солнца»¹.

Что же касается мусульманских организаций, функционирующих за пределами Кавказа, то их деятельность в рассматриваемом направлении активизировалась лишь в конце 1917 г. Например, в документах Московского мусульманского благотворительного общества за 1915 г. фигурируют только «мусульмане-беженцы». Планы общества на 1916 г. также не предусматривали никаких расходов на военнопленных и гражданских пленнх Оттоманской империи². Существовавший на протяжении всей войны в Москве Мусульманский народный комитет лишь 8 декабря 1917 г. создал Комиссию по оказанию помощи военнопленным туркам и провел ее первое заседание. А Национальный парламент мусульман внутренней России и Сибири только в феврале 1918 г. постановил образовать в составе Московского мусульманского национального совета Отдел помощи военнопленным туркам³.

Переходя к вопросам, связанным с отношением к туркам представителей иных этноконфессиональных групп и, в первую очередь, русских и православных, заметим, что оно детерминировалось комплексом факторов, имевших для оттоманов как позитивные, так и негативные последствия. При этом к числу первых мы относим следующие.

1.1. Если пленных австрийцев и немцев в России не видели со времен нашествия Наполеона, то турки были достаточно хорошо знакомы представителям старшего поколения, т.к. в ходе войны 1877–1878 гг. свыше 60 тыс. османов оказались расквартированы практически во всех губернских и во многих уездных центрах Европейской части страны. В указанный период военнопленные от-

¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 684. Л. 23–24.

² Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 2753. Оп. 1. Д. 3. Л. 34–54.

³ Там же. Ф. 2753. Оп. 1. Д. 2. Л. 58, 62, 118.

томанской армии, по единодушному мнению современников, «вели себя смирно», и если даже не оставили о своем пребывании в России доброй памяти, то уж во всяком случае — не снискали себе здесь худой славы.

1.2. В силу своей малочисленности, Кавказская армия не имела столь тесной связи с народом, как армии, действующие против Австро-Венгрии и Германии. При этом она чаще других доставляла удовлетворение обществу своими победными реляциями (при относительно ничтожных потерях в личном составе). К тому же Азиатский ТВД считался единственным, где вплоть до 1918 г. еще «воевали по-настоящему», без применения отравляющих веществ и прочих «немецких выдумок», что укрепляло имидж Турции как единственной из Центральных держав, которая гуманно ведет войну.

1.3. Российские газеты были заняты ни столько антитурецкой пропагандой, сколько подчеркивали низкий уровень тылового обеспечения действующей на Кавказе оттоманской армии, чем вызывали скорее сочувствие к туркам, нежели неприязнь к ним.

1.4. На Кавказе территория и население собственно Российской империи оказались практически не затронуты бедствиями войны, а к драматическим событиям, связанным с массовым исходом армян из Турции в 1915 г., большая часть россиян осталась равнодушна.

1.5. Накануне и в ходе войны турецкие подданные никак не ассоциировались с понятием «немецкое засилье» и не составляли серьезной конкуренции отечественным предпринимателям. Возможно по этим причинам турки, в отличие от гражданских пленных Австро-Венгрии и Германии, практически никогда не становились объектами шовинистических настроений и не подозревались в противоправной деятельности, в т.ч. в шпионаже или стремлении причинить ущерб обороноспособности России каким-либо иным способом. Во всяком случае, за годы работы в отечественных архивах нам удалось обнаружить лишь один документ такого рода, да и тот анонимного характера. Речь идет о заявлении, автор которого в декабре 1914 г. потребовал выслать из Острогожского уезда Воронежской губ. турецкого подданного И. А. Золотарева как лицо, подозреваемое в неблагонадежности. В ходе проверки заявления было установлено, что И. А. Золотарев, грек, православный, родился в России и в Турции никогда не был; в уезде жил с 1913 г., занимая должность управляющего одним из имений, а все его неблагонадежность состояла в том, что он запрещал крестьянам пасти скот на землях помещика¹.

¹ ГАВоронО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 388. Л. 2.

1.6. Отношение к пленным большинства россиян (особенно сельских жителей) формировалось на основе хотя и суеверного по своей сути, но вполне естественного стремления «подкупить добрым делом судьбу». Проще говоря — проявить участливое внимание к пленнику в расчете на последующее воздаяние. Названное явление, тесно связанное с институтом всеобщей воинской обязанности, а точнее — с наличием родных и близких в рядах действующей армии, широко проявило себя уже в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Нужно сказать, что отношение к пленным (туркам — В.П.) работавших вместе с ними местных наших селян — украинских дивчат и мужчин, — были вполне дружелюбными, — вспоминал З.Г. Френкель, живший в 1878 г. в г. Козелец Черниговской губернии. — Пленных жалели, часто высказывая при этом, что и нашим, находящимся в плену, на чужбине будет легче, если их пожалеют»¹. Через 38 лет старший лейтенант Мехмет Ёльчен услышал то же самое в первом же селении Московской губ., через которое ему пришлось проезжать в группе пленных турецких офицеров: «Вдали показалась деревня. Когда наши повозки медленно приближались к ней по пыльной дороге, мы заметили, что толпа людей <...> поджидает нас. Мы предположили, что они собрались побить нас камнями, как это делали греки во время Балканской войны или забросать тухлыми яйцами и помидорами. Когда деревня стала совсем близко, толпа двинулась нам навстречу. Мы припали к днищам повозок. Мужчины, женщины и дети обступили телеги и стали совать нам хлеб и *çörek*. Повозки наполнились едой. “Не давайте нам больше ничего. Этого достаточно”, — сказали мы. Но они отвечали: “Нет, у вас долгий путь. Позвольте уж дать вам то, что мы имеем, и тогда Бог сделает так, чтобы ваши матери и отцы дали то же самое нашим пленным сыновьям”².

В совокупности, все перечисленное не могло не принести свои плоды, о чем свидетельствуют мемуары самих пленных. Тот же Мехмет Ёльчен, проделавший путь от Москвы до г. Варнавина Костромской губернии гужевым транспортом и благодаря этому сумевший достаточно детально познакомиться с жизнью русской глубинки, называет крестьян не иначе как «великодушными», «гостеприимными», «щедрыми», «сердечными» и подчеркивает, что «люди были очень дружелюбны в каждой деревне, в которой мы останавливались». Особенно трогательно в описании Мехмета Ёльчена выглядит

¹ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1000. 1963. № 55. Л. 42.

² *Ölçen M.* Op. cit. — P. 62.

сцена того, как пожилая крестьянка, в доме которой провели ночь трое турецких офицеров, наутро, прощаясь, сказала им: “Извините, моих дочерей не было дома, а я сама не смогла толком вас угостить”¹. Многие мемуаристы хотя и не акцентируют внимание на межличностных отношениях именно в диаде «русские-турки», но ясно дают понять, что опыт общения с россиянами оставил у них, в целом, позитивные впечатления. Например, Ийбар Тахсин особо подчеркивает такие качества русского народа, как «смирность, невозмутимость и терпение»². Интересны наблюдения Ахмета Гёзе, которому в 1917 г. пришлось проехать в поезде, «состоящем из грязных убогих вагонов, набитых дезертирами <...>. Хотя вокруг голод и нищета, можно встретить и мужиков, сохранивших чувство человечности. Запасы дезертиров неуклонно сокращаются, и время от времени мужики делятся с теми продуктами, предлагая дезертирам разделить с ними две-три вареные картофелины»³.

Достаточно глубокую и обобщенную характеристику россиянам приводит в своих воспоминаниях Мехмед Асаф. «Россия — наш исторический враг», — констатирует этот офицер, но тут же оговаривается, что к русским людям, «с точки зрения их национального образа жизни и моральных качеств, стоит присмотреться. Кем бы вы ни были, столкнувшись с вами, они проявят сочувствие и сочтут своим долгом вам помочь. За два с половиной года жизни в городе (в г. Ветлуге Костромской губ. — В.П.) мы не были свидетелями ни одного случая убийства или сколько-нибудь крупной кражи. Злонамеренные ложь, мошенничество и обман здесь редкость. Совершенно очевидно, что никакие уголовно-правовые санкции, сами по себе, не могли обеспечить такого количества добродетелей в их образе жизни. Истоки здесь следует искать в национальной морали и национальном характере <...> Русские мягкие и скромные люди и названными добродетелями обладают большинство представителей как интеллигалов, так и невежественных слоев»⁴.

Хайри Гёкчай хотя и не дошел до столь глубоких обобщений, но, судя по его воспоминаниям, добродетелями «невежественных слоев» указанный мемуарист пользовался при каждом удобном случае. Это видно из описания того, как он воровал «çoğni»

¹ Ölçen M. Op. cit. — P. 62–64.

² Tahsin I. Op. cit. — S. 28.

³ Göze A. Rusya'da Üç Esaret Yılı: Bir Türk Subayının Hatıraları. — İstanbul: Boğaziçi Yayınları, 1991. — S. 93–94.

⁴ Asaf M. Op. cit. — S. 138–139.

хлеб в крестьянской избе или, экономя на покупке табака, «предпочитал угощаться *mahorga* у бедных и старых русских выпивох. Обычно я останавливал такого человека и учтиво говорил ему: “Что, если я освобожу вам руки на несколько минут, а вы угостите меня за это *mahorga*?” Мне передавали какую-нибудь рухлядь. Как правило, я обращался к *tujik* постарше, многие из которых были бедняками»¹.

Изложенное выше подтверждается и отечественной мемуарной литературой. Так, Н. М. Любимов, проживавший в 1917 г. в г. Перемышль Калужской губернии, позднее вспоминал: «По улицам ходили странно одетые мужчины с серповидными носами. Мне объяснили, что это пленные турки и что они у нас в своих подбитых ветром шинелишках очень мерзнут. Я слышал разговоры матери с няней, что туркам непременно надо дать работу: попросить их наколоть дров, заплатить им и хорошенько накормить. Смуглые, серпоносые люди улыбались: “Карош урус!”².

Вместе с тем, отношение русских и православных к туркам детерминировалось и рядом факторов, имевших для пленных преимущественно негативные последствия, а именно:

2.1. У части россиян вызывал отторжение один только внешний вид турок. Замеры уровня толерантности российских крестьян и мещан, проводимые на исходе XIX столетия (пусть даже и в формах, самых примитивных с точки зрения современной социологии), свидетельствуют о том, что респонденты хотя и не считали Турцию врагом России (что, кстати, само по себе не может не вызывать удивления), но о самих турках отзывались «по большей части нелестно»: «турки некрасивы и грязны, и вид их ненавистный, суровый и притом же немилостивый, настоящие кровожаты», «турки народ некрещеный и они очень злы и напрасливы» и т.п.³.

2.2. Не меньшее отторжение вызывала и особая манера турок держать себя, которую английский дипломат Вильям Этон, наблюдавший за поведением пленных оттоманов в Херсоне еще в 1790 г. (т.е. в период Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.), назвал демонстрацией «оскорбительного варварского высокомерия» («*barbarous*

¹ *Gökçay H. Bir Türk'ün Hâtırat ve İntikamı: Rus Zülmünden Canlı Hâtıralar.* – İstanbul: Sıralar Matbaası, 1958. – S. 122, 137.

² Любимов Н.М. Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. В 3 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 164.

³ Цитир. по: Оболенский С.В. Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // Одиссей: Человек в истории. 1997. М.: Наука, 1998. – С. 222.

insolence»)¹. Названное явление бросалось в глаза, разумеется, не только британцам, и всегда резко отличало турок от их союзников, что очень точно, на наш взгляд, подметил еще в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. студент физико-математического факультета Харьковского университета. Н. Ф. Леваковский: «Провезли, куда-то, несколько человек пленных. Обыватели бегали смотреть, как на чудо. Бывшие среди них турки как-то особенно свысока относились к нам; французы с удовольствием курили предлагаемые им папиросы и заверяли покровительственным тоном, что они против нас ничего не имеют; англичане упорно молчали»².

2.3. Отчуждению способствовали глубокие этнокультурологические различия, отягощенные самим фактом состояния войны. Так, Моршанский полицмейстер, столкнувшись с жалобами обывателей на то, что интернированные в город турки ведут праздную жизнь и по вечерам «делают неуместные замечания женщинам», уже в декабре 1914 г. ввел для них что-то вроде «комендантского часа», предписав постовым городовым «немедленно представлять всех шатающихся без дела турок как днем, так и по вечерам, в полицейскую часть», а помощникам приставов и участковым городовым «каждый вечер в 17 час. поверять их по месту жительства»³. С проблемой различий в культуре повсеместно сталкивались и военные власти. Например, представляя в апреле 1917 г. Отделу о военнопленных МИД материалы для ответа на ноту оттоманского правительства по поводу того, что в лагере на о. Нарген турецкие «нижние чины постоянно подвергаются жестокому обращению и оскорблениям со стороны охраны», Начальник Генштаба объяснял это тем, что «некультурность пленных турок вызывает необходимость принуждать их к соблюдению порядка»⁴.

К сказанному необходимо добавить, что, как будет показано нами ниже, турки совершали в русском плену преступления примерно в 4 раза чаще, чем их германские союзники, и в 6 раз чаще, нежели австро-венгерские⁵.

2.4. Часть османов и в плену продолжала испытывать к России ту неприязнь и неуважение, о которых уже говорилось ранее. В этой

¹ *Eton W.* A survey of the Turkish empire. Reprint of the 1798 ed. N.-Y.: Arno Press, 1973. – P. 119.

² *Леваковский Н. Ф.* Университет пятидесятих годов: (из воспоминаний) // Русская старина. – 1917. – Т. 170. – № 7/9. – С. 117.

³ Южный телеграф. 1914. 21 дек. С. 3.

⁴ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2860. Л. 28–31; Д. 3245. Л. 7.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 531. Л. 1.

связи весьма характерно выглядят стихи одного из пленников, в которых тот даже обратился к анимализму, уподобляя себя воину, оказавшемуся не в руках таких же солдат, как и он сам, а в «когтях мужиков» («mujikleri pençesine»)¹.

Однако далеко не всем туркам удавалось подыскать для выражения своих чувств нужные поэтические образы. Так, 16 июня 1915 г. исправник Козловского уезда представил Тамбовскому губернатору материалы дознания по фактам хулиганских действий «военнообязанных турецких подданных Ибрагим Хамиль Чаушев оглы и Осман Чилу оглы», проживавших в с. Староюрьево и работавших там же в чайной лавке крестьянина И. М. Каретина. Как следует из показаний владельца лавки, находясь в помещении чайной, названные турки «не стесняясь произносят скверно матерные слова несмотря и на присутствие там женщин. На требование быть более корректными и не забывать, что они как военнопленные должны быть покорными и тихими, они, не обращая на это никакого внимания, еще более стараются всячески надсмеяться и над тем, что вот их, русских, на войне бьют как свиней <...>. Словом, эти два пленных турка открыто и постоянно распространяют слухи, оскорбительные для всех русских, чем вызывают к себе чувство отвращения. Высказывают даже, что вот с ними никто и ничего не может сделать и что они хотят, то и делают. Свидетель С. Г. Сутормин показал, что оба турка “над всеми русскими смеются, высказывая, что вообще русские никуда не годны и т. п. <...>. Словом, пленные открыто стараются вызвать какую-либо, да неприятность. Они слишком злы, и если кто-либо их обидит словами, не говоря уже действием, то они в состоянии до убийства включительно довести дело, почему их все боятся. Находясь у него, Сутормина на службе по пекарне и чайной, они неоднократно учиняли скандалы. Были случаи, что одна из прислуг его Сутормина едва не была зарезана военнопленными, если бы не вмешательство других рабочих. Благодаря такого нахальства и отчаянного характера, пленные с работ от него были удалены”. Свидетель Д. Т. Маврин: “турки эти неоднократно дрались между собой, ругаются, бродят по селу, распространяют небылицы. Говорят, что русские свиньи, почему их и бьют на войне и мучат как попало. Они своим поведением наводят страх на население. Если какой-либо из этих двух турок что-либо коснется критики русского, то уж русский православный человек не говори пленному, иначе он будет если не убит, так сильно избит”. Семнадцатилетний свидетель Р. С. Ми-

¹ Цитир. по: *Yankıdağ* Y. Ill-fated sons of the nations ... – P. 112.

шин показал, что его ударил один из турок и он какое-то время был без сознания. “Все служащие Сутормина очень боятся турок, т.к. они очень злы и опасны, и постоянно дерутся”.

В ответ на все эти безобразия Тамбовский губернатор постановил подвергнуть обоих «денежному штрафу в размере 50 руб. каждого, при несостоятельности аресту каждого на 2 недели»¹. О чрезмерной мягкости примененного наказания говорит уже то, что точно такая же мера («50 руб. или 2 недели ареста») применялась в Тамбовской губ. к лицам, впервые появившимся в общественном месте в состоянии опьянения.

2.5. Часть россиян демонстрировала османам примерно такое же «оскорбительное варварское высокомерие», о котором уже говорилось выше. Так, в 1917 г. турки, расквартированные в г. Моршанске Тамбовской губ., жаловались не только на нужду, болезни и высокую смертность, но и на «нелояльность населения»². Еще ранее, в 1915 г., военнообязанные, размещенные в г. Зарайске Рязанской губ., утверждали, что вынуждены жить «ненормальной жизнью среди чуждого народа, где приходится много терпеть всякого рода обид, насмешек и издевательств»³. Старший лейтенант Халил Атаман вспоминал, как на одной из железнодорожных станций в центральной России к группе османов приблизилась веселая компания, состоящая из девушки и двух молодых людей. При этом последние, явно рисуясь перед своей спутницей, зашли за спины пленным и демонстративно принялись искать у них... хвосты, приговаривая с деланным удивлением: «*Kak naşı çelevек*», «Они такие же люди, как и мы» и т.п.⁴ В свою очередь, курсант Раджи Чакырёз отметил, что его хвостом русский санитарный персонал заинтересовался уже в карантине, почти сразу же после пленения⁵. Свое цивилизационное превосходство над турками порой демонстрировали и представители интеллигентных слоев. Так, старший лейтенант Мехмет Ёльчен не без обиды вспоминал, как русские гимназистки, которым он помог решить задачу по геометрии, никак не могли поверить тому, что он турок, а не немец, и даже не инженер по образованию, а кадровый офицер-пехотинец⁶.

¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9246. Л. 1–7.

² ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 404. Л. 11.

³ Там же. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 41.

⁴ *Ataman H.* Op. cit. – S. 127.

⁵ *Çakıröz R.* Op. cit. – S. 18.

⁶ *Ölçen M.* Op. cit. – P. 128.

Сопоставляя две приведенные выше группы фактов, мы склоняемся к выводу, что первые из них в большей степени претендуют на универсальный характер, а значит — в полной мере могут служить основанием для широких обобщений, тогда как вторые представляют собой скорее частные случаи, а также субъективные ощущения отдельных лиц в сочетании с элементами традиционализма, переживавшего в условиях глобального вооруженного конфликта начала XX в. серьезный кризис. Иными словами, мы считаем, что отношение основной массы россиян к туркам отличалось достаточно высоким уровнем терпимости, не слишком соответствующим ни взаимному статусу национальных, исторических и религиозных врагов, ни тому «шовинистическому одичанию», которое в 1914–1918 гг., по мнению Н. М. Жданова, охватило народы всех воевавших государств¹.

В пользу сказанного говорит и то, что за все годы войны российская сторона лишь единожды наложила *репрессию* на турецких пленн. Предыстория этого события такова: 20 октября 1916 г. отряд черноморских эсминцев совершил набег на якорную стоянку угольных транспортов противника в устье р. Терме, близ Самсуна. Одновременно на Анатолийское побережье были высажены диверсионные группы, одна из которых задержала и доставила на корабли несколько гражданских лиц из числа, что говорится, «подвернувшихся под руку». В ответ Порты заявила протест и арестовала 20 русских гражданских пленн. Уладить этот вопрос внешнеполитическим ведомствам обеих стран так и не удалось, и 8 мая 1917 г. Министр внутренних дел по согласованию с МИД и ГУГШ потребовал от Уральского областного комиссара «применить в виду репрессии такую же меру ареста к 40 турецким подданным гражданским лицам, выбрав из общего числа их наиболее зажиточных». К 28 мая в Уральске были арестованы и водворены в областную тюрьму 40 турецких гражданских пленн. Небезынтересно отметить, что в числе арестованных оказался и Мустафа Субхи — впоследствии один из основателей и первый руководитель Коммунистической партии Турции (КПТ). Считая себя не пленником, а политическим эмигрантом, М. Субхи тут же направил телеграфный протест главам МИД, МВД и военного ведомства, а также Председателю Совета рабочих и солдатских депутатов, в результате чего быстро добился своего освобождения. (Правда, вместо него тут же арестовали другого турка). Впрочем, репрессия эта ни к чему так и не привела и вопрос оставался неразрешенным вплоть до конца войны².

¹ Жданов Н. Указ. соч. — С. 14, 39–40.

² ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 533. Л. 4, 14, 24, 53, 67.

Небезынтересно также отметить, что в декабре 1917 г. Порты, обеспокоенная революционными событиями в России, выразила опасения по поводу возможных репрессий в отношении турецких подданных. Однако нотой от 12 января 1918 г. НКВД заверил Стамбул, что «народное правительство <...> никогда не позволит себе актов мести, по отношению к военнопленным»¹.

Согласно официальной статистике, представленной в Таблице 32, доля турок, бежавших из русского плена в годы Первой мировой войны, была значительно ниже соответствующей доли австрийцев, венгров и, особенно, германцев, что может свидетельствовать либо о несклонности оттоманов к побегам, либо об их неумении таковые готовить и совершать. На первый взгляд, и неумение, и несклонность находят подтверждение в целом ряде источников. «Бежать они (турки — В.П.) могли когда и сколько угодно, — вспоминал русский офицер, служивший в 1917 г. в Трапезунде. — Работали ночью, охрана на 100–200 пленных один-два армянина с неисправными ружьями, но беглых было мало (Курсив наш — В.П.)»². Практически тоже говорят и сами турки. Например, лейтенант Мехмет Бинлер, плененный в 1916 г., признавал, что вполне мог совершить побег еще из карантина в Сарыкамыше. Но почему же в таком случае не бежал, а отправился в Сибирь, объяснять не стал³. В свете рассматриваемого вопроса особое значение приобретает то обстоятельство, что осенью 1917 г., при подготовке пленными Центральных держав вооруженного выступления в Красноярском лагере (несостоявшегося), в штаб восстания вошли порядка десяти германских и австрийских офицеров, но ни одного турецкого⁴ (Впрочем, венгров в этот орган тоже не пригласили)⁵.

Вместе с тем, иные источники заставляют усомниться в исчерпывающей полноте данных официальной статистики, а заодно и в неспособности (нежелании) турок обрести свободу. К примеру, согласно отсчетам штаба Кавказского военного округа, только за три осенних месяца 1917 г. из этого территориального объединения

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2900. Л. 1.

² В.Л. Указ. соч. — С. 209–210.

³ Binler M.Z. Dedemin Esaret Yılları // Türk Dünyası Tarih Dergisi. — 1988. — № 16. — V. 3. — S. 45.

⁴ Осенью 1917 г. в Красноярском лагере по разным данным могли находиться от 200 до 400 турецких офицеров (АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1623. Л. 75–76; *Yanıkdağ Y. Ottoman Prisoners of War in Russia...* — P. 77).

⁵ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2доп. Д. 714. Л. 206.

бежало не менее 100 турецких военнопленных¹. Еще ранее, в период с 6 ноября 1916 г. по 18 января 1917 г., в одном лишь 27-м Кавказском рабочем батальоне были зарегистрированы побегии 28 пленников². В целом же, многие документы говорят о том, что возможность бежать, особенно из регионов, входящих в состав КВО, турки реализовывали достаточно часто. Так, в октябре 1916 г. главный инженер строящейся железной дороги Батум-Трапезунд настойчиво просил Военного министра предоставить ему военнопленных любой другой государственной принадлежности, кроме турок, ссылаясь на то, что последние, «хорошо зная местность и пользуясь услугами местного мусульманского населения, разбегаются с дорожных работ»³. Турецкий дипломат Э. Д. Пакер, работавший в годы войны в Швеции, утверждал, что в эту страну шел «непрерывный человеческий поток. Пленные турки, которым удалось бежать из России, группами (Sic! — В.П.) прибывали в Швецию и оттуда направлялись на родину»⁴. Характерно, что российский офицер А. Г. Емельянов описывает совершенно другую границу почти теми же словами: «одиночками, небольшими партиями переходили русско-персидскую границу военнопленные турки и австрийцы. Они пробирались из Закаспийской области, убягая из русского плена»⁵.

Таблица 32

Количество военнопленных Централъных держав, совершивших успешный побег из России в 1914–1917 гг.⁶

Государственная принадлежность	Численность военнопленных (чел.)	Их них бежало	
		Количество (чел.)	То же в %
Австро-Венгрия	1 736 800	30 205	1,74 %
Германия	167 000	5 212	3,12 %
Турция	64 500	306	0,47 %

¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1161. Л. 232–235.

² Там же. Оп. 1. Д. 1555. Л. 99. Л. 150–159.

³ Там же. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 32. Л. 260.

⁴ Пакер Э. Д. 40 лет на дипломатической службе. Воспоминания турецкого дипломата. М.: Наука, 1971. – С. 76.

⁵ Емельянов А. Г. Персидский фронт (1915–1918). Берлин: Гамаюн, 1923. – С. 8.

⁶ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 6. Д. 25. Л. 7; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 76. Л. 220; Россия в мировой войне 1914–1915 года (в цифрах)... – С. 41; Rachatimov A. Op. cit. – P. 39–41.

Правда, нам трудно представить себе «группы» турецких плен-ных, направляющихся «непрерывным потоком» в Швецию с Фин-ляндского вокзала столицы. Полагаем, что описание Э. Д. Пакера относится, в лучшем случае, ко второй половине 1917 г., а скорее все-го — к 1918 г. или даже к 1919 г., когда один из маршрутов турецких репатриантов действительно пролегал через Скандинавию. Не следу-ет, очевидно, придавать преувеличенного значения и свидетельствам А. Г. Емельянова, ибо если австрийцы были расквартированы непо-средственно в Закаспийской обл., то бегущим из Сибири туркам толь-ко для того, чтобы достичь оной, нужно было пересечь всю Среднюю Азию, и вряд ли большинству из них это было по силам.

Однако как бы то ни было, все изложенное дает основания пред-полагать, что в числе 306 чел., указанных в Таблице 32, по каким-то причинам фигурируют лишь те пленные, которые совершили побеги из военных округов Внутреннего района. Косвенно это подтверж-дается и данными Таблицы 33, из которой видно, что в 1917 г. рос-сийское МВД вообще не вело розыск турок, бежавших из пределов Кавказского военного округа.

Презюмируя верность данной гипотезы и принимая во внимание тот факт, что в военные округа Внутреннего района было интерни-ровано лишь 27 200 турецких военнопленных, тогда как 37 300 чел. остались в КВО (см. Таблицу 7), мы приходим к выводу, что действительный уровень успешных побегов военнопленных Оттоманской империи из России следует исчислять в размере не 0,47%, а, как ми-нимум, 1,13% [(306: 27 200) × 100%]) (без учета Кавказа). Последний показатель приближает оттоманов к военнопленным австро-венгер-ской армии и, на наш взгляд, выглядит вполне реалистичным, особен-но с учетом того обстоятельства, что далеко неславянская внешность и серьезный «языковой барьер» создавали для турок, в сравнении с их союзниками, дополнительные препятствия к побегам.

Впрочем, препятствия эти в некоторой степени компенсирова-лись тем содействием извне, которое туркам порой оказывали:

а) *Дипломаты нейтральных государств*, в частности, — персид-ский консул в Баку, а также испанский, румынский и, возможно, сербский консулы в Одессе. По оперативным данным российских правоохранительных органов, указанные лица обеспечивали полу-чение бежавшими военнопленными заграничных паспортов. С од-ним из них, выписанным на имя подданного Испании, 1 января 1916 г. на русско-румынской границе был задержан турецкий ка-питан Мустафа Закерия, незадолго до этого бежавший из госпиталя

в Иркутске. Причем, документы капитана оказались в порядке, и он был разоблачен лишь потому, что замешкался в ответ на просьбу пограничника «сказать что-нибудь по-испански и перекреститься»¹.

Таблица 33

Перечень турецких военнопленных, совершивших побег из мест содержания и разыскиваемых органами внутренних дел Временного правительства в августе-сентябре 1917 г.²

№ п.п.	Имя и возраст	Приметы и иные характеризующие данные	Место совершения побега
1	Абрагим Али, 26 лет	Среднего роста, брюнет	Юрьев
2	Абачанц Манун, он же Серепов	Сведений не имеется	Тула
3	Абдул оглы Сулейман	Сведений не имеется	Донская область
4	Аванесов Гекодазар, 30 лет	Черные усы, бороды нет	Тула
5	Асет Вали, 22 лет	Бороды, усов нет, говорит по-русски	Тула
6	Ашив Садик, 24 лет	Среднего роста, волосы черные, бороды, усов не имеет, вид восточный	Казенная
7	Авдль Азиз, 40 лет	Высокий брюнет с усами без бороды	Любим
8	Али Муж Афа, 37 лет	Выше среднего роста, худощавый брюнет, глаза черные, усы и борода бритые	Омск
9	Аликмутов, 23 лет	Сведений не имеется	Савычево
10	Атиф Измаил	Высокого роста, нос большой, глаза карие, волосы черные с проседью	Красноярск
11	Аванесянц Бельдазав	Сведений не имеется	Тула
12	Резеп Акиф, 35 лет	Ниже среднего роста, брюнет	Данилов
13	Шебандер Сорок оглы, 32 лет	Среднего роста, черный	Рязань

Примечания: 1. Таблица составлена в результате выборки турецких военнопленных из Циркулярных писем Главного управления по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан МВД Временного правительства от 14 августа 1917 г. № Д/22200; от 9 сентября 1917 г. № Д/23520; от 12 сентября 1917 г. № Д/23622 и № Д/23624

2. Орфография подлинника в Таблице сохранена.

б) Государственные служащие российских органов управления.

Так, в 1916 г., опять же по оперативным данным полиции, побегам военнопленных содействовали некоторые чиновники канцелярии

¹ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (ЦГИАК Украины). Ф. 419. Оп. 1. Д. 7034. Л. 1–8.

² Составлена по данным: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 323. Л. 2; Ф. Р-3333. Оп. 1-а. Д. 28. Л. 7–14; ГАВологО. Ф. 129. Оп. 3. Д. 1476. Л. 106–108, 120–123об., 136–146.

Одесского градоначальника, находящиеся в сговоре с перечисленными выше дипломатами¹.

в) *Нелегальные организации российских мусульман*. Уже к началу 1916 г. правоохранительным органам было известно, что подобные организации функционируют в Баку, Иркутске, Казани, Оренбурге, Самаре, Томске, Уфе и некоторых других городах, о чем губернаторы были проинформированы циркуляром департамента полиции от 5 июня 1916 г.² При этом самым впечатляющим результатом деятельности названных организаций следует видимо считать побег из Читы в мае 1915 г. командира IX армейского корпуса оттоманской армии генерал-лейтенанта Али Исхана-паши, подготовленный и осуществленный т.н. Иркутским татаро-турецким комитетом³.

Однако зачастую побегам содействовали вовсе не иностранцы, не чиновники и даже не мусульмане... Так, 20 августа 1916 г. пленного турка за взятку всего лишь в 15 руб. «освободил своей властью» вольнонаемный рабочий 252-й пешей Самарской дружины Дементий Харитонович Мельников, «православный, 43 лет, из крестьян Симбирской губернии». Причем особо пикантным здесь выглядит то, что Д. Х. Мельников был изобличен благодаря показаниям другого пленного аскера — Арташеса Налетова⁴.

Характерно, что турки довольно редко совершали побегі совместно со своими союзниками. В качестве одного из немногих примеров можно сослаться на то, что 9 июня 1915 г. из Читинского гарнизона бежали два лейтенанта — германский Ганс Гофмейстер и турецкий Тачир Рахштулин (Тагир Рахматуллин)⁵. Кроме того, по данным В. В. Синиченко, на рубеже 1915–1916 гг. из ИркВО совершили групповой побег один турецкий, два германских и два австрийских офицера⁶. Однако если в группе с союзниками турки бежали из плена хотя бы изредка, то со своими соотечественниками-армянами — никогда! Впрочем, последние делали это и сами, причем достаточно часто. Так, 19 ноября 1915 г. из Красноярского

¹ ЦГИАК Украины. Ф. 419. Оп. 1. Д. 7034. Л. 1–8.

² ГАВоронО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 462. Л. 3.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 18. Л. 373–374; ЦГИАК Украины. Ф. 419. Оп. 1. Д. 7034. Л. 1, 26; *Сибгатуллина А.Т.* Указ. соч. – С. 220–222; *Синиченко В.В.* Правонарушения иностранцев на Востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск: Вост. Сиб. институт МВД России, 2003. – С. 144.

⁴ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 863. Л. 15, 17.

⁵ Там же. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 18. Л. 107, 121.

⁶ *Синиченко В.В.* Указ. соч. – С. 144.

гарнизона совершили побег два армейских врача Нишан Машеньян и Саак Алтуньян, а спустя 10 дней за ними последовал еще один врач — Яран Барсагьян¹. В январе 1917 г. бежали аскеры Ануш Акмоян и Андроник Миханян, работавшие в одной из пекарен Екатеринодара². 22 сентября 1917 г. прямо с Тифлисского сборного пункта военнопленных совершил побег аскер — Тигран Адамянц³.

Не менее характерным представляется и то, что после неудачных побегов османы, как правило, отказывались от повторных попыток. Одним из немногих примеров обратного может служить уже упоминаемый выше лейтенант Тачир Рахштулин (Тагир Рахматуллин), который, будучи задержанным в июле 1915 г., спустя 4 месяца бежал вторично⁴.

Подобно австрийцам, венграм и германцам, большинство побегов турки совершили из мест выполнения работ, как правило, тайно, пользуясь упущениями охраны и проявляя порой заметную дерзость и изобретательность. Так, 3 января 1917 г. с т.н. «Старо-таможенной» пристани г. Баку во время погрузки продуктов для лагеря на о. Нарген бежал Осман Бегри, который, «пользуясь тем, что на пристани находилась публика, улучшив момент смешался с толпой»⁵. 25 августа 1916 г. военнопленные Асан Гусейн оглы и Гусейн Мамед оглы, находившиеся в распоряжении начальника Карского отделения Кавказского округа путей сообщения, «притворившись больными, после выхода партии на работу, улучшив момент, скрылись в лесу»⁶.

В то же время для турок были не типичны побегии, совершаемые путем повреждения стен, запоров и т.п. В качестве едва ли не единственного примера можно сослаться на побег группы османов с Тифлисского сборного пункта в ночь на 2 марта 1917 г., когда турками была перепилена оконная решетка⁷. Не свойственны им были и побегии, совершаемые путем нападения на конвой, а равно путем злоупотребления правом перемещения без конвоя (за исключением двух упомянутых ранее капитанов, уволенных в июле 1915 г. из лагеря военнопленных на о. Нарген в Баку «на честное слово»)⁸.

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 18. Л. 285, 303.

² Там же. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1555. Л. 104.

³ Там же. Оп. 4. Д. 1152. Л. 62.

⁴ Там же. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 18. Л. 280.

⁵ Там же. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1555. Л. 135.

⁶ Там же. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 863. Л. 14.

⁷ Там же. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1555. Л. 121–122.

⁸ Там же. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 684. Л. 18.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ. ВОРОНЕЖСКИЙ ГУБЕРНАТОРЪ. ————— ПО КАНЦЕЛЯРИИ. <i>Дѣлопроизводство</i> секретное. 25 октября 1916 года. № 66323. ————— Г. Воронежъ.	<i>Циркулярно.</i> Начальникамъ полиціи Воронежской губерніи. Находящіеся на сельскохозяйственныхъ работахъ въ имѣніи И. С. Байбуса при селѣ Знаменскомъ Нижнедѣвицаго уѣзда военнопленные турки Османъ Мустафа Кудешъ Али оглы и Фанкъ Мулла Османъ оглы въ ночь подь 8-е сего октября скрылись неизвестно куда. Примѣты бѣжавшихъ слѣдующія: 1) Османъ Мустафа Кудешъ Али оглы — 22 лѣтъ, шатень, средняго роста, въ теплой тужуркѣ, мѣховомъ короткомъ полушубкѣ и 2) Фанкъ Мулла Османъ оглы — 18 лѣтъ, брюнетъ, средняго роста, въ теплой тужуркѣ, сапогахъ и шапкѣ. Давая знать объ этомъ начальникамъ полиціи, предлагаю принять мѣры къ розыску названныхъ лицъ и въ случаѣ обнаруженія задержать ихъ и передать въ распоряженіе Нижнедѣвицаго Уѣзднаго Воинскаго Начальника.
	Подписалъ: И. д. Губернатора М. Ершовъ. Сверѣшилъ: Правитель Канцеляріи М. Хопакъ. Вѣрно: За Помощника Правителя

ГАВоронО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 501. Л. 3.

О том, насколько тщательно турки планировали побег и как часто беглецам удалось избежать задержания, судить трудно. К примеру, 12 сентября 1915 г. из Читинского гарнизона бежал турецкий майор Суфрик Селим, а на следующий день — два германских офицера. Последние были задержаны 24 сентября. В отношении турка в материалах дела никаких данных нет, и это дает основания полагать, что его побег мог оказаться удачным¹. В то же время рядовые

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 18. Л. 171, 186.

Осман Мустафа Кулеш Али оглы и Фаик Мулла Осман оглы, бежавшие в ночь на 8 октября 1916 г. из Нижнедевицкого уезда Воронежской губ., были задержаны спустя три недели в Новооскольском уезде соседней Курской губ., преодолев за это время не более 120–130 км.¹

К сказанному необходимо добавить, что удачным побегам пленников отчасти способствовали и... сами российские власти. Из данных приведенной выше Таблицы 33 нетрудно заметить, что правоохранные органы зачастую не располагали... даже приметами разыскиваемых, а если таковые все-таки и указывались, то они наверняка подходили к каждому второму жителю России. Нельзя не отметить и то, что лишь в ноябре 1916 г. ГУГШ потребовал от губернаторов уведомлять о побегах пленников определенные департаментом полиции пограничные пункты. Причем пленные оттоманской армии поначалу оказались буквально «забыты», и только в январе 1917 г. губернаторы получили дополнительный перечень пунктов, которые «надлежит осведомлять о побегах военнопленных турок, в целях пресечения им возможности бежать в пределы Турции через Кавказ» (Новороссийск, Керчь, Херсон, Севастополь, Николаев, Таганрог и Очаков)². В итоге розыск бежавших начинался обычно с более или менее значительным опозданием. К примеру, о побеге упомянутых выше Османа Мустафы Кулеш Али оглы и Фаика Муллы Осман оглы, совершенном в ночь на 8 октября 1916 г., уездный исправник донес губернатору лишь 18 октября. Последний, в свою очередь, только 25 октября уведомил об этом факте Петроград и начальников полиции городов, вверенной ему губернии³. Без особой спешки разворачивались мероприятия даже по розыску высокопоставленных пленников. Так, о побеге генерал-лейтенанта Исхана-паши, совершенном 11 мая 1915 г., штаб ИркВО доложил в Петроград только 18 мая (правда, «экстренной» телеграммой). Штаб же Кавказской армии получил информацию об этом событии... пять месяцев спустя, да и то лишь в виде ответа на собственный запрос⁴.

Что касается турецких гражданских пленных, то они бежали из мест водворения, во-первых, гораздо реже военнослужащих, а во-вторых, здесь сразу же обращает на себя внимание довольно своеобразный национальный состав «беглецов». Так, по состоянию на 29 августа 1915 г., из 117 подданных Оттоманской империи, во-

¹ ГАВоронО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 501. Л. 1, 7.

² ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 3. Л. 175; ГАВоронО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 462. Л. 1, 12, 25, 27.

³ ГАВоронО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 501. Л. 1, 3–6.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 18. Л. 383, 385.

дворенных на жительство в г. Липецк Тамбовской губ., «в бегах» числилось четверо, в т.ч. два еврея, один армянин и один серб, но ни одного из 85 этнических турок¹.

Сведения о *правонарушениях*, совершенных пленными османами в России, крайне разрозненны и отчасти противоречивы. К примеру, данные Центрэвака, отраженные нами в Таблице 34, дают основания полагать, что в годы войны подданные Оттоманской империи признавались российскими судами виновными в совершении преступлений в 4–6 раз чаще, нежели их союзники. Вместе с тем, мы не можем исключить и того, что в соответствующих списках Центрэвака могли оказаться не только и даже не столько военнотружашие, сколько гражданские пленники стран Тройственного союза. Это видится тем более вероятным, что, по документам штаба ИркВО, из 13 военнопленных Централных держав, осужденных военными судами названного территориального объединения до 1 марта 1917 г., не значилось ни одного турка².

Таблица 34

**Количество военнопленных Централных держав,
совершивших преступления в России и по приговору суда
отбывающих наказания, связанные с лишением свободы
(по состоянию на 1 января 1918 г.)³**

Государственная принадлежность	Численность военнопленных (чел.)	Их них находятся в местах лишения свободы	
		Количество (чел.)	То же в%
Австро-Венгрия	1 736 800	92	0,0053 %
Германия	167 000	12	0,0072 %
Турция	64 500	20	0,031 %

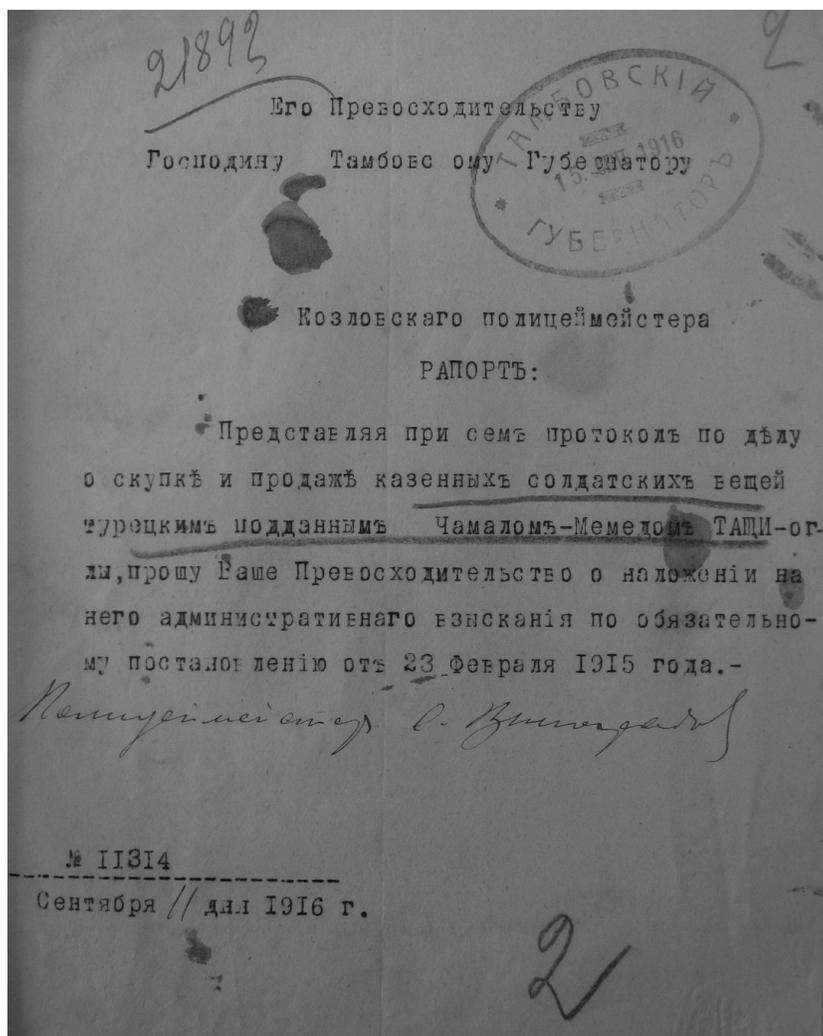
Однако как бы то ни было, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют утверждать, что наиболее распространенными преступлениями, совершаемыми турецкими военнопленными и гражданскими пленными в России в 1914–1917 гг., были убийства и кражи (главным образом — продуктов питания, реже — вещей, как исключение — денег)⁴. При этом небезынтересно отметить, что деяния турецких христиан почему-то отличались гораздо более

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 143. Д. 489. Л. 206.

² РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 414. Л. 37.

³ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 531. Л. 1; Оп. 6. Д. 25. Л. 7; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 76. Л. 220; Россия в мировой войне 1914–1915 года (в цифрах)... — С. 41; *Rachatimov A.* Op. cit. — Р. 39–41.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 531. Л. 3–10.

ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9499. Л. 2.

широким спектром. Так, в декабре 1915 г. лейтенант 52-го пехотного полка оттоманской армии Арташес Амирянц был привлечен к уголовной ответственности за публичное оскорбление начальника¹. В январе 1915 г. в Липецке было возбуждено уголовное дело

¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 810. Л. 28.

П о с т а н о в л е н и е .

1915г. Июня 8 дня рассмотрев протоколь, составленный 29 мая Полицейским Надзирателем 2 уч. г. Лебедяни, нашед, что въ II часовъ дня, проходя по базару, Полицейскій Надзиратель обнаружилъ, что Турецко-подданные Вели Угла Ахметъ Огли, Дзелаль Абдурманъ Огли, Османъ Махмудъ Огли, Османъ Демурги Огли и Ахметъ Мегметъ Арелимъ Огли носили карзини съ булками безъ чистыхъ подстилокъ на днѣ, ^{которыхъ} не были прикрыты отъ пыли и мухъ ни марлей, ни чистой холщевой тканью, торговали въ грязныхъ костюмахъ и безъ фартуковъ. Проступокъ этотъ предусмотрѣнъ п.п. 15 и 18 обязательнаго постановленія отъ 20 Апрѣля с.г., вследствие чего я, за Тамбовскаго Губернатора, постановляю: вышеупомянутыхъ Турецкихъ подданныхъ подвергнуть денежному штрафу въ разбирѣ *десяти* руб. каждаго, при несостоятельности аресту каждаго на *штраф сумм*

За Губернатора
Вице-Губернаторъ *Мих*

Правитель Канцеляріи *Сидор*

старш. Помощ. Прав. Канцеляріи *Сидор*

ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9253. Л. 3.

в отношении военнообязанного турецкого подданного Иоакима Метаксаса, подозреваемого «в оскорблении на словах священной особы ныне царствующаго государя императора и изорваніи портрета государя императора Александра II»¹. В самом начале войны,

¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9270. Л. 2-11.

в декабре 1914 г., началось следствие по делу аскеров 88-го пехотного полка Мусика Григорьянца и Мусика Микаелянца, подозреваемых в мародерстве (Правда, в марте 1916 г. названные лица были по каким-то непонятным причинам не только освобождены из Карской областной тюрьмы, но и получили разрешение... «проживать в пограничной полосе» (?)¹.

Что же касается административных правонарушений, то здесь обращают на себя внимание разного рода «манипуляции» турок с казенным обмундированием. Например, 21 января 1916 г. Рязанская городская управы обратилась к полицмейстеру с просьбой «подвергнуть строгому аресту военнопленного турецкой армии Тауфек Гусейн за то, что, вернувшись из-под ареста, тайком ушел из казармы на рынок, очевидно, вновь с целью продать свою одежду и был задержан»². В апреле 1915 г. в г. Лебедянь Тамбовской губ. на военнообязанных Дурмиша Мемет оглы и Руфета Али Таукч оглы был наложен денежный штраф в размере по 10 руб. за незаконное приобретение у русского военнослужащего одной пары солдатских сапог. Такой же штраф был наложен в сентября 1916 г. и на военнообязанного Чамала Мемед Тащи оглы, задержанного в г. Козлов Тамбовской губ. в момент перепродажи двух комплектов солдатского белья³.

Кроме того, на турок, занимающихся торговлей продуктами питания порой накладывались административные взыскания за нарушения действующих санитарных правил. Известны также и случаи привлечения их к административной ответственности за употребление спиртных напитков. Например, в г. Борисоглебске Тамбовской губ. в апреле 1915 г. был задержан пьяным на улице и арестован за это на 2 недели военнообязанный Абдул Аджи Смаил, а спустя месяц то же самое произошло здесь и с военнообязанным Али Асаном Турукчеевым, по вытрезвлении пояснившим, «что напился он пьяным от одеколона, который купил в аптеке»⁴.

В период Гражданской войны в России 1918–1921 гг. характер преступлений турок, оставшихся не репатрированными, принципиально изменился. Теперь практически все они оказывались в местах лишения свободы «за контрреволюционную деятельность». В частности, названное преступление фигурирует в приговорах Рах-

¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 475. Л. 153; Д. 810. Л. 7, 10об.

² ГАРО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2627. Л. 16.

³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9250. Л. 1–4; Д. 9499. Л. 1–5.

⁴ Там же. Д. 9248. Л. 1–5; Д. 9249. Л. 1–4.

ми Заде Зия, осужденного в январе 1921 г. тройкой Особого отдела XI Армии; Офлы Заде Расим бей, осужденного в феврале 1921 г. Особым отделом Кавказского фронта; Садык Бин Мурата, осужденного в сентябре 1921 г. Дагестанским революционным военным трибуналом и др.¹ В то же время турецкий офицер Баден Хан-Атахан, работавший преподавателем афганского языка в Восточном институте в Москве и арестованный в мае 1921 г. по подозрению в шпионаже, был, в виду недостатка доказательств, лишь выслан по постановлению коллеги ГПУ в Турцию «как политически неблагонадежный элемент»².

Оценить в полной мере состояние преступности среди интернированных в России турецких пленных в 1914–1924 гг. вряд ли возможно, поскольку за время своего пребывания в стране они:

а) Дважды (в 1918 г. и 1921 г.) амнистировались (правда, последняя амнистия не распространялась на лиц, осужденных за убийства и кражи)³;

б) Начиная уже с 1918 г., порой направлялись в места лишения свободы без достаточных правовых оснований (например, в июле 1918 г. Комиссар по делам военнопленных А. Л. Менциковский вынужден был потребовать от Рязанского совета рабочих и солдатских депутатов «освободить немедленно всех пленных турок, заключенных [в] тюрьму без судебного решения»⁴).

в) Не всегда могли доказать свое турецкое подданство, например, по причине утраты документов (так, в 1921 г. в Холмогорском лагере (Архангельская губерния) содержалось несколько заключенных, называющих себя турками, но не имевших соответствующих доказательств⁵).

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 11–12, 15, 165–167.

² Там же. Д. 439. Л. 50, 83.

³ Подробнее об этом см. Главу 9 настоящей работы.

⁴ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 3297. Л. 1.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 14.

Глава восьмая

Заболееваемость и смертность

Несмотря на то, что в годы войны Главное управление Генерально-го штаба не вело учета заболеваемости военнопленных, определенное представление об этом явлении можно составить на основе терциальных отсчетов военных округов о числе пленников, находящихся в лечебных учреждениях. Полагаем, что обобщенные данные последних, представленные в Таблицах 35–37, позволяют утверждать следующее:

Таблица 35

Динамика количества военнопленных Центральных держав, находящихся на стационарном лечении в военных округах Внутреннего района (в период с 1 мая 1915 г. по 1 января 1918 г.)¹

Дата	Всего состоит по списку (чел.)		Из них (гр. 2 и гр. 3) находится на стационарном лечении (чел.). В том числе:			
	Турок	Австрийцев, венгров и германцев	Турок		Австрийцев, венгров и германцев	
			Количество	То же в % от гр. 2	Количество	То же в % от гр. 3
1	2	3	4	5	6	7
1.05.1915 г.	8 158	374 638	347	4,25%	24 448	6,53%
1.09.1915 г.	8 451	661 108	213	2,52%	15 142	2,29%
1.01.1916 г.	12 718	828 888	465	3,66%	22 164	2,67%
1.05.1916 г.	10 007	628 009	705	7,05%	17 535	2,79%
1.09.1916 г.	12 526	934 080	428	3,42%	20 411	2,18%
1.01.1917 г.	14 164	974 481	407	2,87%	12 274	1,26%
1.05.1917 г.	16 023	1 049 564	406	2,53%	13 532	1,29%
1.09.1917 г.	16 006	1 071 841	345	2,16%	10 834	1,01%
1.01.1918 г.	16 891	1 073 511	402	2,38%	9 755	0,91%

Примечание: В Таблице представлены данные по военным округам: Московскому, Казанскому, Омскому, Иркутскому и Приамурскому. Данные по Туркестанскому военному округу не приводятся в связи с отсутствием в этом округе турецких военнопленных.

а) На протяжении 1914–1917 гг. заболеваемость всех пленных Центральных держав неуклонно снижалась, что может указывать, наряду с прочим, на рост их «приспособляемости» (от физиологической до экономической) к российским условиям.

¹ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 1–4.

б) Уровень заболеваемости военнопленных оттоманской армии хотя и эволюционировал в русле общей тенденции, но, как минимум вдвое, превышал соответствующий показатель для их союзников, очевидно ввиду того, что турки хуже переносили непривычный им климат, и новую для них пищу.

Таблица 36

**Динамика количества нижних чинов из числа
военнопленных Центральных держав, находящихся
на стационарном лечении в военных округах Внутреннего
района (в период с 1 мая 1915 г. по 1 января 1918 г.)¹**

Дата	Всего состоит по списку (чел.)		Из них (гр. 2 и гр. 3) находится на стационарном лечении (чел.). В том числе:			
	Турок	Австрийцев, венгров и германцев	Турок		Австрийцев, венгров и германцев	
			Количество	То же в% от гр. 2	Количество	То же в% от гр. 3
1	2	3	4	5	6	7
1.05.1915 г.	7862	366 295	345	4,39%	24028	6,56%
1.09.1915 г.	8 152	648 259	209	2,56%	14 809	2,28%
1.01.1916 г.	12 227	812 181	455	3,72%	21 861	2,69%
1.05.1916 г.	9 515	611 093	692	7,27%	17 270	2,83%
1.09.1916 г.	11 505	910 449	423	3,68%	19 505	2,14%
1.01.1917 г.	12 840	948 535	391	3,05%	11 802	1,25%
1.05.1917 г.	14 600	1 024 199	379	2,6%	13 034	1,27%
1.09.1917 г.	14 638	1 046 873	309	2,11%	10 288	0,98%
1.01.1918 г.	15 502	1 049 559	357	2,3%	9 123	0,87%

Примечание: В Таблице представлены данные по военным округам: Московскому, Казанскому, Омскому, Иркутскому и Приамурскому. Данные по Туркестанскому военному округу не приводятся в связи с отсутствием в этом округе турецких военнопленных.

в) Различия в уровнях заболеваемости военнопленных Оттоманской империи, с одной стороны, и Германской и Австро-Венгерской — с другой, были в большей степени присущи унтер-офицерам и рядовым, тогда как у лиц офицерского состава всех Центральных держав разница в данном показателе практически отсутствовала, главным образом, по причине их неучастия в трудовой деятельности.

г) Начиная примерно с весны 1917 г., доля больных среди офицеров (особенно, турецких) вопреки общей тенденции стала возрастать, вероятно, вследствие неуклонного ухудшения их материального положения.

¹ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 1–4.

Таблица 37

**Динамика количества офицеров из числа военнопленных
Центральных держав, находящихся на стационарном
лечении в военных округах Внутреннего района
(в период с 1 мая 1915 г. по 1 января 1918 г.)¹**

Дата	Всего состоит по списку (чел.)		Из них (гр. 2 и гр. 3) находится на стационарном лечении (чел.). В том числе:			
	Турок	Австрийцев, венгров и германцев	Турок		Австрийцев, венгров и германцев	
			Количество	То же в% от гр. 2	Количество	То же в% от гр. 3
1	2	3	4	5	6	7
1.05.1915 г.	296	8 343	2	0,68%	420	5,03%
1.09.1915 г.	299	12 849	4	1,34%	333	2,59%
1.01.1916 г.	491	16 707	10	2,04%	303	1,81%
1.05.1916 г.	492	16 912	13	2,64%	265	1,57%
1.09.1916 г.	1 021	23 631	5	0,49%	906	3,83%
1.01.1917 г.	1 324	25 946	16	1,21%	472	1,82%
1.05.1917 г.	1 423	25 333	27	1,90%	498	1,97%
1.09.1917 г.	1 368	24 968	36	2,63%	546	2,19%
1.01.1918 г.	1 389	23 952	45	3,24%	632	2,64%

Примечание: В Таблице представлены данные по военным округам: Московскому, Казанскому, Омскому, Иркутскому и Приамурскому. Данные по Туркестанскому военному округу не приводятся в связи с отсутствием в этом округе турецких военнопленных.

Однако если в отношении заболеваемости военнопленных Оттоманской империи существует хотя какая-то определенность, то уровень их смертности оценивается в различных источниках далеко неоднозначно. Так, вскоре по окончании войны представители шведской миссии в Хабаровске заявляли, что в России уже к октябрю 1917 г. погибло от 40% до 50% всех военнопленных Центральных держав, в т.ч., разумеется, и турецких². Напротив, если верить российским (точнее — советским) данным, опубликованным еще в 20-х гг. минувшего столетия, из 64 500 турок, плененных в 1914–1917 гг., умерло лишь 582 человека, т.е. 0,92% от их общего количества³. Причем последний показатель до сих пор считается единственным, имеющим официальный характер, хотя он и не находит подтверждения в документах Архивного фонда РФ. В частности, известно, что к 3 апреля 1922 г. в Подотделе по учету иностранных пленных статистического

¹ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 1–4.

² РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 53. Л. 173.

³ Россия в мировой войне 1914–1915 года (в цифрах)... – С. 41.

отдела НКВД были составлены свидетельства о смерти на 1757 «бывших турецких военнопленных», а 19 июля 1922 г. Центрэвэк направил в НКВД еще 1034 свидетельства о смерти пленных турок¹.

Впрочем, откровенно заниженный официальный показатель изначально вызвал недоверие к нему со стороны не только зарубежных, но и отечественных специалистов. Стремясь получить более достоверные результаты, известный советский демограф Б. Ц. Урланис пошел по пути экстраполяции на Россию уровня смертности османов в английском плену (9,3%) и, тем самым, определил число погибших турецких военнопленных в 6045 чел. (при общем их количестве 65 тыс. чел.)². Однако вряд ли такие расчеты можно считать приемлемыми для серьезного исследования.

Из зарубежных авторов наиболее убедительно выглядит точка зрения А. Рахамимова, полагающего, что в Россию было интернировано около 51 тыс. турецких военнослужащих (в т.ч. 950 офицеров), из которых 10 тыс. чел. (около 20%) не пережили войну³. Однако ценность такого подхода во многом снижает очевидная округленность приводимых данных и не соответствующая действительности численность турецких пленных, в особенности офицеров, которых, по документам российского учета, к 1 января 1918 г. только во внутренних военных округах страны насчитывалось 1389 чел.⁴

Между тем, все эти оценочные подходы вызывают обоснованное недоумение хотя бы уже потому, что сведения, необходимые для расчета уровня смертности турок, всегда были доступны исследователям. В частности, по данным Центропленбежа, к 1 мая 1918 г. на территории бывшей Российской империи находилось 47614 турецких военнопленных⁵. Практически о том же количестве пленников (47687 чел.) российская сторона уведомила и турецкую делегацию, прибывшую в мае 1918 г. в Москву для организации обмена военнопленными. Более того, как утверждает Д. Кутлу, с приведенным показателем, в целом, солидарны и большинство турецких историков⁶.

Всцело разделяя данную точку зрения, мы дополнительно аргументируем ее следующими рассуждениями, основанными на округленных данных Таблицы 7 и Таблицы 35:

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 36. Д. 1. Л. 4; Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 151.

² Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Соцэкгиз, 1960. – С. 325.

³ Рахамитов А. Op. cit. – P. 39.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 4.

⁵ Там же. Оп. 6. Д. 25. Л. 7.

⁶ Кутлу С. Op. cit. – S. 322–323.

а) До 1 января 1918 г. в округа Внутреннего района было интернировано 27 200 турок, тогда как налицо к указанной дате оставалось лишь 16 900 чел., т.е. за время войны с учета было снято 10 300 военнопленных, в т.ч.:

– до 1 мая 1915 г. 7 100 чел. (15 300–8 200);

– после 1 мая 1915 г. еще 3 200 человек (10 300–7 100).

При этом второй из приведенных показателей (3 200 чел.) мы считаем более репрезентативным, поскольку первый (7 100 чел.) отражает число военнопленных, погибших на рубеже 1914–1915 гг. вследствие событий и явлений, носивших, преимущественно, временный характер (см. Главу 3). Отсюда следует, что после 1 мая 1915 г. убыль турецких военнопленных в округах Внутреннего района составила:

$$[3\,200: (27\,200-7\,100)] \times 100\% = 15,9\%$$

б) Презюмируя, что убыль турок в пределах КВО была примерно равна указанной выше, мы приходим к выводу, что на Кавказе, куда было интернировано 37 300 османов, их число могло сократиться к 1 января 1918 г. на:

$$(37\,300 \times 15,9\%): 100\% = 5\,930 \text{ чел. (округляем до 5,9 тыс.)}$$

в) Таким образом, к 1 января 1918 г. количество турецких военнопленных в России уменьшилось на 16 200 чел. (10 300 + 5 900), из которых до 15 000 чел., как мы полагаем, умерло, а еще до 1 200 чел. могли составить османы, переданные от военного ведомства МВД, совершившие удачный побег, а также освобожденные из плена в силу признания их инвалидами; лицами, неподлежащими плену; либо российскими подданными¹.

г) Обобщая изложенное, мы приходим к выводу, что уровень смертности турецких военнопленных в России в 1914–1917 гг. составил:

$$(15\,000: 64\,500) \times 100\% = 23,3\%$$

Как следует из данных Таблицы 38, выведенный нами показатель является наиболее высоким среди военнопленных Центральных держав и в какой-то степени подтверждает мнение Эльзы Брэндстрем о том, что, хотя в русских лагерях турки составляли самую маленькую группу пленников, смерть собирала наибольший «урожай» именно среди них².

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-5876. Оп. 1. Д. 35. Л. 864, 867.

² Brändström E. Op.cit. – P. 226.

Таблица 38

Уровень смертности военнопленных Центральных держав в России в 1914–1917 гг.¹

Государственная принадлежность	Всего пленено	Из них умерло в плену	Уровень смертности
Австро-Венгрия	1 736 800	385 000	22,2%
Германия	167 000	16 000	9,6%
Турция	64 500	15 000	23,3%

В то же время нельзя не заметить, что уровень смертности турок в 1914–1917 гг. не только превышал аналогичный показатель среди австро-венгерских и, особенно, германских военнослужащих, но и не имел ничего общего с периодом Крымской войны 1853–1856 гг., что ясно видно из сопоставления данных Таблицы 38 и Таблицы 39.

Рассматривая причины столь высокой смертности турок, мы считаем необходимым назвать в их числе следующие.

1. *Недостаточное питание в период, предшествующий плену.* В деятельности тыловых служб оттоманской армии на всем протяжении 1914–1917 гг. продовольственное обеспечение личного состава оставалось «узким местом», что подтверждается бесчисленными свидетельствами и турецких, и российских военнослужащих, и представителей нейтральных держав: «На сутки роте дают 3 барана и чечевицу. На отделение выдают всего 650 драхм проса (около 2,4 кг. — В.П.). Хлеба не дают»; «На роту дают ежедневно 2 барана. Хлеба не видели 13 дней, его не подвезти. Вместо хлеба получаем по горсти пшена»; «На сутки дают по две горсти ячменя»; «10 дней назад выдали по куску хлеба величиной с кулак <...> и по ¼ фунта (100 г. — В.П.) баранины, а потом ничего не давали»²; «В моем желудке неделю не было горячего чая. Мы питались только лепешками. Наполовину испеченные на листах железа в деревнях, они набивались в мешки, грузились на осликов и направлялись на фронт. К тому времени, как лепешки попадали к нам, они замерзли. Мы пытались разморозить их, пряча на груди и подмышками. Оттаивая, они крошились и рассыпались. Если появлялся кусочек мяса, у нас был праздник»³; «Турецкий солдат зачастую довольствовался лишь ломтем хлеба и горстью

¹ Составлена по расчетам автора, а также по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 6. Д. 25. Л. 7; Россия в мировой войне 1914–1915 года (в цифрах)... С. 41; *Rachamimov A.* Op. cit. — P. 39.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 2020. Л. 2–3; Ф. 3028. Оп. 1. Д. 119. Л. 13, 16.

³ *Ölçen M.* Op. cit. — P. 33.

маслин»¹; «Накануне у них (турок — В.П.) был горячий ужин, но [все равно] они сидели голодные как звери. И немудрено, проголодались за свою службу в турецкой армии»² и т.п.

Таблица 39

Уровень смертности военнопленных в России в период Крымской войны 1853–1856 гг.³

Государственная принадлежность	Всего пленено	Из них умерло в плену	Уровень смертности
Великобритания	642	38	5,9%
Франция	1 425	154	10,8%
Турция	5 000	300	6,0%

Примечание: в Таблице не учтены сведения по гарнизону крепости Карс, изнуренному голодом и болезнями вследствие продолжительной осады, а значит — не являющиеся репрезентативными.

2. *Недостатки эвакуации* с Кавказского ТВД зимой 1914–1915 гг. (см. Главу 3); *низкая эффективность медицинского обеспечения* в пределах КВО (см. Главу 4), а также указанный выше *высокий уровень заболеваемости* турок, в первую очередь тифом, дизентерией и туберкулезом легких.

3. *Непривычный климат* в местах интернирования и производства работ. Данную причину Эльза Брэндштрем считала наиболее фатальной для турок⁴. Е. Ю. Бондаренко также ставит ее на первое место⁵. Собственно говоря, априори все это выглядят вполне логично, особенно, при сопоставлении данных Таблиц 38 и 39, а также с учетом того обстоятельства, что в годы Первой мировой войны османы интернировались в регионы Сибири впервые за всю историю русско-турецкого вооруженного противостояния.

Вместе с тем, ситуация здесь не кажется нам столь однозначной, поскольку, во-первых, до 60 % турок было все-таки расквартировано непосредственно на Кавказе, т.е. в климатических условиях вполне им привычных, а во-вторых, данные Таблицы 40 указывают на то, что в Сибири и на Дальнем Востоке османы болели... в 1,5–2 реже, чем в Европейской России (!) Не исключено, конечно, что послед-

¹ Рафаэль де Ногалес. Четыре года под полумесяцем. М.: Русский вестник, 2006. — С. 21–22.

² Исаев М. М. Указ. соч. — С. 520.

³ Составлена по данным: РГВИА. Ф. 395. Оп. 325. Д. 40. Л. 127–129.

⁴ Brändström E. Op.cit. — P. 226.

⁵ Бондаренко Е.Ю. Указ. соч. — С. 169.

нее обстоятельство нуждается в дополнительном междисциплинарном исследовании, однако тот факт, что в годы Первой мировой войны Сибирь не стала местом массовой гибели турок, можно считать практически установленным.

Таблица 40

Сравнительная динамика количества турецких военнопленных, находящихся на стационарном лечении в военных округах Европейской России, Сибири и Дальнего Востока (в период с 1 мая 1915 г. по 1 января 1918 г.)¹

Дата	Военные округа Европейской России (Московский и Казанский)			Военные округа Сибири и Дальнего Востока (Омский, Иркутский и Приамурский)		
	Всего числится по списку	В т.ч. находятся в лечебных учреждениях		Всего числится по списку	В т.ч. находятся в лечебных учреждениях	
Количество		То же в %	Количество		То же в %	
1	2	3	4	5	6	7
1.05.1915 г.	290	116	40,0%	7868	231	2,94%
1.09.1915 г.	210	52	24,76%	8241	161	1,95%
1.01.1916 г.	3574	49	1,37%	9144	416	4,55%
1.05.1916 г.	937	250	26,68%	9070	455	5,02%
1.09.1916 г.	4003	241	6,02%	8523	187	2,19%
1.01.1917 г.	5590	200	3,58%	8574	207	2,41%
1.05.1917 г.	7111	200	2,81%	8912	206	2,31%
1.09.1917 г.	7129	210	2,95%	8877	135	1,52%
1.01.1918 г.	7747	222	2,87%	9144	180	1,97%

4. *Регулярное употребление в плену непривычной пищи*, в первую очередь, — ржаного хлеба, приводящего, в лучшем случае, к желудочно-кишечным расстройствам.

5. *Недостаточный уровень санитарного обеспечения и противоэпидемиологических мероприятий* в местах расквартирования. К примеру, И.Э. Зубаров и Б.И. Ниманов одновременно приводят в своих диссертационных работах вопиющий факт того, что из 399 турецких военнопленных, прибывших 10 января 1915 г. в г. Алатырь Симбирской губ., уже к началу февраля погибло 160 чел., а еще 89 числилось больными (главным образом различными видами тифа и дизентерией)². Правда, с другой стороны, данный случай скорее всего представляет собой эксцесс. На это указывает и приказ Командующего войсками Казанского военного

¹ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 1–4.

² Зубаров И.Э. Деятельность Коллегии по делам военнопленных и беженцев Симбирской губернии в 1914–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза: НИИ гуманитар. наук, 2006. – С. 22–23; Ниманов Б.И. Указ. соч. – С. 80–81.

округа от 24 января 1915 г. № 76, в котором Алатырскому уездному воинскому начальнику был объявлен «выговор» «за непринятие должных мер по размещению и устройству прибывших в Алатырь партий военнопленных турок»¹.

Впрочем, справедливости ради надо признать, что недостаточный уровень санитарного обеспечения зачастую усугубляли сами же турки. Например, 5 апреля 1918 г. глава Тамбовского уездпленбежа в своем докладе о приеме военнопленных сообщал в губпленбеж (стилистика оригинала сохранена): «В самом ужасном состоянии находились и находятся турки, которые, несмотря на некоторую обеспеченность в материальном и продовольственном отношениях мусульманским комитетом, люди эти от своей природной неряшливости и болезней, происходящих от разницы климата, совершенно не следят за собой, потому и находятся в болезненном состоянии»².

6. *Относительно позднее начало (сентябрь 1917 г.) обмена с Турцией пленными, признанными негодными к дальнейшей военной службе вследствие тяжелой болезни, увечья и т.п.* Кроме того, сам процесс такого обмена развивался крайне медленно, в результате чего до 1 января 1918 г. из России было репатриировано всего 277 турецких инвалидов³. Наряду с этим, во второй половине 1916 г. в одном только лагере военнопленных Ачинского гарнизона (Енисейская губ.) скончалось, так и не дождавшись возвращения на родину, 67 инвалидов, в т.ч. 55 — от туберкулеза легких, 2 — от плеврита, 2 — от дизентерии, 1 — от нефрита, 1 — от порока сердца, 1 — от воспаления мозга и т.д.⁴ Возможно, что какие-либо сходные диагнозы были поставлены и тем пяти турецким военнопленным, которые, находясь в распоряжении Новосильского уездного воинского начальника (Орловская губ.), были госпитализированы 6 июля 1917 г. и оставались на больничной койке, по меньшей мере, до конца июля 1918 г., т.е. на протяжении свыше года⁵.

7. *Использование труда турок преимущественно на тяжелых физических работах* (см. Главу 5).

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 22. Л. 635.

² ГАТО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.

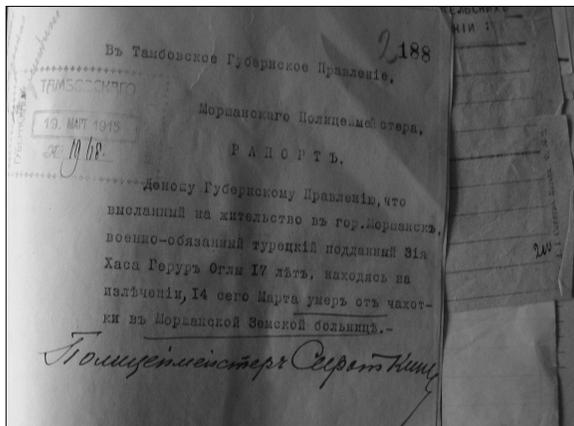
³ ЦГА СПб. Ф. Р-5876. Оп. 1. Д. 35. Л. 864, 867.

⁴ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 3245. Л. 22.

⁵ ГАОО. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1. Л. 134; Д. 2. Л. 200.

8. Уже отмечаемое выше наличие среди турецких военнопленных большого числа лиц старших возрастных групп, что, в сочетании с невзгодами плена, ускоряло наступление их естественной смерти. Так, из 19 турецких рыбаков в возрасте от 55 до 85 лет, захваченных в январе 1916 г. в акватории Черного моря и признанных военнопленными, к апрелю 1917 г. в живых оставалось лишь 13 чел.¹ 23 декабря 1917 г. в Туапсинском тыловом продовольственном магазине Кавказского фронта умер от сердечного приступа работавший там пленный Фегин Омер, 58 лет².

9. Убийство (причинение смерти) в силу различных причин, в т. ч. при конвоировании в ближнем тылу армии (см. Главу 3), вследствие самосуда, в целях пресечения побега и т. п. К примеру, в ночь на 30 октября 1917 г. в 29-м Кавказском рабочем батальоне при покушении на побег был застрелен часовым военнопленный Ахмет оглы Осмин. 20 декабря 1917 г. у работавшего на Меджинкертском складе топлива Кавказского фронта военнопленного Абрахмана Ибрагима оглы были обнаружены вещи, ранее похищенные у российских солдат, служивших на том же складе, а также около 16 кг сахара. Турки были причинены побои, от которых он на следующий день скончался³.

Рапорт о смерти турецкого гражданского пленного.

ГАТО. Ф. 2. Оп. 143. Д. 489. Л. 188

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 955. Л. 5.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1161. Л. 217.

³ Там же. Л. 227, 230.

Тела скончавшихся турок обычно передавались для погребения их соотечественникам (трупы умерших в госпиталях предварительно направлялись в часовню лечебного учреждения¹). Что касается имущества покойных, то согласно п. 2 ст. 20 Положения о военнопленных, таковое подлежало передаче в ЦСБ, где должно было храниться до конца войны, поскольку Петрограду и Стамбулу не удалось достичь соглашения о взаимной пересылке наследства. Конечно, данное требование вряд ли реализовывалось повсеместно. Однако там, где российские военные и гражданские власти руководствовались приведенной нормой, она выполнялось довольно скрупулезно. Например, 15 ноября 1914 г. комендант с. Сарыкамыш писал Начальнику штаба КВО: «военнопленный рядовой 2-й роты 83-го полка Абдула Мустафа оглы, раненый в грудь и принятый от коменданта с. Сонамер <...>, 11 ноября умер от ран. После покойного остались 2 турецкие монеты достоинством по 1 меджидие, которые и представляю на усмотрение»². В свою очередь, 19 сентября 1915 г. штаб Кавказской армии направил в МИД «9 руб. 21 коп. русскими деньгами и 65 пиастров турецкими деньгами, принадлежащих умершим в лагере военнопленных в с. Амамлы турецким нижним чинам», ходатайствуя «о доставлении этих денег законным наследникам умерших через посредство представителей какой-либо из нейтральных держав в Константинополе»³. В качестве еще одного примера можно сослаться на «жандармский протокол о смерти от 28 декабря 1916 г.». Как следует из названного документа, в этот день в железнодорожной больнице г. Петровска скончался турецкий пленный Мустафа Осман оглы, занятый на строительстве Армавир-Туапсинской железной дороги. После смерти пленника «остались вещи: 1 пара кожаных чувак, 1 рубаха, 1 кальсоны, 1 блуза, 1 шапка, 1 штаны, поясной ремень и вязаная сумочка, в коей находились 62 коп. денег и медный значок. Вещи все оказались старые и рваные, которые после дезинфекции были розданы военнопленным туркам, а сумочка с 62 коп. была врачом передана мне, которую при сем и прилагаю»⁴.

Что же касается вопроса ухода за местами захоронения умерших в плену турок, то здесь нам трудно сказать что-либо оптимистическое. Правда, 9 апреля 1919 г. Воронежский губпленебеж направлял уездпленебжам губернии срочную циркулярную телеграмму

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-5876. Оп. 2. Д. 62. Л. 1–2.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 147.

³ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 4631. Л. 3.

⁴ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 1555. Л. 110.

следующего содержания: «Ввиду наступления весеннего времени административный отдел губернской коллегии <...> долгом считает напомнить Вам, чтобы Вы озаботились принятием надлежащих мер к приведению в порядок могил б [ывших]. вражеских пленных, умерших [в] пределах уезда»¹... Однако правда и то, что выше процитирован единственный документ такого рода, который нам удалось обнаружить за годы работы в отечественных архивах.

Что же касается уровней заболеваемости и смертности гражданских пленных, то, вероятно, они отличалась от всего изложенного разве что более низкими количественными показателями. К примеру, из 89 турок, интернированных в Лебедянский уезд Тамбовской губ., к исходу августа 1915 г., т.е. через 10 мес., умерло трое (3,4%)². В свою очередь, во всей Ярославской губ. к началу 1916 г. из 814 «водворенных» скончались 22 (2,7%)³. Однако объективно оценить данный вопрос довольно сложно ввиду ограниченности источниковой базы и практически полного отсутствия достоверных сведений о заболеваемости и смертности среди военнопленных.

¹ ГАВоронЮ. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

² ГАТО. Ф. 2. Оп. 143. Д. 489. Л. 193–205.

³ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 85.

Глава девятая

Смягчение режима содержания. Освобождение из плена. Репатриация. Натурализация.

1. *Смягчение режима содержания*, как правило, имело своей целью сокращение расходов казны, являлось следствием признания пленника не представляющим серьезной угрозы для безопасности страны и реализовывалось, применительно к подданным Оттоманской империи, в одной из следующих четырех форм:

а) возвращение военнообязанных из пунктов интернирования на прежние места жительства в России;

б) передача военнопленных из числа «мирных жителей» от военного ведомства органам Министерства внутренних дел;

в) освобождение военнопленных армян от содержания под стражей с переводом их в категорию «трудообязанных»;

г) передача военнопленных армян на поруки лицам, «заслуживающим доверия».

Непосредственно к перечисленному примыкала и такая форма изменения режима, *как взаимное интернирование военнопленных в нейтральные страны*. Однако, как уже говорилось ранее, Российская и Оттоманская империи такую возможность не реализовали, хотя и вели на рубеже 1916–1917 гг. переговоры о размещении равного количества больных и раненых русских и турок в Швейцарии, а здоровых — в Дании и Норвегии. Переговоры эти Петроград и Стамбул традиционно затянули, а их союзники тем временем оперативно распределили между собой все квоты, предоставленные нейтральными государствами для военнопленных воюющих держав¹.

Переходя к более детальному анализу названных выше форм, отметим следующее.

1. *Возвращение военнообязанных из пунктов интернирования на прежние места жительства в России* практиковалось на протяжении всей войны, но, преимущественно, на ее начальном этапе, когда факты необоснованного или недостаточно обоснованного перемещения турецких подданных в глубь страны выявлялись особенно часто. Например, из 814 турок, водворенных с началом войны

¹ РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1969. Л. 1–19; Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1542. Л. 1–17; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 45. Л. 128; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 4650. Л. 41.

в Ярославскую губернию, 14 чел. были возвращены на прежние места жительства уже до конца 1915 г.¹

Реализовывалась данная мера, как правило, на основании личного ходатайства военнообязанного, одобренного главами губерний (интернирования и той, в которую намеревался вернуться пленный), а затем согласованного либо со штабом соответствующего военного округа (если регион не относился к ТВД), либо с Главкомандующим армиями фронта (если регион считался прифронтовым). В отдельных случаях за пленных могли хлопотать и общественные организации. Например, в 1916 г. Председатель комитета чеченского народа ходатайствовал перед Министром внутренних дел о возвращении из г. Пошехонье на Кавказ двух турецких арабов из Мекки².

После Февральской революции данный процесс во многом активизировался. Например, весной и летом 1917 г. шла переписка о возвращении к прежним местам жительства турецких подданных-лазов и представителей иных национальностей³. Однако наибольшие масштабы приобрело движение за возврат в Таврическую губернию крымских татар. На этом настаивали и земства, и уездные комиссары, и сам глава региона, аргументирующие свои требования нехваткой в губернии рабочих рук, а также ссылками на благонадежность татар и их высокие профессиональные качества как ремесленников и земледельцев. В итоге ГУГШ 17 июня 1917 г. разрешил вернуться на постоянные места жительства «турецким подданным татарам, коренным жителям Крыма, преданность которых России вне всякого сомнения»⁴.

2. *Передача МВД военнопленных из числа «мирных жителей»* с одновременным переводом этих людей на положение гражданских пленных практиковалась примерно с середины 1916 г. и детерминировалась, помимо соображений законности и гуманности, стремлением освободить военное ведомство от лиц, являвшихся для него очевидной «обузой».

Распространялась эта мера на всех женщин, а также мужчин в возрасте до 14 лет и старше 50 лет⁵. К примеру, среди 84-х турецких военнопленных, переданных командованием ПриамВО органам МВД в сентябре-октябре 1916 г., числилось 73 мужчины в возрасте от 50 до 80 лет, 10 детей до 14 лет и одна женщина. При этом

¹ ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 659. Л. 85.

² ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 404. Л. 18.

³ Там же. Л. 29.

⁴ Там же. Л. 2 – 3, 8 и об., 42.

⁵ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 259.

Военный губернатор Приморской области предписывал Хабаровскому полицмейстеру по приему этих людей от военных властей «оставить их в настоящем месте жительства, установить над ними полицейский надзор, не допуская никаких отлучек в другие места»¹.

Хотя формально мы рассматриваем данную меру как смягчение режима содержания пленников, для самих турок, по справедливому замечанию Т.Я. Иконниковой, освобождение из лагерей, «где за почти два года сложились определенные бытовые условия, было обеспечено сносное проживание и питание, не являлось столь желанным, как можно было бы предположить. Например, в рапорте Никольск-Уссурийского уездного (воинского — В.П.) начальника говорилось, что 5 октября 1916 г. к нему явились 18 чел., бывших военнопленных турок, определенных к проживанию на свободе под надзором полиции. Они просили “дать им помещение для ночлега и пищу, т.к. они по старости и незнанию русского языка не могут найти себе ни работы, ни квартиры”. Все, что мог сделать для этих несчастных уездный (воинский — В.П.) начальник, это поместить их в арестантском доме и выдавать по 21 коп. в день»². Со своей стороны добавим к сказанному, что не в лучшем положении оказалось и 13 турок в возрасте от 55 до 85 лет, освобожденных из-под стражи в таком же порядке и затем проживавших около года под надзором полиции в Томске. В апреле 1917 г. эти люди писали, обращаясь в органы городской власти: «живем мы хотя и свободно, но ниоткуда и ничего ни на одежду, ни на пропитание не получаем. Между тем все мы бедняки и вследствие наших преклонных лет тяжелой работы нести не можем, а легкой не находится, из-за чего нам приходится остаться нагими, босыми и голодными»³.

Впрочем, передача МВД лиц названных категорий происходила, судя по всему, далеко не всегда и не повсеместно. К примеру, на 1 ноября 1916 г. в составе военнопленных, расквартированных в г. Валуйки Воронежской губ., числились «мирные жители» Хамза Хасан, 52 лет и Шереф Мемед, 60 лет⁴.

Небезынтересно также отметить, что в пределах КВО рассматриваемый процесс, по воле Наместника, начался значительно раньше и протекал по каким-то своим законам. Так, уже в начале 1915 г. отдельные аскеры-армяне, дезертировавшие из оттоманской армии,

¹ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 5. Л. 25, 50; Д. 9. Л. 259.

² Иконникова Т.Я. Указ. соч. — С. 129.

³ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 955. Л. 5.

⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 112. Л. 97–99.

передавались (по распоряжению Наместника) Тифлисскому полицмейстеру для их последующего освобождения. В частности, в марте-апреле 1915 г. таким путем обрели свободу Мартирос Оганесянц, Алаверди Сафарьянц, Баргес Мурадов и др.¹

3. Вопрос о *смягчении режима содержания военнопленных армян* неоднократно поднимался на протяжении всей войны и самими пленными, и многочисленными армянскими организациями России. Однако, как уже говорилось ранее, военным ведомством все ходатайства такого рода длительное время просто игнорировались. И лишь в декабре 1916 г. ГУГШ впервые проявил к ним интерес, затребовав из округов списки турецких военнослужащих армян, желающих вернуться на родину, в регионы Турции, находящиеся под русским контролем².

Падение самодержавия в России придало этому процессу новый импульс. Уже 24 февраля 1917 г. группа аскеров-армян, содержащихся в одном из лагерей ПриамВО, обратилась к Командующему округом с просьбой разрешить им посещение церкви без сопровождающих, а также «беспрепятственно и без проводников ходить на ежедневные заработки и возвращаться по вечерам в казармы», мотивируя это тем, что «мы, перестрадавшие от турецкого ига <...> силою поставлены в ряды турецких войск <...> поэтому смотреть на нас как на военнопленных грешно и нашему сердцу больно, ибо мы считаем Россию своей второю родиной»³. Сходная, в целом, аргументация использовалась и многими армянскими организациями, тогда же поставившими перед Временным правительством вопрос о полном освобождении «их братьев военнопленных армян как сторонников России <...> которые, не желая сражаться с русскими войсками, сдались в плен»⁴.

На сей раз такие ходатайства не только не встретили возражений, но и привели в конечном итоге к появлению проекта «Правил об освобождении из плена военнопленных турецких армян», выработанного аппаратом Комиссара Временного правительства по делам Кавказа в Петрограде совместно с военным ведомством и представленного на рассмотрение Правительства 26 августа 1917 г. Документ этот, в целом, ничем не отличался от разработанных несколько ранее «Правил об освобождении из плена славян», а его основные положения сводились к следующему:

¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 2. Д. 475. Л. 131, 140.

² Там же. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 5–6, 145.

³ Там же. Л. 139.

⁴ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6486. Л. 1, 4–6.

— «военнопленные армяне, доказавшие свою преданность России и возбудившие ходатайство об освобождении из плена с целью принять участие во время настоящей войны в общей работе — освобождаются из плена с перечислением в разряд трудообязанных» и направляются в распоряжение «Главного начальника снабжения Кавказской армии, для привлечения к работам общегосударственного значения»;

— пленные освобождаются приказом Военного министра под поручительство Московского армянского комитета;

— военнопленные остаются на учете военного ведомства;

— совершенные «трудообязанными» преступления подсудны не военному, а гражданскому суду¹.

Хотя в рассматриваемых «Правилах» и содержится термин «освобождение из плена», мы полагаем, что последний использовался в данном документе скорее в фигуральном смысле, т.к. в лучшем случае здесь можно говорить разве что о некоей «льготе» в виде смягчения режима содержания, но никак не об «освобождении из плена» в подлинном значении этого слова.

Впрочем, названные Правила не сыграли даже той скромной роли, которая на них возлагалась, поскольку до свержения Временного правительства так и не вступили в силу. Отчасти потому, что власти искусственно «оттянули» решение данного вопроса, полагая необходимым «освободить» в первую очередь славян² — как по причинам «политического характера, так и в силу «той исключительно доблестной работы чехословацких частей, которое дает им преимущественное право перед армянами на освобождение из плена»³. Отчасти это произошло из-за затянувшегося процесса согласования Правил, ибо документ должен был получить одобрение Военного министра, Комиссара Временного правительства по делам Кавказа в Петрограде, Генерал-комиссара Турецкой Армении, Кавказского краевого совета Политуправления Военного министерства, самого названного Управления и т.д. Правда, 13 декабря 1917 г. ГУГШ направил в округа телеграмму, предписывающую «ввиду растущей

¹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 405. Л. 1; Д. 529. Л. 2–4, 7–8; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6486. Л. 3.

² Льготы для военнопленных чехов, словаков и поляков были утверждены Военным министром 30 июня 1917 г. В сентябре того же года их распространили на пленных русин, румын, итальянцев, эльзасцев, а также сербов и всех южных славян. Правда, касались они преимущественно тех лиц, которые выразили согласие вступить добровольцами в союзные армии (РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 706. Л. 31.).

³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 405. Л. 40; Д. 435. Л. 1, 4.

безработицы и тяжелого положения продовольственного вопроса [во] многих губерниях Европейской и Азиатской России <...> срочно заменить пленных армян в предприятиях безработными русскими гражданами, отослать армян [в] распоряжение Главного начальника снабжения Кавармии»¹. Однако ввиду известных событий, имевших место в России на рубеже 1917–1918 гг., особенно на юге страны, выполнить это требование округам удалось лишь частично². А 23 мая 1918 г. Центропланбеж вообще вынужден был сообщить подведомственным ему учреждениям, что распоряжение ГУГШ от 13 декабря 1917 г. об отправке всех военнопленных армян в пределы КВО надлежит считать в настоящее время приостановленным»³.

Полной противоположностью изложенному стала позиция российских властей по отношению к военнопленным из числа турецких греков. Несмотря на то, что о предоставлении этим лицам льгот ходатайствовало и командование КВО, и даже посланник Греции в Петрограде, ГУГШ 30 сентября 1917 г. изложил свой взгляд на просьбу дипломатического представителя этой союзной России страны следующим образом: «предоставление особых льгот военнопленным греческой национальности не признано возможным по следующим соображениям: льготы у нас установлены для военнопленных чехословаков за их доблестную боевую работу; для добровольцев из эльзасцев, итальянцев и румын, и наконец для поляков — из политических и военных соображений. Наличия же упомянутых обстоятельств в вопросе о греческих военнопленных в данный момент нельзя усмотреть»⁴.

4. *Передача военнопленного на поруки* в годы Первой мировой войны применялась в России крайне избирательно и лишь в отношении некоторых категорий славян. Тем не менее, нам известен, по крайней мере, один факт передачи на поруки пленного турецкого армянина, причем на основании... «Правил, устанавливающих особые льготы для военнопленных поляков». Если говорить конкретнее, то летом 1917 г. в Хабаровске владелец «Восточной кофейной мастерской» турецкий подданный О. А. Шишманянец принял на поруки своего племянника — военнопленного А. Г. Шишманянца, с обязательством трудоустроить последнего в принадлежащую ему «Мастерскую» на должность помощника. При этом пленником была

¹ РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 706. Л. 34; ГАРО. Ф. 212. Оп. 2. Д. 76. Св. 10. Л. 466.

² РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 162–163, 169.

³ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 559. Л. 2–3.

⁴ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1152. Л. 196; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6509. Л. 1, 4.

дана подписка о непобеге и невыезде из Хабаровска, а поручителем — соответствующая порука¹.

II. *Освобождение турок из русского плена* в период 1914–1917 гг. могло быть реализовано в одной из следующих четырех форм:

а) водворение «пленного» на постоянное место жительства в России в результате признания его российским подданным;

б) реэвакуация турка на территорию Османской империи вследствие установления того факта, что его пленение противоречило закону;

в) предоставление пленному убежища на территории России ввиду признания его беженцем;

г) индивидуальный и групповой обмен пленными.

К перечисленным формам непосредственно примыкала и такая, как *предоставление военнопленным права свободного выезда за пределы России*, тем более, что ходатайства турок об этом начали поступать в департамент полиции уже с конца 1914 г. Характерно, что на соответствующий запрос МВД Юрисконсультская часть МИД дала 6 апреля 1915 г. следующий ответ: «в действующих правилах не содержится постановления, в силу коего надлежало бы задерживать в России турецких подданных, не принадлежащих к числу военнообязанных <...>. Однако ввиду того, что в данном вопросе имеют преобладающее значение соображения военного характера, следовало бы быть осведомленным о мнении военного ведомства, т.е. прежде всего штаба Верховного главнокомандующего». Мнение военного ведомства выразил Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич. Учитывая некоторые особенности личности названного лица, мнение это оказалось вполне предсказуемым: генерал не увидел «достаточных оснований для разрешения выезда за границу задержанным в России турецким подданным как призывного, так и не призывного возрастов»².

Возвращаясь к более детальному анализу перечисленных выше форм освобождения турок из плена, отметим следующее.

1. *Признание пленника российским подданным* в подавляющем большинстве случаев касалось этнических турок, проживавших в Карской обл. и «попадавших в плен» на протяжении всей войны, но особенно часто на ее начальном этапе. При этом причины «пленения» могли быть самыми различными. Так, Мустафа Дорсун находился в 1915 г. «на сапожных работах» в областном центре, где

¹ РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 536. Л. 10; РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9 Д. 9. Л. 241–242, 244.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6389. Л. 5–6, 8, 11.

у него, по его собственным словам, «были отняты русскими пьяными солдатами вид на жительство и деньги. При проверке населения Карса его, как не имеющего документов и не владеющего русским языком, ошибочно сочли турецким подданным и отправили с эшелоном военнопленных в с. Спасское на Дальний Восток»¹. К сожалению, проследить дальнейшую судьбу этого человека не представилось для нас возможным. Однако известно, к примеру, что 22 ноября 1916 г. другой турок — Маан Дада оглы, был «освобожден из числа военнопленных Шкотовского отряда и <...> передан в распоряжение пристава Сучанского стана для водворения его на жительство по месту приписки в Карской обл.»².

О том, что такого рода случаи были далеко не единичны, говорят следующие факты: в августе-октябре 1916 г. Военный губернатор Карской обл., совместно с ГУГШ, искали в округах Внутреннего района 11 русско-подданных турок в целях их последующего освобождения; в мае 1917 г. в пос. Раздольное Приморской обл. своего возвращения на родину ожидали сразу 16 жителей Карской области; в феврале 1916 г. в АО Каменноугольных копей в с. Побединка Рязанской губ. были уволены с работ «военнообязанные турецкого происхождения Карской области, как признанные русскими подданными»; в апреле 1917 г. ГУГШ распорядился освободить и направить на родину группу турок — российских подданных, «ошибочно зачисленных в число турецких военнопленных и отправленных в качестве таковых на работы по постройке Мурманской железной дороги»³.

2. Такая форма освобождения, как *признание турецкого подданного не подлежащим плену с последующей его реэвакуацией* на территорию Оттоманской империи, детерминировалась установлением того факта, что данное лицо не может быть признано пленным либо в силу своих половозрастных и (или) этноконфессиональных характеристик, либо по иным причинам, дающим основания считать его «пленение» неправомерным.

При этом освобождение турок в силу несоответствия их половозрастных и (или) этноконфессиональных признаков установленным законом критериям наиболее широко применялось командованием Черноморского флота, особенно на начальных этапах войны (см. Главу 2). Впрочем, на ее заключительных этапах оно тоже не игно-

¹ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 37. Л. 50.

² Там же. Д. 5. Л. 103.

³ РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 535. Л. 149; РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 1–2, 210; Ф. 2000. Оп. 9. Д. 70. Л. 79.

рировалось. К примеру, 24 ноября 1916 г. представитель МИД при штабе Командующего флотом писал Ялтинскому уездному воинскому начальнику: «прилагая у сего список пленных турок сообщаю <...>, что Али Мехмед Муртоза оглы 80 лет, его жена Фатима Мустафа кызы 70 лет, неизлечимо больной Измаил оглы 39 лет, его жена Вахиде Али Муртоза кызы 35 лет с детьми надлежит передать в полицию для отправления их на родину в Сюрмене недалеко от Трапезунда (Сюрмене занято нашими войсками), так как названные лица не могут считаться военнопленными»¹. Хотя и значительно реже, но данное основание освобождения турок использовало и командование Кавказской армией. Так, в декабре 1914 г. по распоряжению Наместника турецкой стороне была передана группа чиновников занятого русскими г. Баязета, поскольку люди эти не подлежали призыву в вооруженные силы по возрасту и (или) состоянию здоровья².

Освобождение турецкого подданного вследствие признания самого факта его пленения незаконным распространялось исключительно на гражданских лиц, проживавших на оккупированных русскими территориях Османской империи, о которых нами подробно говорилось в Главе 2 настоящей работы. К примеру, 9 ноября 1917 г. Исмаил Кодаль оглы был освобожден из лагеря военнопленных на о. Нарген и «отправлен к начальнику Бакинской городской полиции для водворения на место его жительства» в с. Кагана Эрзерумского вилайета³. В документах Архивного фонда РФ можно обнаружить и иные факты подобного освобождения турок из плена. Однако в целом, надо признать, что оно не получило широкого распространения, поскольку командование Кавказской армией вообще не слишком приветствовало «возвращение жителей в занятые нами районы Турции»⁴.

3. Еще меньшее распространение имело *предоставление пленному статуса беженца*. Во всяком случае, нам известен лишь один факт такого рода, когда в сентябре 1916 г., при содействии Севастопольского греческого благотворительного общества, названный статус обрели пассажир захваченного в Черном море турецкого судна «православного вероисповедания греческой национальности Ставро Трифон» и члены его семьи⁵.

¹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 528. Л. 35.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 466. Л. 37; Д. 506. Л. 51.

³ Там же. Д. 1161. Л. 222.

⁴ Там же. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 149, 152, 158; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6453. Л. 2.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 3. Д. 523. Л. 15.

4. Обмен пленными между Россией и Турцией может быть дифференцирован по кругу субъектов на обмен:

- врачами и санитарным персоналом;
- военнопленными, признанными негодными к дальнейшей военной службе (инвалидами);
- иными лицами, включая гражданских пленнх.

Если начинать с последних, то можно отметить, что уже в декабре 1914 г. ГМШ был инициирован вопрос об обмене экипажей задержанных в Турции в самом начале войны пароходов РОПиТ «Королева Ольга» и «Великий князь Александр» «на соответствующие турецкие команды, находящиеся в плену в России». Предложение это получило поддержку со стороны МИД и обсуждалось, как минимум, до марта 1917 г. Правда, обсуждалось оно почему-то со значительными перерывами и, похоже, ... втайне от Порты, т.е. исключительно в пределах петроградских кабинетов, что, естественно, и предопределило отсутствие каких-либо результатов¹.

Еще одна попытка обмена здоровыми пленными относится к августу-октябрю 1915 г., когда российские власти получили сведения о том, что из 30 русских офицеров, содержавшихся турками в г. Сивасе, за полгода пребывания в плену половина погибла от тифа, а оставшиеся «усердно просят об их обмене». На этот раз вопрос решался с редкой оперативностью. Верховный Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич сразу же дал разрешение обменять «в виде исключения» указанных лиц «на равное число офицеров турецкой армии, взятых нами в плен». Дипломаты США выразили готовность стать посредниками в обмене. Однако Стамбул в октябре 1915 г. отклонил соответствующее предложение как «неприемлемое»². Правда, уже через несколько месяцев сами турки выступили с практически такой же, но куда более масштабной инициативой: заключить соглашение об обмене равным количеством здоровых офицеров и нижних чинов. Но теперь отказом ответила Россия, считающая, что вчерашние турецкие пленные будут отправлены для дальнейшего прохождения службы на Кавказ и оттоманская армия получит «прекрасный элемент для усиления ее»³.

Не более удачно развивался обмен пленными и тогда, когда обе стороны, казалось бы, признавали его желательным. Например, в начале 1917 г. Россия пыталась «выменять» у Порты группу

¹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2022. Л. 109–111, 120; Д. 2323. Л. 1, 11.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 5971. Л. 1–2, 6, 15.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 45. Л. 3, 9, 16об.; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 4650. Л. 16.

служащих Палестинского общества (в т.ч. 8 женщин) и магистранта Петроградского университета «на находящихся в русском плену турецких подданных соответствующего общественного положения». Камнем преткновения стало то, что подобрать среди турок, особенно женщин, лиц «соответствующего общественного положения», оказалось далеко не просто. Вплоть до Октября 1917 г. вопрос этот решить так и не удалось, и дальнейшая переписка по нему нами не выявлена¹.

Отдельного внимания заслуживают переговоры о персональном (личном) обмене пленными. Так, в августе 1916 г. русский летчик штабс-капитан М. А. Шейх-Ашири возбудил ходатайство об обмене его отца, капитана 1 ранга А. М. Шейх-Ашири, находящегося в турецком плену с октября 1914 г. Ходатайство это было поддержано и Наместником, и ГУГШ. К маю 1917 г. в МВО удалось даже подобрать несколько кандидатур пленных турецких офицеров, на которых можно было бы обменивать А. М. Шейх-Ашири, но похоже, что и этот обмен не состоялся².

Несколько более результативным оказался персональный обмен пленными врачами. Как уже упоминалось в Главе 1 настоящей работы, в феврале 1917 г., после многомесячных переговоров, сторонам удалось обменять врача В. А. Алешина на его коллегу Гассана Джавид бей бин Мухаррем Касима. В декабре 1917 г., в обмен еще на двух русских врачей, турецкой стороне были переданы врач 17-го (артиллерийского? — В.Л.) дивизиона Абдул Раиф и врач 68 пехотного полка Ахмед Хаки³.

На этом реальные русско-турецкие успехи в обмене лицами врачебного и санитарного персонала, по существу, и закончились. Что же касается причин столь низкой результативности, то мы относим к их числу следующие:

1) Пассивность Стамбула и Петрограда. Военные ведомства обеих держав только в августе 1915 г. заинтересовались судьбами армейских врачей, да и то лишь потому, что пленные турецкие врачи сами заявили ходатайство о своем обмене⁴. Правда, в мае 1916 г. Главное управление российского Генштаба первым приступило к проработке вопроса об обмене с Турцией всеми лицами медико-санитарного

¹ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 533. Л. 4, 22, 61.

² АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 6483. Л. 10, 21.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 10. Л. 4–5, 20, 33; ЦГА СПб. Ф. Р-5876. Оп. 1. Д. 35. Л. 731, 745.

⁴ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 5190. Л. 7.

персонала. Однако сделало оно это отнюдь не по собственному почину, а по инициативе МИД¹.

2) Обмен затрудняло несоответствие в численности пленных. Если в России к июлю 1916 г. находилось 43 турецких врача, а также 49 фельдшеров и санитаров, то в Турции — лишь 3 русских врача и 15 фельдшеров и санитаров². Такое соотношение позволяло Петрограду настаивать «на принципе обмена равным числом каждой категории медперсонала», тогда как Порта желала бы обменять «двух русских врачей на трех турецких». По той же причине турки соглашались на обмен лишь с условием, что им будут возвращены два врача, известные как специалисты высокого уровня: подполковник Тахсин бей бин Мехмед и майор Измаила Эфенди бин Али, хотя в русском плену названные офицеры вообще никогда не числились³.

3) Стороны лишь к маю 1917 г. достигли соглашения об обмене равным числом фельдшеров и санитаров (по 4 чел. и 11 чел. соответственно), выполнение которого к тому же по ряду причин затянулось. Например, 9 турецких санитаров, работавших в лагере военнопленных на о. Нарген и определенных к обмену, убыли из Баку в Петроград только 13 октября 1917 г. Причем в столице эти люди бесцельно находились еще полгода, вплоть до заключения Брестского мира⁴. (Небезынтересно отметить, что в ходе подготовки к обмену медицинском персоналом российские власти впервые прибегли к опросу армян на предмет, «желают ли они быть отправлены в Турцию»⁵).

Наконец, что касается обмена инвалидами, то, в первую очередь, заметим, что объем понятия «инвалид» (а равно и список увечий, «дающих право на включение военнопленных [в] число отправляемых на родину калек») ГУГШ концептуально определил своим циркуляром от 30 ноября 1915 г., согласно которому «обмену подлежат все тяжелораненые и больные, увечья и болезни коих делают их длительно или навсегда неспособными [к] строевой службе, а офицеров и унтер-офицеров также негодными [к] обучению молодых солдат и канцелярской службе»⁶. Переговоры об обмене пленными

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 10. Л. 8–9, 12–19, 24–25.

² Там же. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 10. Л. 1–3, 8–9, 12–19, 24–25; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 5190. Л. 26, 28–29, 35–39.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 10. Л. 6; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 5190. Л. 10, 17.

⁴ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1161. Л. 219; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 5190. Л. 2, 3, 35, 39, 44; ЦГА СПб. Ф. Р-5876. Оп. 1. Д. 35. Л. 826; Оп. 2. Д. 36. Л. 159.

⁵ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 5190. Л. 35.

⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 45. Л. 1–2.

названной категории были начаты Россией и Турцией не позднее февраля 1916 г. и заняли в общей сложности около года. При этом за указанный период сторонами были решены следующие вопросы:

– Определено, что обмен должен производиться по железной дороге через Швецию (маршрут через акваторию Черного моря обсуждался, но был признан небезопасным); при этом предполагалось, что на территории России инвалиды будут сосредотачиваться в специальных пунктах каждого военного округа, откуда направляться сначала в 10-й сводный эвакогоспиталь (г. Москва), а затем в Петроград (в 108-й и 109-й сводные эвакогоспитали и 276-й городской лазарет) и далее в Швецию.

– Утвержден перечень заболеваний, дающих право на реэвакуацию (предложенный, кстати, турецкой стороной, но, в целом, совпадающий с тем, который был принят для обмена с иными Центральными державами).

– Установлено, что обмену подлежат «все инвалиды, независимо от их числа и от числа предназначенных к обмену другою стороною, когда инвалидность их соответствует признакам принятого перечня болезней».

– Получено принципиальное согласие правительств Австро-Венгрии, Германии и Швеции на обмен инвалидами между Россией и Турцией «при условии, однако, чтобы перевозка этих инвалидов не требовала увеличения числа санитарных поездов, ныне находящихся в движении»; иными словами, в санитарном поезде, рассчитанном обычно на 200–230 чел., инвалид-турок мог оказаться лишь в том случае, если в нем оставались свободные места, не занятые инвалидами австро-венгерской и германской армий.

– Порядок и условия обмена получили одобрение со стороны ГУГШ, Наместника на Кавказе, Главного Управления РОКК, Комитета РОКК по обмену и эвакуации военнопленных калек, а также Комиссии Военного министерства по наблюдению за эвакуацией инвалидов.

– Произведен обмен с Турцией списками инвалидов, подлежащих реэвакуации; при этом российский список в своем окончательном виде включал в себя 459 военнослужащих оттоманской армии, в т. ч. 8 офицеров¹.

К последнему необходимо добавить, что попасть в список удалось, конечно же, далеко не всем желающим. Так, в отношении капитана Эдхема Шевки бея было признано, что он «страдает не-

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 45. Л. 10, 46, 86, 126, 140, 188, 191; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 4650. Л. 2, 35, 38, 59.

значительными временными перебоями сердца, но к продолжению военной службы вполне годен»¹. Кроме того, указанный список неоднократно уточнялся, как до, так и после его передачи турецкой стороне. Например, известно, что к октябрю 1916 г. из одного лишь КВО предполагалось реэвакуировать на родину 476 турецких инвалидов. По другим данным, к марту 1917 г. только в 10-м свободном эвакуогоспитале Москвы числилось около 600 инвалидов-турок, подлежащих обмену². Небезынтересно заметить, что отдельные инвалиды порой обращались к российскому командованию с довольно неожиданными просьбами. К примеру, в мае 1917 г. два аскера, находившиеся в 86-м эвакуогоспитале в Харькове, заявили, что они «ехать на родину не желают, а ходатайствуют об отправлении их на Кавказ в гор. Карс, где у них имеются родственники»³.

Но несмотря столь обстоятельную подготовку, процесс обмена развивался крайне сложно. Так, в самый разгар переговоров с Портой, в августе 1916 г., ГУГШ потребовал направить всех инвалидов стран Тройственного союза в Москву, где в течение месяца оказалось сосредоточено и до 200 турок. Но уже к 1 ноября 1916 г. выяснилось, что данное распоряжение «не касалось военнопленных, принадлежащих к составу турецкой армии, т.к. обмен инвалидами с Турцией в то время не происходил и до настоящего времени не начинался, а потому и сосредотачивать турецких инвалидов в Москве не было никакого основания»⁴. Поскольку люди эти лишь занимали место в 10-м эвакуогоспитале, то военное ведомство было вынуждено вернуть их в пункты постоянного расквартирования. В этой связи обращает на себя внимание телеграмма Начальника штаба МВО в ГУГШ от 17 ноября 1916 г.: «Подлежат отправке из Москвы в Красноярск 215 военнопленных инвалидов турармии. Прошу указания, можно ли отправку произвести санитарным поездом, не теплушками, в виду холода и тяжелой инвалидности отправляемых»⁵.

Однако едва османы успели вернуться в свои округа, как в январе 1917 г. их вновь стали сосредотачивать в Москве и Петрограде. И похоже, что опять преждевременно, ибо лишь 14 августа 1917 г. из России на родину убыл первый турецкий инвалид — лейтенант Осман Нури Мустафа, страдающий душевным расстройством. А более или

¹ АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 4650. Л. 69, 78.

² РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1152. Л. 226; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 4650. Л. 52.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 76. Л. 161.

⁴ Там же. Д. 45. Л. 122, 124.

⁵ Там же. Л. 88.

менее регулярный обмен начался только 26 сентября¹. Тем не менее, после названной даты процесс этот развивался хотя и неравномерно, но достаточно интенсивно, и, как можно видеть из данных Таблицы 41, доля турок в составе возвращаемых на родину инвалидов Центральных держав постоянно росла.

Таблица 41

Количество инвалидов-военнопленных Центральных держав, возвращенных на родину через 108-й эвакуогоспиталь г. Петрограда (с 6 октября 1917 г. по 6 января 1918 г.)²

Дата	Всего убыло военнопленных Центральных держав	Из них турок	Доля турок в общем числе убывших
На 6 октября 1917 г.	19 543	123	0,63 %
На 10 октября 1917 г.	19 723	178	0,90 %
На 14 октября 1917 г.	19 784	182	0,92 %
На 17 октября 1917 г.	19 900	215	1,08 %
На 25 октября 1917 г.	19 986	215	1,08 %
На 27 октября 1917 г.	20 000	215	1,08 %
На 3 ноября 1917 г.	20 105	215	1,07 %
На 5 декабря 1917 г.	21 357	262	1,23 %
На 29 декабря 1917 г.	21 456	277	1,29 %
На 6 января 1918 г.	21 481	278	1,29 %

К сказанному можно добавить, что помимо уже упомянутого душевного расстройтва, многие эвакуируемые страдали туберкулезом и трахомой. Большую группу составляли военнопленные с ампутациями. Но, в целом, в документах причины инвалидности указаны самые различные, например:

- Ахмет Хасан, старший лейтенант 31 артиллерийского полка, — «атрофия правой верхней конечности»;
- Ахмет Халил, прапорщик 61 пехотного полка, — «анкилоз правого коленного сустава»;
- Али Таир, рядовой 52 пехотного полка, — «ограничена подвижность левой стопы вследствие сокращения сухожилия после ранения»;
- Махмет Кязим, рядовой 61 пехотного полка, — «укорочение правой ноги после огнестрельного ранения» и т.д.³

Завершая рассмотрение данного вопроса, отметим, что 2 (15) декабря 1917 г. в Брест-Литовске был заключен Договор о перемирии между Россией, с одной стороны, и Болгарией, Германией, Австро-

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-5876. Оп. 1. Д. 35. Л. 33, 37, 317.

² Составлена по данным: ЦГА СПб. Ф. Р-5876. Оп. 1. Д. 35. Л. 395, 405, 422, 467об., 481об., 487об., 530об., 591, 864, 867, 913.

³ ЦГА СПб. Ф. Р-5876. Оп. 1. Д. 35. Л. 318, 782, 817.

Венгрией и Турцией, с другой. В тот же день названными сторонами было заключено т.н. Добавление к договору о перемирии, предусматривающее необходимость принятия мер «для быстрейшего урегулирования вопроса об обмене гражданских пленнх и инвалидов непосредственно через фронт», в первую очередь, «задержанных в течение войны женщин и детей до 14-летнего возраста»¹.

В развитие данного положения Россией и Турцией 18 (31) января 1918 г. было заключено «Соглашение о взаимном отпуске гражданских лиц», предусматривающее возвращение на родину обеими сторонами «в возможно скором времени» всех желающих репатрироваться: «лиц женского пола; лиц мужского пола моложе 16 лет и старше 45 лет; лиц мужского пола от 16 до 45 лет, которые вследствие болезни или повреждения негодны к военной службе», а также всех врачей и духовных лиц. Кроме того, 28 января (10 февраля) 1918 г. в Петрограде между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, было заключено «Соглашение о возвращении на родину раненых или больных военнопленных», предполагающее репатриацию всех лиц, «состояние которых делает их негодными ко всякой военной службе или навсегда, или по крайней мере в продолжении 6 мес. (кроме лиц, «осужденных за умышленное убийство»)»². Однако отсутствие данных о выполнении названных соглашений, а равно об их ратификации позволяет нам считать их нереализованными.

III. В процессе *репатриации турецких военнопленных и гражданских пленнх* из России в 1918–1924 гг. мы выделяем восемь этапов, характер и основные особенности которых изложены ниже.

1. *Первый* охватывает период примерно с апреля по сентябрь 1918 г., т.е. от начала массового возвращения на родину пленнх Центральнх держав до того момента, когда, в ответ на турецкое наступление на Кавказе и отказ Стамбула передать оккупированные территории советским властям, Москва объявила об односторонней денонсации Брестского мирного договора в части касающейся Турции.

Правовой основой репатриации на данном этапе являлись: ст. ст. 7 и 12 Мирного договора между Россией, с одной стороны, и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией, с другой, от 3 марта 1918 г.; а также ст. ст. 17, 18 и 23 Русско-германского и ст. 13 Русско-турецкого Дополнителнх договоров к названному Мирному

¹ Цитир. по: Документы внешней политики СССР. Т. 1. (7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г.) / Ред. И. Динерштейн. М.: Госполитиздат, 1959. – С. 47–52.

² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 8. Д. 6. Л. 1–3, 7–8.

договору¹. По смыслу названных норм военнопленные, признанные негодными к дальнейшей военной службе, должны были вернуться на родину «немедленно», а остальные военнопленные — «в возможно скором времени». Гражданские пленные подлежали «немедленному освобождению».

С российской стороны репатриацию осуществлял Центропленбеж, действующий во взаимодействии с НКВД, РОКК, Наркомвоенном и иными органами. С турецкой — Оттоманская дипломатическая миссия в РСФСР и ОКП, а также Германская комиссия по делам пленных (Германская комиссия попечения о пленных), которая приняла на себе «заботу о германских, турецких и болгарских пленных в России». Основным рабочим органом сторон являлась Смешанная комиссия по репатриации, в состав которой со 2 мая 1918 г. входила и турецкая делегация (председатель — генерал Ремзи-паша и два делегата: советник юстиции Бади бей и майор Хакки бей)².

Репатриация происходила в условиях нарастающего в стране социального конфликта, сопровождавшегося утратой Москвой контроля над всё большей частью территории бывшей Российской империи, в первую очередь — над регионами Кавказа и Сибири, где, преимущественно, и были расквартированы турецкие военнопленные. Названные обстоятельства предопределили следующие особенности исследуемого этапа:

а) Организованная репатриация фактически распространялась лишь на Европейскую часть страны, тогда как возвращение на родину турок из иных регионов Центропленбежем не регулировалось и носило, в сущности, полустихийный характер. Более того, пленные, находящиеся на Дальнем Востоке, по существу, оказались вне процесса репатриации, поскольку еще в январе 1918 г., ввиду тяжелого положения на транспорте, ГУГШ запретил их перевозки в Европейскую Россию, а в марте того же года это подтвердил и Совнарком. Практически одновременно начался перевод военнопленных из Иркутского военного округа в Приамурский, с последующей их передачей командованию США, Японии и Чехословацкого корпуса, обеспокоенных тем, что в связи с революционными событиями в России, пленные Центральных держав могут угрожать стабильности в Сибири и на Дальнем Востоке. В итоге под российской юрисдикцией остался по сути лишь лагерь в г. Никольск-Уссурийский, а сам вопрос о возвращении на родину

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. ... — С. 119–125, 166–183, 199–205.

² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 8. Д. 6. Л. 13.

Место для
фотографической
Карточки.

112
Удостоверительная карточка гра-
жданского пленного следующего одноч-
ленного порядком из России за собстве-
нный счет.

- 1/ Фамилия, имя и отчество *Мустафоев*.....
Хасан Ахмед Огли.....
- 2/ Подданство *Азербайджан*.....
- 3/ Профессия *чернорабочий*.....
- 4/ Последнее местопребывание *гор. ельор*.....
исполн. Мамедовичи 48.....
- 5/ Место пленения *гор. Георгевил*.....
- 6/ Местожительство до войны *в Грузии*.....
- 7/ Хотят ли возвратиться на родину или в
другое государство и куда именно *не*.....
Р-0-9-4-1-4.....
- 8/ Сколько при нем детей *нет*.....
- 9/ Маршрут следования *через Грузию*.....
- 10/ Головной пункт.....

На основании приказа ЦЕНТРАЛЬНОЙ Комиссии о пленниках
и обменцах с.г. за К. *№ 111*..... означенный *№ 111*
своей карточкой гражданскому пленному *М. Мустафоеву*
Хасану Огли..... разрешается выехать
из гор. Моршанска на родину, согласно п. 7 сей карточки.

Председатель Моршанской уездной
комиссии о пленниках и обменцах *Моисеевич*

Забито 1918 г.
№ 480
с. ел. отп. с. в. Мамед
Бовков 48

Человек военный
Взв. ресс.
С. Мамедовичи

пленников, переданных союзному командованию, был поставлен только в феврале 1919 г.¹

б) Значительную часть «организованных» репатриантов составили османы, расквартированные в Астраханской, Саратовской, Тамбовской и некоторых других губерниях; «неорганизованных» — находящиеся на Кавказе².

в) Ввиду отсутствия прямого сообщения между Россией и Турцией, пленные репатриировались через Оршу и Петроград (а точнее — через Германию и Швецию). Между тем Центропленбеж еще 4 апреля 1918 г. предлагал производить обмен пленными с Турцией морем, используя для этого порты Феодосии, Новороссийска и Туапсе³. Однако военно-политические события в России и вокруг нее не позволили реализовать данное намерение.

г) Москва передавала репатриантов Турции, исходя из принципа: «турецких военнопленных следует рассматривать как германских». Такой подход был принят по инициативе Стамбула уже 2 мая 1918 г. и подтвержден соглашением сторон от 18 июля 1918 г., согласно которому Германия обязалась «для обеспечения России на случай невозможности для Турции, за отсутствием прямого сообщения, произвести эвакуацию на родину русских военнопленных одновременно с эвакуацией Россией турецких, возвращать России столько здоровых русских военнопленных, сколько будет Россией эвакуироваться через Оршу турецких военнопленных». Кроме того, 29 июля 1918 г. Ремзи-паша, указывая на угрозу для пленных Центральных держав со стороны восставших частей Чехословацкого корпуса, потребовал, чтобы по отношению к туркам «были применены все мероприятия срочного характера, которые будут приняты и по отношению к германским пленным и чтобы они были вывезены из указанных местностей и <...> возвращены на родину с германскими пленными по одному с ними пути»⁴.

Как видно из данных Таблицы 42, всего за рассматриваемый период Центропленбежем было возвращено на родину не менее 2443 военнопленных Оттоманской империи, что составило 2,48 % от общего числа репатриантов указанной категории, тогда как доля турок среди военнопленных Центральных держав, расквартированных за преде-

¹ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 53. Л. 5, 118, 153; Д. 59. Л. 333–351.

² Там же. Ф. 2000. Оп. 11. Д. 80. Л. 13, 15, 24–25; ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 2. Д. 3. Л. 200–202.

³ РГВИА. Ф. 12651. Оп. 11. Д. 143. Л. 2об.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 8. Д. 6. Л. 13–14, 16, 49, 178.

лами округов Кавказа и Сибири, составляла на 1 января 1918 г. лишь 0,91 %, т.е. едва ли не втрое меньше¹. Это позволяет утверждать, что претензии, которые летом 1918 г. Ремзи-паша неоднократно высказывал советской стороне по поводу низких темпов репатриации из России его соотечественников, являлись необоснованными².

Таблица 42

**Количество военнопленных и гражданских пленников
Центральных держав, репатрированных через
западные границы России до 1 сентября 1918 г.³**

Государственная принадлежность пленного	Всего репатрировано, в т.ч.			
	Военнопленных		Гражданских пленников	
	Количество	Доля (в %)	Количество	Доля (в %)
Австро-Венгрия	80 878	82,13 %	6023	17,12 %
Болгария	1	—	41	0,14 %
Германия	15 154	15,39 %	28 656	81,43 %
Турция	2 443	2,48 %	461	1,31 %
Итого:	98 476	100 %	35 190	100 %

Всего же, по утверждению Э. Брэндштрем, летом и осенью 1918 г. Россию покинули в общей сложности 25 тыс. турецких пленников⁴. Правда, остается неясным, включены ли сюда те без малого 3 тыс. чел., которые указаны в Таблице 42. Остается неясным и то, насколько полны были данные, которыми располагала Э. Брэндштрем, ибо, приводя количество репатриантов из России в 1919–1921 гг., мемуаристка называет численность австрийцев, венгров, германцев, чехословаков, но не упоминает турок, что может указывать на ее недостаточную осведомленность в отношении последних.

2. *Ко второму этапу* мы относим период примерно с конца сентября 1918 г. до января 1919 г. Начало ему положила следующая телеграмма Центропленбежа от 24 сентября 1918 г.: «Всем губпленбеж. Немедленно приостановите отправку всех турецких военнопленных и гражданских пленников. За находящимися на местах установите надлежащий надзор». Позднее последовало разъяснение, что все это происходит «в виду перерыва сношений с турецким правительством»⁵.

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 1–4.

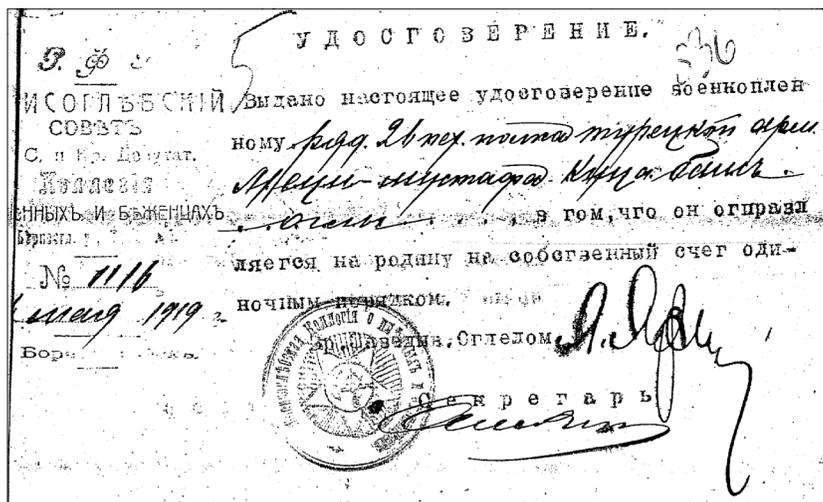
² Там же. Оп. 8. Д. 6. Л. 47, 49.

³ Составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 843. Л. 20; Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 322. Л. 81; Оп. 6. Д. 25. Л. 5–7.

⁴ Brändström E. Op. cit. – P. 243, 283.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 570. Л. 3, 12; ГАТО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 9. Л. 57.

На местах «надлежащий надзор» понимался по-разному. В Иваново-Вознесенске, например, турок фактически взяли под стражу. В Моршанске председатель уездпленбежа ограничился тем, что установил для них ежедневную перекличку, но в то же время обратился с просьбой к главе уездной милиции: всех «не явившихся на поверку хотя бы в течение одного дня <...> немедленно арестовывать»¹. Однако как бы надзор не трактовали, реализовывался он, по-видимому, не очень успешно. К примеру, в том же Моршанске турки ответили на приостановление репатриации побегами. А поскольку милиция похоже не спешила никого арестовывать, уездпленбеж ввел перекличку пленных два раза в сутки, пригрозил, что, не являющиеся на таковую, «будут исключены с довольствия» и даже обратился в Иностранную группу Моршанской организации РКП (б) с просьбой «привлекать к (партийной — В.П.) ответственности тех, кои не хотят исполнять требования коллегии»².

Удостоверение на право репатриации одиночным порядком за собственный счет, выданное 26 мая 1919 г. Борисоглебским уездпленбежем Тамбовской губ. рядовому 26-го пехотного полка оттоманской армии Меди Мустафа Куди баш оглы.
ГАВоронО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 57. Л. 536.

¹ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 2. Д. 3. Л. 321–324.

² Там же. Л. 443.

5 ноября 1918 г. НКВД поставил Центропленбеж в известность, что «вследствие просьбы Оттоманского правительства, германское правительство поручило своему генеральному консульству (в России — В.П.) защиту турецких интересов»¹. Однако это уже не имело практического значения, поскольку в тот же день (5 ноября) Берлин разорвал отношения с РСФСР.

На данном этапе турки репатриировались преимущественно из регионов, не находящихся под юрисдикцией Москвы, что затрудняет их количественную оценку. Определенно здесь можно говорить лишь о том, что по данным Центропленбежа к концу 1918 г. в России оставалось приблизительно 9 тыс. турецких военнопленных, 8 тыс. из которых, как предполагалось, находились в Сибири, «около 700 чел. в Казанском округе и около 400 чел. в Московской области»². Что же касается гражданских пленных, то, судя по всему, сведениями об этих людях названный орган на тот момент не располагал.

3. К *третьему этапу* мы относим период с января 1919 г., когда советское руководство возобновило репатриацию турок как в связи с окончанием Первой мировой войны, так и в целях обеспечения скорейшего возвращения на родину русских пленных, находящихся в Турции. Завершился этап примерно в августе-сентябре 1919 г., когда обстановка, складывающаяся на фронтах Гражданской войны, заставила Москву вновь приостановить репатриацию (это, впрочем, не означает, что она не продолжалась из регионов, находящихся под контролем антибольшевистских сил).

Отличительные черты данного этапа мы видим в следующем:

а) В результате наступления белых армий подавляющее большинство турок оказалось вне юрисдикции органов Центропленбежа, что привело к неконтролируемым перемещениям пленных и — главное — практически полному краху системы их учета.

б) Репатриация проходила в отсутствие и дипломатических отношений между РСФСР и Турцией и прямого сообщения между нашими странами.

в) С российской стороны репатриацию непосредственно обеспечивал Центропленбеж. С турецкой — немногочисленные представители ОКП, деятельность которого к тому же с 1 февраля 1919 г. приобрела в России полуофициальный характер³. Вместе с тем надо подчеркнуть, что обе стороны, в целом, находили «общий

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 570. Л. 31.

² Там же. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 843. Л. 20.

³ Там же. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 11.

язык» и достаточно успешно решали стоящие перед ними задачи, насколько это было вообще возможно в сложившихся обстоятельствах. Весьма характерным в этой связи выглядит письмо уполномоченного ОКП Юсуфа Акчуры главе Центропленбежа от 22 января 1919 г.: «Из Уфы мною вывезены в Москву 124 военнопленных турецких подданных для дальнейшего препровождения их на родину. Настоящим даю вам от имени Оттоманского Красного Полумесяца категорическое заверение в том, что мною при первой возможности будут приняты самые решительные меры к осуществлению правильного обмена военнопленными и надлежащего их перевода на родину. Пользуясь настоящим случаем, заранее выражаю свою глубокую благодарность за оказанное содействие в деле быстрого направления эшелона турецких военнопленных из Москвы в Киев». В качестве другого примера можно сослаться на удостоверение, выданное Центропленбежем примерно в те же дни уполномоченному ОКП Ш.З. Мухамедьярову «в том, что он сопровождает эшелон в составе 96 гражданских пленных и 49 военнопленных турок, следующих за свой счет до Симферополя, для дальнейшей эвакуации на родину. Центральная Коллегия о пленных и беженцах просит все правительственные учреждения и должностных лиц оказывать гражданину Мухамедьярову возможное содействие»¹.

г) Такие органы и учреждения, как Наркомвоен, НКВД, РОКК, а равно организации попечения о военнопленных обеих стран никакого видимого участия в репатриации турок не принимали. Вместе с тем надо заметить, что возвращению на родину находящихся в Приморье османов в этот период содействовало Датское общество Красного Креста, а находящихся на Украине — Генеральное консульство Персии².

д) На данном этапе из советской России на родину была возвращена значительная часть турок, находившихся в Московской, Казанской, Рязанской, Саратовской, Уфимской и некоторых других губерниях. Репатриация осуществлялась через Москву, Оршу и далее в Германию, а также отчасти морем из Одессы, Батуми, Поти и Севастополя³. Кроме того, сторонами предпринимались попытки организовать обмен пленными по линии Астрахань — Баку. Однако они окончились безуспешно⁴.

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 1–2.

² Там же. Ф. Р-3604. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

³ Там же. Ф. Р-3333. Оп. 1-а. Д. 30. Л. 2, 4–5, 9, 11–12; Оп. 4. Д. 609. Л. 1–2.

⁴ Там же. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 118. Л. 141.

4. *Четвертый этап* продолжался с момента прекращения репатриации турок советской стороной в сентябре 1919 г. и примерно до октября 1920 г., когда образованное в Анкаре Правительство Великого национального собрания Турции (ВНСТ) установило дипломатические отношения с РСФСР и приняло на себя дальнейшее решение вопроса возвращения на родину своих соотечественников, еще остающихся в России.

В числе отличительных черт данного этапа назовем следующие:

а) Органами советской власти не предпринималось серьезных попыток провести перерегистрацию турецких военнопленных и гражданских пленнх, а равно иным образом восстановить систему их учета.

б) В середине 1919 г. основная масса оттоманских военнопленных, находившихся за Уралом, переместилась в Европейскую Россию и Туркестан. Что же касается нескольких сот турок, расквартированных на Дальнем Востоке, то их предполагаемой репатриации морем препятствовали события Греко-турецкой войны 1919–1922 гг., а вернее — блокада турецкого побережья греческим флотом. (Небезынтересно отметить, что в марте 1921 г. этими людьми заинтересовались турецкие коммунисты, и ЦК КПТ даже постановило «отправить особого уполномоченного для сосредоточения (турецких — *В.П.*) военнопленных, находящихся на Дальнем Востоке, в соответствующий и подходящий пункт и использования их в деле Восточной революции»¹).

в) На рассматриваемом этапе отмечены лишь единичные случаи отъезда турок из России на родину через Одессу и Петроград². При этом анализ служебной переписки указывает на то, что все русско-турецкое сотрудничество в решении проблемы репатриации османов сводилось, главным образом, к эпизодическим контактам между Центропленбежем и ОКП при почти полном равнодушии к названной проблеме со стороны иных советских органов, учреждений и должностных лиц. Это дает основания считать вполне достоверным следующее свидетельство одного из тогдашних руководителей Башкирской советской республики А.З. Валидова (Заки Валиди Тоган), относящееся к августу 1919 г.: «когда я вернулся в Стерлитамак, возникла проблема турецких пленнх. Эти пленные, вернувшиеся из Сибири и застрявшие на отрезке железной дороги между Уфой и Самарой, просили нас помочь им уехать на родину. Я выпросил

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 181. Д. 154. Л. 21.

² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 346. Л. 1.

у Троцкого вагоны, якобы для наших военных нужд. <...> Одну часть пленных я отправил в Ташкент, другую <...> в Астрахань. С огромным трудом мне удалось вырвать локомотивы <...>. Я был вынужден по этому случаю даже вступить по телеграфу в спор с Лениным и Троцким. Они сочли этот мой шаг как еще одну «авантюру»¹.

г) Другим направлением сотрудничества Центропленбежа с представителями ОКП в этот период стала организация командировок последних в Казань, Самару и Уфу «для оказания помощи пленным туркам, прибывшим из Сибири <...> вследствие невозможности в настоящее время организовать [их] эвакуацию на родину»².

Неполнота источниковой базы затрудняет оценку общего числа турок, вернувшихся на родину в ходе *третьего и четвертого* этапов репатриации. Однако по сведениям Центропленбежа, к началу 1920 г. в России оставалось уже не более 2 тыс. бывших военнопленных и гражданских пленных Оттоманской империи³. Несколько иные данные представляли турецкие коммунисты, полагавшие, что к середине 1920 г. в одном только Майкопе находилось около 1 тыс. турок, а в Ростове-на-Дону и на Кубани — до 2,5–3 тыс. Утверждалось также, что «по всей Волге имеется около 15 тыс. турецких рабочих и крестьян», а в пределах Кубанской области, Черноморской губернии, в районах Ростова-на-Дону, Царицына, Саратова, Красноярска и в Туркестане «сосредоточено до 20 тыс. человек турецких аскеров, рабочих и крестьян»⁴.

Мы, со своей стороны, считаем, что данные Центропленбежа хотя и занижены, но наиболее близки к истине, и к осени 1920 г. на территории бывшей Российской империи могло оставаться до 4 тыс. турок.

5. *Пятый этап* репатриации охватывает период примерно с ноября 1920 г., когда Центропленбеж начал передачу пленных представителям ВНСТ, по март 1921 г., когда между РСФСР и правительством ВНСТ был заключен Договор о дружбе (16 марта), а затем и Конвенция о возвращении на родину военнопленных (28 марта).

Особенности данного этапа мы видим в следующем.

а) В России были ликвидированы основные фронты Гражданской войны и установлен советский контроль над большей частью

¹ Заки Валиди Тоган (Валидов) Воспоминания. В 2-х кн. Кн. 1. Уфа: Китап, 1994. – С. 317.

² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 7–8.

³ Там же. Л. 169.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 13. Л. 29; Д. 18. Л. 35–36; Д. 20. Л. 26, 92–94.

бывшей Российской империи, что облегчало процесс возвращения пленных на родину.

б) Юридические основания репатриации определялись не международным договором, а вырабатывались в ходе обмена нотами между НКВД и представительством ВНСТ в РСФСР.

в) Пленные подлежали передаче представителям ВНСТ, т.е. правительства в Анкаре, но не султанского правительства в Стамбуле.

г) Репатриация проводилась без предварительной перерегистрации пленных, т.е. при отсутствии достоверных данных об их количестве, и, по сути, затронула далеко не все российские регионы.

д) С турецкой стороны репатриацию обеспечивали работники дипломатических представительств ВНСТ в РСФСР и Азербайджане. С российской — Центрэвак, действующий на этот раз не просто во взаимодействии с НКВД, а под его неуспешным контролем. К примеру, 25 января 1921 г. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин писал главе Центрэвака: «турецкое посольство энергично настаивает на немедленном принятии мер для того, чтобы турецкие пленные, едущие домой, не задерживались в Туапсе. Убедительно прошу Вас сообщить, приняты ли меры и сделано ли распоряжение о том, чтобы турецким военнопленным в Новороссийске и Туапсе давали возможность садиться на имеющиеся там турецкие суда для возвращения в Малую Азию»¹.

е) После некоторого перерыва, политика турецкой стороны в отношении репатриации своих граждан действительно приобрела характер «энергичной настойчивости», на которую справедливо сослался Г.В. Чичерин, и которая, по завершению всех без исключения русско-турецких войн конца XVII — XIX вв., выступала неотъемлемой чертой турецкой дипломатии. Так, в декабре 1920 г. в ответ на незначительную задержку в Армавире группы репатриантов, представитель правительства ВНСТ в Азербайджане в достаточно категорических выражениях потребовал от Кавказского бюро ЦК РКП (б) немедленной отправки этих людей по назначению и принятия мер, «исключающих их задержку в дальнейшем»².

Всего на пятом этапе через Туапсе и Баку на родину было возвращено примерно 800–1 000 человек из числа расквартированных в Западной Сибири, а также в Екатеринбургской, Оренбургской (Оренбургско-Тургайской), Самарской, Саратовской, Царицынской и некоторых других губерниях³.

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 111.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С (Турция) Д. 68. Л. 1, 3.

³ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 26, 36, 53, 82, 169.

6. Начало шестого этапа мы связываем с заключением 28 марта 1921 г. в Москве русско-турецкой Конвенции о возвращении на родину военнопленных (см. Приложение 3), принятой в развитие ст. 13 Договора о дружбе между РСФСР и правительством ВНСТ, подписанного 16 марта того же года. Формально данный этап должен был продолжаться до 1 февраля 1923 г., когда истек срок названной выше Конвенции. Однако фактически репатриационные процессы оказались свернуты уже к ноябрю 1922 г.

Согласно планам советской стороны, турки, находившиеся на Кавказе и в Крыму, должны были репатрироваться через Новороссийск, а размещенные в прочих регионах России — через Ростов. Порядок репатриации в самых общих чертах раскрывает следующая телеграмма Центрэвака от 7 мая 1921 г.: «Собранные [в] Новороссийске контингенты эвакуируются при наличии турецких пароходов, из Ростова партии направляются [в] Новороссийск или Туапсе по мере накопления контингента и получения извещения о прибытии пароходов. Членами предусмотренной договором комиссии с турецкой стороны назначены [в] Туапсе Саим бей для побережья Черного моря, и [в] Ростов Сулейман Магомед бей для Донской обл., имеющие выехать на место сего числа. В круг деятельности их входит содействие эвакуации, материальная помощь эвакуируемым и посещение мест нахождения эвакуируемых турок [в] сопровождении уполномоченного нашей стороны»¹.

Ключевыми особенностями данного этапа мы считаем следующие:

а) У Анкары были явно преувеличенные представления о числе своих соотечественников, подлежащих репатриации. Так, правительство ВНСТ утверждало, что в Европейской России остается 10 тыс. османских пленных, а в Сибири еще 12 тыс., тогда как по данным Центрэвака их общее количество не достигало и 2 тыс., включая несколько сот человек, находящихся в регионах, расположенных восточнее Урала. В этой связи небезынтересно отметить, что в сентябре 1921 г. для проверки изложенных выше сведений НКВД и НКВД дали возможность члену турецкой репатриационной комиссии Гейдару Хевки бею объехать Поволжье, Сибирь и Туркестан. Весной 1922 г. эти поиски продолжили (главным образом, в Сибири) представители Красного Полумесяца. Однако никаких «тысяч» пленных там обнаружено не было².

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 87.

² Там же. Л. 44–46, 169; Д. 365. Л. 73; Д. 419. Л. 96.

б) Установленные Конвенцией сроки репатриации (для находящихся в Европейской части страны — 3 мес., а в Азиатской — 6 мес.), учитывая хозяйственную разруху в России и иные обстоятельства, были практически нереальны. Советской стороне уже в мае 1921 г. пришлось поставить вопрос о продлении сроков, а в конечном итоге они были пролонгированы (уже по просьбе Анкары) сначала до 6 июня 1922 г., а затем и до 1 февраля 1923 г.¹

в) В период подготовки к подписанию Конвенции Центрэвак не дал подведомственным учреждениям практически никаких распоряжений о перерегистрации и организации учета пленных, об условиях их питания, квартирного обеспечения, вакцинации, транспортного обслуживания и т.п.

г) Первые попытки Центрэвака выяснить количество пленных и дать общие указания о порядке их репатриации датированы 28 апреля и 7 мая 1921 г., а приказ «приступить [к] эвакуации всех турецких военнопленных солдат, офицеров, а также гражданских пленных» был направлен губэвакам лишь 4 мая 1921 г.² В итоге Центрэвак даже в конце июня 1921 г. не имел полных данных о числе османских пленных, находящихся в РСФСР. Хотя согласно ст. 7 Конвенции, списки лиц, умерших в плену, должны были быть переданы турецкой стороне не позднее 28 августа 1921 г., Москва только 4 ноября затребовала такие списки из регионов. Тогда же (5 ноября) Центрэвак вспомнил и о лицах, находящихся в местах лишения свободы, запросив данные о них в Иностранном отделе ВЧК.

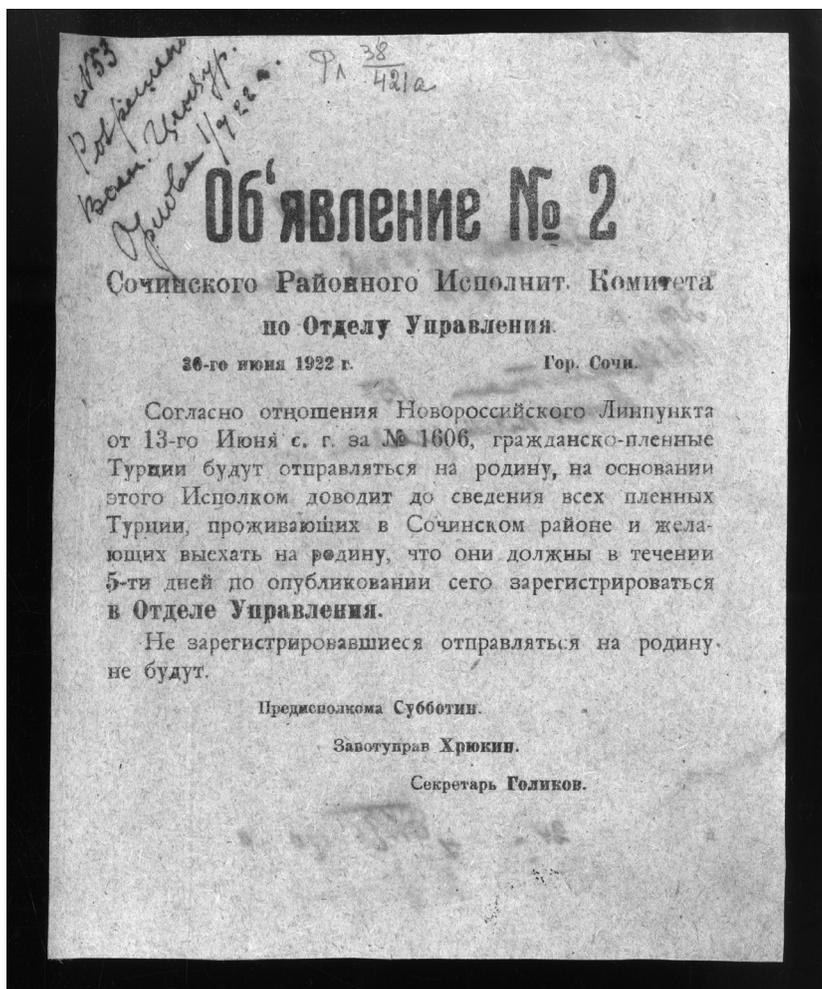
В ходе самой репатриации в отдельных губерниях ощущался недостаток вагонов, продуктов питания и даже кипятка, не говоря уже о жилых помещениях и вакцине от холеры и оспы. Так, Самарский Губэвак доносил 20 мая 1921 г., что турки живут под открытым небом на станциях, жгут костры, питаются «в буквальном смысле слова травой и молотой древесной корой. Случаи голодной смерти учащаются. Желудочные заболевания прогрессируют количественно и качественно». В августе 1921 г. похожая ситуация сложилась и в Саратовской губ.³

23 мая 1921 г. возмущенный Г. В. Чичерин написал главе Центрэвака: «Особые политические отношения между Россией и Турцией заставляют внимательнее относиться к репатриации турецких

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 220.

² Там же. Д. 330. Л. 87, 403.

³ Там же. Оп. 2. Д. 197. Л. 25–26; Оп. 3. Д. 231. Л. 20; Д. 330. Л. 127, 169, 214, 234, 315, 323, 330; Д. 419. Л. 26.

военнопленных, чем остальных. К сожалению, в действительности происходит как раз наоборот. В то время, как турки особенно болезненно реагируют на задержку в России турецких военнопленных и придают особое значение быстрому возвращению их сограждан на родину, а также особенно ценят проявление с нашей стороны внимания в подобных вопросах, на практике наблюдается как раз со стороны наших органов особенно пренебрежительное отношение к репатриации турок <...> турецкие военнопленные в большом количестве прибывают в Туапсе. Но русские власти этого города

не доставляют им ни жилья, ни продовольствия <...> турецкие военнопленные из Европейской России должны быть возвращены на родину в трехмесячный срок. Прошло уже более двух месяцев, и ни один турецкий военнопленный еще не был передан российскими властями их отечественным властям <...> Действия русских властей в Туапсе идут абсолютно вразрез с нашей политикой по отношению к Турции и серьезнейшим образом вредят развитию тех отношений с ней, которые мы развивать желаем и должны»¹.

Впрочем, часть своих претензий Нарком с полным основанием мог адресовать и Анкаре. Например, турки несвоевременно подавали в передаточные пункты (Новороссийск и Туапсе) транспортные суда, что, собственно, и влекло за собой скопление в этих городах пленников, затрудняя их продовольственное и квартирное обеспечение. Вопреки ст. 7 Конвенции и без согласования с Москвой, дипломаты ВНСТ самовольно «назначили» Баку в качестве дополнительного передаточного пункта, чем на время дезорганизовали порядок перемещения репатриантов. Наконец, турки не слишком торопились передавать РСФСР русских пленных, ссылаясь на то, что очередное наступление греческой армии рассеяло таковых по Анатолии².

д) Репатриация совпала с периодом становления послевоенных российско-турецких отношений, что превращало пленных в инструмент разрешения международных разногласий. Так, столкнувшись с отказом Турции освободить от военной службы молокан³, желающих переселиться в РСФСР, советская сторона 6 декабря 1921 г. приостановила репатриацию и возобновила ее лишь 21 февраля 1922 г. после того, как Анкара пошла на уступки⁴.

Однако как бы то ни было, с 28 марта по 1 октября 1921 г. Россию покинуло 1 513 граждан Турции. В сочетании с тем обстоятельством, что летом и в начале осени 1921 г. Центрэвак проделал большую работу по выявлению и учету пленных османов, находящихся в различных регионах страны, это позволило Москве с полным основанием заявить, что репатриацию турецких военнопленных и гражданских пленных Первой мировой войны следует считать практически завершенной⁵.

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 112.

² Там же. Л. 85, 87, 121, 123, 321; Д. 419. Л. 59.

³ Молокане – представители русского религиозного движения, проживавшие до войны в Карской обл.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 377, 382; Д. 419. Л. 47, 53.

⁵ Там же. Л. 301; РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С (Турция). Д. 69. Л. 2; ГАКО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 21. Л. 128, 152, 171.

(Мы полагаем, что на тот момент в РСФСР еще могло оставаться 500–1 000 турок, чей отъезд на родину задерживался по различным причинам объективного и, главное, субъективного свойства. Нелишним будет также заметить, что на 10 июля 1922 г. в Турции находилось до 500 нерепатриированных россиян, тогда как из бывшей Австро-Венгрии, Болгарии и Германии практически все они уже были возвращены¹). Сказанное подтверждается и тем, что с февраля по ноябрь 1922 г. зафиксированы лишь единичные случаи отъезда турок из России (главным образом, через Туапсе и Севастополь)². Тем не менее, идя навстречу настойчивым требованиям Анкары, советское руководство в марте 1922 г. разрешило представителям Красного Полумесяца начать розыск бывших пленных в регионах Сибири и одновременно потребовало от губэваков провести перерегистрацию «всех турецких граждан в месячный срок»³. Однако сколько-нибудь существенных результатов ни та, ни другая мера не принесли.

7. *Седьмой этап* продолжался примерно с ноября 1922 г. до октября-ноября 1923 г., когда РСФСР и Турция фактически не проводили обмена пленными по причине некоторого охлаждения двусторонних отношений, вызванного политическими и экономическими разногласиями. О серьезности ситуации в рассматриваемом вопросе говорит хотя бы то, что на протяжении 1923 г. глава НКВД Крымской ССР по крайней мере трижды (18 мая, 23 июня и 31 июля) просил НКВД РСФСР дать ему разъяснения «о порядке репатриации турецких пленных», но ни разу не удостоился ответа⁴.

8. Начало *восьмому этапу* положила ратификация заключительных актов Лозаннской конференции (1923 г.), окончательно оформившая международно-правовой статус Турции и давшая Анкаре основания обратиться к еще остающимся в РСФСР соотечественникам с воззванием, которое начиналось словами: «Правительство Великого Национального Собрания Турции заключило мир со всеми державами. Ныне в Турции войны нет»⁵.

Порядок и условия репатриации были выработаны в ходе обмена нотами между НКВД и МИД Турции и, в основе своей, изложены в тексте указанного воззвания (Приложение 4). 22 ноября 1923 г. Наркомат внутренних дел уведомил о предстоящем этапе

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 151.

² Там же. Д. 346. Л. 5–10, 12, 15–16; Д. 419. Л. 7, 235, 237, 243.

³ Там же. Д. 419. Л. 64, 68, 71–72, 96.

⁴ Там же. Ф. Р-393. Оп. 43А. Д. 515. Л. 213.

⁵ Там же. Оп. 50. Д. 172. Л. 107.

ПРЕПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК №. 213. 35

Гражданским пленным, эвакуированным на родину.
 Место отправления г. МОРШАНСКЪ, Тамбовской губернии
 Направляются къ главному пункту п. ТОРОШИНС.

№ выд.	Подданство	Имя, отчество и фамилия	Примѣчаніе.
1.	Турецкіе	Хусейнъ сынъ Михмеда Чеби Оглы	При нихъ дѣтей 5 д.
2.	"	Его жена Меккия.	
3.	"	Михмедъ сынъ Сулейманъ Кюрганъ Оглы	
4.	"	Его сожительница / русская подданная / Ольга Константиновна Бергель.	
5.	"	Мехмедъ Османъ Баглатъ Оглы	
6.	"	Его сожительница / русская подданная / Акулина Филипповна Рометина.	При ней дѣтей 1 д
7.	"	Измаиль сынъ Шабанъ Кукъ Оглы	При немъ дѣтей 1
8.	"	Шарифъ сынъ Сулеймана Коръ-Оглы	
9.	"	Хусейнъ Бошнякъ Оглы	
10.	"	Его сожительница / русская подданная / Наталія Антоновна Филковичъ	
11.	"	Ресуль сынъ Геджеба Кукъ Оглы	
12.	"	Омеръ сынъ Ахмеда Хаджи Оглы	
13.	"	Сегинъ Ахмедъ Оглы	

ВСЕГО ПО СПИСКУ:

Мужчинъ 9
 Женщинъ 4
 Дѣтей 7

На основаніи приказа Центральной Коллегіи о пленныхъ и бѣженцахъ с. г. № 15 означеннымъ въ семъ списокѣ гражданскимъ пленнымъ разрешается выѣздъ изъ города Моршанска на родину

Председатель Моршанской
 Уездной Коллегіи о пленныхъ
 и бѣженцахъ

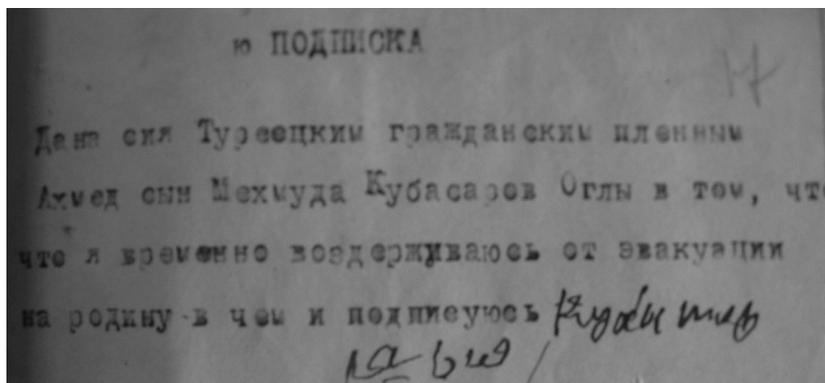
Члены

Въздѣл:

4 = июля 1918 г.

репатриации губернские и областные административные отделы НКВД, потребовав «оповестить всех турецких военнопленных, находящихся в пределах СССР, об условии проезда их на родину», а также предоставить им возможность сообщить «в репатриационную комиссию при турецком посольстве в Москве сведения о себе и родственниках, желающих отправиться с ними, с указанием адресов, как на родине, так и в РСФСР, а также о всех умерших на предмет оповещения их семей»¹.

Всего, как представляется, с весны до осени 1924 г. через порты Кавказа и Крыма на родину вернулось до 300 турок². В РСФСР же могло остаться еще от 300 до 500 чел., разбросанных буквально по всей территории страны. Так, по данным Е. Ю. Бондаренко, в 1924 г. в одном только Благовещенске проживало 11 турецких граждан (в т. ч. 10 греков и армян)³. Как минимум до 1926 г. судьбой таких людей занималось «Межведомственное совещание по вопросу репатриации бывших военнопленных турецких подданных, оставшихся на территории Союза в Турцию, и о возвращении бывших военнопленных советских граждан из Турции на родину»⁴. Однако деятельность этого органа уже выходит за хронологические рамки нашего исследования.

Подписка турецкого гражданского пленного, временно воздерживающегося от возвращения на родину.

ГАТО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 172. Л. 103.

² Там же. Оп. 43А. Д. 515. Л. 1–3, 7.

³ Бондаренко Е. Ю. Указ. соч. – С. 537.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43А. Д. 1456. Л. 1.

Подводя итог процессу репатриации из России турецких военнопленных и гражданских пленнх в период 1918–1924 гг., считаем необходимым обратить внимание на его следующие характерные черты:

1) Состав репатриантов отличался динамичностью как в пространстве, так и во времени. К примеру, если на 1 ноября 1918 г. в Рязанской губ. числилось 174 турецких гражданских пленнх, то на 15 декабря 1918 г. уже 90, на 15 февраля 1919 г. — 72, на 15 марта 1919 г. — 64, а на 20 октября 1920 г. их количество, вопреки прежней тенденции, возросло до 191 чел. Если в июне 1918 г. в губернии насчитывалось 4 военнопленных оттоманской армии, то в октябре 1919 г. — ни одного, а спустя еще год таковых оказалось уже 17 чел.¹

При этом динамичность детерминировалась не только миграцией представителей рассматриваемого контингента. В частности, круг лиц, имеющих право на выезд в Турцию, расширился за счет русских жен пленников, а также рожденных от них детей, и даже родственников жены, желающих выехать вместе с ней на ее новую родину. Характерно, что последним советская власть, в целом, не препятствовала по крайней мере до 1924 г., когда выезд из России родственников жены стал существенно затруднен².

С другой стороны, далеко не все турецкие граждане стремились вернуться на родину и нередко заявляли о желании:

- принять советское гражданство и навсегда остаться в РСФСР;
- покинуть Россию, но выехать не в Турцию, а в Болгарию, Грецию, Сербию и иные страны;
- остаться в месте своего фактического проживания в РСФСР на неопределенный срок, сохранив за собой турецкое гражданство;
- вернуться в место своего постоянного («довоенного») жительства в России, сохранив за собой турецкое гражданство.

Некоторое представление о структуре перечисленных выше лиц можно составить на основе данных Таблицы 43.

Добавим к сказанному, что причины временного отказа от репатриации могли быть самыми различными, начиная от болезни или невозможности бросить «свое дело» и заканчивая тем, что кого-то просто «не пускала» русская жена³. Кроме того, Турция являлась

¹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 39. Л. 150; Д. 42. Л. 4, 55а, 200.

² ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 172. Л. 262.

³ Там же. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 330; Д. 419. Л. 250; ГАКО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 25. Л. 639.

родиной далеко не для всех турецких граждан. Так, Адольф Яковлевич Кон ходатайствовал о возвращении в Одессу, в которой он провел всю жизнь и из которой был выслан в Рязань в 1915 г.¹ С такими же просьбами к властям нередко обращались турки, проживавшие до войны в Гомеле, Житомире, Киеве, Кишиневе, Симферополе, Сухуми, Тифлисе и других городах бывшей Российской империи. И хотя конкретные сведения о «временно воздержавшихся» крайне отрывочны, они свидетельствуют о том, что количество лиц названной категории было не столь уж и малым. Так, по данным Центрэвака, на исходе 1921 г. таковых числилось: в Рязанской губ. — 120 чел., в Семипалатинской — 4, в Тамбовской — 22, в Царицынской — 35, в Ярославской — 16, в г. Калуге — 3 и в г. Челябинске — 4. Помимо того, «временно воздержавшиеся» находилось в Тверской, Симбирской и иных губерниях². Причем количество лиц данной категории также отличались динамичностью. В частности, к середине 1922 г. их число в пределах одной только Рязанской губ. возросла до 200 чел.³ (Как правило, бывшие оттоманские пленники, желающие остаться в России на неопределенный срок, признавались турецкими гражданами и получали виды на жительство для иностранцев⁴).

Таблица 43.

Распределение турецких гражданских пленных, состоящих на учете в Рязанском губэваке, по отношению к репатриации (по состоянию на 1 ноября 1918 г.)⁵.

№ п. п.	Категория пленных	Из них заявили о желании:			Всего
		Вернуться на родину	Временно остаться в России с сохранением турецкого гражданства	Принять советское гражданство	
1	Мужчины	117	20	2	139
2	Женщины	11	4	—	15
3	Дети	13	7	—	20
4	Итого	141	31	2	174
5	То же (стр. 4) в%	81,03 %	17,82 %	1,15 %	100 %

Следует также иметь в виду, что часть турок, числившихся в русском плену, просто пропала без вести. Например, Анкаре так

¹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 46. Л. 27.

² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 340, 343, 348, 361, 383, 385, 389, 390, 392; ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 34–35; ГАТО. Ф. Р-515. Оп. 1. Д. 2. Л. 5, 6, 10, 14.

³ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 149.

⁴ Там же. Л. 4; Д. 440. Л. 15.

⁵ Составлена по данным: ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 42. Л. 4.

и не удалось установить никаких данных о судьбе командира 1-го батальона 82 пехотного полка Али Риза Мустафы оглы, плененного в декабря 1914 г. под Сарыкамышем; командира 3-й горной батареи 102 пехотного полка лейтенанта Мухатдина, плененного в июне 1916 г. «в направлении Байбурта западнее с. Пернаки-Пак» и еще, как минимум, 45 турецких офицеров, безрезультатно разыскиваемых ОКП по всей Сибири вплоть до осени 1922 г.¹ Еще менее успешными были попытки розыска, предпринимаемые родственниками лиц, не вернувшихся из плена. Так, Абдулкадир оглы Химмет Паливан, разыскивающий своего зятя, рядового 149 пехотного полка, не только «установил», что тот живет в г. Опроске Екатеринодарской губ., но и добился того, чтобы по поводу его возвращения турецкое правительство заявило в марте 1922 г. вербальную ноту полномочному представителю РСФСР в Турции. Однако в конечном итоге населенного пункта с указанным наименованием на Кубани не оказалось². (Впрочем, розыск пленных представляет собой отдельную проблему, которая возникла уже на начальном этапе войны. К примеру, 18 ноября 1914 г. МИД безрезультатно запрашивал у штаба Черноморского флота «сведения об Акибе бее, бывшем офицере на потопленном нами в Черном море транспорте «Мидхат-паша». В сентябре 1916 г. турки разыскивали через посольство Испании в Петрограде майора Фезуллах эфенди. В августе 1917 г. РОКК искал военнообязанного Мисака Бедеяна и т.д.³).

2) Репатриацию во многом затрудняла слабость российской системы учета, отмеченная еще в годы Первой мировой войны. Так, А. Н. Талапин, приводя данные по одному лишь Омскому военному округу, признает, что они «неточны, т.к. свидетельствуют лишь о числившихся по различным противоречивым источникам, а не о действительно находившихся в округе»⁴. Мы полностью солидарны с такой оценкой и со своей стороны хотели бы сослаться в качестве примера на то, что к 1 сентября 1917 г. в ИркВО на работах состояло свыше 13 тыс. военнопленных. Однако, уведомляя тогда же об этом Секцию труда Исполкома общественных организаций г. Иркутска, штаб округа ясно дал понять, что не только не располагает списками названных лиц, но и само составление таковых считает практически

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 336; Д. 419. Л. 96, 184, 224.

² Там же. Д. 419. Л. 126.

³ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1137. Л. 286; РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 435. Л. 9; АВ-ПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 3244. Л. 4.

⁴ Талапин А.Н. Указ соч. – С. 32–33.

невозможным, поскольку «некоторым предприятиям пленные присланы непосредственно из Европейской России и эти пленные в лагерях округа не числятся»¹.

После 1917 г. ситуация в этом вопросе лишь ухудшилось. Попытки же восстановить систему учета практически никогда не достигали цели. Причем, не только по причинам, связанным с Гражданской войной. Так, пленные нередко просто не являлись на перерегистрацию либо не осознавая ее значения, либо просто не располагая о ней никакой информацией, т.к. объявления о регистрации публиковались в местных газетах, обычно на русском языке, и уже по этой причине оставались неизвестны многим туркам. Впрочем, иной раз органы по эвакуации на местах вообще не размещали в печати объявлений². Так, в июне 1921 г. глава Обоянского уездвака Курской губ. приказал начать регистрацию лишь после того, как получил из губэвака телеграмму следующего содержания: «*третий и последний раз предлагаю* (Курсив наш — В.П.) не позже 8 июля телеграфировать количество турецких бывших военных [и] гражданских пленнх [в] пределах уезда»³.

3) К проблеме перерегистрации близко примыкала проблема документов, которыми располагали репатрианты. За годы плена некоторыми из них оказались утрачены не только прежние национальные паспорта, но и Удостоверения о пленении и Билеты военнопленного (гражданского пленного). В свою очередь, в годы Гражданской войны документы самим пленным и членам их семей выдавали самые различные органы и учреждения, в числе которых, помимо турецких дипломатических представительств и делегатов ОКП, можно назвать такие, как: Королевская Шведская миссия; Шведская и Датская миссии Красного Креста; Германская главная комиссия по делам пленнх; Испанские и Персидские дипломатические миссии и др. Однако наиболее щедро турок снабжали документами местные российские власти, особенно сельско-волостные и уездные исполкомы, которые вплоть до 1922 г. «продолжали самовольно выдавать удостоверения, пропуска и др. документы для их (пленнх — В.П.) проезда на родину»⁴.

Все это служило благоприятной почвой для разного рода злоупотреблений. К примеру, на местах от турок требовали националь-

¹ РГВИА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 415. Л. 16.

² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 103.

³ ГАКО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 20. Л. 43–44, 83.

⁴ ГАРФ. Ф. 3604. Оп. 1. Д. 1. Л. 23, 24, 107; Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 231. Л. 1–11.

ные паспорта и (или) не признавали юридическую силу той или иной «бумаги»¹. Случались ситуации и посерьезнее. К примеру, на рубеже 1921–1922 гг. в НКВД как минимум дважды поступали сигналы о том, что в Ставропольской губ. власти отбирают у турок документы и рассматривают их как российских граждан, что повлекло за собой серьезный скандал и вмешательство НКВД, НКВД и Центрэвака². Впрочем, проблемы такого рода, в конечном итоге, благополучно разрешались. В одних случаях установлению личности того или иного лица содействовали турецкие дипломаты, в других использовались свидетельские показания. Так, 31 октября 1919 г. двое проживающих в Киеве турецких граждан удостоверили, что Эмир Абас Ибрагим «действительно турецкий военнопленный из Константинополя»³.

К сказанному нужно добавить, что в 1918–1924 гг. списки репатриантов неизменно согласовывались с органами ВЧК (ГПУ, ОГПУ)⁴.

Наконец, что касается репатриации тех, кто совершил в период своего пребывания в плену преступления и административные правонарушения, то с апреля 1918 г. по март 1921 г. эти люди возвращались на родину на основании ст. 14 Русско-турецкого Дополнительного договора к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Болгарией, Германией, Австро-Венгрией и Турцией, с другой, от 3 марта 1918 г. и ст. 23 аналогичного Русско-германского Дополнительного договора от 3 марта 1918 г., по смыслу которых названные лица полностью освобождались от юридической ответственности за все деяния, совершенные ими до ратификации Брестского мира (29 марта 1918 г.). С марта 1921 г. их репатриация регулировалась положениями ст. 6 Конвенции, согласно которой осужденные за убийство и кражу могли вернуться на родину лишь по отбытию наказания. При этом окончательно судьбу таких пленных решала «Межведомственная комиссия по проведению амнистии согласно международных договоров, заключенных РСФСР»⁵.

IV. Рассмотрение вопросов *натурализации в России* турецких военнопленных и гражданских пленных необходимо видимо начать с того, что к середине 1914 г. порядок вступления иностранцев

¹ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 208; Д. 419. Л. 241, 250.

² Там же. Д. 419. Л. 30.

³ Там же. Ф. 3604. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

⁴ Там же. Ф. Р-393. Оп. 43А. Д. 515. Л. 1; Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 34; ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 46. Л. 120.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 178, 181.

в российской подданство регулировался нормами ст.ст. 836–857 Законов о состоянии¹. Суть последних в самых общих чертах может быть сведена к следующему:

- иностранец, желающий принять российской подданство, подает заявление главе той губернии, в которой он намерен поселиться;
- по получению заявления губернатор выдает заявителю «водворительное свидетельство», со дня подписания которого лицо считается водворенным в России, оставаясь, однако, в иностранном подданстве;
- по истечению 5 лет с момента водворения иностранец может обратиться к Министру внутренних дел или непосредственно на высочайшее имя с прошением о принятии в русское подданство;
- окончательное решение принимает Министр внутренних дел;
- принятие подданства совершается посредством присяги и оформляется соответствующим Свидетельством².

В рассматриваемых хронологических рамках указанный выше общий порядок натурализации не единожды претерпевал изменения в отношении военнопленных и гражданских пленнх Центральных держав, что позволяет выделить в нем три основных этапа:

1. *Первый этап* охватывает период с июля 1914 г. по июнь 1915 г., когда действовал установленный Совмином ускоренный порядок принятия в российское подданство «мирных обывателей, подданных враждебных нам стран, <...> заслуживающих по своей лояльности доверия». Порядок этот касался гражданских пленнх из числа славян, французов и итальянцев, а с 21 октября 1914 г. был распространен и на турецких христиан³.

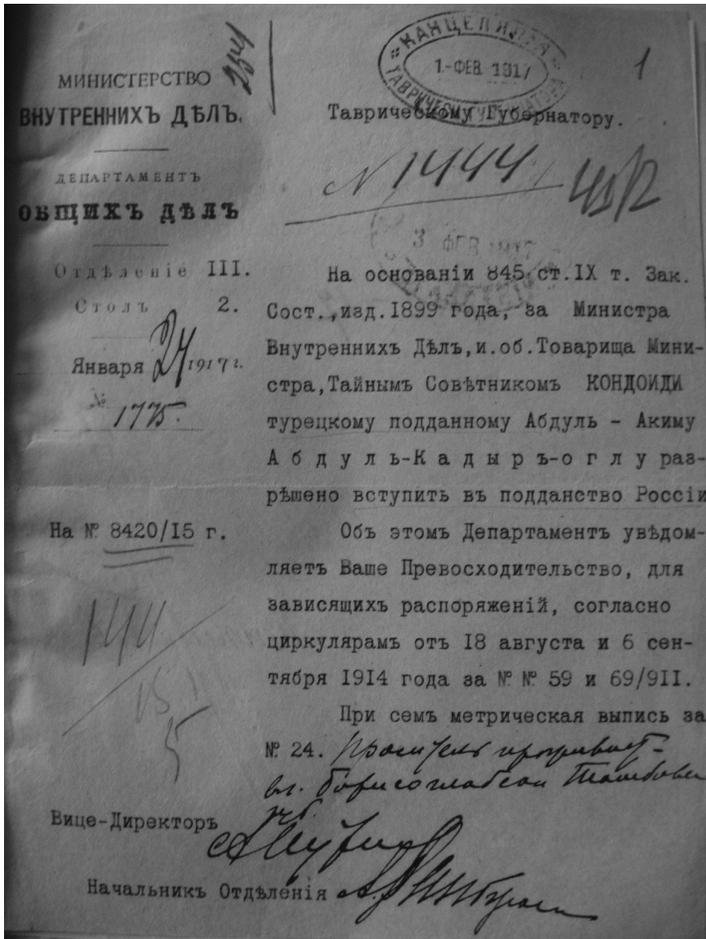
Однако в нашем распоряжении нет убедительных данных, свидетельствующих о том, что приведенная норма вообще реализовывалась на практике, по крайней мере — в отношении турок. Правда, в январе 1915 г. турецкому подданному Н. А. Нури, к примеру, было выдано «водворительное свидетельство»⁴. Но подавляющее большинство заявителей так и не дождалось от властей никакой реакции, включая сюда и заявителей, пользующихся покровительством весьма авторитетных особ. Так, стать россиянами в конечном итоге не удалось ни гречанкам Е. К. Каридиа и А. И. Каридиа, ни армянину Э. Я. Эраму, хотя за первых хлопотал член Государственного со-

¹ Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. Изд. 1899 г. СПб.: Гос. тип., 1900. — С. 168–172.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 376. Л. 2–3.

³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 838. Л. 42; Оп. 20. Д. 73. Л. 12; Д. 84. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 375. Л. 7.

ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 2. Д. 3. Л. 35.

вета генерал от инфантерии Х. Х. Рооп, а за второго — фрейлина их императорских величеств А. В. Никитина¹. Не удалось это и Эдхему Сулейману эфенди, проживавшему в г. Новый Оскол Курской губ. и возбудившему ходатайство о переходе в русское подданство еще 5 августа 1914 г., т. е. за 2,5 мес. до вступления Оттоманской империи в Первую мировую войну².

¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 296. Л. 22об, 23об.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8521. Л. 85.

2. Начало *второго этапа* мы относим к июню 1915 г., когда в целях борьбы со шпионажем Совмин признал необходимым «воспретить дальнейшее принятие в русское подданство каких бы то ни было иностранцев и оставлять без движения поступившие о том ходатайства, кроме совершенно исключительных случаев»¹. Хотя Временное правительство и сохранило, в целом, такой подход, оно, в отличие от своих предшественников, обратило внимание на военнопленных, постановив в мае 1917 г., что «прием в подданство России неприятельских военнопленных, не состоящих в рядах русской армии или добровольческих воинских частях, отложен до конца войны» и допустим «лишь в исключительных случаях, когда налицо окажутся особо уважительные к тому основания». Вместе с тем, названное правительство признало «возможным и желательным, не ожидая конца войны», принимать в российское подданство «неприятельских военнопленных, состоящих в рядах русской армии или добровольческих воинских частях»².

Правда, приведенное постановление фактически распространилось лишь на дружинников-армян, поскольку, в соответствии с действовавшим на тот момент законодательством, никто из оттоманских пленников просто не мог состоять ни в «добровольческих воинских частях», ни (тем более!) «в рядах русской армии». Тем не менее, именно после февраля 1917 г. турецкие военнопленные стали особенно часто подавать прошения о переходе в российское гражданство. Так, в июне 1917 г. о своем желании натурализоваться в России заявили 13 нижних чинов, содержащихся в ПриамВО (см. Таблицу 30 Главы 6), спустя месяц аналогичное ходатайство возбуждали сразу 9 офицеров (в чине от прапорщика до капитана), интернированных в г. Нерехта Костромской губ. и объяснявших свой поступок стремлением «освободиться от тиранства и деспотства турецкого правительства»³. В октябре 1917 г. старший лейтенант Исмаил Хаки и прапорщик Салахедрин (оба из КВО) изъявили желание принять не только российское гражданство, но и православие. Примерно тогда же комендант лагеря на о. Нарген поставил перед штабом округа вопрос об оставлении в России «в случае заключения мира» 10 турецких офицеров (полковник Сарым Екта, лейтенант Теофик Рауф оглы, прапорщик Феодалидис и др.)⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 375. Л. 27.

² РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 706. Л. 28; ГАКО. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 3. Л. 544.

³ РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 95. Л. 25 и об.; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2881. Л. 1.

⁴ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1152. Л. 11–12, 20.

Одновременно активизировались в этом отношении и турецкие гражданские пленные, правда, большей частью те из них, кто инициировал процедуру своей натурализации в России еще до войны, например, военнообязанные Осман Мехмед оглы, Абдуль Аким Абдуль Кадыр оглы, Антон Ибрагимов Абдулах (католик) и др.¹

3. Третий этап начался с принятия Декрета ВЦИК от 5 апреля 1918 г. «О приобретении прав российского гражданства», по смыслу которого стать гражданином РСФСР мог практически любой иностранец, подавший соответствующее заявление в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по месту жительства². Положения Декрета несколько конкретизировал 5-й Всероссийский съезд советов, постановивший 10 июля 1918 г., что «РСФСР предоставляет все политические права <...> иностранцам, проживающим на территории Российской Республики <...> и принадлежащим к рабочему классу или к непользующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными советами право предоставлять таким иностранцам без всяких затруднительных формальностей право российского гражданства»³.

Однако у нас нет серьезных оснований считать, что исчезновение «затруднительных формальностей» как-то способствовало переходу турок в советское гражданство. Так, по сведениям И. П. Щерова, к 1 ноября 1918 г. в 17-и российских губерниях (правда, автор не назвал в каких именно), гражданами РСФСР стали 613 австро-венгерских военнопленных, 27 германских и только 1 турецкий⁴. В Рязанской губ. с июня 1918 г. по март 1919 г. российское гражданство приняли 136 пленных, из которых лишь трое являлись турками (Яков Гробман, Израиль Гробман и Хусейн Эбукан)⁵.

Таким образом, в исследуемых хронологических рамках имели место разве что единичные установленные факты перехода в российское гражданство турецких пленных, преимущественно — христиан и иудеев. Что же касается намерений отдельных лиц, в т. ч. и из числа мусульман, натурализоваться в России, то их конечные результаты остаются не вполне ясными.

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 142. Д. 532. Л. 1; Д. 533. Л. 9, 11–12; Д. 534. Л. 5–6.

² СУиР РикП. 1918. № 31. Ст. 405.

³ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 4. Л. 180.

⁴ Щеров И. П. Военная миграция в России (1914–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Смоленск: Смоленск. гос. пед. ун-т, 2001. – С. 122.

⁵ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 4. Л. 26, 68, 98.

Глава десятая

Участие в Первой мировой войне и Гражданской войне в России. Боевой путь 1-го стрелкового полка турецкой Красной армии

Характерной особенностью пленных турок было то, что на протяжении всей истории вооруженного противостояния между Российской и Османской империями они *категорически* избегали любого участия в русской смуте или в борьбе России с какой-либо третьей державой. Как правило, не находили у турок отклика и предложения о переходе на российскую службу, хотя еще в 1696 г., во время осады Азова, их призывал к тому сам Петр Великий, обещавший османам, что «вам в вере вашей тесноты не будет, а пожалованы будете его государской милостью жалованием и кормами против того, которые ваши братья, будучи в своей вере, ему, великому государю, служат»¹. Правда, из приведенного выше правила известны два исключения:

– в августе 1774 г. группа военнопленных Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., интернированных в г. Керенск Воронежской губ. (до 30 чел.), добровольно приняла участие в обороне города от пугачевцев²;

– в 1789–1791 гг. около 120 военнопленных Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., опять же добровольно, проходили службу на Балтийском флоте, и участвовали в Русско-шведской войне 1788–1790 гг.³

I. Что же касается рассматриваемых хронологических рамок, то применительно к периоду Первой мировой войны нужно отметить следующее:

а) Служба в армии детерминировалась российским подданством, принять которое пленные Центральных держав не могли по причинам, указанным в Главе 9.

б) Вплоть до конца 1917 г. Петроград не стремился привлечь турок на русскую службу и даже к самой этой мысли относился скорее отрицательно.

¹ ОР РНБ. ОСПК. F.IV.38. Л. 93.

² Подробнее см.: *Познахирев В.В.* Турецкие военнопленные в обороне г. Керенска в 1774 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://исторический-сайт.рф/Турецкие-военнопленные-в-обороне-Керенска-в-1774-1.html>. (да-та обращения 21.05.2014).

³ Подробнее см.: *Его же.* Турецкие военнопленные в русско-шведской войне 1788–1790 гг. // Клио. – 2012. – № 5. – С. 83–85.

в) Несмотря на существование правовых запретов, турецкие военнопленные, вне зависимости от их вероисповедания, регулярно возбуждали ходатайства о поступлении на русскую службу. При этом мусульмане получали отказы со ссылкой на действующее законодательство, а христиане, кроме того, еще и на приказ Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, сформулированный им в мае 1915 г. следующим образом: «все просьбы (турецких — В.П.) военнопленных армян и греков о разрешении вступить в ряды русской армии должны быть отклоняемы на месте»¹.

в) Из военнопленных мусульман стремление перейти на русскую службу демонстрировали преимущественно офицеры. Наиболее ярким примером здесь может служить коллективное ходатайство 13 турецких военнопленных (в чине от лейтенанта до майора), которое они подавали как минимум дважды (20 июня и 15 октября 1917 г.), указывая на свое желание «принести России пользу службой в армии или на фронте или в другом месте»².

г) Из военнопленных христиан наибольшую настойчивость в этом вопросе проявляли армяне. К примеру, 4 ноября 1916 г. 10 аскеров-армян, работавших на строительстве железной дороги «Казань-Екатеринбург», возбудили ходатайство о зачислении их на службу в армию»³. В апреле 1917 г. еще 130 солдат-армян, расквартированных в ПриамВО, постановили: «Повергнуть [к] стопам Временного правительства ходатайство отправиться на фронт или же всем пойти на помощь крестьянам по устройству полей»⁴.

д) Если мусульмане из числа гражданских пленных на русскую службу не стремились, то о христианах этого сказать никак нельзя. Так, уже к 22 октября 1914 г. Мариупольская армянская община организовала отряд добровольцев в количестве до 80 турецко-подданных армян и возбудила ходатайство перед Военным министром об их перевозке в Тифлис для дальнейшей борьбы «с общим врагом турками». 20 ноября 1914 г. Черноморский губернатор телеграфировал Наместнику: «Ко мне начали обращаться турецко-подданные греки и армяне с просьбами о зачислении их добровольцами в русские войска, действующие против турок»⁵.

¹ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 232.

² РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 95. Л. 25 и об.; АВПРИ. Ф. 160. Оп. 708. Д. 2881. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 177. Л. 368, 455.

⁴ РГВИА. Ф. 1558. Оп. 9. Д. 9. Л. 199.

⁵ Цитир. по: *Perinçek M. Birinci Dünya Savaşı'nda Türkiye Ermenilerinin Rus Ordularına Katılımına Dair Yeni Belgeler / Karadeniz – Блэк Си – Черное море. – 2011. – № 10. – С.*

Подобных прошений поступало множество, и частью они были удовлетворены. Небезынтересно отметить в этой связи, что в период своего пребывания во внутренних регионах России (отпуск, командировка и т.п.), бойцы армянских дружин, являвшиеся подданными Турции, регистрировались полицией (но не воинскими начальниками), и за ними устанавливался надзор, как и за всеми подданными враждебных держав. Полагаем, что указанный порядок был небезупречен. Хотя бы уже потому, что не учитывал принадлежность этих людей к вооруженным силам. В результате дружинники фактически оказывались предоставленными самим себе. К примеру, 7 декабря 1915 г. доброволец 1-й армянской дружины турецкий подданный Г.А. Цашкьян был уволен в отпуск в г. Харьков «по своим делам», а не позднее 7 января 1916 г. переехал из Харькова в г. Старый Оскол Курской губ., где и находился до 24 февраля. При этом ни Старооскольский уездный исправник, ни Помощник начальника губернского жандармского управления, курировавший названный уезд, так и не задались вопросами, по каким причинам Г.А. Цашкьян самовольно изменил место проведения отпуска, с какой целью прибыл в Старый Оскол, почему проживал в этом городе целых полтора месяца и пр. Однако, принимая во внимание тот факт, что Эрзерумская наступательная операция Кавказской армии проходила с 28 декабря 1915 г. по 18 февраля 1916 г., можно с высокой степенью вероятности предполагать, что означенный боец-доброволец сделал все, чтобы телеграмма командира дружины, отзывающая его из отпуска в связи с началом на фронте активных боевых действий, адресата в Харькове не нашла. И сделал это не только без особого труда, но и фактически с ведома российских властей¹.

II. Что касается Гражданской войны в России 1918–1921 гг., то, хотя турецкие подданные и здесь не проявили особой активности, они сражались на стороне и советской власти, и ее противников, в рядах как общевоинских, так и своих национальных формирований. Если говорить о последних детальнее, то, по нашим данным, в составе Красной армии в разное время действовали следующие турецкие воинские части и подразделения:

1. *Турецкая рота 1-го татаро-башкирского батальона (1918 г.)*. Хотя в документах Архивного фонда РФ нам не удалось обнаружить никаких сведений о данном формировании, оно упоминается как

33–34 // <http://www.ardahan.edu.tr/karadeni-zdergi/web/?did=225&dbaslik=Число10#arubaslik> (дата обращения: 10.05.2014).

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 601. Л. 5–6, 20.

в отечественной, так и в зарубежной историографии, в т.ч. и турецкой¹. В частности, по мнению Н. Субаева, отдельная турецкая рота была сформирована в Москве в июне 1918 г. В конце того же месяца она прибыла в Казань и «во время ожесточенных боев под Сызранью», т.е. во второй половине сентября 1918 г., вошла в состав 1-го татаро-башкирского батальона². В другой своей работе Н. Субаев указал, что 26 сентября 1918 г. на совещании турецких социалистов в Казани было принято предложение о расширении названной роты до батальона³. Из иных источников следует, что в формировании роты большую роль сыграли Центральная мусульманская военная коллегия (ЦМВК) и лично М. Субхи⁴.

К сожалению, ни один из приведенных фактов авторы не подкрепили ссылками на документы. Это не позволяет сегодня назвать ни орган, принявший решение о формировании роты, ни даты ее образования; совершенно неясен состав части; остаются без ответа вопросы о том, где, когда и по чьему приказу она оказалась расформирована, ибо после сентября 1918 г. о существовании роты ни в одном из источников больше не упоминается. Заметим также, что сам факт создания отдельной турецкой роты в Москве в июне 1918 г. вызывает серьезные сомнения, поскольку речь тогда приходится вести о грубом нарушении советской стороной условий Брестского договора, совершаемом буквально «на глазах» турецкой делегации в составе смешанной русско-германской (репатриационной) комиссии⁵.

Впрочем, полагаем, что «тайну» данной части еще в 1967 г. фактически раскрыл М. А. Персиц. Отметив, что в 1918 г. «под Казанью героически сражался коммунистический отряд из турецких интернационалистов», этот автор назвал и источник своей осведомленности — выявленные им в бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС⁶ письма В. И. Ленину и Я. М. Свердлову ответственного работника Комиссариата по делам мусульман Наркомнаца РСФСР Ш. Н. Ибрагимова, датированные

¹ *Sayılgan A.* Solun 94 Yılı (1871–1965). Başlangıçtan Günümüze. Türkiyede Sosyalist-Komunist Hareketler. An-kara: Mars Matbaası, 1968. – S. 95–96.

² *Субаев Н.* Иностранцы интернационалисты в Татарии (1917–1920 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М.: Мысль, 1965. – С. 346–347.

³ *Его же.* Турецкие военнопленные в Поволжье: фрагменты истории // Эхо веков (Гасырлар Авазы). – 1999. – № 1/2. – С. 281.

⁴ Гражданская война в Поволжье / Под ред. М.К. Мухарьмова и др. Казань: Татарск. книжн. изд-во, 1974. – С. 252.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 541. Л. 54, 75; Оп. 8. Д. 25. Л. 13, 14, 16, 47, 49, 178.

⁶ В настоящее время – РГАСПИ.

23 августа 1918 г. В этих документах руководителям государства сообщалось, что «партия турецких коммунистов уже доказала на деле свою приверженность коммунистическим идеалам, организовав партизанский отряд, успешно сражающийся в рядах советских войск под Казанью»¹.

Ссылка на «партизанский отряд» многое ставит на свои места. Восстание Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. и возвращение основных его сил из Сибири к Волге и Уралу в целях создания нового антигерманского фронта сопровождалось, наряду с прочим, расправами военнослужащих корпуса над пленными Центральных держав. Явление это настолько выходило за рамки эксцессов, что вызвало обеспокоенность правительств Германии, Австро-Венгрии и Турции². Более того, оно встревожило руководство МККК, которое еще в начале июня обратило внимание РОКК на то, что «вследствие возникновения военных действий на чехословацком фронте, а также на территории Западной Сибири, положение находящихся в этих районах военнопленных <...> стало в высшей степени тяжелым и неопределенным»³.

В условиях «тяжести и неопределенности» часть пленных предпочла при приближении чехословаков покинуть места своего расквартирования и скрыться в ближайших лесах, организовав там стихийные «партизанские» отряды. Полагаем, что один из них и вошел в историю как рассматриваемая здесь «турецкая рота». Иными словами, речь идет о воинской части хотя и реально существовавшей, но временной и непрочной, что подтверждается ее внезапным исчезновением уже в сентябре 1918 г., т.е. после того, как положение личного состава «роты» стало менее тяжелым и более определенным.

2. *Турецкий коммунистический отряд (по другим данным — «Восточный интернациональный отряд» и даже «Интернациональный восточный полк»)*, входивший в состав вооруженных сил Крымской Советской Социалистической республики в мае-июне 1919 г. К сожалению, об этой части известно едва ли не меньше, чем о предыдущей. М. Х. Султан Галлиев в свое время писал о том, что отряд был укомплектован «красными татарами и турецкими рабочими»⁴. По мнению В. А. Воднева, «ядро» части «составляли турецкие

¹ Персиц М.А. Турецкие интернационалисты в России. // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. – 1967. – № 5. – С. 65.

² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 8. Д. 6. Л. 178.

³ Там же. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.

⁴ Мирсаид Султан Галлиев. Избранные труды. Казань: «Гасыр», 1998. – С. 337.

военнопленные»¹. И. Ф. Черников утверждал, что обнаружил в бывшем Партийном архиве Крымского обкома Компартии Украины «интересные данные» о деятельности М. Субхи в Крыму в апреле 1919 г. «по формированию из бывших турецких военнопленных боевого отряда Красной Армии»². Правда, чем же эти данные так интересны, И. Ф. Черников, увы, не поделился, что заставляет задуматься над позицией М. А. Персица, который предпочел лишь вскользь коснуться данного формирования³.

Таким образом, пока можно определенно говорить лишь о том, что в указанный период М. Субхи и ряд его соратников действительно находились в Крыму и, по крайней мере, пытались сформировать добровольческий интернациональный отряд, используя для этой цели две доступные им категории турецких подданных: собственно этнических турок и крымских татар.

3. *Турецкая рота (по другим данным — «Особая турецкая рота») Отдельного персидского интернационального отряда (позднее — полка) I Армии Туркестанского фронта.* Хотя в ходе Гражданской войны это подразделение практически никак не проявило себя и почти не упоминается в исторической литературе, оно, по нашим оценкам, явилось первым реальным турецким формированием в революционной России, причем таким, которое имеет наибольшие основания претендовать на звание «интернационального»⁴.

Правовой основой создания роты стал Приказ Реввоенсовета Республики (РВСР) от 26 августа 1919 г. № 1363/268, которым предписывалось «добровольцев: персов, турок, а также других мусульман восточных национальностей, набирать при военных комиссариатах Петрограда, Москвы, Казани, Симбирска и Самары и затем направлять в распоряжение Революционного Военного Совета (РВС) Туркестанского фронта. Набор производит Центральное

¹ Воднев В.А. Замечательный сын турецкого народа // Вопросы истории КПСС. — 1983. — № 2. — С. 114.

² Черников И.Ф. О некоторых материалах по истории советско-турецких отношений // Турция. История, экономика, политика. М.: Наука, 1984. — С. 124.

³ Персиц М.А. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 — июль 1920) // Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. Сб. статей // Отв. ред. Р.А. Ульяновский. М.: Наука, 1969. — С. 87.

⁴ Об этой роте кратко говорится в работах: Жаров Л.И., Устинов В.М. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. М.: Воениздат, 1960. — С. 103–104; Сологубов И.С. Иностранцы коммунисты в Туркестане (1918–1921 гг.). Ташкент: Гос. изд-во Узб. ССР, 1961. — С. 154 и некоторые др.

бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП (б)». Далее приказ требовал из направленных комиссариатами добровольцев «формировать отдельные батальоны, которые в дальнейшем и в пределах фронта развертывать в крупные войсковые соединения»¹. Хотя формулировки названного приказа звучат ясно и недвусмысленно, штаб Туркестанского фронта не сразу решил на формирование «отдельных батальонов» из вышеуказанных добровольцев. Лишь 3 апреля 1920 г., под давлением персидских (а возможно — и турецких) коммунистов, он... запросил РВСР о том, «насколько такие формирования допустимы». Ответная телеграмма РВСР, как мы полагаем, достойна того, чтобы быть опубликованной полностью: «Согласно заключению Военной комиссии при Федерации иностранных групп РКП (б) по формированию интернациональных частей Красной армии, формирование из персидских и турецких солдат более роты представляется нецелесообразным, т.к. политическая благонадежность указанных национальностей Военной комиссии совершенно неизвестна»².

Таким образом, помимо того, что РВСР попросту уклонился от прямого ответа; помимо того, что он не подтвердил и не опроверг собственный приказ от 26 августа 1919 г. № 1363/268 (который, к слову, никогда не отменялся и до июля 1920 г. не изменялся); помимо того, что он не счел нужным выяснять точку зрения Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока, которому создание таких формирований прямо вменялось в обязанность, — этот орган почему-то заинтересовался мнением Военной комиссии при Федерации иностранных групп РКП (б) по формированию интернациональных частей Красной армии, — учреждения, на которое создание воинских частей из представителей зарубежных стран мусульманского Востока никогда не возлагалось и формированием которых оно никогда не занималось. (Впрочем, последнее и без того видно из приведенной телеграммы).

Тем не менее, в апреле 1920 г. Отдельный персидский отряд в составе около 300 чел. был все-таки сформирован³. Турецкая рота входила в него как минимум на протяжении пяти месяцев. О настроениях личного состава этого подразделения судить сложно. Так, 6 мая

¹ РГВА. Ф. 25872. Оп. 1. Д. 1366. Л. 4.

² Там же. Л. 1, 4.

³ Мы предполагаем, что принять такое решение, не вполне согласующееся с позицией РВСР, в данном месте и в данное время мог лишь Командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе (хотя прямых доказательств этому нами не выявлено).

1920 г. один из турецких коммунистов просил М. Субхи «принять меры» в отношении красноармейца Али Ахмеда, который накануне «вел провокации» среди личного состава, утверждая, что «как будто Вы, тов. Субхи, продали их советской власти за 5 млн руб. золотом». Лидер турецких коммунистов отреагировал на обвинение болезненно, что видно из его резолюции: «сделать расследование и беспощадно наказать провокатора»¹. Небезынтересно также отметить, что провозглашение в Энзели в июне того же года Гилянской Республики вызвало тревогу у военнослужащих роты, не желающих сражаться за интересы Персии, пусть и революционной. В этой связи в сентябре 1920 г. политотдел Отряда даже направлял в орган-предшественник ЦК КПТ — Центральное бюро турецких коммунистических организаций (ЦБ ТКО) — письмо, в котором то ли жаловался, то ли выговаривал турецким коммунистам по поводу того, что «в последнее время замечаются побеги и дезертирства красноармейцев турков»².

4. *1-й стрелковый полк турецкой Красной армии (по другим данным — «1-й стрелковый турецкий полк», «Турецкий стрелковый красный полк»)*. Хотя речь идет о самой крупной (до 800 чел.) и наиболее боеспособной турецкой воинской части, сформированной в рассматриваемый период на территории, подконтрольной советской власти, даже во времена особенно активных исследований движения иностранных интернационалистов в СССР, т.е. в 60-е — 70-е гг. XX в., «красный турецкий полк» удостоился лишь фрагментарного упоминания в работах Ю. А. Багирова, А. Б. Кадишева, И. А. Таиряна и многих других авторов³. Впрочем, в трудах зарубежных историков, в т.ч. и турецких, данному полку уделено еще меньше внимания⁴.

В этой связи считаем необходимым остановиться на этой воинской части подробнее, отметив, в первую очередь, что турецкий полк двухбатальонного состава формировался в период с июня по октябрь 1920 г., в основном — в Баку и — отчасти — в Екатеринодаре

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 181. Д. 12. Л. 45–46.

² Там же. Д. 23. Л. 32.

³ Багиров Ю. А. Из истории советско-турецких отношений, 1920–1922 гг. (по материалам Азерб. ССР). Баку: АН Аз. ССР, 1966. — С. 24; Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М.: Воениздат, 1960. — С. 336–343; Таирян И. А. XI Красная армия в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Армении. Ереван: «Ай-астан», 1971. — С. 122–138.

⁴ Aslan Y. Türkiye Komünist Fırkası'nın Kuruluşu ve Mustafa Suphi: Türkiye Komünistlerinin Rusya'da Teşkilatlanması, 1918–1921. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1997. — S. 123; Dinamo H. İ. Kutsal İsyân: Milli Kurtuluş Savaşı'nın Gerçek Hikayesi. 5 Kitap. İstanbul: Tekin, 1986. — S. 352, 372; Küçük Y. Sırlar. İstanbul: İthaki, 2004. — S. 144; Tunçay M. Türkiye' de Sol Akımlar, 1908–1925. İkinci Basım. Ankara: Bilgi Yayınevi, 1967. — S. 107.

и на х. Романовский Кубанской обл. Инициатива создания полка всецело принадлежала турецким коммунистам, особенно активно развернувшим свою деятельность в Баку сразу же после установления советской власти в Азербайджане (28 апреля 1920 г.). Не позднее 20 июня 1920 г. названная инициатива была поддержана РВСР, признавшим необходимым формирование «специальных турецких частей <...> на случай возможной помощи революционному движению в соседних мусульманских странах» и возложившим эту обязанность на Ревком Азербайджана и РВС Кавказского фронта¹. (В то же время, Анкара довольно долго взирала на полк откровенно настороженно, и еще 7 сентября 1920 г., т.е. незадолго до отправки этой воинской части в Турцию, представитель ВНСТ заявлял, что его страна «в людском составе не нуждается». Впрочем, спустя две недели эта позиция была изменена на прямо противоположную²).

Характерно, что основную работу по комплектованию полка личным составом взяло на себя ЦБ ТКО, поддержанное командованием XI Красной армии Кавказского фронта. Энергия, проявленная летом 1920 г. немногочисленными турецкими коммунистами и социалистами, поистине впечатляет. В поисках добровольцев из числа еще остающихся в России бывших военнопленных и интернированных соотечественников, ЦБ ТКО командировало своих людей в Поволжье, Центральные регионы страны, на Северный Кавказ и даже Урал «с целью вербовки из среды турецких военнопленных аскеров и рабочих в турецкий коммунистический отряд»³. Основные «агитационно-вербовочные бюро (пункты)» были развернуты в Астрахани, Екатеринодаре, Майкопе, Нальчике, Ростове, Ставрополе и на х. Романовский.

Численность полка росла столь быстро, что М. Субхи уже к концу июля поставил перед собой еще более амбициозные цели. 3 августа 1920 г. он обратился в президиум Съезда трудовых горцев Кубанской области и Черноморского округа с просьбой начать «формирование черкесских конных полков и передачу их в Баку в красную турецкую дивизию (Курсив наш — В.П.)», т.к. «страницы прошлого полны указаний на то, что черкесы всегда близко к сердцу принимали интересы братского турецкого народа»⁴. Поскольку на просьбу съезд

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 24. Л. 15; Ф. 195. Оп. 4. Д. 21. Л. 3, 7–8; Оп. 10. Д. 1. Л. 1–2; Оп. 11. Д. 23. Л. 10.

² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С (Турция). Д. 68. Л. 2; Ф. 495. Оп. 181. Д. 23. Л. 30.

³ Там же. Ф. 495. Оп. 181. Д. 13. Л. 9; Д. 19. Л. 18; Д. 89. Л. 24; Д. 91. Л. 2, 7.

⁴ Там же. Д. 10. Л. 178.

не отреагировал, М. Субхи предложил укомплектовать дивизию путем мобилизации турецких граждан, проживающих на территории Азербайджана. Но это предложение отверг уже РВС XI Армии.

Однако как бы то ни было, к середине октября 1920 г. формирование полка было, в основе своей, завершено. Как можно понять из изложенного выше, часть комплектовалась исключительно на добровольной основе, а ее военнослужащих объединяло этноконфессиональное единство и общая для всех цель — вернуться на родину (вне зависимости от действительных политических убеждений и дальнейших планов конкретных лиц)¹. Данное обстоятельство во многом объясняет тот успех, который сопутствовал формированию полка, и одновременно дает основания поставить под сомнение его революционный и интернациональный характер. В этой связи мы считаем, что в свое время А. Н. Хейфец выразился совершенно справедливо (как по форме, так и по существу), когда написал, что «после советского переворота (т.е. после 28 апреля 1920 г. — В.П.) в Баку начали съезжаться турецкие военнопленные *для возвращения при первой возможности на родину* (Курсив наш — В.П.). Они создали добровольческий полк»². То есть не «интернациональный», но лишь «добровольческий». В пользу этого говорит и письмо командира полка от 20 сентября 1920 г., в котором тот сообщал М. Субхи, что 96 турок, накануне прибывших в качестве пополнения из Астрахани, отказываются от зачисления в полк, мотивируя это тем, что они направлялись в Баку для своей последующей репатриации, а не для продолжения службы³.

Антагонизм между офицерами и рядовыми в части отсутствовал. Командный состав имел определенный боевой опыт и соответствовал занимаемым должностям как по уровню специальной подготовки, так и по своим моральным качествам. Достаточно сказать, что офицеры полка, в т.ч. и его командир Мамед Эмин, позволили себе получить зимнее обмундирование лишь в декабре 1920 г., только после того, как был экипирован весь рядовой состав. Вопреки распространенному сегодня мнению о материальной заинтересованности иностранцев, поступавших на службу в Красную армию, денежное содержание военнослужащих полка трудно назвать высоким.

¹ РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 141. Л. 4–5.

² Хейфец А.Н. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на угнетенные народы Востока // Великий Октябрь и народы Востока. Сборник. Отв. ред. А.А. Губер. М.: Изд-во восточн. лит-ры, 1957. — С. 56.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 181. Д. 99. Л. 5.

Жалование всех офицеров (вне зависимости от занимаемой должности) составляло 7,5 тыс. руб., а рядовых — 3,5 тыс. руб. в месяц. При этом в Баку в этот период сотня папирос стоила 1 600 руб., услуги носильщика на вокзале оценивались в 50 руб., а поездка на извозчике обходилась в среднем в 500 руб.¹

Личный состав полка получил неплохую политическую подготовку, а доля коммунистов в нем приближалось к 7%. Тем не менее, органы советской власти, вероятно, сочли этого недостаточным и 16 сентября 1920 г. чрезвычайный и полномочный представитель РСФСР в Турции и Персии Ш. З. Элиава, обращая лично к М. Субхи, писал: «Необходимо немедленно усилить политическую работу в турецком полку, предназначенном через 10 дней к отправке в Турцию. Прошу выделить возможно большее число лучших коммунистов из имеющихся у Вас и срочно направить их с соответствующими инструкциями в турецкий полк»².

Вместе с тем, к моменту отправки полка на родину, его личный состав был обеспечен обувью и зимним обмундированием не более, чем на 50%. Ощущался недостаток в средствах транспорта и санитарном имуществе. Лишь во второй половине сентября турки получили оружие (значительная часть которого, кстати, вышла из строя в первые же дни боев): винтовки без штыков и 6 пулеметов, а наиболее массовое пополнение (277 чел.) «догнало» полк уже на пути в Турцию. Небезупречным оказался и план перемещения полка из Баку через Евлах, Агдам, Шушу и Герусы в Нахичевань, занятую к тому времени турецкими войсками. Тот факт, что один из участков указанного маршрута пролегал через Зангезур (Сюник), т.е. территорию независимой Армении, не остановил авторов плана перехода, поскольку здесь находились части XI Красной армии, введенные в Зангезур в соответствии с соглашением между РСФСР и Республикой Армения от 10 августа 1920 г. в целях создания условий для мирного разрешения спора между Ереваном и Баку по поводу государственной принадлежности данного региона. При этом не было учтено ни растущее недовольство населения Зангезура присутствием Красной армии, ни все более обостряющиеся армяно-турецкие отношения, вылившиеся в конце сентября в полномасштабные военные действия³. Хуже того, составителей плана не заставило отказаться от его реализации даже восстание населения Зангезура, вспыхнув-

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 181. Д. 13. Л. 75; Д. 18. Л. 38; Д. 101. Л. 7.

² Там же. Д. 22. Л. 23.

³ Имеется в виду Армяно-турецкая война 1920 г.

шее 10 октября и приведшее к тому, что уже через полторы недели повстанцы, возглавляемые Гарегином Нжде, практически вытеснили части XI Красной армии за пределы своего региона.

В таких условиях турецкий полк 24 октября 1920 г. прибыл в Герусы и на следующий день вошел в состав специально созданной для подавления восстания Зангезурской ударной группы войск (ЗУГВ), возглавляемой начдивом П. В. Куришко (Курьшко)¹. Очевидно, что командование ЗУГВ отнеслось к такому подкреплению без энтузиазма, ибо вполне сознавало, что наличие турок в составе группы войск вызовет в создавшихся условиях особое негодование армян, многократно усилит их сопротивление и, в конечном итоге, сделает умиротворение мятежного региона проблематичным. Не добавляло командованию оптимизма и появление среди красноармейцев листовок, распространяемых повстанцами: «Товарищ солдат! Я знаю, ты не забыл меня, армянского солдата, который рядом с тобой погибал на высотах Палантенкена, увязал в снегах Эрзерума в борьбе с нашим общим врагом — турками <...> Ты пошел на меня, своего брата, забыл кровь, пролитую вместе. Тебя поставили рядом с турками, <...>, рядом с историческими врагами России. Не могут они быть твоими друзьями, не верю я!»².

В этой связи анализ боевых документов конца октября 1920 г. наводит на мысль, что штаб группы вольно или невольно пытался как-то... дистанцироваться от турецкой воинской части. Так, в первые дни своего пребывания в ЗУГВ полк не получал никаких конкретных задач; он не был придан ни одной из пяти бригад группы и не включен в состав ни одной из трех ее боевых колонн; только командиру турецкого полка был дан приказ в будущих боях «ни в коем случае не трогать мирное население, не чинить никаких незаконных реквизиций и конфискаций»³. Но наибольшее внимание привлекает приказ Командира группы от 27 октября 1920 г. № 03/оп. В этом документе, помимо констатации факта, что «противник занимает тракт Каракилисе — Ангелаут — Нахичевань», и формулирования задач каждой из боевых колонн, содержится чрезвычайно любопытный момент: если от командиров всех колонн требовалось закончить сосредоточение в назначенных районах к исходу дня 31 октября и начать наступление с рассветом 1 ноября, то Мамед Эммин получил приказ «с рассветом 31 октября перейти в наступление на с. Яйджи,

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 456. Л. 425; Ф. 326. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

² Там же. Д. 612. Л. 34.

³ Там же. Ф. 326. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

выбив и уничтожив противника в этом районе двинуться по дороге на Вагуды — Каракилисе — Шеки — Ангеллаут — Шукар и далее на Нахичевань»¹.

Таким образом, туркам прямо предписывалось начать наступление на 24 часа раньше остальных сил ЗУГВ и в течение суток в одиночку продвигаться вдоль тракта, на котором, по данным разведки, как раз и располагался противник... Совершенно очевидно, что выполнение данного приказа в лучшем случае обескровило бы полк в первый же день боев. В худшем — повстанцы позволили бы туркам углубиться в их оборону, после чего полк был бы окружен и уничтожен. Причем остальные части ЗУГВ вряд ли смогли бы оказать ему своевременную и эффективную помощь, т.к., во-первых, 31 октября они еще только занимали районы сосредоточения, а во-вторых — такой вариант развития событий приказом вообще не предусматривался.

К счастью для турок, Г. Нжде не стал ждать проявления инициативы со стороны Красной армии. На рассвете 30 октября армяне сами атаковали по всему фронту группы и продвинулись практически до Герусы. Тем не менее, командованию ЗУГВ удалось восстановить положение и 1 ноября перейти в наступление в соответствии с первоначальными планами. В тот же день турецкий полк поступил в подчинение командира второй боевой колонны, включавшей в себя до этого лишь 103-й и 105-й кавалерийские полки.

В последующие сутки именно в полосе данного оперативного соединения разгорелись наиболее кровопролитные бои, предопределенные отчасти значением для противника Яйджи как важного опорного пункта, отчасти — самим фактом наличия в составе колонны турецкого полка. В период со 2 по 4 ноября село неоднократно переходило из рук в руки, и даже оперсводки штаба ЗУГВ передают особое ожесточение сражающихся. «Частями колонны 2 ноября было занято с. Яйджи, где изрублено до 100 чел.»; «Во время занятия с. Яйджи (3 ноября — В.П.) жители, оказывая упорное сопротивление, стреляли с крыши и [из] окон домов. Потери наши и противника не выяснены, пленных не взято»; «Население Яйджи частью отступило с бандами (4 ноября — В.П.), частью изрублено на месте»². (Слово «изрублено» вряд ли относился к действиям турок, которые не имели даже штыков).

Еще 2 ноября 105-й кавполк ввиду больших потерь был отведен в тыл. Кавалеристов сменил 247-й стрелковый полк. Однако полностью сосредоточиться на позициях эта часть смогла лишь к 4 ноября.

¹ РГВА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

² Там же. Ф. 195. Оп. 3. Д. 457. Л. 7об, 11, 21.

Не более успешно операция развивалась и на участках двух других боевых колонн. С каждым днем все явственнее обозначался кризис тылового обеспечения. Уже 3 ноября в донесении штаба ЗУГВ было признано, что «доставка продфуража и огнеприпасов действующим частям возможна только на выюках, за отсутствием коих части лишены возможности снабжаться правильно, своевременно и в достаточном количестве. Ощущается недостаток в обмундировании и, главным образом, в обуви»¹.

Тем не менее, штурм Яйджи 4 ноября привел к расчленению сил повстанцев и столь поспешному их отступлению, что в штабе ЗУГВ, вероятно, возникло ощущение долгожданного перелома. Этот момент командование группы войск сочло подходящим для того, чтобы предпринять еще одну попытку избавиться от турок. В 10 час. М. Эмину был дан приказ привести полк в боевую готовность, а после полудня — начать движение в направлении Нахичевани по указанному ранее маршруту². Причем имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют ответить на вопрос, удалось ли туркам в тот день получить хотя бы боеприпасы.

О том, что происходило далее, лаконично говорит оперсводка штаба группы от 6 ноября: «двигавшийся в направлении Каракилисе турецкий полк в районе (селений — В.П.) Агуды, Вагуды был обстрелян противником (400 штыков), занимавшим высоты Каракилисе. Вследствие порчи почти всех пулеметов (5 из 6) и значительного количества винтовок, и отсутствия патронов (Курсив наш — В.П.) полк начал отход на Яйджи, но ввиду сильного тумана и ненадежных проводников, сбился с пути и в 12 час. 6 ноября прибыл в Герусы»... где тут же получил приказ в 5 час. утра 7 ноября выступить на Яйджи³. Тем не менее, в оставшееся время М. Эмин сумел связаться по прямому проводу с Баку и провести переговоры с некоторыми из членов ЦК КПТ. Доложив, что «аскеры совершенно голые и босые в снежно-дождливых погодах при отсутствии санитарных имуществ болеют десятками людей», он попросил содействия ЦК в отводе полка на отдых и обеспечении его необходимым вооружением, обмундированием, санитарным имуществом и транспортом. Однако члены ЦК ответили лишь словами утешения и поддержки. Не дали они никакого конкретного обещания и на просьбу командира полка прислать хотя бы продукты и 1–2 млн руб. мелкими купюрами «для

¹ РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 457. Л. 10.

² Там же. Л. 21.

³ Там же. Л. 67; Ф. 326. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

производства покупок»¹. (Последнее было связано с тем, что с 6 ноября нормы продовольственного обеспечения в частях ЗУГВ были сокращены вдвое).

Во второй половине дня 7 ноября полк вернулся на позиции в районе Яйджи. Из переписки штаба группы видно, что там не сразу удалось решить, какой из полков, составлявших к тому времени вторую колонну, должны сменить турки: 247-й стрелковый или 103-й кавалерийский, — поскольку и тот, и другой находились далеко не в лучшем состоянии. Наконец, выбор был сделан в пользу последнего, ибо в нем из 310 красноармейцев 250 оказались «босыми и больными». Правда, среди турок каждый второй не имел шинели и сапог, но, увы, в частях ЗУГВ это не считалось чем-то сверхординарным².

Впрочем, все это уже не имело принципиального значения, поскольку боевые действия в Зангезуре на время практически прекратились. Отчасти потому, что враждующие стороны понесли за неделю боев значительные потери и во многом утратили боеспособность. Но главным образом по той причине, что Москву начали серьезно беспокоить победы турок в Армении. 29 сентября они взяли Сарыкамыш, 30 октября — Карс, 7 ноября — Александрополь, а с 11 ноября повели наступление уже на Эривань. Вооруженные силы Армении, наполовину разгромленные и деморализованные непрерывными поражениями, были явно неспособны оказать им какого-либо сопротивления. В этой связи ЗУГВ была расформирована, а ее части начали срочно перебрасываться к армяно-азербайджанской границе. В Зангезуре фактически остались лишь штаб 28-й стрелковой дивизии, 83-я стрелковая бригада трехполкового состава и приданные ей 247-й и турецкий стрелковые полки. При чем небезынтересно отметить, что в эти дни 247-й полк был переведен в Герусы, а на позициях его сменил 248-й. Таким образом, турки стали единственными, кто практически бессменно оставался на передовой с 30 октября, тогда как все другие части, когда-либо входившие вместе с ними в состав второй боевой колонны, были в разное время отведены в тыл.

Документы свидетельствуют, что период затишья М. Эмин посвятил укреплению боевой готовности полка. Так, 12 ноября он просил ЦК КПТ направить в его распоряжение всех еще находящихся в Баку турецких военнопленных, а на следующий день уведомлял,

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 181. Д. 99. Л. 38–39.

² РГВА. Ф. 326. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.

что Реввоенсовет XI Армии обещал прислать обмундирование для личного состава «при первой возможности», т.к. «положение полка в этом отношении самое критическое»¹.

Тем временем Ереван обратился к Анкаре с просьбой о начале переговоров, а 18 ноября враждующие стороны заключили перемирие и приступили к выработке положений мирного договора. Факт этот делал дальнейшую борьбу турок в Зангезуре бессмысленной. Однако он же и активизировал действия повстанцев. Оперсводка 28-й дивизии за 19 ноября сообщает, что «на участке турполка идет ожесточенный бой за обладание Чертова моста, который защищается противником с упорством»².

20 ноября Г. Нжде в очередной раз выбил турок из Яйджи. По приказу командования полк занял позиции на подступах к Герусы. Однако в тот же день здесь вспыхнуло восстание. Местное население, сохранявшее все это время внешнюю лояльность к Красной армии, ударило в тыл частям 83-й бригады, которым лишь с большим трудом удалось пробиться на высоты восточнее Герусы. Причем турки оказались в этот момент в особенно сложном положении. Не говоря уже о неисправных винтовках, они, во-первых, прикрывали подходы к селению со стороны злополучного для них тракта Вагуды — Ангелаут — Каракилисе. Именно по нему из глубины Зангезура к месту боев прибыли наиболее боеспособные отряды Г. Нжде, и последний с полным основанием говорил позднее, что его люди вошли в Герусы, «ступая по трупам турок». Во-вторых, полк М. Эмина занимал оборону западнее и юго-западнее селения, а значит для того, чтобы соединиться с главными силами восточнее Герусы, он должен был преодолеть наибольшее расстояние.

Сделать это удалось далеко не всем. Согласно оперсводке штаба 28-й дивизии, на 20 час. 21 ноября в строю числилось лишь 298 аскеров, хотя до этого их количество составляло около 700 чел. Правда, не в лучшем положении находились и остальные части 83-й бригады, которые, по оценкам командования, «настолько пришли в небоеспособность от двойного удара противника (с фронта и с тыла), что особенно рассчитывать на удержание ими занимаемого района без пополнения их и приведения в боеспособность, не приходится»³. Впрочем, удерживать занимаемый район остатки 28-й дивизии уже не пытались и к 26 ноября полностью очистили Зангезур.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 181. Д. 99. Л. 28, 29.

² РГВА. Ф. 195. Оп. 3. Д. 457. Л. 54.

³ Там же. Л. 69–70.

На этом, пожалуй, в вопросе о боевом применении 1-го стрелкового полка турецкой Красной армии можно поставить точку. По прибытию в Агдам он, наконец-то, получил недостающее обмундирование, а к середине декабря вернулся в Баку и находился здесь до конца 1921 г., когда Анкара потребовала его возвращения на родину¹. Оценивая потери полка, мы полагаем, что за весь период операции в Зангезуре они составили не менее 60 чел. убитыми и ранеными. К числу убитых, очевидно, следует отнести еще до 400 турок, попавших в плен к повстанцам в ходе боев за Герусы 20 и 21 ноября. Во всяком случае, по данным Г. Мирзояна эти люди вскоре после пленения были частью расстреляны, частью живыми сброшены в ущелье близ с. Татев (около 30 км от Герусы)².

Помимо частей названных выше, в документах Архивного фонда РФ и отечественной исторической литературе можно встретить упоминания и о других «красных турецких формированиях», хотя судить о том, в какой мере в них оказались задействованы бывшие военнопленные и гражданские пленные Оттоманской империи, довольно сложно. Так, ряд данных указывает на то, что еще в мае 1920 г. в Азербайджане существовали турецкие красноармейские части³. Американский историк Г. Л. Робертс относит их появление к апрелю 1920 г. и даже считает, что эти части «могли участвовать во вторжении в Азербайджан»⁴. К сказанному можно также добавить, что летом 1920 г. в Баку действовала Турецкая партийная школа, в которой одновременно обучалось не менее 50 курсантов, часть которых в сентябре того же года была назначена политработниками в 1-й стрелковый полк⁵.

Вместе с тем, в литературе на этот счет содержится и информация, достоверность которой вызывает серьезные сомнения. Так, Л. И. Жаров и В. М. Устинов в свое время сообщали, со ссылкой на Известия ВЦИК от 7 декабря 1918 г., что «в состав интернационального батальона, участвовавшего в обороне Астрахани в 1918–1919 гг., входила турецкая рота»⁶. Однако в указанный день Изве-

¹ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С (Турция) Д. 70. Л. 2.

² Мирзоян Г. Миф и правда о расстреле в Татеве // Ноев ковчег. Независимая информационно-аналитическая международная армянская газета. № 4 (163). Февраль (15–28) 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://noev-kovcheg.ru/mag/2011-04/2422.html> (дата обращения: 25.05.2014).

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 181. Д. 10. Л. 27.

⁴ Roberts G.L. Commissar and Mullah: Soviet-Muslim Policy from 1917 to 1924. Boca Raton: Universal-Publishers, 2007. – P. 90.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 181. Д. 12. Л. 173; Д. 23. Л. 31.

⁶ Жаров Л.И., Устинов В.М. Указ. соч. – С. 103.

ствия ни о чем подобном не писали. В номере от 7 декабря 1918 г. упоминается лишь о митинге, прошедшем 5 декабря в Доме Союзов, на котором выступил, в частности, М. Субхи. Однако говорил он о событиях на своей родине, а вовсе не об обороне Астрахани¹.

В отличие от названных авторов, азербайджанские историки З.И. Ибрагимов и Т.М. Исламов сделали ставку не на газетную статью, а на куда более серьезные источники – документы бывшего Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Азербайджанской ССР (ЦГАОР Азерб. ССР)². Это позволило им «выявить», по крайней мере, четыре турецких воинских формирования, существовавших в Закавказье в 1920 г., а именно:

1) специальный коммунистический отряд в составе 2-го полка XI Красной Армии (без указания бригады или дивизии);

2) турецкий стрелковый полк, насчитывавший свыше 700 бойцов;

3) отряд турецких интернационалистов под командованием М. Эмина;

4) турецкий стрелковый полк в составе 28 дивизии Красной армии³.

При этом З.И. Ибрагимов и Т.М. Исламов то ли не заметили, то ли не пожелали замечать того, что во всех четырех случаях они говорят... об одной и той же воинской части: все о том же 1-м стрелковом полку турецкой Красной армии, который:

1) на начальной стадии своего формирования (июнь-июль 1920 г.) именовался «отрядом» и входил в состав 2-го *запасного* полка XI Армии;

2) насчитывал в своем максимальном составе (на середину октября 1920 г.) свыше 700 человек;

3) состоял под командованием Мамеда Эмина;

4) 9 ноября 1920 г. поступил в оперативное подчинение 28-й стрелковой дивизии советской Красной армии.

Более того, З.И. Ибрагимов и Т.М. Исламов вообще нигде прямо не упомянули о 1-м стрелковом полку, но указали, опять же со ссылкой на ЦГАОР Азерб. ССР, что в сентябре 1920 г. в Азербайджане было начато формирование 2-го турецкого стрелкового полка⁴.

¹ Известия ВЦИК. 1918. 7 дек. С. 2.

² В настоящее время – Государственный архив Азербайджанской Республики.

³ *Ибрагимов З.И., Исламов Т.М.* Интернационалисты в борьбе за власть Советов в Закавказье // Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики. Сб. статей. М.: Наука, 1971. – С. 224–225.

⁴ Там же. С. 224.

И хотя создание такой воинской части лишь предполагалось, но так никогда и не было начато, мысль о ней, похоже, некритически заимствовал Ц. П. Агаян. Причем, в одной своей работе означенный автор подтвердил (без каких-либо ссылок), что 2-й полк действительно «формировался»¹. В другой — пошел гораздо дальше, написав (опять же без ссылок), что в сентябре 1920 г. 2-й турецкий стрелковый полк «сформировался»².

Вместе с тем, анализ архивных документов и опубликованных источников дает основания полагать, что в рассматриваемый период турки служили в Красной армии и вне национальных формирований. Так, во второй половине 1919 г. ЦМВК завербовала и направила для прохождения службы в туземный батальон при 2-й отдельной Приволжско-татарской бригаде 103 турецких подданных³. К сожалению, дальнейшую судьбу этих людей нам установить не удалось. Можно лишь отметить, что позднее названное соединение было переименовано сначала в 6-ю Приволжскую татарскую бригаду Красных коммунаров, а затем — в 68-ю Татарскую бригаду 23-й стрелковой дивизии. В сентябре 1920 г. соединение прибыло на Юго-Западный фронт, где приняло первый бой с врангелевцами в составе XIII Красной армии.

В фонде Туркестанского окружного военного комиссариата (РГВА) сохранился список бывших военнопленных Центральных держав, поступивших в Красную армию в декабре 1918 г. Документ датирован 3 января 1919 г. В нем числится 25 человек, среди которых один турок — Омер Мемед, 26 лет, бывший рядовой 3-го пехотного полка оттоманской армии⁴. Еще один турок состоял в рассматриваемый период в организации иностранных коммунистов г. Уфы. Как можно понять из сохранившихся документов, человек этот вступил в ВКП (б) в 1919 г., а в 1920 г. — в Красную армию⁵.

Осенью 1920 г. по крайней мере 2 турецких офицера служили в Отдельном запасном кавалерийском дивизионе XI Армии⁶. Несколькими ранее, в июле 1920 г., ЦБ ТКО по просьбе Реввоенсовета I

¹ Агаян Ц. П. В. И. Ленин и создание Закавказских советских республик. Ереван: АН Арм. ССР, 1976. — С. 196.

² *Его же*. Вековая дружба народов Закавказья. В 2-х ч. Ч. 2. Ереван: «Айстан», 1972. — С. 24.

³ РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 93. Л. 10, 12, 19.

⁴ Там же. Ф. 25898. Оп. 1. Д. 357. Л. 19.

⁵ РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 1. Д. 76. Л. 16.

⁶ Там же. Ф. 495. Оп. 181. Д. 13. Л. 3, 21, 26.

Армии Туркестанского фронта направило в распоряжение последнего 10 турецких офицеров для замещения «инструкторских и командных должностей мусульманских частей Красной армии». Судя по всему, люди эти предназначались для 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии, в которой летом 1920 г. формировались узбекская, киргизская и туркменская национальные бригады¹. Не исключено также, что в 1920 г. бывшие турецкие военнопленные служили в Мусульманском интернациональном отряде дивизии Третьего интернационала в Томске, а в 1919 г. — в Мусульманском коммунистическом отряде в Киеве².

Утверждать, что служба турок в Красной армии носила исключительно добровольный характер, мы не беремся, ибо этому противоречат некоторые факты. Например, 28 марта 1923 г. Нарком Иностранных дел Г. В. Чичерин писал Наркому внешней торговли Л. Б. Красину буквально следующее: «вспомните о многочисленных случаях, когда у турецких граждан отнимаются все документы, после чего местные власти заявляют, что они не могут доказать своего турецкого подданства и в результате их считают российскими подданными и зачисляют в Красную Армию...»³. Обращает на себя внимание и то, что в мае 1921 г. Центрэвак запрашивал Отдел востока НКВД о том, как ему следует реагировать на требование Анкары «об освобождении из рядов Красной армии и отправке на родину турецких граждан»⁴.

В связи с изложенным нельзя не заметить, что на Украине в 1919 г. была предпринята попытка призвать в армию всех турецких подданных, годных к военной службе, ибо в соответствии с законодательством этой республики от призыва освобождались лишь граждане тех государств, с которыми Украина имела дипломатические отношения, а Турция, в отличие, например, от Персии, к числу таких не относилась. Правда, проблему эту удалось быстро разрешить, и 25 июня 1919 г. Правовой отдел НКВД Украины разъяснил заинтересованным органам и учреждениям, что поскольку турецкие подданные находятся под защитой персидского консульства в Киеве, они «не подлежат отбыванию воинской повинности и тыловым работам»⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1497. Л. 7–8; Ф. 495. Оп. 181. Д. 23. Л. 10, 15, 25, 67; Д. 28. Л. 34

² ГАРФ. Ф. 3604. Оп. 1. Д. 1. Л. 108, 144; РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 102. Л. 4.

³ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 57. Л. 109.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 330. Л. 105.

⁵ Там же. Ф. 3604. Оп. 1. Д. 1. Л. 174.

В целом же мы считаем возможным предполагать, что в 1918–1921 гг. в Красной армии могло проходить службу до 1000–1200 бывших турецких военнопленных и гражданских пленнх (главным образом, в составе четырех перечисленных выше формирований). Принимая во внимание тот факт, что в указанный период в советской России было создано свыше 500 различных интернациональных отрядов, рот, батальонов, легионов, полков, бригад и даже дивизий, общая численность которых определяется в пределах от 200 до 300 тыс. человек, надо признать, что доля турок в этой массе выглядит совершенно ничтожной. И хотя еще в марте 1919 г., выступая на I Конгрессе Коминтерна, М. Субхи заявлял о том, что «в настоящее время на различных фронтах России принимают деятельное участие тысячи турецких красноармейцев, борющихся для защиты советской власти»¹, мы склонны согласиться скорее с британскими историками Е. Х. Карром и Р. В. Дэвисом, назвавшими эти слова М. Субхи «безусловно значительным преувеличением»².

Рассматривая причины, детерминировавшие столь скромные место и роль турок в составе Красной армии, мы выделяем среди них следующие:

I. Органы советской власти и РКП (б) длительное время предпочитали не замечать ни турецких политиков левого толка, ни попыток создания ими своих красных отрядов.

Между тем мысль о турецких формированиях впервые прозвучала еще 22 июля 1918 г. в Москве на Конференции делегатов социалистических организаций военнопленных и рабочих турок. В своем Послании Совнаркому Конференция ясно заявила о том, что «ставит себе задачей организацию молодых сил мусульманского пролетариата для жестокой и непримиримой классовой борьбы до конца, с оружием в руках, с международной буржуазией, во имя жизни и торжества социалистического интернационала»³. Свое дальнейшее развитие и конкретизацию этот вопрос получил на Первом Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, проходившем в Москве в период с 4 по 12 ноября 1918 г. В резолюции по текущему моменту Съезд высказался о необходимости «принять спешные меры к сконцентрированию турецких воен-

¹ Цитир. по: Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. / Под ред. Е. Короткого, Б. Куна, О. Пятницкого. М.: Партиздат, 1933. – С. 245–246.

² Carr E.H., Davies R.W. A History of Soviet Russia: The Bolshevik revolution, 1917–1923. 3 V. V. 3. L.: Macmillan, 1964. – P. 74.

³ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 17. Д. 20. Л. 2.

нопленных — рабочих и крестьян в целях создания из них Красной армии и направлении их на Южный фронт»¹. И хотя ЦК РКП (б) уже в декабре 1918 г. утвердил решения съезда, вплоть до появления названного выше Приказа РВСР от 26 августа 1919 г. № 1363/268, т.е. на протяжении 8 месяцев (!), никаких мер, тем более «спешных», «к сконцентрированию турецких военнопленных» принято не было.

Добавим к сказанному, что ни один из четырех представителей организаций турецких военнопленных, участвующих в работе съезда, в т.ч. и М. Субхи, не вошел в члены Центрального бюро (ЦБ) коммунистических организаций народов Востока, а И. В. Сталин, выступивший на съезде по поручению ЦК РКП (б), говорил в своей речи об Афганистане, Индии, Китае, Персии и даже Японии, но ни словом не обмолвился о Турции. Достаточно характерным нам представляется и тот факт, что в работе I Конгресса Коминтерна в марте 1919 г. М. Субхи хотя и участвовал как член секции ЦБ восточных народов, но лишь с совещательным голосом. В 1933 г. при подготовке к изданию материалов Конгресса выяснилось, что речь лидера турецких коммунистов «Этого можно ждать от Турции, от Востока» в протоколах... вообще отсутствует. Ее пришлось восстанавливать по тексту, опубликованному в свое время в Известиях ВЦИК, где она, кстати, размещена самой последней, после выступлений представителей не только Германии, Австро-Венгрии и Франции, но и Сербии, Армении, Болгарии, Персии и Китая².

II. Структура органов управления советским государством и РКП (б) длительное время оставалась не приспособленной к призыву турок в ряды Красной армии. Образованная еще в июне 1918 г. Военная комиссия при Федерации иностранных групп РКП (б) по формированию интернациональных частей Красной армии сыграла в создании последних поистине ключевую роль. Однако представители стран мусульманского Востока, как уже говорилось ранее, остались за рамками компетенции и Комиссии, и самой Федерации иностранных групп. ЦБ коммунистических организаций народов Востока вплоть до начала 1920 г. раздирали серьезные внутренние противоречия. К тому же, основным объектом деятельности этого органа выступало мусульманское население бывшей Российской империи. Даже авторы увидевшей свет в 1987 г. энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» должны были признать, что работа Отдела международной пропаганды ЦБ коммунистических

¹ Жизнь национальностей. 1918. 17 нояб. С. 6; 24 нояб. С. 2.

² Известия ВЦИК. 1919. 6 марта. С. 4.

организаций народов Востока «из-за нехватки сил и средств <...> широкого развития не получила»¹.

Примерно то же можно сказать и о ЦМВК при Наркомвоене. К работе с турками здесь приступили лишь в мае 1919 г., когда в этом органе был создан Регистрационно-вербовочный отдел, первыми задачами которого, наряду с множеством других, являлись две следующие: «вербовка добровольцев (татар); вербовка пленных турок, персов (народностей Востока)». Впрочем, говорить о том, что «к работе с турками здесь приступили», будет некоторым преувеличением. При изучении Сведений о деятельности регистрационно-вербовочного отдела ЦМВК с 1 мая 1919 г. по 1 февраля 1920 г., т.е. за девять наиболее критических месяцев Гражданской войны, в разделе «Турок и других национальностей народов Востока» нам удалось обнаружить лишь одну запись, свидетельствующую о том, что в Уфимской губернии было завербовано 103 человека².

III. На протяжении всей Гражданской войны советское руководство лишь эпизодически пыталось реализовать идею создания интернациональных формирований из турок. Причем попыткам этим были присущи непоследовательность, противоречивость и стремление... избежать какого-либо взаимодействия с турецкими политическими силами, в т.ч. и левого толка. Наиболее ярким доказательством сказанному мы считаем тот факт, что, поддержав в июне 1920 г. инициативу ЦБ ТКО о формировании в Азербайджане турецких частей, РВСР уже 16 июля 1920 г. издал совершенно противоположный по смыслу Приказ № 1342/226 следующего содержания:

1. Всех добровольцев персов, турок и других мусульман восточных национальностей, набранных при военных комиссариатах Москвы, Петрограда, Казани, Самары и Симбирска, немедленно направлять в гор. Самару в распоряжение Заволжского военного округа.

2. В дальнейшем продолжать производить набор добровольцев при военных комиссариатах Москвы, Петрограда, Казани, Симбирска, Саратова, Уфы, Омска, Иркутска, Ростова и других городов, в районе коих окажутся персы, турки и другие и затем направлять их в гор. Самару в распоряжение Заволжского военного округа.

3. Всех персов, турок и других мусульман восточных национальностей, находящихся во всех частях Республики, за исключением

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Гл. ред. С.С. Хромов; Ред. кол.: Н.Н. Азовцев, Е.Г. Гимпельсон, П.А. Голуб и др. М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 648.

² РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 93. Л. 10, 12, 19.

действующих на фронтах и Туркестане, направлять также в Самару отдельными командами.

4. РВС Заволжского округа направляемых вышеуказанными комиссариатами и воинскими частями персов, турок и других вливать в формирующиеся батальоны.

Далее приказ гласил, что в административно-хозяйственном отношении эти батальоны подчиняются штабу Заволжского военного округа. Ответственность за их формирование и снабжение возлагалась на Командующего войсками округа, а ЦМВК поручалось содействие их укомплектованию¹.

Уже в августе 1920 г. в округе была развернута масштабная работа по выполнению данного приказа. Однако в последующие месяцы ни военкоматы, ни ЦМВК так и не смогли направить в Самару ни одного добровольца, а из воинских частей прибыло... лишь 2 красноармейца, которые, судя по их именам, вряд ли принадлежали к этническим туркам (Ахмед Чумбаев и Насарат Курманов)². Таким образом, попытка РВСР создать, независимо от М. Субхи, «собственную» турецкую Красную армию, окончилась полным провалом, особенно бросающимся в глаза на фоне успехов ЦБ ТКО в Баку.

Что же касается антибольшевистских сил, то турки служили и в их рядах, особенно, на Кавказе и в Средней Азии. Так, о них эпизодически упоминает в своих мемуарах Б. М. Кузнецов, находившийся в 1918 г. в Дагестане и стоявший у истоков создания вооруженных сил Республики союза горских народов: «одно орудие было специально набрано из пленных турецких солдат-аскеро́в. Это были люди уже почти обученные и единственные, кто носил подобие формы»³. В Азербайджане в это же время в распоряжении мусаватистов находилась, по крайней мере, одна рота, сформированная из турецких военнопленных и именуемая «Борчалинской»⁴.

Однако самой многочисленной турецкой воинской частью, из числа участвовавших в гражданской войне в России, следует признать сформированный в Бухарском Эмирате в 1919 г. полк «Сырбазы пиада». Как следует из доклада политического руководителя Отдела во-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 15. Д. 24. Л. 18.

² Там же. Ф. 25872. Оп. 1. Д. 1366. Л. 5–9, 35–37, 39–40.

³ Кузнецов Б.М. 1918 год в Дагестане: гражданская война // Сопrotивление большевизму. 1917–1918 гг. / Состав., науч. ред., предисл. и комментарий. С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2001. – С. 515, 522.

⁴ Шаумян С. Бакинская коммуна. Баку: Ист. парт. отдел ЦК и БК АКП (б), 1927. – С. 31–32.

енного контроля Главного штаба войск Туркестанской республики Главнокомандующему войсками о военно-политическом положении в Эмирской Бухаре от 30 июня 1919 г., его численность «в точности установлена в 1250 человек. В полку всего 10 человек бухарцев и состоит он главным образом из турок. <...> Офицерский состав усилен 10 офицерами-турками <...> Полк считается с военной точки зрения первоклассным и лучшим в армии. На него эмир обращает большое внимание. (Полк, вероятно, будет играть в случае военных действий большую роль) <...> Кроме турецкого пехотного полка, все остальные части плохо обучены. Кадр унтер-офицеров, кроме турецкого полка, качества ниже среднего. Собранные сведения о качестве и способности офицеров, за исключением офицеров турецкого полка, с боевой точки зрения неблагоприятные для Бухарского правительства»¹. К сказанному необходимо добавить, что, по данным Б.И. Искандарова, к июню 1920 г. численность полка возросла до 2600 человек². Однако, как бы то ни было, в обороне Бухары от Красной армии на рубеже августа-сентября 1920 г. эта воинская часть не сыграла, практически, никакой роли и не оправдала возлагаемых на нее надежд.

Помимо Кавказа и Средней Азии, турки могли участвовать в «белой борьбе» и на других фронтах. Так, в октябре 1919 г. власти Барнаула информировали Министра внутренних дел Омского правительства о том, что «при переговорах с турецкими военнопленными Барнаульского лагеря выяснилась возможность вербовать добровольцев <...> Татары намереваются переговорить по этому вопросу с местными турецкими военачальниками, работающими в Барнауле»³. В свою очередь, один из офицеров Крымского конного полка, вспоминая о событиях в Крыму летом 1919 г. и, в частности, об опасной разведке Сивашской гати, выполненной группой «охотников» в ночь на 14 июня, сообщал, что среди последних был «Осман — бывший турецкий пленный, раненый в разведке и доставивший командиру полка донесение <...> По представлению командира полка все участники этого поиска, в т.ч. и Осман, были награждены Георгиевскими крестами 4 степени»⁴.

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане / Редкол. Т.Е. Елеуов, Х.Ш. Иноятов (отв. ред.) и др. Т. 1. Алма-Ата: АН КазССР, 1963 – С. 497–498.

² Искандаров Б.И. Бухара (1918–1920 гг.). Душанбе: «Дониш», 1970. – С. 108.

³ ГАРФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 55. Л. 10–11.

⁴ Крымцы Ее Величества в Добровольческой армии, Вооруженных силах Юга России и в Русской Армии. 1918–1920 годы // Возрожденные полки русской армии в Белой борьбе на Юге России / Состав., науч. ред., предисл. и комментарий. С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. – С. 242–243.

Заключение

Как следует из всего изложенного в настоящей работе, режим пребывания турок в России в 1914–1924 гг. совпадал в своих основных чертах с тем, который был предусмотрен для представителей всех Центральных держав. В то же время «османский элемент» привнес в отечественную систему плена и механизм ее функционирования некоторые особенности, нетипичные для режима австро-венгерских и германских подданных ни до, ни после 20 октября 1914 г. В частности, появление в структуре пленников турецкого контингента повлекло за собой расширение общего возрастного диапазона военнопленных и установление дифференцированного подхода к ранее единой норме их продовольственного обеспечения; оно привело к тому, что конфессиональная принадлежность гражданского пленного превратилась в основание для предоставления ему льгот и преимуществ, а национальность военнопленного, напротив, стала по отношению к его статусу юридически безразлична. Нельзя не отметить также, что только турецкий контингент управлялся в России практически без применения репрессий. И только он, в большинстве своем, был расквартирован не в глубоком тылу, а фактически на театре военных действий (в пределах Кавказского военного округа), в т.ч. в местностях, объявленных на военном положении, включая временно оккупированную территорию противника.

Эти и иные особенности явно указывают на то, что политика российского военно-политического руководства, проводимая по отношению к пленным туркам в 1914–1917 гг., во многом сохранила преемственную связь с той, которая существовала в периоды предыдущих русско-турецких вооруженных конфликтов конца XVII — XIX вв. Элементы такой преемственности прослеживаются в стремлении российских властей снизить уровень смертности турок (главным образом, путем улучшения их питания и размещения в регионах с относительно благоприятным для пленных климатом); в бескомпромиссном отношении власти к христианам, проходившим службу в рядах оттоманской армии; в использовании труда османов преимущественно на тяжелых валовых работах; в фактически ничем не ограниченной свободе вероисповедания турок и т.д. и т.п. Даже репатриация 1918–1924 гг., по большому счету, мало чем отличалась от репатриации 1739–1742 гг., да и от любой иной, в том

смысле, что как и любая иная изобиловала недостатками организации, игнорированием установленных договорами сроков, взаимными упреками, полным несовпадением предоставляемых друг другу данных и непреходящими подозрениями в том, что вчерашний противник продолжает насильственно удерживать у себя тысячи соотечественников.

Как и в прежние времена, пленные турки редко всерьез стремились перейти в русское подданство и предпочитали держаться подальше от российских конфликтов любого характера и направленности. В свою очередь, российские чиновники всех уровней в наименьшей степени дистанцировались от турок, явно испытывая к ним неприятие и стойкое недоверие (не исключая христиан). Причем последнее было в полной мере воспринято и советским управленческим аппаратом, чем убедительно показало свой не только традиционный, но и внесоциальный характер.

Вместе с тем в рассматриваемых хронологических рамках несколько снизился тот уровень напряженности в отношениях между пленными турками и россиянами, который в прошлом не раз приводил к столкновениям, массовым дракам и даже кровавым побоищам в местах интернирования османов и на этапах их эвакуации. Кроме того, пребывание турок в России в 1914–1918 гг. было отмечено и отдельными новациями, вызванными глобальным характером вооруженного противостояния, общей тенденцией к гуманизации института военного плена и рядом иных факторов. Это выразилось, в частности, в интернировании турок в регионы, населенные этническими мусульманами; в смягчении режима содержания отдельных категорий пленных и даже в их реэвакуации на территорию Османской империи вследствие установления того факта, что само пленение названных лиц противоречило действующему законодательству и т.д.

Наиболее принципиальные различия в содержании находившихся в России турок и представителей иных Центральных держав мы усматриваем в уровнях обеспечения и защиты гуманитарных прав пленных, обусловленных, в первую очередь, слабыми позициями Порты на международной арене и низкой взаимной «договороспособностью» Стамбула и Петрограда. Вместе с тем, по нашему глубокому убеждению, отечественная система плена смогла отчасти нивелировать отмеченные недостатки, и, в целом, интернированные в Россию турки оказались, в сравнении с их союзниками, далеко не в худшем, а в чем-то даже и в более выгодном положении.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Приказ по Казанскому военному округу от 24 января 1915 г. № 77

Несмотря на отданные телеграфные распоряжения всем начальникам продовольственных пунктов о выдаче особой пищи военнопленным туркам, до сего времени от названных начальников продолжают поступать в штаб вверенного мне округа просьбы о разъяснении, как довольствоваться проходящие эшелоны военнопленных турок. Напоминаю повеление Его Императорского Высочества Верховного начальника санитарной и эвакуационной части, сообщенное мне телеграммой от 11 сего января за № 1343 и Приказываю принять к точному и неуклонному исполнению нижеследующее: 1) всем, проходящим через пределы округа эшелонам военнопленных турок, выдавать горячую пищу без требования за это уплаты; 2) щи, горох, суп и борщ заменять супом из картофеля или круп; вместо черного хлеба выдавать, по возможности, ситный; 3) горячую пищу давать не реже как один раз в день, и, кроме того, выдавать чай с хлебом.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 22. Л. 635–636.

Приложение 2

Приказ по Казанскому военному округу от 28 февраля 1915 г. № 187

Несмотря на Приказ Округа от 24 января с.г. № 77 и неоднократные точные указания о порядке продовольствия военнопленных турок, при прохождении эшелонов последних через пределы округа в Сибирь, были допущены следующие беспорядки: 3-го минувшего января с поездом № 56 из Самары вышел эшелон пленных турок в 172 человека, которые до Челябинска, куда прибыли 7 января, не получали горячей пищи, что произошло потому, что начальник эшелона ст. унтер-офицер 553-й Пензенской дружины Кадников не сообщил телеграммой заведующим продовольственными пунктами о приготовлении для эшелонов пищи. Эшелон в 429 человек военнопленных, вышедший из Самары 8 января с поездом № 56,

при начальнике эшелона мл. унтер-офицере Пензенской конвойной команды Косых, не получил горячей пищи 10 января. Эшелон в 106 чел. вышел из Самары 9 января с поездом № 38 с начальником эшелона 560-й Саратовской дружины Прокопием Саниным; 78 чел. этого эшелона не получали горячей пищи 10 и 12 января. Эшелон в 482 чел., вышедший из Самары 20 января с поездом № 40, при начальнике эшелона 553-й Пензенской дружины мл. унтер-офицере Зуеве, не получил горячей пищи 21 января.

На начальников этих эшелонов, а равно и на тех начальствующих лиц, которые не дали им надлежащих указаний, <...> я приказал наложить взыскания и о том, какие взыскания будут наложены, довести мне.

Подтверждая вновь к неуклонному исполнению о неперменном довольствии пленных турок горячей пищей согласно приказа округа за № 77, Приказываю всем начальникам гарнизонов, от частей воинских коих производятся смены конвоев, принять все зависящие меры к тому, чтобы в конвой назначались соответствующие люди и чтобы старшие конвоев точно соблюдали свои обязанности. Всем комендантам станций по пути следования эшелонов каждый раз поверять исполнение ими их обязанностей, дабы подобные непорядки впредь не повторялись.

РГВИА. Ф. 2000. Оп. 9. Д. 22. Л. 637 и об.

Приложение 3

Русско-турецкая Конвенция «О возвращении на родину военнопленных» от 28 марта 1921 г.¹

Во исполнение ст. 13 Договора, подписанного между Россией и Турцией 16 марта 1921 г. о возвращении на родину военнопленных...

Статья 1

Договаривающиеся стороны обязуются возвратить на родину в возможно кратчайший срок всех пленных как военных, так и гражданских другой стороны, находящихся на их территории.

Пленные, находящиеся в Европейской России и на Кавказе, должны быть возвращены на родину в трехмесячный срок, а находящиеся в Азиатской России в шестимесячный срок, считая со дня подписания русско-турецкого договора 16 марта 1921 года.

¹ Орфография подлинника сохранена.

Статья 2

Обоюдное возвращение на родину пленных производится по их желанию и принудительное возвращение ни в коем случае недопустимо.

Бюро по регистрации пленных соберут от военных и гражданских пленных, заявивших о своем нежелании вернуться на родину, подробные сведения о месте их рождения, их имя и фамилию, о месте их жительства, о занимаемых ими должностях и о своей профессии для сообщения делегации другой страны, предусмотренной ст. 9 настоящей Конвенции.

Статья 3

Пленные имеют право на возвращение на родину своих семей, взятых в плен или объявленных пленными одновременно с ними, а также жен и детей, поскольку сие касается семей, образованных во время пленения. В последнем случае необходимым условием является совместное местожительство.

Вообще по вопросу о возвращении на родину семей будут соблюдаться положения статей XXIV — XXV Договора о репатриации, заключенного между Россией и Польшей 24 февраля 1921 г.

Статья 4

Вопрос о вывозе имущества пленных разрешается согласно положению статей VII, VIII и IX Договора о репатриации, заключенного между Россией и Польшей 24 февраля 1921 г.

Семьи возвращаемых на родину в силу ст. 3 настоящей Конвенции пленных пользуются в отношении вывоза своего имущества теми же правами, как и сами пленные.

Статья 5

Провоз пленных и их багажа до передаточного пункта производится в пределах своей территории каждой из договаривающихся сторон за счет этой последней.

Каждая из договаривающихся сторон озаботится в пределах своей территории о санитарных условиях и о снабжении продовольствием пленных во время их следования на родину.

Каждая из договаривающихся сторон имеет право использовать военных и гражданских пленных, до момента возвращения их на родину, как рабочую силу, обязуясь в то же время не употреблять их для особо тяжелых работ и для работ, могущих тем или иным образом задержать возвращение пленных на родину.

Статья 6

Немедленно после подписания настоящей Конвенции все пленные, находящиеся в предварительном заключении или осужденные

за какое-либо преступление, должны быть освобождены для отправки на родину, за исключением осужденных за убийство или кражу.

Делегации получают список, содержащий фамилии всех лиц, обвиняемых в преступлении или осужденных за убийство и кражу с подробным указанием рода преступления, в котором они обвиняются, и степени наказания, которому они подвергаются.

Статья 7

В течение пяти месяцев с момента подписания настоящей Конвенции делегации должны получить список умерших пленных со всеми сведениями об их фамилии, имени, месте происхождения, болезнях или причинах их смерти, поскольку эти сведения находятся в распоряжении другой стороны.

Статья 8

Передаточными пунктами пленных избираются Новороссийск, Батуми, Туапсе, Александрополь для России и Инаболи, Трапезунд, Александрополь для Турции.

Статья 9

Каждая из договаривающихся сторон назначает официальную делегацию из трех членов, имеющих своей задачей содействовать действительному выполнению настоящей Конвенции, оказывать пленным помощь и вспоможение. Следить за исполнением статей как настоящей Конвенции, так и соглашений, могущих быть заключенными впоследствии по тому же вопросу. Члены этой делегации будут обеспечены дипломатической неприкосновенностью во время их пребывания в столице страны, где они находятся, а также во время их передвижения по территории этой страны.

Каждая из договаривающихся сторон обязывается признать за официальными делегатами, уполномоченными на ведение дела возвращения пленных на родину, права:

1. Сношения со своим посольством и правительством.
2. Посещения всех мест заключения пленных. Местные власти имеют право, если найдут нужным, сопровождать делегатов во время этих посещений.
3. В случае нужды, оказания помощи пленным как деньгами, так одеждою и продовольствием.
4. По соглашению с установлениями, ведающими вопросами эвакуации в другую сторону, пользования всеми средствами для осведомления пленных по вопросу о возвращении на родину. Под этим понятием подразумевается расклейка объявлений, составленных на языке пленных, и помещение официальных извещений в органах печати.

Статья 10

Настоящая Конвенция подлежит опубликованию в столице не позднее десятидневного, а в провинции не позднее месячного срока со дня ее подписания.

Статья 11

Настоящая Конвенция ратификации не подлежит и вступает в силу со дня ее подписания.

ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 419. Л. 25–26.

Приложение 4

Обращение Посольства Великого Национального Собрания Турции в Москве к соотечественникам, находящимся в России (ноябрь 1923 г.)

Всем гражданским и военным турецким пленным, находящимся в России.

1. Правительство Великого Национального Собрания Турции заключило мир со всеми державами. Ныне в Турции войны нет.

2. Все гражданские и военные турецкие пленные, находящиеся в России, смогут свободно вернуться по своим домам.

3. СССР – Русское союзное правительство согласился на бесплатную отставку турецких пленных по своим железным дорогам до пристаней Севастополя, Новороссийска и Батуми, а также на довольствование их во время пути, и в этом смысле дало инструкции своим чиновникам.

Турецкие пленные <...>, чтобы как можно скорее присоединиться к ожидающим вас с тоской вашим родным, немедленно обращайтесь к властям того места, где вы находитесь и зарегистрируйте ваши метрические свидетельства, также ваш адрес на родине и в России. Те же сведения сообщайте письмом «Комиссии по репатриации турецких пленных» в московском посольстве Турции.

4. Отправка турецких пленных должна быстро закончиться. Пользуйтесь этим последним случаем и вышеуказанными правами, тотчас же просите власти о вашей отправке к пристаням.

5. Каждый турецкий пленный, если он женат, регистрирует для того, чтобы взять с собой, живущую вместе с ним свою жену, своих родителей, детей и сирот пленных, находящихся по его опекуном, и те же сведения сообщит «Комиссии по репатриации пленных» в турецком посольстве в Москве.

6. Каждый пленный может взять с собой из личных вещей на каждого члена семьи по 2 пары белья и обуви, одному зимнему пальто и 6 пар платья, постель, личные вещи в количестве, достаточном для путешествия, инструменты его ремесла и валюту ценностью в 100 турецких бумажных лир.

7. Арестованные или заключенные по обвинению или по приговору за иные преступления, кроме кражи и убийства, также будут освобождены и отправлены в порты.

8. Осужденные за убийство и кражу по истечению срока их наказания также вернутся на родину подобно другим пленным.

9. Турецкие консулы и чиновники по репатриации пленных в Севастополе, Новороссийске и Батуми обеспечат плату за проезд на пароходах наших пленных и их отправку в Трапезунд.

10. Так как должны быть зарегистрированы и имена турецких пленных, умерших в России, для оповещения их семей, находящихся в Турции, все имеющие подобные сведения должны зарегистрировать эти имена, сообщив правительству.

11. Во имя гуманности просим всех, прочитавших это объявление, оповестить турецких пленных.

ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 172. Л. 107–108.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской Империи
АО — Акционерное общество
ВИХМ — Варнавинский историко-художественный музей
ВНСТ — Великое Национальное Собрание Турции
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГАВологО — Государственный архив Вологодской области
ГАВоронО — Государственный архив Воронежской области
ГАКО — Государственный архив Курской области
ГАОО — Государственный архив Орловской области
ГАРО — Государственный архив Рязанской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАТО — Государственный архив Тамбовской области
ГАЯО — Государственный архив Ярославской области
ГМШ — Главный морской штаб
ГПУ — Государственное политическое управление
губ. — губерния
Губпленбеж — Губернская коллегия о пленных и беженцах
Губэвак — Губернское управление по эвакуации населения
ГУГШ — Главное управление Генерального штаба
ЗУГВ — Зангезурская ударная группа войск
ИркВО — Иркутский военный округ
Кавполк — кавалерийский полк
КВО — Кавказский военный округ
Компартия — коммунистическая партия
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КПТ — Коммунистическая партия Турции
МВД — Министерство внутренних дел
МВО — Московский военный округ
МГШ — Морской Генеральный штаб
МИД — Министерство иностранных дел
МККК — Международный комитет Красного Креста
МПС — Министерство путей сообщения
Нарком — Народный комиссар
Наркомвоен — Народный комиссариат по военным делам

Наркомнац – Народный комиссариат по делам национальностей
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКВД – Народный комиссариат по иностранным делам
о. – остров
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки
ОКП – Оттоманский Красный Полумесяц
ПриамВО – Приамурский военный округ
ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи
РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского флота
РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА – Российский государственный военный архив
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
Ревком – революционный комитет
РКП (б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РОКК – Российское общество Красного Креста
РОПиТ – Русское общество пароходства и торговли
РВС (Реввоенсовет) – Революционный военный совет
РВСР (Реввоенсовет Республики) – Революционный военный совет Республики
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Сибэвак – Сибирский эвакуационный комитет
Совмин – Совет Министров
Совнарком – Совет Народных комиссаров
ССР – Советская Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СуиРП – Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства
СуиР РиКП – Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства
ТВД – Театр военных действий
Уездпленбеж – Уездная коллегия о пленных и беженцах
ф. – фунт.
ЦАГМ – Центральный архив города Москвы
ЦБ – Центральное бюро
ЦБ ТКО – Центральное бюро турецких коммунистических организаций

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЦГИАК Украины – Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве

Центропленбеж – Центральная Коллегия по делам пленных и беженцев

Центрэвак – Центральное управление по эвакуации населения

ЦК – Центральный комитет

ЦМВК – Центральная мусульманская военная коллегия

ЦСБ – Центральное справочное бюро о военнопленных

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные документы и материалы на правах рукописей

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

- Ф. 102 (Департамент полиции). Оп. 302. Д. 264, 323, 375, 376.
Ф. 826 (Джунковский Владимир Федорович). Оп. 1. Д. 296.
Ф. 1779 (Канцелярия Временного правительства). Оп. 1. Д. 405, 435, 529.
Ф. 1791 (Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан МВД Временного правительства). Оп. 2. Д. 533, 404.
Ф. 3341 (Центральный комитет Российского общества Красного Креста). Оп. 1. Д. 42, 118.
Ф. Р-130 (Совет Народных Комиссаров РСФСР (СНК РСФСР). Совет Министров РСФСР). Оп. 2. Д. 843.
Ф. Р-393 (Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР). Оп. 36. Д. 1; Оп. 43-а. Д. 515, 1456; Оп. 50. Д. 172.
Ф. Р-1318 (Народный Комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР). Оп. 17. Д. 20.
Ф. Р-3333 (Центральное Управление по эвакуации населения (Центрэвак) Наркомата Внутренних дел РСФСР). Оп. 1-а. Д. 28, 30; Оп. 2. Д. 197, 322; Оп. 3. Д. 231, 330, 346, 365, 419, 439, 440, 531, 541, 546, 559, 570, 575; Оп. 4. Д. 609; Оп. 5. Д. 52; Оп. 6. Д. 25; Оп. 8. Д. 6, 25.
Ф. Р-3604 (Императорское Генеральное Персидское консульство в г. Киеве. 1919 г.). Оп. 1. Д. 1.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

- Ф. 32 (Совет съездов представителей промышленности и торговли). Оп. 1. Д. 409,
Ф. 229 (Канцелярия Министра путей сообщения). Оп. 4. Д. 1969.
Ф. 273 (Управление железных дорог МПС). Оп. 6. Д. 1480.

Ф. 274 (Управление по сооружению железных дорог МПС). Оп. 1. Д. 176, 177, 535, 536, 660, 706, 711; Оп. 2. Д. 1453.

Ф. 387 (Лесной департамент Министерства земледелия). Оп. 20. Д. 73214.

Ф. 396 (Департамент государственных земельных имуществ Министерства земледелия). Оп. 7. Д. 558.

Ф. 398 (Департамент земледелия Министерства земледелия). Оп. 74. Д. 30503.

Ф. 1276 (Совет Министров). Оп. 10. Д. 732, 838; Оп. 12. Д. 1542, Оп. 14. Д. 449; Оп. 20. Д. 73, 74, 82, 84, 90, 106, 114, 118.

Ф. 1282 (Канцелярия Министра внутренних дел). Оп. 1. Д. 1011.

Ф. 1289 (Главное управление почт и телеграфов МВД). Оп. 13. Д. 326.

Ф. 1291 (Земский отдел МВД). Оп. 132. Д. 397.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 395 (Инспекторский департамент). Оп. 325. Д. 40.

Ф. 400 (Главный штаб Военного министерства). Оп. 3. Д. 2038, 2047.

Ф. 970 (Военно-походная канцелярия его императорского величества при Императорской главной квартире). Оп. 3. Д. 1872.

Ф. 1300 (Штаб Кавказского военного округа). Оп. 1. Д. 1555; Оп. 4. Д. 466, 506, 1137, 1145, 1152, 1161, 2020.

Ф. 1468 (Штаб Иркутского военного округа). Оп. 2. Д. 414, 415; Оп. 2доп. Д. 714.

Ф. 1558 (Штаб Приамурского военного округа). Оп. 9. Д. 5, 9, 32, 37, 53, 59.

Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба). Оп. 2. Д. 48, 69; Оп. 9. Д. 7, 9, 18, 22, 35, 44, 68, 70, 85, 88, 89; Оп. 11. Д. 10, 13, 18, 30, 32, 45, 61, 76, 80, 112, 195.

Ф. 2100 (Штаб Главнокомандующего войсками Кавказского фронта). Оп. 1. Д. 93; Оп. 2. Д. 475, 595, 684, 781, 810, 811, 863.

Ф. 3028 (489-й пехотный Рыбинский полк). Оп. 1. Д. 119.

Ф. 12651 (Главное управление Российского общества Красного Креста). Оп. 11. Д. 123, 143.

Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 11 (Всероглавштаб). Оп. 15. Д. 24.

Ф. 17 (Центральная мусульманская военная коллегия). Оп. 1. Д. 93, 102, 128, 141.

Ф. 195 (Управление XI Армии Кавказского фронта). Оп. 3. Д. 456, 457, 612; Оп. 4. Д. 21; Оп. 10. Д. 1; Оп. 11. Д. 23.

Ф. 326 (Управление Зангезурской ударной группы войск XI Армии). Оп. 1. Д. 2, 20.

Ф. 25872 (Управление Заволжского военного округа). Оп. 1. Д. 1365, 1366.

Ф. 25898 (Туркестанский окружной военный комиссариат). Оп. 1. Д. 357.

**Российский государственный архив
Военно-Морского флота (РГА ВМФ)**

Ф. 243 (Управление главного командира Черноморского флота и портов Черного моря. Николаев (1785–1908)). Оп. 1. Д. 8104.

Ф. 417 (Главный морской штаб. Петроград (1884–1918)). Оп. 1. Д. 4395; Оп. 2. Д. 2022, 2109, 2323.

Ф. 609 (Штаб Командующего флотом Черного моря (1908–1917)). Оп. 2. Д. 435, 569, 746, 751, 955; Оп. 3. Д. 198, 223, 512, 518, 519, 522, 523, 527, 528.

**Российский государственный архив
социально-политической истории (РГАСПИ)**

Ф. 71 (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ)). Оп. 34. Д. 1497.

Ф. 85 (Орджоникидзе Григорий Константинович). Оп. «С» (Турция). Д. 68, 69, 70.

Ф. 159 (Чичерин Георгий Васильевич). Оп. 2. Д. 57.

Ф. 495 (Исполком Коминтерна). Оп. 181. Д. 10, 12, 13, 18, 19, 20, 22, 23, 28, 89, 91, 99, 101, 154.

Ф. 549 (Центральная Федерация иностранных групп при ЦК РКП (б)). Оп. 1. Д. 76, 95.

Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ)

Ф. 160 (II Департамент). Оп. 708. Д. 1578, 1623, 1700, 1818, 1849, 2234, 2258, 2850, 2860, 2881, 2890, 2900, 3029, 3244, 3245, 3252, 3297, 3522, 4319, 4631, 4650, 5190, 5971, 6142, 6199, 6389, 6418, 6453, 6483, 6486, 6509, 6515.

Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (ЦГИАК Украины).

Ф. 419 (Прокурор Одесской судебной палаты). Оп. 1. Д. 7034.

Государственный архив Вологодской области (ГАВологО)

Ф. 18 (Канцелярия Вологодского губернатора). Оп. 1. Д. 6882.
Ф. 129 (Вологодский полицмейстер). Оп. 3. Д. 1453, 1464, 1476.

Государственный архив Воронежской области (ГАВоронО)

Ф. И-6 (Канцелярия Воронежского губернатора). Оп. 2. Д. 388, 462, 470, 475, 479, 501.

Ф. И-19 (Воронежская городская управа). Оп. 1. Д. 2993.

Ф. И-21 (Воронежское губернское по земским и городским делам присутствие). Оп. 1. Д. 2203, 2239, 2335.

Ф. Р-328 (Воронежская губернская коллегия о пленных и беженцах). Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-2136 (Коротоякский уездный комитет о пленных и беженцах). Оп. 1. Д. 57, 58.

Государственный архив Курской области (ГАКО)

Ф. 1 (Канцелярия Курского губернатора). Оп. 1. Д. 8498, 8521, 9086.

Ф. 1642 (Курское губернское жандармское управление). Оп. 2. Д. 601.

Ф. 1643 (Полицейские учреждения Курской губернии). Оп. 1. Д. 150.

Ф. Р-322 (Курский губернский и уездный комиссары Временного правительства). Оп. 1. Д. 2, 3, 35, 61.

Ф. Р-791 (Курский губернский линейный пункт). Оп. 1. Д. 20, 21, 25.

Государственный архив Орловской области (ГАОО)

Ф. 465 (Болховская уездная земская управа). Оп. 1. Д. 118а.
Ф. 706 (Орловское уездное полицейское управление). Оп. 1. Д. 879.
Ф. 728 (Новосильский уездный воинский начальник). Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

Государственный архив Рязанской области (ГАРО)

Ф. 19 (Рязанская городская управа). Оп. 1. Д. 2282, 2411, 2627.
Ф. 212 (Управление Рязанского уездного воинского начальника).
Оп. 2. Д. 5. Св. 1; Д. 49. Св. 7; Д. 64. Св. 8; Д. 76. Св. 10; Д. 78. Св. 10.
Ф. Р-547 (Рязанская губернская коллегия по делам пленных и беженцев). Оп. 2. Д. 4, 19, 22, 39, 42, 46.

Государственный архив Тамбовской области (ГАТО)

Ф. 2 (Тамбовское наместническое правление). Оп. 142. Д. 532, 533, 534; Оп. 143. Д. 489.
Ф. 4 (Канцелярия Тамбовского губернатора). Оп. 1. Д. 8788, 8981, 9183, 9246, 9248, 9249, 9250, 9253, 9270, 9296, 9499, 9500, 9653.
Ф. 504 (Тамбовский уездный воинский начальник). Оп. 1. Д. 115.
Ф. 510 (Кирсановский уездный воинский начальник). Оп. 1. Д. 37а.
Ф. Р-515 (Тамбовское губернское управление по эвакуации населения). Оп. 1. Д. 2, 6, 9.
Ф. Р-517 (Кирсановское уездное управление по эвакуации населения). Оп. 1. Д. 6.
Ф. Р-1583 (Моршанское уездное управление по эвакуации населения). Оп. 2. Д. 3.

Государственный архив Ярославской области (ГЯО)

Ф. 73 (Канцелярия Ярославского губернатора). Оп. 4. Д. 4570; Оп. 9. Д. 659, 885, 938.
Ф. 1154 (Ярославский уездный воинский начальник). Оп. 1. Д. 37.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб)

Ф. Р-5876 (Петроградский районный эвакуационный пункт Красной Армии). Оп. 1. Д. 35; Оп. 2. Д. 36, 62.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

Ф. 309 (Практическая восточная академия при обществе востоковедов). Оп. 1. Д. 1.

Ф. 1280 (Управление по постройке железнодорожных линий Гостинополье-Чудово и Волхов-Рыбинск). Оп. 1. Д. 107, 110, 111, 112.

Ф. 1361 (Управление Петроградской сети общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги). Оп. 1. Д. 1365.

Центральный архив города Москвы (ЦАГМ)

Ф. 2753 (Исполнительный комитет Московского мусульманского национального совета). Оп. 1. Д. 2, 3.

Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ)

Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). F.IV.38.

Ф. 1000 (Собрание единичных поступлений). 1963. № 55.

Варнавинский историко-художественный музей (ВИХМ)

Научный фонд. № 435. Бирючев Н.М. Воспоминания земляка о Варнавине и варнавинцах.

Печатные источники

1. Нормативные правовые акты

1. Временное Положение о военнопленных Восточной 1877 года войны от 5 июля 1877 г. // ПСЗ РИ. Собр. второе. Т. LII. № 57530.

2. О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года. Высочайший указ от 28 июля 1914 г. // СУиРП. 1914. № 209. Ст. 2104.

3. Положение о военнопленных от 7 октября 1914 г. // СУиРП. 1914. № 281. Ст. 2568.

4. Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств от 7 октября 1914 г. // СУиРП. 1915. № 150. Ст. 1162.

5. Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами» от 10 октября 1914 г. // СУиРП. 1915. № 225. Ст. 1731.

6. О приобретении прав российского гражданства. Декрет ВЦИК от 5 апреля 1918 г. // СУиР РИКП. 1918. № 31. Ст. 405.

7. Об учреждении Центральной Коллегии по делам пленных и беженцев. Декрет ВЦИК от 27 апреля 1918 г. // СУиР РИКП. 1918. № 34. Ст. 451.

8. О дополнении декрета об учреждении Центральной Коллегии по делам пленных и беженцев. Декрет ВЦИК от 27 июня 1918 г. // СУиР РИКП. 1918. № 47. Ст. 553.

9. Соглашение о репатриации, заключенное между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей с другой во исполнение ст. VII Договора о прелиминарных условиях мира (от 12 октября 1920 г.) от 24 февраля 1921 г. // СУиР РИКП. 1921. № 43. Ст. 220.

10. Договор между РСФСР и Турцией от 16 марта 1921 г. // СУиР РИКП. 1921. № 73. Ст. 598.

11. Конвенция между РСФСР и Турцией о возвращении на родину пленных от 28 марта 1921 г. // СУиР РИКП. 1921. № 43. Ст. 221.

2. Сборники документов

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Гл. ред. С. С. Хромов; Ред. кол.: Н. Н. Азовцев, Е. Г. Гимпельсон, П. А. Голуб и др. М.: Советская энциклопедия, 1987. — 720 с.

2. Документы внешней политики СССР. Т. 1. (7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1918 г.) / Ред. И. Динерштейн. М.: Госполитиздат, 1959. — 771 с.
3. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане / Редкол. Т. Е. Елеуов, Х. Ш. Иноятов (отв. ред.) и др. Т. 1. Алма-Ата: АН КазССР, 1963–685 с.
4. Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г. / Под ред. Е. Короткого, Б. Куна, О. Пятницкого. М.: Партиздат, 1933. — 275 с.
5. Россия в мировой войне 1914–1915 года (в цифрах). М.: ЦСУ СССР, 1925. — 104 с.
6. Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. Изд. 1899 г. СПб.: Гос. тип., 1900. — С. 168–172.
7. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону: [в 6 т.] / Авт. — сост. В. С. Сидоров. — Ростов н/Д: Изд-во Дон. гос. публ. б-ки, 1994. — 223 с.

3. Мемуары, дневники, произведения современников

1. В. Л. Воспоминания участника Мировой войны на Черном море // Морской сборник. — 1920. — № 1–3. — С. 207–219.
2. Дубецкий И. П. Записки // Русская старина. — 1895. — Т. 83. — № 5. — С. 87–110.
3. Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. М.: Воениздат, 2001. — 292 с.
4. Емельянов А. Г. Персидский фронт (1915–1918). Берлин: Гамаюн, 1923. — 199 с.
5. Заки Валиди Тоган (Валидов) Воспоминания. В 2-х кн. Кн. 1. Уфа: Китап, 1994. — 400 с.
6. Исаев М. М. Захолустный фронт // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. М.: Мосгосархив, 2000. — С. 503–570.
7. Крымцы Ее Величества в Добровольческой армии, Вооруженных силах Юга России и в Русской Армии. 1918–1920 годы // Возрожденные полки русской армии в Белой борьбе на Юге России / Состав., науч. ред., предисл. и комментарий. С. В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. — С. 229–302.
8. Кузнецов Б. М. 1918 год в Дагестане: гражданская война // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. / Состав., науч. ред., предисл. и комментарий. С. В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2001. — С. 506–537.

9. *Леваковский Н. Ф.* Университет пятидесятих годов: (из воспоминаний) // Русская старина. — 1917. — Т. 170. — № 7/9. — С. 110–118.

10. *Любимов Н. М.* Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. В 3 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. — 416 с.

11. *Мещерский А. В.* Из воспоминаний князя Александра Васильевича Мещерского. Размен пленных в войну 1854–1856 годов. М.: Университетская тип., 1899. — 64 с.

12. *Овчинников И. А.* Отдел о вещах, оставшихся после военнопленных: доклад. Пг.: Б.и., 1917. — 97 с.

13. *Овчинников И. А.* Справочник для сношений с русскими военнопленными, находящимися в Германии и в Австро-Венгрии. Пг.: Гос. тип., 1916. — 66 с.

14. *Пакер Э. Д.* 40 лет на дипломатической службе. Воспоминания турецкого дипломата. М.: Наука, 1971. — 115 с.

15. *Рафаэль де Ногалес.* Четыре года под полумесяцем. М.: Русский вестник, 2006. — 368 с.

16. *Семина Х. Д.* Трагедия русской армии Первой Великой войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1. Нью Мексико: Rausen Bros, 1963. — 304 с.

17. *Штерн О.* Царские пленники. М.: Росбланкиздат, 1992. — 69 с.

18. *Asaf M.* Volga Kıyılarında (Esâret Hâtıra ve Mâcerâları) ve Muhtıra: Mehmed Asaf Bey'in Hatıra Defterleri. — İzmir: Akademi Kitapevi, 1994. — 310 s.

19. *Ataman H.* Esaret Yılları: Bir Yedek Subayın 1. Dünya Savaşı Şark Cephesi Hatıraları. — İstanbul?: yayl.y., 1990. — 298 s.

20. *Binler M. Z.* Dedemin Esaret Yılları // Türk Dünyası Tarih Dergisi. — 1988. — № 16. — V. 3. — S. 45–49.

21. *Brändström E.* Among prisoners of war in Russia and Siberia / From the German. L.: Hutchinson, 1929. — 284 p..

22. *Çakıröz R.* Çarlık ve Bolşevik Rusya'da 10 yıl: Bnb. Raci Çakıröz'ün Hatıraları. — İstanbul: Belge Yayınları (Dün-Bugün-Yarın), 1990. — 100 s.

23. *Eton W.* A survey of the Turkish empire. Reprint of the 1798 ed. N. — Y.: Arno Press, 1973. — 516 p.

24. *Gökçay H.* Bir Türk'ün Hâtırat ve İntikamı: Rus Zülmünden Canlı Hâtıralar. — İstanbul: Sıralar Matbaası, 1958. — 228 s.

25. *Göze A.* Rusya'da Üç Esaret Yılı: Bir Türk Subayının Hatıraları. — İstanbul: Boğaziçi Yayınları, 1991. — 109 s.

26. *Kinsky N.* Russisches Tagebuch, 1916–1918. Stuttgart: Seewald, 1978. — 280 s.

27. *Ölçen M.* Vetluga Memoir: A Turkish Prisoner of War in Russia, 1916–1918. — Gainesville: University Press of Florida, 1995. — 246 p.

28. *Tahsin I.* Sibirya'dan Serendib'e. — Ankara: Ulus Basimevi, 1950. — 115 s.

4. Материалы периодической печати

1. Жизнь национальностей. 1918. 17 нояб.; 24 нояб.
2. Известия ВЦИК. 1918. 7 дек.; 1919. 6 марта.
3. Иркутская жизнь. 1915. 3 февр.
4. Каспий. 1915. 8 янв.
5. Одесский вестник. 1878. 19 окт.
6. Омский телеграф. 1915. 13 янв.
7. Сибирская правда. 1914. 13 дек.; 1915. 17 янв.
8. Томский вестник. 1915. 20 янв.; 10 февр.
9. Утро Юга. 1915. 17 янв.
10. Южный телеграф. 1914. 21 дек.; 1915. 6 янв.; 9 янв.

5. Научные исследования

1. *Агаян Ц. П.* В. И. Ленин и создание Закавказских советских республик. Ереван: АН Арм.ССР, 1976. — 263 с.

2. *Агаян Ц. П.* Вековая дружба народов Закавказья. В 2-х ч. Ч. 2. Ереван: «Айстан», 1972. — 406 с.

3. *Акопян С. М.* Западная Армения в планах империалистических держав в период Первой мировой войны. Ереван: АН Арм.ССР, 1967. — 262 с.

4. *Багиров Ю. А.* Из истории советско-турецких отношений, 1920–1922 гг. (по материалам Азерб. ССР). Баку: АН Аз.ССР, 1966. — 144 с.

5. *Безруков Д. А.* Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород: НовГУ, 2001. — 23 с.

6. *Бондаренко Е. Ю.* Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. — Владивосток: ДВГУ, 2004. — 700 с.

7. *Воднев В. А.* Замечательный сын турецкого народа // Вопросы истории КПСС. — 1983. — № 2. — С. 113–116.

8. Военно-медицинский отчет за войну с Турцией 1877–1878. Часть 3. СПб.: Б.и., 1887. — 378 с.

9. *Гергилёва А. И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск: СибГТУ, 2006. — 186 с.

10. *Головин Н. Н.* Военные усилия России в Мировой войне. В 2-х т. Т. 1. Париж: Т-во объединенных издателей, 1939. — 211 с.

11. Гражданская война в Поволжье / Под ред. М. К. Мухарямова и др. Казань: Татарск. книжн. изд-во, 1974. — 495 с.

12. *Жаров Л. И., Устинов В. М.* Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. М.: Воениздат, 1960. — 160 с.

13. *Жданов Н.* Русские военнопленные в Мировой войне 1914–1918 гг. Ч. I, II, III. / Отв. ред. А. А. Свечин и др. М.: Воен. тип., 1920. — 376 с.

14. *Зубаров И. Э.* Деятельность Коллегии по делам военнопленных и беженцев Симбирской губернии в 1914–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза: НИИ гуманитар. наук, 2006. — 245 с.

15. *Ибрагимов З. И., Исламов Т. М.* Интернационалисты в борьбе за власть Советов в Закавказье // Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики. Сб. статей. М.: Наука, 1971. — С. 208–237.

16. *Идрисова Э. С.* Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург: Оренб. гос. пед. ун-т, 2008. — 193 с.

17. *Иконникова Т. Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск: Изд-во ГОУ ВПО ХГПУ, 2004. — 177 с.

18. *Искандаров Б. И.* Бухара (1918–1920 гг.). Душанбе: «Дониш», 1970. — 168 с.

19. *Кадиев А. Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. М.: Воениздат, 1960. — 509 с.

20. *Калякина А. В.* Подданные стран — участниц Четверного союза в Саратовском Поволжье (1914–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2013. — 25 с.

21. *Комахидзе М. Э.* Жизнь и деятельность Григория Михайловича Мухадзе. Тбилиси: Мецниереба, 1975. — 204 с.

22. *Крючков И. В.* Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в. (1900–1917 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003. — 81 с.

23. *Крючков И. В.* Военнопленные Австро-Венгрии, Германии

и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы первой мировой войны. Ставрополь: Б.и., 2006. — 144 с.

24. *Мирзоян Г.* Миф и правда о расстреле в Татеве // Ноев ковчег. Независимая информационно-аналитическая международная армянская газета. № 4 (163). Февраль (15–28) 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://noev-kovcheg.ru/mag/2011-04/2422.html> (дата обращения: 25.05.2014)

25. *Мирсаид Султан Галлиев.* Избранные труды. Казань: «Гасыр», 1998. — 719 с.

26. *Нам И. В.* Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т. 1. Сибирь. 1917–1920. Под ред. Э. И. Черняка. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. — 308 с.

27. *Ниманов Б. И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье: дис. ... канд. ист. наук. М.: РУДН, 2009. — 186 с.

28. *Оболенский С. В.* Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // Одиссей: Человек в истории. 1997. М.: Наука, 1998. — С. 204–232.

29. *Персиц М. А.* Турецкие интернационалисты в России // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. — 1967. — № 5. — С. 59–67.

30. *Персиц М. А.* Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 — июль 1920) // Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. Сб. статей // Отв. ред. Р. А. Ульяновский. М.: Наука, 1969. — С. 53–109.

31. *Познахирев В. В.* Документы федеральных и региональных архивов об использовании труда турецких военнопленных периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Отечественные архивы. — 2013. — № 2. — С. 54–62.

32. *Познахирев В. В.* Турецкие военнопленные в обороне г. Керенска в 1774 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://исторический-сайт.рф/Турецкие-военнопленные-в-обороне-Керенска-в-1774-1.html>. (дата обращения 21.05.2014).

33. *Познахирев В. В.* Турецкие военнопленные в русско-шведской войне 1788–1790 гг. // Клио. — 2012. — № 5. — С. 83–85.

34. *Самович А. Л.* Содержание и трудовое использование военнопленных на территории Белоруссии в годы Первой и Второй мировых войн // Вестник военного университета. — 2010. — № 3. — С. 96–101.

35. *Сибгатуллина А. Т.* Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX – XX вв. М.: ИВ РАН, 2010. – 264 с.

36. *Синиченко В. В.* Правонарушения иностранцев на Востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Иркутск: Вост. Сиб. институт МВД России, 2003. – 192 с.

37. *Сологузов И. С.* Иностранцы коммунисты в Туркестане (1918–1921 гг.). Ташкент: Гос. изд-во Узб. ССР, 1961. – 178 с.

38. *Субаев Н.* Иностранцы интернационалисты в Татарии (1917–1920 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М.: Мысль, 1965. – С. 337–369.

39. *Субаев Н.* Турецкие военнопленные в Поволжье: фрагменты истории // Эхо веков (Гасырлар Авазы). – 1999. – № ½. – С. 280–281.

40. *Суржикова Н. В.* Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2011. – № 3. – С. 57–64.

41. *Талапин А. Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914–май 1918 гг.). дис. ... канд. ист. наук. Омск: ОмГУ, 2005. – 240 с.

42. *Таирян И. А.* XI Красная армия в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Армении. Ереван: «Айастан», 1971. – 319 с.

43. *Тихонов А. В.* «Все... поименованные есть турецкоподданные, а потому и были задержаны» // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 5. – С. 68–70.

44. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. М.: Соцэкгиз, 1960. – 567 с.

45. *Фаизов С. Ф.* Письмо мусульман Нижнего Новгорода Исполкому всероссийского мусульманского совета о бедственном положении турецких пленных в нижегородском лагере // От Стамбула до Москвы. Сб. статей в честь столетия проф. А. Ф. Миллера. М.: Муравей, 2003. – С. 181–188.

46. *Хейфец А. Н.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на угнетенные народы Востока // Великий Октябрь и народы Востока. Сборник. Отв. ред. А. А. Губер. М.: Изд-во восточн. лит-ры, 1957. – С. 10–92.

47. *Черников И. Ф.* О некоторых материалах по истории советско-турецких отношений // Турция. История, экономика, политика. М.: Наука, 1984. – С. 124–135.

48. *Шаумян С.* Бакинская коммуна. Баку: Ист. парт. отдел ЦК и БК АКП (б), 1927. — 118 с.

49. *Шевелева О. В.* Применение труда военнопленных и беженцев в сельском хозяйстве в годы I мировой войны (по материалам Тульской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. — 2008. — Т. 6. — № 2. — С. 95–99.

50. *Широкорад А. Б.* Тысячелетняя битва за Царьград. М.: Вече, 2005. — 672 с.

51. *Широкорад А. Б.* Турция. Пять веков противостояния. М.: Вече, 2009. — 400 с.

52. *Щеров И. П.* Военная миграция в России (1914–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Смоленск: Смоленск. гос. пед. ун-т, 2001. — 512 с.

53. *Aslan Y.* Türkiye Komünist Fırkası'nın Kuruluşu ve Mustafa Suphi: Türkiye Komünistlerinin Rusya'da Teşkilâtlanması, 1918–1921. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1997. — 401 s.

54. *Carr E. H., Davies R. W.* A History of Soviet Russia: The Bolshevik revolution, 1917–1923. 3 V. V. 3. L.: Macmillan, 1964. — 624 p.

55. *Dinamo H. İ.* Kutsal İsyân: Milli Kurtuluş Savaşı'nın Gerçek Hikayesi. 5 Kitap. İstanbul: Tekin, 1986. — 608 s.

56. *Küçük Y.* Sırlar. İstanbul: İthaki, 2004. — 373 s.

57. *Kutlu C.* Dünya Savaşı'nda Rusya'daki Türk Esirleri // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. Cilt 17, Sayı 43 (2010). S. 319–328. URL: <http://e-dergi.atauni.edu.tr/index.php/taed/article/viewFile/2705/2690> (дата обращения 04.04.2014.)

58. *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2006. — 309 s.

59. *Perinçek M.* Birinci Dünya Savaşı'nda Türkiye Ermenilerinin Rus Ordularına Katılımına Dair Yeni Belgeler / Karadeniz – Блэк Си – Черное море. 2011. № 10. С. 9–50 // <http://www.ardahan.edu.tr/karadenizdergi/web/?did=225&dbaslik=Число10#arubaslik> (дата обращения: 10.05.2014).

60. *Rachamimov A.* POWs and the Great War: captivity on the Eastern front. N. — Y.: Berg Publishers, 2002. — 259 p.

61. *Roberts G. L.* Commissar and Mullah: Soviet-Muslim Policy from 1917 to 1924. Boca Raton: Universal-Publishers, 2007. — 208 p.

62. *Sayılgan A.* Solun 94 Yılı (1871–1965). Başlangıçtan Günümüze. Türkiyede Sosyalist-Komunist Hare Ketler. Ankara: Mars Matbaasi, 1968. — 512 s.

63. *Sönmez B.* Bakü Halkının 1915–1917 Sarıkamış Esirlerine Kardeş

Kömeği // Karadeniz – Блэк Си – Черное море. 2010 № 6. С. 9–23 // <http://www.ardahan.edu.tr/karadenizdergi/web/?did=229&dbaslik=Число6#arubaslik> (дата обращения: 10.01.2014).

64. *Tunçay M.* Türkiye’ de Sol Akımlar, 1908–1925. İkinci Basım. Ankara: Bilgi Yayınevi, 1967. – 218 s.

65. *Yanıkdağ Y.* Ill-fated sons of the nations: ottoman prisoners of war in Russia and Egypt, 1914–1922. dis... doc... of Phil... Ohio State University, 2002. – 249 p.

66. *Yanıkdağ Y.* Ottoman Prisoners of War in Russia, 1914–22 // Journal of Contemporary History. – 1999. – Vol. 34. – № 1. – P. 69–85.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Агдам г. – 246, 252.
Агуды с. – 249.
Азербайджан – 16, 219, 244–245, 252, 258–259.
Азов г. – 236.
Алатырь г. – 189–190.
Александрополь г. – 45, 88, 250, 266.
Ангелаут с. – 247–248, 251.
Ангехакот с. – см. Ангелаут
Армавир г. – 219.
Армения – 16, 28, 70, 198, 246, 250.
Артемовск г. – см. Бахмут
Архангельск г. – 53.
Астраханская губ. – 212.
Астрахань г. – 144, 216, 218, 244–245, 252–253.
Ачинск г. – 190.
Баку г. – 88, 101–102, 111, 142, 148, 159, 171, 173–174, 205, 216, 219, 223, 243–246, 249–250, 252, 259.
Барнаул г. – 260.
Батуми г. – 57, 216, 266–268.
Бахмут г. – 138.
Бахчисарай г. – 155.
Белгород г. – 133, 147.
Благовещенск г. – 100, 226.
Богучар г. – 142.
Большое Село с. – 105
Борисоглебск г. – 155, 180.
Бухара г. – 260.
Вагуды с. – 248–249, 251.
Вадинск с. – см. Керенск
Валуйки г. – 66, 128, 144, 147, 196.
Варнавин г. – 111, 118, 162.
Великомихайловка с. – 154.
Ветлуга г. – 144, 163.
Владикавказ г. – 70, 134.
Владимирская губ. – 129.
Волгоград г. – см. Царицын.
Вологодская губ. – 52, 60.
Воронеж г. – 118.
Воронежская губ. – 61, 63, 138, 142, 147, 161, 176.
Гаржис с. – см. Яйджи.
Герусы г. – 246, 248, 250–252.
Гомель г. – 228.
Горис с. – см. Герусы.
Гюмри г. – см. Александрополь.
Гянджа г. – см. Елизаветполь.
Дальний Восток – 28, 53, 188–189, 210, 217.
Дербент – 88.
Днепропетровск г. – см. Екатеринослав.
Донская обл. – 172, 220.
Евлах г. – 246.
Екатеринбургская губ. – 219.
Екатеринодар г. – 80, 174, 243–244.
Екатеринослав г. – 49, 59.
Елец г. – 143.
Елизаветполь г. – 88.
Енисейская губ. – 52.
Ереван г. – см. Эривань.
Житомир г. – 154, 228.
Забайкальская губ. – 52.

- Закаспийская обл. – 170–171.
Зангезур – 246, 250–252.
Зарайск г. – 167.
Иваново-Вознесенск г. – 117, 214.
Иркутск г. – 172–173, 229, 258.
Кавказ – 18, 21, 28, 30, 38, 45, 51, 53, 61–62, 69, 75–76, 85, 88, 90, 103, 110, 116, 133–134, 140, 145, 158, 160–161, 171, 186, 188, 195, 203, 207, 209–210, 212–213, 220, 226, 244, 259, 260.
Казанская губ. – 216.
Казань г. – 145, 148, 173, 218, 239–241, 258.
Калуга г. – 63, 118, 136, 228.
Калужская губ. – 58, 61, 62–63, 107, 136.
Кандалакша г. – 130.
Канск г. – 143.
Каракелисе (Каракилиса) с. – 247–249, 251.
Карская обл. – 57, 77, 81, 200–201.
Кемь г. – 130.
Керенск г. – 236.
Керчь г. – 65, 95, 176.
Киев г. – 140, 159, 216, 228, 231, 255.
Кирсанов г. – 106.
Кишинев г. – 228.
Козелец г. – 162.
Козлов г. – 147, 180.
Костромская губ. – 52.
Красноярск г. – 93, 111, 152, 169, 172–173, 207, 218.
Кропоткин г. – см. х. Романовский.
Крым – 50, 195, 220, 224, 226, 247, 260.
Кубанская обл. – 80, 112, 218, 244.
Курск г. – 116, 143, 147–148, 154.
Курская губ. – 64, 148, 176, 223.
Кустанай г. – 59.
Лебедянь г. – 95, 180.
Липецк г. – 72, 177–178.
Любим г. – 63, 172.
Майкоп г. – 218, 244.
Мариуполь г. – 59, 64, 78, 128, 132, 237.
Махачкала г. – см. Петровск.
Минеральные Воды г. – 88.
Мичуринск г. – см. Козлов.
Молога г. – 63.
Моршанск г. – 119, 149, 163, 167, 214.
Москва г. – 65–66, 119, 129, 136, 148–149, 160, 162, 181, 185, 206–207, 209, 216, 220, 226, 239, 247, 256, 258, 267.
Московская губ. – 162, 215.
Мышкин г. – 63, 147.
Нальчик г. – 244.
Нарген о. – 30, 101–103, 110–111, 116, 142, 144, 151, 159–160, 165, 174, 202, 205, 234.
Нерехта г. – 144, 234.
Нижедевицк с. – 176.
Нижний Новгород г. – 29, 67.
Николаев г. – 176.
Никольск г. – 60.
Никольск-Уссурийский г. – 28, 100, 196, 210.
Новороссийск г. – 119, 132, 176, 212, 219–220, 223, 266–268.
Новый Оскол г. – 233.
Обоянь г. – 230.

- Одесса г. – 47–48, 100, 171, 216–217, 228.
 Омск г. – 84, 92, 143, 172, 258.
 Оренбург г. – 144, 173.
 Оренбургская губ. – 219.
 Орловская губ. – 190.
 Орша г. – 212, 216.
 Острогожск г. – 148.
 Очаков г. – 176.
 Пенза г. – 69, 84, 91–92.
 Перемышль г. – 164.
 Петровск г. – 88, 192.
 Петроград г. – 78, 91, 93, 113, 117, 136, 205, 207–209, 212, 217, 229, 241, 258.
 Петроградская губ. – 143.
 Побединка с. – 138, 201.
 Поволжье – 64, 86, 220, 244.
 Подольская губ. – 64.
 Поти г. – 216.
 Пошехонье г. – 63, 195.
 Прибалтика – 53.
 Приморская обл. – 40, 86, 196, 201.
 Приморье – 58, 64–65, 93, 146, 216.
 Раздольное пос. – 100, 151, 201.
 Романов-Борисоглебск г. – 63, 136.
 Романовский х. – 244.
 Ростов Великий г. – 63.
 Ростов-на-Дону г. – 87, 92, 94, 218, 220, 244, 258.
 Рыбинск г. – 62, 105, 135.
 Рязск г. – 152.
 Рязанская губ. – 61, 63–64, 99, 138, 152, 157, 167, 216, 227–228, 235.
 Рязань г. – 49, 59–60, 112, 116, 118–119, 128, 136, 143, 148, 154, 172, 181, 228.
 Самара г. – 90, 92, 173, 217–218, 241, 258–259.
 Самарская губ. – 219, 221.
 Санкт-Петербург г. – см. Петроград.
 Саратов г. – 218, 258.
 Саратовская губ. – 64, 140, 212, 216, 219, 221.
 Севастополь г. – 49, 50, 60, 64–66, 78, 84, 95, 176, 202, 216, 224, 267.
 Семипалатинская губ. – 228.
 Сибирь – 31, 52–53, 64, 84, 92, 94, 97, 99, 115, 169, 171, 188–189, 210, 213, 215, 217–220, 224, 229, 240, 263.
 Симбирск г. – 241, 258.
 Симбирская губ. – 173, 228.
 Симферополь г. – 50, 216, 218.
 Сисаван г. – см. Каракелисе.
 Смоленск г. – 136.
 Спасское с. – 28, 40, 100, 201.
 Средняя Азия – 171, 259–260.
 Ставрополь г. – 51, 116, 244.
 Ставропольская губ. – 133, 231.
 Староюрьево с. – 166.
 Старый Оскол г. – 147–148, 154, 238.
 Стерлитамак г. – 217.
 Сухуми г. – 228.
 Сызрань г. – 239.
 Сюник – см. Зангезур.
 Таврическая губ. – 195.
 Таганрог г. – 176.
 Тамбов г. – 62–63, 65, 73, 155–156.
 Тамбовская губ. – 61–65, 71–72, 138, 157, 167, 193, 212, 228.
 Татев с. – 252.

- Ташкент г. – 218.
Тбилиси г. – см. Тифлис.
Тверская губ. – 228.
Тифлис г. – 30, 44–47, 55–56, 69, 81, 83–84, 87–89, 101, 115, 174, 197, 228, 237.
Тихорецк г. – 88.
Томск г. – 67, 145, 173, 196, 255.
Туапсе г. – 191, 219–220, 222–224, 266.
Тула г. – 138, 172.
Тургайская обл. – 59, 64.
Туркестан – 58, 217–218, 220, 254–255, 259–260.
Тутаев г. – см. Романов-Борисоглебск.
Украина – 16, 140, 216, 255.
Ульяновск г. – см. Симбирск.
Урал – 53, 64, 217, 220, 240, 244.
Уральск г. – 138, 168.
Уральская обл. – 60, 62–64, 139, 168.
Усмань г. – 136.
Уссурийск – см. Никольск-Уссурийский
Уфа г. – 60, 145, 173, 216–218, 254, 258.
Уфимская губ. – 59–60, 62, 64, 78, 216, 258.
Феодосия г. – 212.
Хабаровск г. – 28, 82, 100, 154, 184, 196, 199–200.
Харьков г. – 91, 165, 207, 238.
Херсон г. – 164, 176.
Холмогоры с. – 181.
Царицын г. – 157, 218.
Царицынская губ. – 219, 228.
Челябинск г. – 228, 263.
Черноморская губ. – 218, 237.
Чита г. – 173, 175.
Шеки г. – 248.
Шемаха г. – 148.
Шкотово – 28, 86, 100, 201.
Шукар с. – 248.
Шуша г. – 246.
Эривань г. – 159, 250.
Яйджи с. – 247–251.
Якутская обл. – 64.
Ялта г. – 84, 202.
Ярославль г. – 62–63, 80, 135, 138, 140.
Ярославская губ. – 60–64, 105–106, 135, 138–139, 193, 195, 228.

Виталий Витальевич Познахирев

**Турецкие военнопленные и гражданские пленные
в России в 1914–1924 гг.**

монография

*Текст настоящего издания
приводится в авторской редакции*

Оригинал-макет А. А. Крыласов
Дизайн обложки А. А. Крыласов

Подписано в печать 25.09.2014. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 18,25
Тираж 200 экз. Заказ № 4035

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)622-01-23

